ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ
НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ им. РИМАШЕВСКОЙ

к 90-летию Н. М. Римашевской

СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЗДОРОВЬЕ, ЗАНЯТОСТЬ, УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
V РИМАШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ
29 марта 2022 года

Москва
2022

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
им. Н. М. РИМАШЕВСКОЙ

К 90-ЛЕТИЮ Н.М. РИМАШЕВСКОЙ

СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЗДОРОВЬЕ, ЗАНЯТОСТЬ, УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

Материалы международной научно-практической конференции
V Римашевские чтения
Москва, 29 марта 2022 года

МОСКВА
2022

FEDERAL CENTER OF THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF SOCIO-ECONOMIC STUDIES OF POPULATION

To the 90th anniversary of N. M. Rimashevskaya

SAVING RUSSIAN POPULATION: HEALTH, EMPLOYMENT, STANDARDS AND QUALITY OF LIFE

Proceedings of the International Scientific and Practical Conference
V Rimashevskaya Readings
Moscow, 29 March 2022

MOSCOW
2022

УДК [314.06+314.14+314.17+314.18+316.442]
ББК 60.7
С23

Утверждено к печати Учёным советом ФНИСЦ РАН

Рецензенты:

д-р экон. наук, профессор В. И. Данилин, ЦЭМИ РАН
канд. экон. наук Е. В. Моргунов, ИСЭПН ФНИСЦ РАН

Редакционная коллегия:

д-р социол. наук В. В. Локосов
д-р экон. наук В. Г. Доброхлеб
канд. культурологии, доц. М. В. Беликова

С23 **Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни** : материалы международной научно-практической конференции V Римашевские чтения (Москва, 29 марта 2022 г.) / Отв. ред. В. В. Локосов, В. Г. Доброхлеб, М. В. Беликова; ФНИСЦ РАН. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. – 378 с.

ISBN 978-5-8969-7399-7
DOI
EDN

В сборнике материалов Международной научно-практической конференции V Римашевские чтения «Сбережение населения России: здоровье, занятость, уровень и качество жизни», состоявшейся 29 марта 2022 г. по инициативе Института социально-экономических проблем народонаселения им. Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН, представлены основные доклады и тезисы участников конференции. Авторы сборника – известные российские и зарубежные ученые, а также молодые исследователи, изучающие различные аспекты проблемы сбережения народа в целом и в условиях последствий пандемии COVID-19, в частности.

Материалы сборника представляют интерес для научных работников, государственных органов власти, преподавателей высших учебных заведений, аспирантов и студентов, изучающих проблемы экономического поведения, уровня и качества жизни населения, влияния институциональных условий на функционирование экономической и социальной сфер общества.

При цитировании ссылка на издание и правообладателей обязательна.

УДК [314.06+314.14+314.17+314.18+316.442]
ББК 60.7

ISBN 978-5-8969-7399-7

© Авторы, текст, 2022
© ФНИСЦ РАН, 2022

Approved for printing by the Scientific Council of the Federal Center of Theoretical and Practical Sociology of the Russian Academy of Sciences

Reviewers:

Doctor of Economics, Professor V. I. Danilin, CEMI RAS
Candidate of Economics E. V. Morgunov, ISESP FCTAS RAS

Editorial Board:

Doctor of Sociology V. V. Lokosov
Doctor of Economics V. G. Dobrokhleb
Candidate of Cultural Studies, Associate Professor M. V. Belikova

Saving Russian Population: Health, Employment, Standards and Quality of Life :
C23 Proceedings of the international scientific and practical conference V Rimashevskaya Readings (Moscow, 29 March 2022) / Executive editors V. V. Lokosov, V. G. Dobrokhleb, M. V. Belikova ; FCTAS RAS. – Moscow : FCTAS RAS, 2022. – 378 p.

ISBN 978-5-8969-7399-7
DOI
EDN

The collection *Saving Russian Population: Health, Employment, Standards and Quality of Life* contains proceedings of the international scientific and practical conference *V Rimashevskaya Readings* held on March 29, 2022 on the initiative of the Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISESP FCTAS RAS). It presents the main papers and theses of the conference participants. Among the authors of the collection are renowned Russian and foreign scholars, as well as young researchers studying different aspects of the problem of saving population on the whole and in the context of the pandemic consequences in particular.

The collection materials are of interest to scientific workers, state authorities, higher school lecturers, graduate students and students studying the problems of economic behavior, standards and quality of life of the population, impact of institutional conditions on functioning of the economic and social spheres of society.

When quoting, a reference to this edition and copyright holders is mandatory.

ISBN 978-5-8969-7399-7 © FCTAS RAS, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 15

Приветственное слово участникам конференции 19

I. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РОЖДАЕМОСТЬ, СМЕРТНОСТЬ, РАССЕЛЕНИЕ И МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ– ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ИХ ДЕТЕРМИНАНТЫ

Аганбегян А. Г. 21

О ВОССТАНОВЛЕНИИ СОХРАННОСТИ НАРОДА РОССИИ, ПОДОРВАННОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ПАНДЕМИЕЙ

Нигматулин Р. И. 40

ПАНДЕМИЙНЫЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС: УСЛОВИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Александрова О. А. 52

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КУДА ШЛО ВЧЕРА И ЧТО ДЕЛАТЬ ЗАВТРА

Афзали Мехди 56

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ИРАНА, ПРОБЛЕМЫ БРАЧНОСТИ И РОЖДАЕМОСТИ

Боброва А. Г. 60

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АВАРИИ НА ЧАЭС ДЛЯ БЕЛАРУСИ: 35 ЛЕТ СПУСТЯ

Ванькина И. Н. 65

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В 2010–2021 ГГ. ПО МУНИЦИПАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЯМ

Герасимова И. В. 69

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Ершова Г. Н. 72

РОЖДАЕМОСТЬ ТРЕТЬИХ ДЕТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (2000–2020 ГГ.)

Ибрагимова А. А. 76

КРИЗИС СМЕРТНОСТИ В РФ: УРОКИ ПРОШЛОГО И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ДИНАМИКИ

Крылова М. А., Якимов Ю. М. 80

ГОТОВНОСТЬ МИГРАНТОВ АДАПТИРОВАТЬСЯ К УСЛОВИЯМ ПРОЖИВАНИЯ В ПРИНИМАЮЩЕМ СОЦИУМЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Ноздрина Н. Н., Шнейдерман И. М. 83

ГОРОДСКАЯ СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ В РОССИИ (ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Попова А. И., Швецов К. В. 87

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Седлов А. П. 91

РЕИММИГРАЦИЯ КАК ИМПЕРАТИВ РЕФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Симагин Ю. А. 95

МАЛЫЕ ГОРОДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ РОССИИ В 2010–2020 ГОДАХ

Шевцова Т. В. 100

О ПРОБЛЕМАХ МИГРАЦИИ В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

II. ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ: ОБРАЗОВАНИЕ, ФИЗИЧЕСКОЕ, ПСИХИЧЕСКОЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ИХ ФАКТОРЫ

Акимова Ю. Н., Рассказова О. А., Бойко Д. Б. 104
ДЕТСКИЕ ДЕРЕВНИ SOS КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ

Алейник В. Э., Рассказова О. А. 108
КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Алексеева О. А. 113
ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО

Аликперова Н. В. 117
СПЕЦИФИКА ЛЕЧЕНИЯ И СОПРОВОЖДЕНИЯ ПАЦИЕНТОВ С ХРОНИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Будилова Е. В., Лагутин М. Б. 122
ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ СУБЪЕКТОВ РФ И ПОПУЛЯЦИОННОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ

Григорьева Н. С. 126
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ОБНОВЛЕННОГО ПОДХОДА К ЗДОРОВЬЮ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Дмитриева Ю. В. 131
ФЕНОМЕН ДОЛГОЖИТЕЛЬСТВА — ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Доброхлеб В. Г. 138
НАПРАВЛЕНИЯ ПОДДЕРЖКИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

Журавлёв Н. Ю. 140
СЕВЕР И АРКТИКА РОССИИ В ОСНОВНЫХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ

Захарова Л. Н., Маслова О. А. 145
ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ПЕРСОНАЛА КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Иванова А. Ю. 149
ФОРМИРОВАНИЕ ОСОЗНАННОГО ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ К ЗДОРОВЬЮ

Кужина Г. Ш. 153
ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ СОДЕРЖАНИЯ ТЯЖЕЛЫХ МЕТАЛЛОВ В ДОННЫХ ОТЛОЖЕНИЯХ Р. ЯНГЕЛЬКА (РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН)

Лазарева В. В. 158
ИССЛЕДОВАНИЕ НАРУШЕНИЙ ПРОЦЕССА ПЕРВИЧНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Назарова И. Б. 162
ПОТЕНЦИАЛ ЗДОРОВЬЯ: ОСНОВНЫЕ МАКРОПОКАЗАТЕЛИ

Панина Е. Д. 165
ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: ЗАДАЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Попова Л. А. 169
ОСОБЕННОСТИ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РАЗНЫХ РЕАЛЬНЫХ ПОКОЛЕНИЙ РОССИЯН

Попова Р. И., Токсанбаева М. С. 174
ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ
Русанова Н. Е. 180
РЕПРОДУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ: ИЗМЕНЕНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
Рюмина Е. В. 183
АНАЛИЗ УДЕЛЬНЫХ ОБЪЁМОВ ТВЁРДЫХ БЫТОВЫХ ОТХОДОВ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ
Федотов А. А. 188
ВЗАИМОСВЯЗЬ АЛКОГОЛИЗМА И НАРКОМАНИИ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
Шаров С. Ю. 191
СМЫСЛ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ СИСТЕМ

III. УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: ЧТО ПРОИСХОДИТ С ЗАНЯТОСТЬЮ, КАКИМИ ЯВЛЯЮТСЯ И КАКИМИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ЗАРПЛАТЫ, ПЕНСИИ, СОЦИАЛЬНЫЕ ТРАНСФЕРТЫ

Акимова Ю. Н., Рассказова О. А., Толчева Е. Г. 195
ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В DIGITAL-ИНДУСТРИИ
Алирзаев Э. А., Алирзаев А. Г. 199
ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА И УРОВНЯ ЖИЗНИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ
Винокуров Е. Ф., Винокурова Н. А. 203
ВЛИЯНИЕ ДИНАМИКИ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НА ОСНОВНЫЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ
Ермилова А. В., Кравцова Е. А. 207
ПРОБЛЕМЫ, ЗАТРУДНЯЮЩИЕ РЕАБИЛИТАЦИЮ ОСУЖДЕННЫХ, ИМЕЮЩИХ ИНВАЛИДНОСТЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
Ивашиненко Н. Н. 213
ПОИСК РЕСУРСОВ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ: ПАВЛОВО 10 ЛЕТ СПУСТЯ
Коленникова О. А. 219
ЗАНЯТОСТЬ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ НА УСЛОВИЯХ НЕПОЛНОГО РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ
Коржук С. В. 224
КАКОВЫ РИСКИ БЕДНОСТИ ДОМОХОЗЯЙСТВ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ?
Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. 229
МОНЕТАРНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ БЕДНОСТИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ
Калабихина И. Е., Кузнецова П. О. 234
ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РЕШЕНИЕ МОЛОДЫХ МАТЕРЕЙ О ВЫХОДЕ НА РАБОТУ
Куликова Т. Ю. 238
НАКОПИТЕЛЬНЫЕ ПЕНСИИ В УСЛОВИЯХ УЖЕСТОЧЕНИЯ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ В МИРЕ
Мигранова Л. А. 242
ОЦЕНКИ УРОВНЯ БЕДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РФ В 2021 ГОДУ

Одинцова Е. В. 247
НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ЗАНЯТОСТИ И МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ РОССИЙСКИХ РАБОТНИКОВ: МАСШТАБЫ И ОСОБЕННОСТИ В РАЗНЫХ СЕКТОРАХ ЗАНЯТОСТИ
Рушева А. В., Бекарев А.М. 251
УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЕМ В КОНТЕКСТЕ ГЛОКАЛИЗАЦИИ
Трапезникова А. М. 255
ОБЗОР ИЗМЕНЕНИЙ В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2022 ГОДУ
Тихомирова В. В. 259
РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ: ВНУТРЕННИЙ РЫНОК УСЛУГ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ
Стыров М. М., Захариев Р.Л. 263
ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ КОНКУРЕНЦИИ НА СИТУАЦИЮ С БЕДНОСТЬЮ В РОССИИ
Фадеева Н. Л., Сачук Д.И. 267
РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ БЕДНОСТИ СЕМЬЯМИ С ДЕТЬМИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)
Черных Е. А. 272
ИНТЕНСИВНОЕ МАТЕРИНСТВО И УДАЛЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ ЖЕНЩИН — КАК СОВМЕСТИТЬ НЕСОВМЕСТИМОЕ?
IV. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ: ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ, ЖИЛИЩНАЯ ОБЕСПЕЧЕННОСТЬ, ДОСТУПНОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ, ВОЗМОЖНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ, ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
Беликова М. В. 276
СБЕРЕЖЕНИЕ МУЖСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛЕЙ МУЖЕСТВЕННОСТИ
Бобков В. Н., Вершинина М.А., Бобков Н.В. 281
К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ИДЕНТИФИКАЦИИ КАТЕГОРИЙ «КАЧЕСТВО ЖИЗНИ» И «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ» НАСЕЛЕНИЯ
Дронов В. Н., Махрова О.Н. 285
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
Ишназарова З. М. 290
СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА
Калабихина И. Е., Ребрей С.М. 294
НАУЧНЫЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ВКЛАД Н.М. РИМАШЕВСКОЙ В РАЗВИТИЕ ГЕНДЕРНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Карцева М. А., Пересецкий А.А. 298
ЖЕНЩИНЫ СЭНДВИЧ-ПОКОЛЕНИЯ В РОССИИ: САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, ЗДОРОВЬЕ, УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ
Леонидова Г. В. 304
ИННОВАЦИИ В ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЯ
Сачук Д. И., Чухарева А.Г. 308
ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ГЛАЗАМИ НАСЕЛЕНИЯ СЕГЕЖСКОГО ГОРОДСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Скворцова Е. Е. 312
ПЯТЬ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ В 2010–2020 ГОДАХ: ДИНАМИКА И ОЦЕНКА
Хоткина З. А. 318
КОМУ НУЖНО ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В РОССИИ?
Ярашева А. В. 322
ИПОТЕЧНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ

V. НАРОДОНАСЕЛЕНИЕ И ПАНДЕМИЯ COVID-19: ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РЕШЕНИЙ

Блинова Т. В., Вяльшина А. А. 327
РЕПРОДУКТИВНЫЕ НАМЕРЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19
Власова Н. В. 332
ЗДОРОВЬЕ И ВАКЦИНАЦИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
Ефанова О. А., Писклакова-Паркер М. П. 336
ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
Зырянова М. А. 341
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ СЗФО В УСЛОВИЯХ УХУДШЕНИЯ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
Иудин А. А., Шпилев Д. А., Ротанова М. Б. 345
РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ПАНДЕМИИ КОВИД-19
Красинец Е. С. 350
О РАЗВИТИИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ В РЕАЛИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19
Ляликова С. В. 354
ЦЕННОСТЬ ЗДОРОВЬЯ И ПРАКТИКИ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ
Медведева Е. И., Крошилин С. В. 358
ГРЕБНЕВАЯ МОДЕЛЬ ВОЗРАСТНЫХ КОГОРТ И РОССИЙСКАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В ПАНДЕМИЮ
Муртазалиева Д. Д. 364
КАК ИЗМЕНИЛСЯ РЫНОК ТРУДА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19
Овсянников А. А. 368
КРИЗИС ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ПАНДЕМИИ: УРОКИ РИМАШЕВСКОЙ
Разов П. В., Аликперова Н. В. 372
ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА ИНВЕСТИЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

CONTENTS

Foreword 17

Welcoming address to the participants of the conference 20

I. DEMOGRAPHIC INDICATORS OF MODERN RUSSIA: FERTILITY, MORTALITY, SETTLEMENT AND MIGRATION OF THE POPULATION — MAIN TRENDS AND THEIR DETERMINANTS

Aganbegian A. G. 21

ON RESTORATION OF THE RUSSIAN PEOPLE'S SAFETY UNDERMINED BY THE CORONAVIRUS PANDEMIC

Nigmatulin R. I. 40

PANDEMIC AND DEMOGRAPHIC CRISIS: CONDITIONS FOR OVERCOMING

Aleksandrova O. A. 52

WELFARE STATE IN MODERN RUSSIA: WHERE IT WENT YESTERDAY AND WHAT TO DO TOMORROW

Afzaly Mekhdy 56

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ИРАНА, ПРОБЛЕМЫ БРАКА И РОЖДАЕМОСТИ

Bobrova A. G. 60

DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES OF THE CHERNOBYL ACCIDENT FOR BELARUS: 35 YEARS LATER

Van'kina I. N. 65

POPULATION DYNAMICS IN RUSSIA IN 2010–2021 BY MUNICIPALITIES

Gerasimova I. V. 69

POPULATION MIGRATION AND HUMAN CAPITAL

Yershova G. N. 72

BIRTH RATE OF THIRD CHILDREN IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN AS A RESULT OF THE DEMOGRAPHIC POLICY (2000–2020)

Ibragimova A. A. 76

THE MORTALITY CRISIS IN THE RUSSIAN FEDERATION: LESSONS FROM THE PAST AND FEATURES OF THE CURRENT DYNAMICS

Krylova M. A., Yakimov Yu. M. 80

WILLINGNESS OF MIGRANTS TO ADAPT TO LIVING CONDITIONS IN THE HOST SOCIETY AS A SOCIAL PROBLEM OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Nozdrina N. N., Schneiderman I.M. 83

URBAN SETTLEMENT SYSTEM IN RUSSIA (TERRITORIAL ASPECT)

Popova A. I., Shvetsov K.V. 87

ANALYSIS OF THE DEMOGRAPHIC STATE OF THE POPULATION OF ST. PETERSBURG

Sedlov A. P. 91

RE-IMMIGRATION AS AN IMPERATIVE OF REFORMING THE LABOR MARKET OF FOREIGN LABOR

Simagin Yu. A. 95

SMALL URBAN SETTLEMENTS OF RUSSIA IN 2010–2020

Shevtsova T. V. 100

ON THE ISSUES OF MIGRATION IN THE DEVELOPMENT STRATEGY OF THE RUSSIAN FAR EAST

II. HUMAN POTENTIAL OF RUSSIA: EDUCATION, PHYSICAL, MENTAL AND SOCIAL HEALTH OF THE POPULATION AND FACTORS DETERMINING THEM

Akimova Yu. N, Rasskazova O.A., Boyko D.B. 104
SOS CHILDREN'S VILLAGES AS A FACTOR IN THE EFFECTIVE SOCIALIZATION OF ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

Aleinik V.E. Rasskazova O.A. 108
CORPORATE CULTURE AS A FACTOR IN ENHANCING ORGANIZATIONAL EFFECTIVENESS

Alekseeva O. A. 113
INVOLVEMENT OF OLDER PEOPLE IN THE INTERNET SPACE

Alikperova N. V. 117
SPECIFICS OF TREATMENT AND MAINTENANCE OF PATIENTS WITH CHRONIC DISEASES

Budilova E. V., Lagutin M.B. 122
INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY OF THE RUSSIAN FEDERATION SUBJECTS AND POPULATION HEALTH

Grigorieva N. S. 126
HUMAN CAPITAL: THE NEED TO FORM AN UPDATED APPROACH TO HEALTH IN MODERN REALITY

Dmitrieva Yu. V. 131
PHENOMENON OF LONGEVITY — FEATURES OF THE STUDY

Dobrokhleb V. G. 138
AREAS OF SUPPORT FOR THE OLDER GENERATION OF RUSSIA IN THE FACE OF NEW ECONOMIC SANCTIONS

Zhuravlev N. Yu. 140
THE NORTH AND THE ARCTIC OF RUSSIA IN THE MAIN REGULATORY LEGAL ACTS

Zakharova L. N., Maslova O.A. 145
ORGANIZATIONAL RESILIENCE OF PERSONNEL AS A FEATURE OF HUMAN CAPITAL

Ivanova A. Yu. 149
FORMATION OF A CONSCIOUS ATTITUDE OF STUDENTS TO HEALTH

Kuzhina G. Sh. 153
SPATIAL VARIABILITY OF HEAVY METAL CONTENT IN THE BOTTOM SEDIMENTS OF THE RIVER YANGELKA (REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

Lazareva V. V. 158
STUDY OF DISTURBANCES IN THE PROCESS OF PRIMARY SOCIALIZATION ON THE EXAMPLE OF MODERN YOUTH

Nazarova I. B. 162
HEALTH POTENTIAL: KEY MACRO INDICATORS

Panina E. D. 165
IMPROVING THE FINANCIAL LITERACY OF THE POPULATION: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Popova L. A. 169
FEATURES OF SELF-PRESERVATION BEHAVIOR IN DIFFERENT REAL GENERATIONS OF RUSSIANS

Popova R. I., Toksanbaeva M.S. 174
FACTORS OF CHANGES IN THE ECONOMIC ACTIVITY OF THE ABLE-BODIED POPULATION

Rusanova N. E. 180
REPRODUCTIVE POTENTIAL OF THE POPULATION: CHANGES UNDER THE IMPACT OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES
Ryumina E. V. 183
ANALYSIS OF SOLID HOUSEHOLD WASTE PER PERSON IN RUSSIAN REGIONS
Fedotov A. A. 188
THE RELATIONSHIP OF ALCOHOLISM AND DRUG ADDICTION WITH INDICATORS OF HUMAN POTENTIAL
Sharov S. Yu. 191
WORTH OF POLYCENTICITY IN SPATIAL DEVELOPMENT OF CITY SYSTEMS

III. POPULATION LIVING STANDARDS: WHAT IS GOING ON WITH EMPLOYMENT, WHAT ARE AND WHAT SHOULD BE WAGES, PENSIONS, SOCIAL TRANSFERS

Akimova Yu. N., Rasskazova O.A., Tolcheva E.G. 195
FEATURES OF HR MANAGEMENT IN THE DIGITAL INDUSTRY
Alirzayev E. A., Alirzayev A.G. 199
ASSESSMENT OF THE DEVELOPMENT OF SOCIAL POTENTIAL AND LIVING STANDARDS OF THE REGIONAL ECONOMY
Vinokurov E. F., Vinokurova N.A. 203
IMPACT OF WAGE DYNAMICS ON THE MAIN MACROECONOMIC INDICATORS
Yermilova A. V., Kravtsova E.A. 207
PROBLEMS HINDERING THE REHABILITATION OF CONVICTS WITH DISABILITIES: A SOCIOLOGICAL ASPECT
Ivashinenko N. N. 213
SEARCH FOR LOCAL LEVEL RESOURCES TO OVERCOME POVERTY: PAVLOVO 10 YEARS LATER
Kolennikova O. A. 219
EMPLOYMENT OF PEOPLE WITH DISABILITIES ON A PART-TIME BASIS
Korzhuk S. V. 224
WHAT ARE THE RISKS OF POVERTY FOR HOUSEHOLDS OF PEOPLE WITH DISABILITIES?
Korchagina I. I., Prokofieva L.M. 229
MONETARY AND SUBJECTIVE POVERTY OF FAMILIES WITH CHILDREN
Kalabikhina I. E., Kyznetsova P.O. 234
WHAT INFLUENCES THE RETURN OF YOUNG MOTHERS TO THE LABOR MARKET
Kulikova T. Yu. 238
FUNDED PENSIONS UNDER THE CONDITIONS OF MONETARY TIGHTENING THROUGHOUT THE WORLD
Migranova L. A. 241
ESTIMATIONS OF THE POVERTY RATE OF THE RUSSIAN POPULATION IN 2021
Odintsova E. V. 248
PRECARITY OF EMPLOYMENT AND INSTABILITY OF FINANCIAL SITUATION OF HOUSEHOLDS OF RUSSIAN WORKERS: THE SCALE AND FEATURES IN DIFFERENT EMPLOYMENT SECTORS
Rusheva A. V., Bekarev A.M. 251
ENTERPRISE MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF GLOCALIZATION

Trapeznikova A. M. 255
REVIEW OF CHANGES IN THE LABOR LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 2022
Tikhomorova V. V. 259
REAL SECTOR OF THE ECONOMY: DOMESTIC SERVICE MARKET IN THE KOMI REPUBLIC
Styrov M. M., Zakhariev R.L. 263
IMPACT OF COMPETITION IDEAS ON THE POVERTY SITUATION IN RUSSIA
Fadeeva N. L., Sachuk D.I. 267
REGIONAL ASPECTS OF THE PERCEPTION OF POVERTY BY FAMILIES WITH CHILDREN (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KARELIA)
Chernykh E. A. 272
INTENSIVE MOTHERHOOD AND REMOTE FEMALE EMPLOYMENT — HOW TO COMBINE THE INCOMPATIBLE?

IV. POPULATION QUALITY OF LIFE: ENVIRONMENTAL AND FOOD SECURITY, HOUSING PROVISION, AVAILABILITY OF SOCIAL SERVICES, OPPORTUNITIES FOR PROFESSIONAL SELF-REALIZATION, GENDER ISSUES

Belikova M. V. 276
PRESERVATION OF RUSSIA'S MALE POPULATION IN THE CONTEXT OF TRANSFORMING MASCULINITY MODELS
Bobkov V. N., Vershinina M.A., Bobkov N.V. 281
ON THE ISSUE OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR IDENTIFYING THE CATEGORIES «QUALITY OF LIFE» AND «STANDARD OF LIVING» OF POPULATION
Dronov V. N., Makhrova O.N. 285
REGIONAL ASPECT OF ACHIEVING SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS
Ishnazarova Z. M. 290
SOCIAL FACTORS OF THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY
Kalabikhina I. E., Rebrey S.M. 294
SCIENTIFIC AND INSTITUTIONAL CONTRIBUTION OF N.M. RIMASHEVSKAYA TO GENDER ECONOMIC RESEARCH
Kartseva M. A., Peresetsky A.A. 298
SANDWICH-GENERATION WOMEN IN RUSSIA: SELF-PRESERVATION BEHAVIOR, HEALTH, LIFE SATISFACTION
Leonidova G. V. 304
INNOVATIONS IN THE WORK OF A TEACHER
Sachuk D. I, Chukhareva A.G. 308
ASSESSMENT OF THE QUALITY OF LIFE THROUGH THE EYES OF THE RESIDENTS OF SEGEZHA URBAN SETTLEMENT
Skvortsova E. E. 312
FIVE FACTORS OF THE INFORMATION SOCIETY DEVELOPMENT IN RUSSIA IN 2010–2020: DYNAMICS AND ASSESSMENT
Khotkina Z. A. 318
WHO NEEDS GENDER EQUALITY IN RUSSIA?
Yarasheva A. V. 322
MORTGAGE LENDING: OPPORTUNITIES AND RISKS FOR POPULATION

V. POPULATION AND THE COVID-19 PANDEMIC: PROBLEMS AND THE WAYS TO SOLUTION

Blinova T. V., Vyalshina A. A. 327

REPRODUCTIVE INTENTIONS OF STUDENT YOUTH DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Vlasova N. V. 332

HEALTH AND VACCINATION IN THE VIEWS OF RESIDENTS OF ULYANOVSK OBLAST: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Yefanova O. A., Pisklakova-Parker M. P. 336

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON GENDER RELATIONS

Zyryanova M. A. 341

DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF THE REGIONS OF THE NORTH WEST FEDERAL DISTRICT UNDER THE CONDITIONS OF WORSENING EPIDEMIOLOGICAL SITUATION

Iudin A. A., Shpilev D. A., Rotanova M. B. 344

RUSSIAN YOUTH IN THE COVID-19 PANDEMIC

Krasinets E. S. 350

ON THE DEVELOPMENT OF LABOR MIGRATION IN RUSSIA IN THE REALITIES OF THE COVID-19 PANDEMIC

Lyalikova S. V. 354

THE VALUE OF HEALTH AND THE PRACTICE OF SELF-PRESERVATION BEHAVIOR DURING THE PANDEMIC

Medvedeva E. I., Kroshilin S. V. 358

THE RIDGE MODEL OF AGE COHORTS AND THE RUSSIAN EDUCATION SYSTEM IN THE PANDEMIC

Murtazalieva D. D. 364

HOW THE LABOR MARKET IN THE NORTH CAUCASUS HAS CHANGED DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Ovsyannikov A. A. 368

THE CRISIS OF CONSUMER SOCIETY IN THE ERA OF A GLOBAL PANDEMIC: RIMASHEVSKAYA'S LESSONS

Razov P. V., Alikperova N. V. 372

FACTORS INFLUENCING THE INVESTMENT BEHAVIOR OF POPULATION

ПРЕДИСЛОВИЕ

90 лет назад в конце первого весеннего месяца родилась Наталья Михайловна Римашевская – создатель современной российской социо-демографической научной школы, член-корреспондент РАН, организатор Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук (в настоящее время – Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН). 29 марта 2022 года в созданном Натальей Михайловной институте была проведена V Международная научно-практическая конференция РИМАШЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ «СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЗДОРОВЬЕ, ЗАНЯТОСТЬ, УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ», посвященная этой дате и памяти большого учёного, заслуженного деятеля науки – Н. М. Римашевской.

В конференции приняли участие более ста известных ученых и начинающих исследователей из России, Беларуси, Азербайджана и других стран. Они представляли ведущие научные организации и университеты РФ и зарубежных научных центров, в числе которых 9 институтов РАН (Институт социально-экономических проблем народонаселения им. Н. М. Римашевской Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Институт экономики РАН, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, Центральный экономико-математический институт Российской академии наук, Математический институт им. В. А. Стеклова РАН, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Научного центра Уральского отделения РАН, Вологодский научный центр Российской академии наук, Институт аграрных проблем, Саратовского научного центра Российской академии наук); 7 известных исследовательских центров, том числе Институт экономики НАН Беларуси Центр человеческого развития и демографии и Азербайджанский Государственный Экономический Университет (UNEC); 13 ведущих университетов России (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации, Финансовый университет при Правительстве РФ, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Самарский государственный медицинский университет, Петрозаводский Государственный Университет, Ульяновский государственный

университет, Рязанский государственный медицинский университет, Сибайский институт (филиал) Башкирского государственного университета). Такое широкое представительство различных организаций позволило показать целый спектр проблем и направлений решений в сфере демографии, экономики народонаселения, рынка труда и других научных направлений.

В настоящем издании материалы представлены в рамках 5 глав:

I. Демографические показатели современной России: рождаемость, смертность, расселение и миграция населения – основные тенденции и их детерминанты

II. Человеческий потенциал России: образование, физическое, психическое и социальное здоровье населения и определяющие их факторы

III. Уровень жизни населения: что происходит с занятостью, какими являются и какими должны быть зарплаты, пенсии, социальные трансферты

IV. Качество жизни населения: экологическая и продовольственная безопасность, жилищная обеспеченность, доступность социальных услуг, возможности профессиональной самореализации, гендерные проблемы

V. Народонаселение и пандемия COVID-19: проблемы и направления решений.

Парадигмальной основой представленных материалов является поиск путей перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, неразрывно связанных с развитием инновационной экономики, важным условием функционирования которой является высокое качество человеческого потенциала, повышение уровня жизни населения, развитие образования и науки. В условиях обостряющихся современных геополитических вызовов сбережение народа становится наиболее важной проблемой, основой ответа на внутренние и внешние вызовы. Примером в этом для нас является деятельность Н. М. Римашевской, как очень правильно отметил участник 5 Римашевских чтений, один из ее учеников – профессор, доктор экономических наук А. А. Овсянников: «Вся жизнь Натальи Михайловны – это стремление доказать, что «богатства» народа и государства не измеряются объёмами произведённого ВВП. Богатство нации – это люди. Их трудолюбие, образованность и здоровье. Их уверенность и надежды. Их дети и достойная жизнь пенсионеров. Счастье материнства и гордость отцовства».

Мы, как организаторы конференции, признательны всем ее участникам и надеемся, что представленные материалы будут полезны не только для научных сотрудников, но также для представителей власти, бизнеса и широкого круга читателей, которым интересны сегодняшние проблемы социально-демографического развития.

В. Г. Доброхлеб
доктор экономических наук, профессор,
и. о. заведующего лабораторией гендерных проблем
ИСЭПН ФНИСЦ РАН и ИДИ ФНИСЦ РАН

FOREWORD

90 years ago in the first spring month was born Natalia Mikhailovna Rimashevskaya – founder of modern Russian socio-demographic scientific school, RAS Corresponding Member, organizer of the Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences (at present ISESP FCTAS RAS). On March 29, 2022 at the institute created by Natalia Mikhailovna was held the international scientific and practical conference *V Rimashevskaya Readings* **Saving Russian Population: Health, Employment, Standards and Quality of Life** dedicated to this date and the memory of a great scholar, Honored Science Worker – N. M. Rimashevskaya.

The conference was attended by over 100 well known scholars and novice researchers from Russia, Belarus, Azerbaijan and other countries. They represented leading scientific organizations and universities from the Russian Federation and foreign scientific centers, among them – 9 RAS institutes (Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North of the Komi Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Steklov Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences, Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North of the Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Institute of Agrarian Problems of the Saratov Research Center of the Russian Academy of Sciences); 7 known foreign research centers, among them: Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Azerbaijan State University of Economics (UNEC); 15 leading universities of Russia: Lomonosov Moscow State University, Moscow State Institute of International Relations of the RF Ministry of Foreign Affairs (MGIMO University), Financial University under the Government of the Russian Federation, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg State University of Economics, National Research University Higher School of Economics, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Samara State Medical University, Petrozavodsk State University, Ulyanovsk State University, Ryazan State Medical University, Sibai Institute of the Bashkir State University. Such a wide representation of different organizations allows showing a whole range of problems and directions in the sphere of demography, population economics, labor market and other research spheres.

The present collection consists of 5 Chapters:

I. Demographic indicators of modern Russia: fertility, mortality, settlement and migration of the population – main trends and their determinants

II. Human potential of Russia: education, physical, mental and social health of the population and factors determining them

III. Population living standards: what is going on with employment, what are and what should be wages, pensions, social transfers

IV. Population quality of life: environmental and food security, housing provision, availability of social services, opportunities for professional self-realization, gender issues

V. Population and the COVID-19 pandemic: problems and the ways to their solution

The paradigm basis of the presented materials is a search for the ways to transition from the industrial to post-industrial society that is inextricably linked with development of innovative economy, an important precondition for the functioning of which is high quality of human potential, raising living standards of the population, development of education and science. Under the conditions of the escalating current geopolitical challenges, saving population becomes the most essential problem, the basic response to internal and external challenges. The activity of N.M. Rimashevskaya is an example of this for us, as was very correctly noted by participant of the *Fifth Rimashevskaya Readings*, one of her disciples - Professor, Doctor of Economics A.A. Ovsyannikov: “The whole life of Natalia Mikhailovna is striving to prove that “the wealth” of people and State is not measured by the volume of GDP produced. The wealth of nation is people. Their diligence, education and health. Their confidence and hopes. Their children and decent life of pensioners. Happiness of motherhood and pride of fatherhood”.

We, the organizers of the conference are grateful to all its participants and hope that the presented materials will be useful not only for scientific workers, but also for government bodies, business and a wide range of readers who are interested in the current problems of the socio-demographic development.

V. G. Dobrokhleb
Doctor of Economics, Professor,
Acting Head of the Laboratory for Gender Studies,
ISESP FCTAS RAS and
IDR FCTAS RAS

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

В пятый раз мы, вместе с нашими коллегами, проводим ставшие традиционными ежегодные Римашевские чтения и стараемся приурочить их проведение ко дню рождения Натальи Михайловны. Знаменательно, что именно сегодня ей исполнилось бы 90 лет. Наш институт чтит своего основателя – в этом году монографии института будут издаваться с указанием этой юбилейной даты. Также мы планируем посвятить номер журнала «Народонаселение» научной социодемографической школе Н. М. Римашевской. И я рад сообщить участникам конференции, что инициатива Ученого Совета присвоить институту ее имя, была поддержана Ученым Советом ФНИСЦ РАН, несколько дней назад она получила юридическое утверждение от Министерства науки и высшего образования, и отныне институт официально называется Институтом социально-экономических проблем народонаселения им. Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН. Это дань памяти Наталье Михайловне и дополнительная мотивация на эффективную научную деятельность.

На протяжении десятилетий теоретико-методологической основой научной деятельности института служило положение о ведущей роли в развитии общества человеческого потенциала. Он понимается в широком смысле – как совокупность демографического, трудового, социокультурного и иных потенциалов, и его неверно ограничивать человеческим капиталом, тем более, сводить к нему. Человеческий потенциал определяется способностями, возможностями и мотивацией деятельности. И одна из главных целей социальных наук заключается в разработке технологий накопления и реализации человеческого потенциала. Переход от естественно-исторической парадигмы к социально-исторической (когда знание социальных наук включается в систему управления обществом), смещение доминанты общественного развития с экономической сферы в социально-экономическую и далее в социокультурную принимаются нами как закономерные явления.

Приоритетные направления научной деятельности института, которые были заложены в его Устав в 1988 году, сохранены и продолжают разрабатываться. За прошедшие более чем 30 лет актуальность этих направлений, тематики социо-демографической научной школы Н. М. Римашевской, отраженные в названии данной конференции, повысилась. Многолетнее реформирование социально-экономической сферы, многократная ее оптимизация пока привели к скромным результатам: ни одна из коренных проблем расширенного воспроизводства здорового населения, его достойного социального благополучия не решена. Возможно, внешние и внутренние изменения жизнедеятельности российского общества, которые происходят в настоящее время, станут фактором, помогающим решить эти проблемы.

ИСЭПН ФНИСЦ РАН благодарит всех участников Чтений за их активную поддержку. Уверен, что проведение V Римашевских чтений будет научно плодотворным и практически полезным. Материалы данной конференции, как обычно, предполагается опубликовать.

В. В. Локосов
член-корреспондент РАН, доктор социологических наук., профессор,
Директор Института социально-экономических
проблем народонаселения им. Н. М. Римашевской ФНИСЦ РАН

WELCOMING ADDRESS TO THE PARTICIPANTS OF THE CONFERENCE

For the fifth time we are holding together with our colleagues *Rimashevskaya Readings* that have already become traditional and annual, and try to coincide them with Natalia Mikhailovna's birthday.

It is significant that today it would have been her 90th birthday. Our institute honors its founder – this year the institute's monographs will be published with indication of this jubilee date. We also plan to dedicate an issue of the journal *Population* to Rimashevskaya's scientific socio-demographic school. And I am glad to inform the conference participants that the initiative of the Scientific Council to assign her name to the institute has been supported by the Scientific Council of the FCTAS RAS. Several days ago it received legal approval of the Ministry of Science and Education, and from now on the institute is officially called Rimashevskaya Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS. This is a tribute to the memory of Natalia Mikhailovna and an additional motivation for effective scientific activity.

For many decades the theoretico-methodological basis of the scientific activity of the Institute was the idea about the leading role of human potential in development of society. Human potential is interpreted in a broad sense – as a set of demographic, labor, sociocultural and other potentials, and it is not correct to limit it to human capital, especially to reduce to it. Human potential is determined by abilities, opportunities and activity motivations. Among the main objectives of social studies is development of the technologies for accumulation and implementation of human potential. The transition from the natural-historic paradigm to a social-historic (when knowing social sciences is included in the system of society management), the shift of the social development dominant from the economic sphere to socio-economic and further to socio-cultural are accepted by us as natural phenomena.

The priority directions of the institute's research activity that were laid down in the Statute of the Institute in 1988 are preserved and continue to be developed. For the past more than 30 years the relevance of these directions, the themes of the socio-demographic scientific school by N.M Rimashevskaya now reflected in the title of the present conference, has increased. The long-term reformation of the socio-economic sphere, its multiple optimization, have so far led to modest results: none of the root problems of expanded reproduction of healthy population, people's decent social well-being has not been solved. Perhaps the external and internal changes in the life of the Russian society that are currently taking place will become a factor helping to solve these problems.

Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS is thankful to all participants in the Readings for their active support. I am sure that these Rimashevskaya Readings will be scientifically fruitful and practically useful. The conference proceedings are supposed to be published as usual.

V. V. Lokosov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Sociology, Professor,
Director of the Institute of Socio-Economic Studies of Population of the FCTAS RAS

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.1 **EDN**

О ВОССТАНОВЛЕНИИ СОХРАННОСТИ НАРОДА РОССИИ, ПОДОРВАННОЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ПАНДЕМИЕЙ

Аганбегян А. Г.
академик РАН, д-р экон. наук, профессор,
заведующий кафедрой экономической теории и политики,
ВШКУ РАНХиГС,
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы ускорения депопуляции народа России, в том числе связанные с потерями от короновирусной инфекции, которая начала массово распространяться с февраля 2020 года и пережила уже пять волн. За последние 15 лет до начала коронавирусной пандемии ежегодная смертность в России в среднем снижалась, но с 2020 года она стала увеличиваться. Автор систематизирует причины смертности и дополнительной смертности населения за последние три года, называя среди них: плохое финансирование и организацию здравоохранения в России; слабо продуманную и малоэффективную оптимизацию этой организации накануне пандемии; отставание отечественной фармацевтики и отсутствие производственных мощностей в этой сфере; ослабленное здоровье россиян; неразвитость сферы современной медицинской реабилитации. Сокращение населения будет иметь место в течение ближайшего десятилетия, восстановление численности российского населения до 146 млн человек возможно лишь к 2035 году. Высокая смертность, инвалидность и утраченное здоровье становится причиной больших экономических потерь. В свою очередь, продолжительность жизни российского населения и другие демографические показатели зависят от социально-экономического развития. Восстановление сохранности населения в значительной степени связано с изменением социальной политики, направленной на повышение благосостояния и качества здоровья населения – на сбережение народа в целом.

Ключевые слова: демография, сохранность населения, депопуляция народа, коронавирусная пандемия, смертность, дополнительная смертность, стандартизированная смертность, естественный прирост населения, качество здоровья населения, продолжительность жизни, здоровье нации

ON RESTORATION OF THE RUSSIAN PEOPLE'S SAFETY UNDERMINED BY THE CORONAVIRUS PANDEMIC

Aganbegian A. G.
RAS Academician, Doctor of Economics, Professor,
Head of the Department of Economic Theory and Policy,
RANEPA,
Moscow, Russia

Abstract. This article considers the problems of accelerating depopulation of the people of Russia, including those related to losses from coronavirus infection, which began to spread en masse in February

2020 and has already experienced five waves. Over the past 15 years before the coronavirus pandemic, annual mortality in Russia was declining on average, but since 2020 it has begun to increase. The author systematizes the causes of mortality and excess mortality over the past three years, naming among them: poor financing and organization of health care in Russia; poorly thought-out and inefficient optimization of this organization on the eve of the pandemic; backwardness of the domestic pharmaceuticals and lack of production capacity in this area; weakened health of Russians; underdevelopment of the present medical rehabilitation sphere. The study conducted on the basis of the Federal State Statistics Service data leads to a disappointing conclusion that the population reduction will take place within the next decade and only by 2035 the Russian population will recover to 146 million people. High mortality, disability and loss of health are causing great economic losses. In turn, life expectancy and other demographic indicators of the Russian population depend on socio-economic development. Restoration of the population preservation is largely related to changes in the social policy aimed at improving the well-being and quality of health of the population - at saving the nation as a whole.

Key words: demography, population preservation, depopulation, coronavirus pandemic, mortality, excess mortality, standardized mortality, natural population increase, population health quality, life expectancy, nation's health

С момента объявления коронавирусной пандемии в феврале 2020 года Россия пережила пять волн вирусной инфекции (*рис. 1*).

Рис. 1. Коронавирусная пандемия в России – пять волн месячной заражённости в 2020–2021 годах и в начале 2022 года (тыс. чел.).
Источник: составлено автором.

По официальным данным оперативного штаба самая высокая ежедневная смертность наблюдалась в ноябре-декабре 2021 года – более 1200 человек в день. В последующие месяцы показатели заражённости и смертности снижались, и к концу марта 2022 года официальная статистика предоставила данные по смертности – немногим более 300 человек в день. Специалисты не исключают будущей шестой волны коронавируса, прогнозируя при этом, что если она и будет, то относительно невысокой.

Однако представленные в графике официальные данные, ежедневно поступавшие по информационным каналам из регионов России, слабо отражают реальную заражённость, которая была в разы выше. Более достоверными можно считать данные о смертности, получаемые после вскрытия умерших, диагноз которых лечебные учреждения предоставляют в загсы.

Таблица 1

Дополнительная смертность в России за год (с мая 2020 года по апрель 2021 года), включая смертность от коронавирусной пандемии по сравнению с соответствующим периодом прошедшего года

Дополнительной смертность в России за год (с мая 2020 г. по апрель 2021 г.), включая смертность от коронавирусной пандемии по сравнению с соответствующим периодом прошедшего года

Показатели	В тыс. человек	В % к итогу
ВСЕГО	479	100
В том числе от: - COVID 19	267,4	56
- COVID 19 как главной причины (по данным Росстата)	181,1	38
- COVID 19 как главной причины (по данным оперативного штаба)	109,9	23
В 1 квартале 2020 г. смертность сократилась и начала расти с апреля-мая. Смертность от онкологии и внешних причин в 2020 г. не выросла.		

Источник: составлено автором на основе данных Росстата (https://rosstat.gov.ru/folder/12781) и оперативного штаба по борьбе с коронавирусом (https://стопкоронавирус.рф/information/).

Как видно в *табл. 1*, показатели оперативного штаба, который информирует о смертности от COVID-19 как главной причины, в 1,6 раза ниже соответствующих данных Росстата и в 2,4 раза ниже общей смертности больных от коронавирусной пандемии. Но суммарная дополнительная смертность в России к соответствующему периоду прошлого года возросла не только от коронавирусной пандемии, но и от других патологий.

В последние 15 лет ежегодная смертность в России не повышалась от года к году, а в среднем снижалась на 35 тыс. человек, в том числе в последние три года перед пандемией (2017–2019 годы) она сокращалась по 30 тыс. человек – с 1891 тыс. в 2016 году до 1801 тыс. человек в 2019 году. В 2020 году смертность от обычных патологий (без коронавирусной пандемии) тоже увеличилась, что видно из данных дополнительной смертности населения в 2020 году по сравнению с 2019 годом, представленных в *табл. 2*.

Таблица 2

Причины дополнительной смертности населения в 2020 году по сравнению с 2019 годом

Причины дополнительной смертности населения в 2020 г. по сравнению с 2019 г.

Показатели	Тыс. человек	Прирост в %
Общая дополнительная смертность	324	18,0
В том числе по причинам от:		
- Коронавируса, где он является главной причиной	104	–
- Сердечно-сосудистых заболеваний	97,3	11,7
- Пневмонии	34,4	в 2,4 раза
- Болезней нервной системы	21,1	20,9
- Эндокринных заболеваний	10,4	25
- Старости	17,2	20,1

Источник: составлено автором на основе данных Росстата (https://vaael.ru/ru/article/view?id=1706).

В первую очередь выросла смертность от её основной причины – от сердечно-сосудистых заболеваний. Она оказалась почти такой же, как смертность от коронавирусной пандемии в качестве главной причины. Больше всего – в 2,4 раза – увеличилась смертность от лёгочных заболеваний. Существенно – на 20 и более процентов – возросло число умерших от нервных болезней, сахарного диабета и от старости. В целом в 2020 году дополнительно умерло не болевших коронавирусом более 160 тыс. человек из общей дополнительной смертности 324 тыс. человек.

Почему вдруг дополнительно по отношению к прошлому году столь значительно выросла смертность по другим патологиям, которая в предыдущие периоды обычно ежегодно сокращалась? Причина, на наш взгляд, в плохом финансировании и организации здравоохранения в России, которая совершенно не была готова к приходу пандемии. Дело в том, что за несколько лет до этого Минздрав России, по-видимому, с одобрения правительства провёл так называемую оптимизацию здравоохранения якобы для повышения эффективности этой сферы. Было ликвидировано несколько тысяч межрайонных и районных больниц, десятки тысяч фельдшерских пунктов в сёлах страны, численность врачей сокращена примерно на 50 тыс. человек и к тому же уволено 150 тыс. человек сестринского состава, которого в нашей медицине всегда не хватало; был закрыт целый ряд инфекционных больниц и отделений. И вдруг пандемия… Куда размещать больных? Коек в инфекционных отделениях и больницах – минимум. Кто будет лечить? И врачей, и сестёр, специализирующихся на инфекционных заболеваниях, критически не хватает.

Выход очевиден – надо взять койки из других отделений, переучить врачей и сестёр для борьбы с коронавирусом, которые до этого занимались другими патологиями, направить скорую помощь, все возможные силы и средства, прежде всего, на борьбу с главной опасностью – с нарастанием коронавирусной заражённости. Больше всего врачей и сестёр, а также коек в кардиологических отделениях, поскольку 47% всех умирающих в России связаны с этой причиной. Поэтому именно кардиологи в наибольшей степени были переориентированы. Коронавирус поражает в первую очередь лёгкие. Где взять оборудование для лечения вируса? В лёгочных отделениях, естественно, вместе с врачами, сёстрами, койками. Результат такого перераспределения – катастрофически высокий рост смертности от воспаления лёгких и на 12% от сердечно-сосудистых заболеваний.

И в ряде других стран, особенно слаборазвитых, где на здравоохранение выделялось мало ресурсов, тоже наблюдалась дополнительная смертность от других патологий, но не в таких масштабах. Ведь в России в 2020 году половина дополнительной смертности пришлась на умерших, не заражённых коронавирусом.

Повторюсь, причина в вопиющем недофинансировании нашего здравоохранения. Из всех социальных отраслей самое худшее положение, на мой взгляд, в здравоохранении – самой важной отрасли с позиции благосостояния людей. Потому что речь идёт о самом дорогом – жизни человека. В международном рейтинге ООН из 189 стран Россия до коронавирусной пандемии не входила даже в первую сотню стран по уровню финансирования здравоохранения из всех источников в процентах к ВВП. В период пандемии, естественно, были выделены значительные дополнительные средства на здравоохранение, хотя и недостаточные. Поэтому рейтинг России поднялся до 85–88 места среди стран мира с долей расходов на здравоохранение в ВВП 6,1%, самой высокой за 30 лет новой России.

В 2021 году, освоившись с борьбой против коронавирусной пандемии, правительство приняло решение: увеличить число коек за счёт срочного строительства новых госпиталей, увеличить численность медицинского персонала, поднять зарплату медработникам. Положение стало улучшаться – дополнительная смертность с середины 2021 года по различным патологиям стала резко сокращаться – даже немного больше, чем выросла в 2020 году (*табл. 3*).

Таблица 3

Дополнительная смертность в России по месяцам в 2021–2022 годах (тыс. человек)

Дополнительная смертность в России по месяцам в 2021-2022 гг. (тыс. человек)

Месяцы	Общая дополнительная смертность	В том числе		Коронавирус – главная причина смертности
		С коронавирусом	Без коронавируса	
2020 г. (в целом)	324	163,3	161	144,7
Январь 2021 г.	55,7	37,9	17,8	27,5
Февраль 2021 г.	29,5	24,8	4,7	17,1
Март 2021 г.	38,6	24,0	14,6	17,8
Апрель 2021 г.	17,5	20,7	-3,2	16,0
Май 2021 г.	-10,6	19,0	-29,6	15,3
Июнь	22,9	27,4	-7,5	23,8
Июль	33,8	51,0	-17,3	45,0
Август	51,1	49,9	1,0	44,2
Сентябрь	31,2	44,7	-12,1	40,2
Октябрь	41,7	74,9	- 33,2	70
Ноябрь	37,4	80,1	-52,7	71,2
Декабрь	-27,7	54,6	-82,3	49,1
2021 г. (в целом)	321,0	489,5	-198,1	439,5
Январь 2022 г.	-26,8	35,6	-62,4	32,1

Источник: составлено автором на основе данных Росстата (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/edn_01-2022(1).htm (дата обращения: 20.02.2022)).

В первом квартале 2022 года снижение смертности от некоронавирусных патологий ускорилось. И она сократилась на 114 тыс. человек, что компенсировало такое же увеличение смертности от коронавируса. В результате впервые за последние два года общая дополнительная смертность практически не возросла.

Заражённость коронавирусом в расчёте на 100 тыс. населения в России ниже, чем во многих других странах, например, чем во всех крупных странах Европы, не говоря уже о США. Возникает вопрос: «Почему дополнительная смертность от коронавируса в 2020–2021 годах в России оказалась самой высокой?». Она составила за эти 2 года 645 тыс. человек, а упущенная смертность на 70 тыс. больше, поскольку от других патологий она прекратила снижаться. Эта смертность в России – 715 тыс. человек. В расчёте на 100 тыс. человек эта смертность оказалась выше, чем в Бразилии, в 1,3 раза, чем в США, в 1,5 раза, чем в крупных странах Европы – Великобритания, Франция, Италия и Испания, – в 2,5-3 раза, а с Германией – даже в 4 раза. Причин этому несколько.

Первая причина – слабое здоровье россиян. По международному рейтингу по здоровью населения страны (данные Всемирной организации здравоохранения) Россия занимает одно из самых низких мест – 119-е.

Вторая причина заключается в том, что, несмотря на первенство России в разработке вакцины – и даже не одной, а также в начале массовой вакцинации, тем не менее, из-за отставания фармацевтики и отсутствия производственных мощностей, мы не могли серьёзно нарастить их производство. Поэтому мы сразу отстали и медленно перемещались к сотому месту среди стран мира по уровню вакцинации.

Когда в Россию пришёл наиболее опасный штамм – «Дельта», уровень иммунитета в стране был вдвое ниже, чем в развитых странах и продвинутых развивающихся странах.

По дополнительной смертности за 2020–2021 годы выше России оказалась только одна страна – США. Там умерло более миллиона человек, а в России – 700 тыс. Однако население США – 330 млн человек, а в России – 146. На третьем месте Бразилия – 650 тыс. умерших дополнительно, но население там 213 млн. А ещё семь стран имеют б*о*льшее население, чем в России, у них у всех смертность намного ниже.

Будущее у России, прямо скажем, в этом вопросе нерадостное. Из почти 18 млн переболевших (к середине марта 2022 года), которые попали в зону внимания здравоохранения в России, несколько миллионов (как минимум, три-четыре) тяжело перенесли коронавирус, были госпитализированы, часть прошла через реанимацию, и у них налицо коронавирусный синдром и его последствия. К тому же, больше половины у них, как показали исследования, имеют проблемы с сердечно-сосудистой и дыхательной системой, а также другие патологии. По заключению специалистов, здоровье этих людей подорвано и высока вероятность ранней смертности.

Ситуация дополнительно осложняется тем, что в России отсутствует развитие сферы современной медицинской реабилитации. Крупные реабилитационные центры в стране можно перечислить по пальцам. Нужно срочно создавать хотя бы сотню реабилитационных центров, подобно тому, как на «пустом месте» мы создали сто перинатальных центров за последние годы и добились снижения младенческой смертности вдвое за 10 лет. Следовало бы при крупных предприятиях и организациях, как это было в советское время, организовывать профилактории с лечебными центрами. Предстоит возродить и крупную сеть санаториев, которые были ликвидированы в новой России. В результате мы потеряли систему оздоровления населения. Напомню, что Международный конгресс здравоохранения в 1978 году в Алма-Ате поставил перед всем миром в пример СССР по первичной медицинской помощи, массовому санаторно-курортному оздоровлению населения.

Почему бы это не возродить во многом за счёт средств предприятий, которые в 2021 году заработали рекордные прибыли – 29 трлн руб. Из этой суммы лишь небольшая часть была потрачена на инвестиции и прирост зарплаты, а основная часть направлена на

рекордные дивиденды, присвоенные собственниками. Следовало бы заинтересовать такие предприятия и организации путём представления налоговых и административных льгот, привлекающих к государственно-частному партнёрству. Тем самым, мы продлим жизнь миллионам человек.

Высокая смертность, инвалидность и подорванное здоровье ведёт к огромным экономическим потерям. Ведь жизнь человека дорого стоит. По расчётам Всемирного банка, человеческий капитал в России в расчёте на душу населения составляет 100 тыс. долларов или 6,5 млн руб. (по валютному курсу рубля на конец марта 2022 года) Излишняя смертность, составляющая более 700 тыс. человек в период пандемии в 2020–2021 годов, таким образом, принесла стране экономический убыток в размере примерно 6 трлн руб. К этому надо прибавить ущерб от увеличенной инвалидности, потерянного дохода из-за высокой заражённости и неблагоприятных последствий в связи с коронавирусным синдромом – таким образом, общие экономические потери могут быть оценены в 9–10 трлн руб.

При этом валовый внутренний продукт России сократился только в 2020 году всего на 3% или на 3,3 трлн руб. Результат падения экономики в ходе коронавирусного кризиса оказался, таким образом, примерно втрое меньше, чем ущерб от смертности, инвалидности, болезненности и подорванного здоровья населения.

Заметим, что оценка ценности человеческой жизни со стороны Всемирного банка, по мнению многих экспертов по России, является заниженной. Профессионально оценкой жизни у нас занимается исследовательский коллектив в Финансовом университете при Правительстве РФ, который считает, что жизнь одного человека в России должна оцениваться не 6–7 млн руб., как у Всемирного банка, а в районе 40 млн руб. Таким образом, высокая смертность населения в пандемию и подорванное здоровье россиян является наиболее важным итогом коронавирусной пандемии в России.

Между тем, отдельные руководящие работники в нашей стране всё время повторяют, что Россия перенесла коронавирусный кризис легче других стран, поскольку заражённость у нас ниже, валовый продукт снизился меньше, чем во многих других странах, финансы у нас не сократились, мы не влезли, как многие другие страны, в большие долги, не снизили, а напротив, нарастили свои золотовалютные резервы; наши банковские активы не упали, а приросли на 16%. К тому же, все негативные экономические последствия от падения ВВП были компенсированы его значительным подъёмом в 2021 году. В отличие от этого восстановить подорванную в коронавирусную пандемию сохранность народа России в лучшем случае удастся через 3–5 лет, чтобы выйти на показатели докризисного 2019 года. В сравнении с крупными странами мира социально-экономические последствия

коронавирусной пандемии в России из-за рекордно высокой смертности, самого большого сокращения ожидаемой продолжительности жизни и подорванного здоровья россиян, пожалуй, были самыми глубокими. И мы прошли этот кризис не легче, а тяжелее других стран.

Коронавирус на спаде, но его последствия в том числе в виде рекордно высокой смертности остались с нами. В 2021 году смертность в России достигла 2 446 тыс. человек, в то время как в 2019 году было 1 801 тыс. человек. Необходимо к 2024 году или, в крайнем случае, к 2025-ому вернуться к этой цифре, а дальше начать снижать смертность, причём ударными темпами – по 50 тыс. человек ежегодно, что позволит восстанавливать подорванную у нас сохранность народа.

Понятие сохранности (сбережения) народа ввёл в обиход М. В. Ломоносов в своей записке на имя графа И. И. Шувалова, основателя Московского госуниверситета. Многократно этот термин любил повторять А. Солженицын. В последние годы этот термин приобрёл официальный смысл, поскольку использован в Указах Президента России В. В. Путина и в его Посланиях Федеральному Собранию.

К понятию сохранности (сбережению) народа, на наш взгляд, нужно отнести естественный прирост населения, когда рождаемость превышает смертность, и население естественным путём увеличивается. Снижение смертности ведёт к повышению ожидаемой продолжительности жизни, в том числе здоровой, поскольку со смертностью коррелируют тяжёлые заболевания, приводящие к инвалидности или к подрыву здоровья населения.

И ещё одна составляющая сохранности народа – качество здоровья населения. Все эти демографические показатели зависят от социально-экономического развития.

В 2021 году Россия сделала определённый рывок в улучшении своего социально-экономического положения: её валовый внутренний продукт после снижения его на 3% в 2020 году прирос в 2021 году на 4,7%. Заметно превышен уровень 2019 года и по всем другим экономическим показателям, что отражено в *табл. 4*.

Таблица 4

Динамика основных экономических и социальных показателей развития России в 2020 и 2021 годах

Динамика основных экономических и социальных показателей развития России в 2020 и 2021 гг.

ПОКАЗАТЕЛИ	В % к соответствующему периоду предшествующего года		2021 г. в % к 2019 г.
	2020 г.	2021 г.	
Валовый внутренний продукт	97,3	104,7	101,8
Промышленность	97,9	105,3	102,9
Сельское хозяйство	101,3	99,1	100,0
Строительство	100,7	106,0	106,8
Ввод жилья	100,2	112,7	112,5
Грузооборот транспорта, в том числе железнодорожного	95,3 98,1	105,3 103,4	100,2 101,7
Инвестиции в основной капитал	96,9	107,6	104,3
Розничный товарооборот	96,8	107,3	103,6
Реальные располагаемые доходы населения	98,0	103,1	101
Индекс потребительских цен	103,4	106,7	110,5

Источник: составлено автором на основе данных Росстата (https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GOyirKPV/Rus_2020.pdf; https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/i1RlgJuR/osn-06-2021.pdf (дата обращения: 20.02.2022).

К сожалению, спецоперация в Украине и последовавшие за ней жёсткие санкции со стороны развитых «недружественных» стран резко осложнили социально-экономическую ситуацию в России. Затягивание времени спецоперации приводит к огромным расходам. По оценкам экспертов, каждый день продления спецоперации наносит ущерб России тоже примерно в 1 млрд долларов в день. Поэтому скорейшее прекращение спецоперации, перемирие – остро необходимы. При перемирии, во-первых, будут смягчены или отменены наиболее значимые санкции, приносящие нам особенно крупный ущерб. Но так или иначе значительная часть санкций, вероятно, останется с их негативным влиянием на результаты социально-экономического развития страны. Международные организации, Центральный банк, эксперты считают, что в 2022 году экономика России сократится примерно на 10%, и, возможно, это сокращение продлится и в 2023 году, особенно если спецоперация задержится, на 3-5%. Если она окончится раньше, то, по общему мнению, в 2023 году мы начнём восстановительный подъём.

При этом инфляция в 2022 году, по оценке специалистов, составит 20%, реальные доходы населения снизятся на 10%, вдвое возрастёт открытая и скрытая безработица, в 1,5 раза увеличится бедность населения. На восстановление экономических и социальных

докризисных показателей, по-видимому, уйдёт 2–3 года. В лучшем случае, к 2025 году мы сможем в основном вернуться к экономическому и социальному уровню России 2019 года.

Такая обстановка негативно скажется на сохранности населения страны. Но в то же время демографические показатели напрямую не зависят от санкций. И, как показывает опыт Ирана, который за 10 лет жёстких санкций при сокращении ВВП на душу населения с 17 до 12 тыс. долларов с 2011 года сумел увеличить ожидаемую продолжительность жизни с 72 до 77 лет и прирастить население страны с 69 до 84 млн человек. Наша страна здесь тоже имеет немалые возможности.

Пресс санкций на Россию никак не должен ослабить наши усилия по снижению смертности и улучшению демографической обстановки. Мне кажется, наоборот, внимание ко всем сферам жизни людей в период санкций со стороны государства должно быть усилено. И в первую очередь это касается самого главного – здоровья людей, продолжительности их жизни. Главной задачей ближайших двух-трёх лет с позиции уровня жизни остаётся сокращение рекордно возросшей смертности.

Первый квартал 2022 года был единственным квартальным периодом с начала коронавирусной пандемии (смертность начала расти со второго квартала 2020 года), где прироста смертности не было. Она была нулевая, в то время, как в минувшие с начала пандемии кварталы 2020 и 2021 годов средний прирост смертности за квартал составлял 92 тыс. человек. Для сокращения смертности должна быть осуществлена трудная, но выполнимая задача – к 2025 году выйти на докризисный уровень годовой смертности. На оставшиеся 2–2,5 года должна быть принята чрезвычайная программа сокращения смертности до её минимального уровня в 2019 году. Для этого потребуется, на наш взгляд, увеличение расходов на здравоохранение с 6 до 8% ВВП – на приобретение необходимой медицинской техники, формирование государственной сети реабилитационных центров и на повышение заработной платы медицинских работников при организации их ускоренного дообучения. Тем самым будет завершён период демографической катастрофы, произошедший в нашей стране в период коронавирусной пандемии.

В ближайшее время необходимо подготовить десятилетнюю программу на 2026–2035 годы по восстановлению сохранности народа, в содержании которой будет: возврат к естественному приросту населения, когда рождаемость превышает смертность; подтягивание ожидаемой продолжительности жизни, в том числе здоровой жизни к уровню показателей развитых стран; вхождение в число первых 40 стран мира по оценке состояния здоровья населения России со стороны ВОЗ. Главным пунктом этой программы будет оставаться снижение смертности, поскольку именно смертность в России – худший демографический показатель, по уровню которого мы занимаем самое низкое место из всех

демографических показателей в международных рейтингах, не входя даже в первые 100 стран мира. В то время, как по социально-экономическому уровню из значимых стран мира мы занимаем 40–50-е места, а по образованию – даже выше. Поэтому и резервы сокращения смертности у нас самые значительные – нам нужно в разы меньше финансовых ресурсов, чтобы снизить смертность, например, на тысячу человек в сравнении с тем, сколько нужно средств, чтобы на тысячу человек увеличить рождаемость.

Однако естественный прирост населения зависит не только от смертности, но и от рождаемости, которая будет снижаться до 2025–2029 годов по объективным и независимым от нас причинам из-за сокращения числа фертильных женщин, которые рожают детей. Это поколение уже родилось. И есть полная ясность, что рождаемость в связи с этим уже упала с 2016 года почти на 500 тыс. человек и в 2021 году составила 1403 тыс. в сравнении с показателем в 1,9 млн человек, державшимся с 2012 по 2016 годы.

Родившиеся при минимуме рождаемости в 1999–2005 годы женщины, уже вступили в 2019 году в активный фертильный возраст, который обычно принято считать с 20 лет. В период 25–29 лет женщины рожают наибольшее число детей. Следующее поколение женщин, которые родились позже 2005 года, будет многочисленнее, потому что рождаемость круто пошла вверх и с 2006 года и до 2014 года рождаемость увеличилась на 490 тыс. человек в результате осуществления нацпрограмм «Демография» и «Здоровье нации». В результате в конце 2020-х годов рождаемость начнёт увеличиваться по этой же причине. И это будет большой прирост, так что со временем число фертильных женщин будет увеличиваться. Фертильные женщины много рожают в 30–35 лет, в связи с чем, низкий уровень рождаемости продлится по этим объективным причинам до 2025–2030 годов, и только потом фертильность женщин начнёт позитивно влиять на общий показатель рождаемости. Но уровень рождаемости зависит не только от числа фертильных женщин, но и от того, сколько они рожают детей – от суммарного коэффициента рождаемости. Этот коэффициент у нас рос с 1999 года, когда он составлял минимум 1,157, до 2015 года, когда он вырос до 1,777. Так что, наибольшее число женщин вступит в активный фертильный возраст, достигнув 20 лет, в 2035 году. На этот коэффициент мы влиять можем. Задача минимум – не допустить дальнейшего его снижения.

Как показывают исследования, подтверждённые статистикой, суммарный коэффициент рождаемости существенно зависит от динамики благосостояния населения, особенно в той части, которая касается семей с детьми. Если условия благоприятные – минимальная безработица, маленькая инфляция, ежегодный рост доходов, хорошие пособия для семей, имеющих детей, льготное предоставление им жилья, хорошее здравоохранение, то люди решаются на рождение не только первого, но второго и третьего

ребёнка, и рождаемость растёт. России удалось после резкого снижения рождаемости и суммарного коэффициента рождаемости из-за трансформационного кризиса поднять этот коэффициент в 1,5 раза.

Суммарный коэффициент рождаемости (число родившихся живыми на одну женщину) в 1990 году составлял 1,892. Он снизился до минимума в 1999 году и составил 1,157. Потом он немного поднялся к 2005 году, составив 1,294. После этого в результате выполнения принятых национальных программ «Демография» и «Здоровье нации» этот коэффициент удалось поднять к 2015 году до 1,777.

В 2022 году нас ожидает из-за санкций против России жестокий кризис, напоминающий по масштабам трансформационный кризис. И, боюсь, что суммарный коэффициент рождаемости может снизиться с 1,5, скажем, до 1,3–1,4. Всё будет зависеть не только от падения экономики и благосостояния, но ещё в бо́льшей мере от продолжительности кризиса. Если с 2023 года начнётся восстановление, коэффициент рождаемости просто не успеет существенно сократиться. Ясно, что этот кризис не будет длиться 10 лет, как длился трансформационный кризис, и уже в 2023 году или, в худшем случае, в 2024 году начнётся восстановление экономики всё ускоряющимся темпом.

Важно особое внимание обратить на стимулирование многодетных семей. Тогда этот коэффициент удастся серьёзно увеличить. Следовало бы поставить задачу – поднять его до 1,65 к 2030 году и до 1,8–1,9 к 2035 году – до уровня продвинутых здесь развитых стран. Для этого, как показывает опыт стран, которым удалось это сделать, объём помощи семьям с детьми по отношению к ВВП должен составить 3–4%. Пока он в России составляет около 1,5%, но с каждым годом повышается в связи с принятием дополнительных мер.

Для восстановления сохранности народа по её главному показателю – естественному приросту населения, необходимо снизить смертность с исходного уровня 1,8 млн человек, который был достигнут в 2019 году и может быть восстановлен до 1,3 млн человек к 2035 году, и выйти в дальнейшем на естественный прирост населения. Этот естественный прирост населения будет постепенно сохраняться благодаря увеличению числа фертильных женщин и продолжающемуся снижению смертности.

Для того, чтобы за 10 лет (с 2025 по 2035 годы) снизить смертность на 500 тыс. человек, нужно ежегодно её снижать на 50 тыс. Это крайне трудно, но, на наш взгляд, реально. России, во всяком случае, удалось сделать подобное с 2006 по 2013 годы: в 2005 году смертность в России была 2 304 тыс. человек, а в 2013 году её удалось снизить до 1 872 тыс. – на 434 тыс. человек за 8 лет. Это было сделано за счёт внедрения в эти годы двух общероссийских программ – «Демография» и «Здоровье нации». Для осуществления такой задачи в современных условиях необходимо значительно увеличить финансирование и

использовать целевые программы сокращения смертности по наиболее важным патологиям – от ишемической болезни сердца, от инсульта, от злокачественных новообразований, от внешних причин и других.

По каждой целевой программе предлагается создать при Минздраве агентство, работа которого будет координироваться высшим административным руководителем, научным руководителем, научно-производственной головной организацией, разработанной целевой программой и целевым выделением финансирования. Такой целевой подход в России впервые был применён при разработке атомного оружия и, как известно, увенчался полным успехом. Это самый эффективный путь управления, где чётко может быть поставлена цель и где не жалеют средств на осуществление этой цели. Цель – радикальное сокращение сверхвысокой смертности в России – достойна применения такого целевого подхода.

В ноябре 2020 года в Россию прибыла группа специалистов ВОЗ во главе со Светланой Аксельрод для разработки 15-летней программы снижения смертности в России. Подобные программы – «инвестиционные кейсы» – были разработаны и успешно начали претворяться в жизнь в 25 странах. Речь идёт о снижении смертности, инвалидности и заболеваний по неинфекционным патологиям, от которых в России умирает 1,5 млн человек из общего числа умерших 1,8 млн. Остальные 0,3 млн умирают от инфекционных заболеваний и главным образом от внешних причин – транспортных происшествий, самоубийств, убийств, травм, пожаров и так далее. Специалисты ВОЗ разработали большую программу сокращения смертности на 360 тыс. за 10 лет. Учитывая, что смертность от внешних причин в России в 3–4 раза выше, чем в развитых странах, а смертность от инфекционных болезней – выше в 2–3 раза, за 10 лет здесь можно сократить смертность, как минимум в 1,5 раза. И тогда совокупная программа сокращения смертности составит 500 тыс. – то, на что мы рассчитываем.

Особенно значительно смертность можно сократить за счёт главной причины – сердечно-сосудистых заболеваний. По этому показателю она в России втрое выше на 100 тыс. человек, чем в Канаде, Франции и Южной Корее и в 2 раза выше, чем в США и Германии. Сравнение уровня смертности в России с другими странами показано в *табл. 5*.

Таблица 5

Коэффициент стандартизированной смертности от болезней системы кровообращения, в том числе ишемической болезни сердца (ИБС) на 100 тыс. человек населения (2006–2019 годы)

Коэффициент стандартизированной смертности от болезни системы кровообращения, в том числе ишемической болезни сердца (ИБС) на 100 тыс. человек населения (данные за 2016 г., Россия – 2019 г.)

Страна	Всего	В том числе от ИБС	Страна	Всего	В том числе от ИБС
Россия	262,2	136	**Развивающиеся страны**		
Развитые страны			Китай	262,4	114,0
Германия	131,7	73,5	Индия	260,0	160,9
Италия	93,2	53,3	Бразилия	170,2	79,3
Великобритания	91,0	47,6	Аргентина	143,5	74,2
Франция	76,6	31,0	Мексика	136,6	86,7
Канада	75,8	45,9	**Постсоциалистические страны Европы**		
США	133,5	79,2	Болгария	353,0	215,3
Япония	72,6	31,5	Венгрия	276,9	181,8
			Польша	220,4	141,9
			Румыния	322,9	149,4

Источник: составлено автором на основе данных данных ВОЗ (https://www.who.int/ru/health-topics/cardiovascular-diseases#tab=tab_1).

Снижение смертности от сердечно-сосудистых заболеваний – сверхважная задача, так как она, прежде всего, касается трудоспособной части населения. В год в России умирает 480 тыс. трудоспособных, из которых 80% мужчины в активном возрасте. И в основном они умирают от двух причин – сердечно-сосудистые заболевания и внешние причины. На них падает 60% смертей. Именно на этом надо сосредоточиться. Если бы мы были Европой, то у нас умирало бы не 1800 тыс. человек, а примерно 1400 тыс., и не 480 тыс. трудоспособных, а 140 тыс. Именно к таким показателям мы должны подойти в первой половине 2030-х годов. Снижение смертности прямо определяет ожидаемую продолжительность жизни, которая в России крайне низка, в том числе ожидаемая продолжительность здоровой жизни.

Увеличение продолжительности жизни связано со старением населения. Причём, само понятие старения меняется. При улучшении качества жизни люди в намного большем возрасте ощущают себя более здоровыми, чем это было раньше. В 1990–2017 годы было проведено широкое медицинское исследование, охватившее 192 страны и опубликованное в ведущем мировом медицинском журнале The Lancet. Эксперты оценили старение с возраста 65 лет и изучили параметры здоровья 65-летних людей, установив здесь определённые нормативы. Было установлено, в каком возрасте среднее состояние граждан, достигших 65 лет, соответствует поставленным нормативам. Так, граждане Японии, Франции и Швейцарии достигли установленного норматива в возрасте 76 лет. США заняли

последнее место среди развитых стран с возрастом 70 лет. Китай показал, что здесь норматив выполняет при возрасте 65 лет. У России показатель оказался 59 лет, у Афганистана – 52 года. По данному показателю Россия заняла 160 место среди стран мира.

Причина столь низкого здоровья 65-летних граждан в России во многом объясняется пережитым 10-летним трансформационным кризисом. Ведь в этот период смертность повысилась с 11,2 до 16,4 на 1000 человек населения, а продолжительность жизни сократилась на 5 лет. Депопуляция населения – превышение смертности над рождаемостью – приблизилась к 1 млн человек в год, многие пережили безработицу, размеры которой достигали 10 млн человек, в 1,9 раза снизились реальные доходы, а 45% населения в худшие годы имело душевой доход ниже прожиточного минимума. Значительная часть населения испытывала стрессы, длительные депрессии, а лечение проводилось плохо. Финансирование здравоохранения было на минимуме. Существовавшие профилактории, санаторно-курортное-лечение были свёрнуты. Поэтому неудивительно, что 43% населения России не дожили до 65 лет. Во Франции и Швейцарии этот показатель составлял всего 10%, в Италии, Швеции и Нидерландах – таких 11%. Такое исследование по широкому кругу стран в 2017 году провёл Всемирный банк.

Проектируемое снижение смертности позволит нам к 2030 году повысить ожидаемую продолжительность жизни до 78 лет, а ожидаемую продолжительность здоровой жизни почти до 70 лет, а к 2035 году обеспечить продолжительность жизни на уровне многих развитых стран свыше 80 лет. Существует тесная корреляция между смертностью, инвалидностью и распространённостью болезней. Чтобы снизить смертность, надо серьёзно заниматься оздоровлением населения. В рейтинге «Здоровье нации», проводимом организацией под эгидой ООН, Россия в 2019 году заняла 119 место из 188 стран. Уровень здоровья в этом рейтинге определяется по 33 показателям, в том числе: употребление алкоголя и курение, лишний вес, младенческая смертность, уровень заболеваний и др. По каждому из показателей выставляются баллы от 0 до 100, затем высчитываются значения по всем показателям. В первую десятку стран с лучшим здоровьем входит Швеция, Великобритания, Финляндия, Испания, Нидерланды, Канада и Австралия. США в рейтинге на 28 месте, рядом с Эстонией и Арменией. Китай на 92-м, а Индия – на 143-м. Худшие составляющие рейтинга России – употребление алкоголя, количество самоубийств и гибель от насильственных действий.

С показателями качества здоровья тесно связаны показатели статистики по болезненности нашего населения. В 2018 году при численности населения в 147 млн человек в России в лечебные организации обратилось с болезнями 240 млн человек, многие более чем по одному разу – в среднем по 1,7 раза. Но 53% населения, по результатам

опросов, обращается к врачу реже одного раза, прежде всего, в самом активном возрасте – с 30 до 55 лет. Люди старших возрастов зачастую посещают врачей два, три и более раз. Из этих 240 млн обращений у 115 млн диагноз болезни определён впервые. С болезнями кровообращения обратились 36 млн человек, при этом только у 4,8 млн этот диагноз выявлен впервые. На втором месте болезни костно-мышечной системы и соединительных тканей – 19,6. С болезнями системы пищеварения посетили лечебные организации 16,9 млн человек, с глазными болезнями – 15,2, а с болезнями, вызванными внешними причинами (травмами, ранениями, пожарами) обратилось 13 млн человек. Значительно растёт число эндокринных заболеваний, среди которых доминируют сахарный диабет и ожирение. Увеличилось также число выявленных злокачественных новообразований – 7,4 млн человек, поскольку подавляющая часть этих болезней прирастает с возрастом. С инфекционными болезнями в обычный год обращается не так много – 6,4 млн человек.

Низкий уровень здоровья многих россиян, по обследованиям аналитического центра НАФИ, связан с тем, что по ненормируемому графику в России работает 60% населения, неправильно и нерегулярно питается 48%, стресс испытывает 45%, вредными привычками (курение, алкоголь, наркотики) страдает 39% и 22% имеют нестабильные семьи. Главными факторами потери здоровья являются высокое кровяное давление – 20%, курение – 11%, ожирение – 10%, высокий уровень сахара в крови – 9%, загрязнение воздуха – 7%, алкоголь – 7%.

Основным источником преодоления последствий стагнации и рецессии, а также социально-экономического роста должно стать форсированное увеличение инвестиций в основной и человеческий капитал. Устойчивый рост начнётся тогда, когда нам удастся долю инвестиций в основной капитал повысить с существующих 17–20% до 25%, а долю сферы «экономика знаний» в ВВП поднять с 14% также примерно до 25%.

Но инвестиции не могут эффективно использоваться без высококвалифицированного человеческого труда. И поэтому мы обязаны одновременно увеличивать человеческий капитал не за счёт числа занятых, а прежде всего за счёт повышения квалификации, знаний и умения трудящихся, приоритетно развивая всю сферу «экономики знаний», удельный вес которой в ВВП должен приоритетно расти. Чтобы поддержать этот рост, крайне важно дать свободу бизнесу, поднять его, создать условия его ускоренного развития. Для этого предлагается не применять налогообложение к той части прибыли, из которой черпаются инвестиции в основной и человеческий капитал. Нужно также сократить сроки амортизации, что увеличит амортизационный фонд, из которого тоже черпаются инвестиции предприятиями и организациями. Им целесообразно предоставлять также налоговые каникулы в период технологического перевооружения и

создания новых производственных мощностей, особенно высокотехнологических производств.

Здоровье населения прямо определяется его благосостоянием. Причём не только его средним уровнем, а во многом бедностью значительной части населения. Средний уровень благосостояния населения России достаточно высок по средним показателям доходов и потребления, в том числе по питанию. Но этот относительно высокий уровень во многом связан с большой концентрацией богатства. Богатых не так много, но они обладают бо́льшей частью накоплений, недвижимости и доходов. Подавляющая же часть населения живёт бедно, ибо в России крайне высок разрыв между бедными и богатыми. Как пишет Б. Акунин: «Россия – это богатая страна бедных людей». Хуже всего россияне обеспечены жильём, худшим, по международным рейтингам, остаётся и уровень здравоохранения. Одна из самых обездоленных групп населения России – старшее поколение, поскольку средний размер пенсий в России в 4 раза ниже уровня зарплаты, если её считать с конвертами и приписками. Поэтому, достигнув пенсионного возраста, россияне живут после этого меньше, чем в большинстве других стран. Это значительно снижает ожидаемую продолжительность жизни россиян. Особенно плохо с показателями здоровья и продолжительности жизни у мужчин России, которые живут на 10 лет в среднем меньше женщин, что является наибольшей разницей среди подавляющего числа других стран – обычно эта разница вдвое меньше. По ожидаемой продолжительности жизни мужчин Россия на 124-м месте среди стран мира, а по женщинам – на 78-м.

Целеустремлённое повышение благосостояния россиян с приоритетной задачей сокращения социального неравенства и преимущественного внимания к благосостоянию и уровню здоровья престарелых позволит значительно улучшить сохранность народа России. Поэтому предлагается в обозримое время осуществить крупные мероприятия в этой области:

– поднять минимум зарплаты до 25–30 тыс. руб., главным образом за счёт средств самих предприятий и организаций, чья прибыльность в 2021 году была рекордной за все годы новой России;

– поднять средний размер пенсий, проведя реформу пенсионной системы с переходом на повышенные накопительные пенсии также до 25–30 тыс. руб., а в дальнейшем – до 40 тыс. руб., с введением льготной системы медицинских услуг, как это сделано в ряде других стран (лучше всего в Японии);

– втрое поднять пособия по безработице, средний уровень которых в России почти в единственной стране мира ниже прожиточного минимума;

– преимущественно увеличивать низкие душевые доходы в сельской местности и малых городах, где они составляют 25 тыс. руб. в месяц в сравнении со средним их уровнем 40 тыс. и 45–50 тыс. руб. в крупных городах. Для этого надо значительно расширить фермерства за счёт государственных льгот и развить промысловую кооперацию с сетью организаций по обслуживанию фермерства, переработке их продукции и продовольственной общероссийской сетью относительно дешёвых магазинов КООП;

– покончить с ростовщичеством, установив предельную ставку кредитования населения в 10%.

Только сочетание устойчивого социально-экономического роста с целью повышения благосостояния населения и сохранности народа поднимет нашу страну, выдвинет её на передовые позиции в мире и позволит реализоваться оптимистичным прогнозам (*табл. 6*).

Таблица 6

Восстановление сохранности народа России (2019–2035 годы)

Восстановление сохранности народа России (2019-2035 гг.)

Показатели	2019	2020	2021	2025 прогноз	2030 прогноз	2035 прогноз
Народонаселение (тыс. человек)						
Рождаемость	1485	1436	1410	1350	1300	1250
Смертность	1801	2125	2526	1750	1400	1250
Депопуляция	- 316	- 689	- 1116	- 450	- 100	0
Сальдо миграции	286	106	430	300	300	300
Прирост населения РФ	- 30	- 586	- 686	-150	200	300
Численность населения РФ на 01.01. (млн чел.)	146,8	146,7	146,1	144	145	146
Коэффициенты						
Рождаемость (на 1000 чел.)	10,1	9,8	9,7	9,3	9,0	8,5
Смертность (на 1000 чел.)	12,3	14,5	17,3	11,4	9,3	8,5
Суммарный коэффициент рождаемости	1,49	1,5	1,5	1,6	1,8	1,8
Показатели						
Ожидаемой продолжительности жизни (лет)	73,4	71,1	69	75	79	81
в том числе здоровой жизни	64,4	62	60	66	70	72
Международный рейтинг по продолжительности жизни (место среди стран мира)	97	115	120	95	60	40
Уровень здоровья (международный рейтинг – место среди стран мира)	119	130	135	105	70	45

Источник: составлено автором на основе данных Росстата (https://rosstat.gov.ru/).

Список литературы

1. Росстат: [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 01.03.2022).
2. Стопкоронавирус: [сайт]. URL: https://стопкоронавирус.рф/information/ (дата обращения: 12.03.2022).
3. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ): [сайт]. URL: https://www.who.int/ru (дата обращения: 15.03.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.2 EDN

ПАНДЕМИЙНЫЙ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС: УСЛОВИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Нигматулин Р. И.
д-р физ-мат. наук, профессор,
академик, член Президиума РАН,
Российская академия наук;
научный руководитель,
Институт океанологии Российской академии наук;
заведующий кафедрой газовой и волновой динамики,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены критические проблемы демографии России, обострившиеся в настоящее время из-за вирусной пандемии. Рассмотрена смертность, рождаемость и естественная убыль населения за 2020 и 2021 годы и их прогноз до 2030 года. Предложены меры для преодоления демографической катастрофы.

Ключевые слова: демография, проблемы демографии России, вирусная пандемия, прогноз смертности, рождаемости и естественной убыли населения до 2030 года, коронавирус, демографическая катастрофа

PANDEMIC AND DEMOGRAPHIC CRISIS: CONDITIONS FOR OVERCOMING

Nigmatulin R. I.
Doctor of Physics and Mathematics, Professor,
Academician, Member of RAS Presidium;
Academic coordinator, Institute of Oceanology RAS;
Head of the Department of Gas and Wave Dynamics,
Lomonosov MSU,
Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the critical problems of Russia's demography, which are currently aggravated by the viral pandemic. There are considered mortality, fertility and natural population decline for 2020 and 2021 and their forecast up to 2030. Measures to overcome the demographic catastrophe are proposed.

Key words: demography, problems of demography in Russia, viral pandemic, forecast of mortality, fertility and natural population decline until 2030, coronavirus, demographic disaster

Выдающийся академик Иван Петрович Павлов в мае 1918 года свою Нобелевскую лекцию «О русском уме» начал словами: «Милостивые государи! ... в гнетущее время, которое мы все переживаем, ... у нас должна быть одна потребность, одна обязанность – охранять единственно нам оставшееся достоинство: смотреть на самих себя и окружающее *без самообмана ...* для будущего нам полезно иметь *о себе представление.* Нам важно отчетливо сознавать, *что мы такое».* И это в 1918 году, когда начинался красный террор!

К великому сожалению, у нас привит обычай не договаривать тяжелую правду.

В частности, на наших собраниях и в высказываниях официальных лиц часто говорят, что наша страна лучше других преодолевает пандемию коронавируса. Говорят, что за два года в России к декабрю 2021 году от ковида умерли 310 тыс. человек. Но это только те, в трупах которых был найден коронавирус. И это только часть правды, потому что дополнительно к умершим с коронавирусом необходимо добавить людей, умерших от осложнений после того, как ковид был вылечен, а также те, кого не лечили или не долечили от разных болезней из-за перегрузки врачей, поликлиник, больниц и всей системы здравоохранения. И прирост смертности от всех причин за последние два года (2020–2021) относительно 2019 года по данным Росстата [1; 2] составляет 1 млн человек. По норме доковидного 2019 года за два «пандемийных» года должно было умереть 3,6 млн человек, а умерло 4,6 млн человек – на 28% больше. И это главная проблема! И это самый худший результат среди европейских и всех развитых стран.

Вместе со здравоохранением наше общество удручено и состоянием образования, науки, всей социальной и экономической сферами нашего Отечества. После 2011 года уже десять лет мы развиваемся в разы медленнее, чем большинство стран мира. ВВП России на душу населения меньше, чем в Португалии и Турции, в бывших соцстранах (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Румыния) и в странах Прибалтики (Литве и Эстонии). И при нынешнем экономическом порядке в стране это отставание экономики увеличивается и будет увеличиваться, что будет усугублять тяжелые проблемы как в социальной и в геополитической сферах, так и в жизни народа, в *устойчивости* страны и национальной *безопасности.*

1. Социальный блок. Правильно для нынешнего состояния страны сказал Президент РФ В. В. Путин 18 ноября 2021 года: «Социальный блок – важнейший в бюджете страны». И вот на важнейшую часть этого блока, а именно – на здравоохранение, образование, науку и культуру, определяющие перспективы страны, в течение 30 лет Правительство РФ, Госдума и Совет Федерации выделяют в консолидированном госбюджете 9% ВВП, а страны Европейского Союза – 20% своего ВВП. И это *двукратное в долях ВВП недофинансирование,* подчеркиваю, *двукратное,* по сравнению с Европой, происходит в течение 30 лет! И за это расплачивается вся страна.

Президент России Владимир Путин 27 сентября 2021 года назвал четырех *главных врагов* России:

- бедность населения,
- проблемы здравоохранения,
- проблемы образования,
- проблемы инфраструктуры.

А 23 декабря 2021 года Президент РФ сказал, что обостряется одна из *важнейших проблем* в сфере *демографии,* потому что «и с гуманитарной, и с геополитической точки зрения – 146 млн для нашей огромной территории совершенно недостаточно и, помимо всего, означает недостаток работников в стране». А Российская академия наук поставила эту проблему еще более 10 лет тому назад в материалах Совета безопасности для доклада Президенту РФ.

А получили мы «главных врагов» и «важнейшую проблему», в том числе и за двукратное *недофинансирование* здравоохранения, образования, науки и культуры в течение 30 лет и плюс за нелепые и разрушительные чиновничьи *реформы,* разного рода *оптимизации* здравоохранения, образования и науки, наперекор мнению ученых.

Поэтому у нас повержено образование, деградирует наука, недостаточны мощности здравоохранения, особенно в регионах. Поэтому у нас среди европейских и всех развитых стран *самая высокая смертность,* отнесенная к численности населения (см. ниже коэффициент смертности в п. 3). А к самой большой смертности за последние два «пандемийных» года у нас добавился и *самый большой ее прирост* – 1 млн человек, о чем пойдет речь ниже.

2. Смертность и рождаемость в России. В конце 1980-х годов смертности, отнесенные к числу населения, в советской России и западной Европе были близки между собой. После «революции» 1991 года и развала СССР в России на 40% упала рождаемость и на 50% катастрофически выросла смертность, а в Европе смертность постепенно уменьшалась. В 2000 году естественная убыль населения в России (число родившихся минус число умерших) составила 958 тыс. человек. Таким образом, «революция» 1991 года была не столько кровавой, сколько удушающей и привела к большим жертвам нашего народа. С 1992 по 2017 годы избыточная смертность от всех причин относительно 1980–1990 годов составила 14 млн человек. Но, кроме этого, не родилось столько же детей. И это сказывается на сегодняшнем падении рождаемости.

После прихода во власть Владимира Путина началось улучшение жизни народа и укрепление государственного здравоохранения, кратное увеличение его финансирования. В результате существенно упала смертность и выросла рождаемость. А в 2012–2014 годы рождаемость даже превысила смертность.

Но после 2015 года опять рождаемость стала катастрофически сокращаться и к 2020 году упала с 1,95 млн до 1,4 млн – на 28%. Всего за 5–6 лет! А смертность, хотя и сокращалась, но очень мало. Чем же объясняется такое падение рождаемости?

Во-первых, стал падать уровень жизни народа.

Во-вторых, пришла тяжелая демографическая волна из 1990-х годов. Именно женщины возраста 18–35 лет, родившиеся в эти годы, рожают 80% детей. А их число с 2015 года упало с 17,5 до 13 млн, а к 2027 году упадет до 10,5 млн. Таким образом, рождаемость будет падать и дальше.

К 2018 году к падению рождаемости присоединилось исчерпание принятого к этому времени ресурса снижения смертности, потому что перестало расти государственное финансирование здравоохранения и сказались упоминавшиеся выше *нелепые, разрушительные* чиновничьи *реформы* и *оптимизации*.

Сверхсмертность и неудовлетворительный уровень здоровья населения напрямую связаны с бедностью значительной доли населения и с низкой доступностью бесплатной медицинской помощи из-за крайне *недостаточного уровня* государственного финансирования здравоохранения.

3. Последствия ковидной пандемии. А теперь остановимся на демографическом ударе от пандемии. Для сравнения смертности в разные годы и в разных странах используют относительную смертность С, равную отношению числа смертей за год на численность населения и связанный с ним коэффициент смертности С*, равный числу смертей на 1000 человек С= $\frac{\text{Число смертей}}{}$ $C_{,,} = Cx1000$.

В 2020 году к итак высокой относительно европейских стран смертности добавился прирост смертности из-за пандемии – 338 тыс. (фактически это за 9 месяцев), а в 2021 году – не менее 650 тыс. Таким образом, за 2 календарных года, из которых «пандемийными» являются 21 месяц, прирост числа смертей от всех причин составил 988 тыс. человек. Практически 1 млн человек! Относительно численности населения это в разы больше, чем в Европе, США и других развитых странах.

Естественная убыль населения (превышение числа смертей над числом рожденных) в 2020 году составила 700 тыс. человек, а в 2021 году – 1,05 млн человек. Таким образом, за два «пандемийных» года естественная убыль населения России составила 1,75 млн. Коронавирусная пандемия внесла свой тяжелый вклад и в сокращение численности взрослого (трудоспособного) возраста. Только за 2020 год численность этой группы снизилась с 82,7 до 81,9 млн человек [1], т. е. на 800 тыс. человек. И это, несмотря на повышение пенсионного возраста на 1 год.

Система здравоохранения не справляется с перегрузкой от пандемии. Но и до пандемии у нас было неблагополучно, когда, помимо самой высокой смертности в Европе, смертность в трудоспособном возрасте в РФ была выше (относительно ЕС) у мужчин – в 3раза, у женщин – в 2 раза.

Коронавирусная пандемия и проявления экономического кризиса способствовали росту социально-стрессовых расстройств. Они ведут как к падению цены жизни, потере перспектив, безынициативности, так и к проявлениям агрессии.

Несмотря на высказывания официальных лиц, что мы легче всех в мире преодолели коронавирус, в действительности, мы преодолеваем его тяжелее всех с наибольшими потерями своих граждан, несмотря на быстрое изобретение вакцин нашими выдающимися вирусологами, поддержавшими авторитет науки и Академии наук, и несмотря на героический труд наших врачей.

4. Необходимые меры для выхода из демографического кризиса.

Итак, что же надо делать, чтобы преодолеть демографическую катастрофу в нашей стране?

Прежде всего, необходимо преодолеть смертность из-за ковида с помощью регулярной вакцинации каждые 6 месяцев, охватывающей более 80% населения, и новых лекарств (как в Европе и других развитых странах). Мы отстаём в уровне вакцинации от всех развитых стран, что говорит о необходимости усиления этой кампании. В конце концов, надо осознать, что не вакцинированный имеет высокий риск инфицирования и, контактируя с людьми, создает для всех угрозу заражения.

В Великобритании, Франции, Германии, других европейских странах инфицируется ежедневно более сотни тысяч человек (в США – более 1 млн), а у нас, по официальным данным, в несколько раз меньше. При этом, умирает у нас в несколько раз больше, что объясняется, по-видимому, тем, что у нас регистрируется только доля инфицированных и тем, что у нас меньшая доля вакцинированных, хотя вакцинация существенно облегчает течение болезни и кардинально сокращает смертность вакцинированных, даже если они инфицируются.

Уровень и эффективность здравоохранения зависит от его ресурсного обеспечения. Для сравнения затрат государственного бюджета на финансирование здравоохранения в разные годы и в разных странах имеет смысл использовать величину этих затрат *M,* отнесенную к численности населения и выраженную в общей наиболее устойчивой валюте, в качестве которой используют доллар по паритету покупательной способности

В России государственное финансирование здравоохранения состоит из трех компонентов: из федерального бюджета, бюджета регионов и бюджета фонда социального медицинского страхования. Если подушное финансирование *M* меньше 1000–1500 $ппс/(душахгод), то увеличение этого финансирования на АМ уменьшает коэффициент смертности. А при государственном финансировании на здравоохранение *M*

больше 2000–2500 $ппс/(душахгод), смертность слабо зависит от финансирования и определяющую роль играют другие факторы.

Как уже было отмечено ранее, в 1980-е годы величины коэффициента смертности в советской России и в странах Европы были близки между собой. Но после «революции» 1991 года и развала СССР смертность в России существенно подскочила – на 50%, а в Европе постепенно уменьшилась до 9,5–10,0.

Видно, что после 2003 года, когда Президент В. В. Путин инициировал кратное увеличение (до 2015–2017 годов) ресурсного обеспечения государственного здравоохранения, происходило существенное снижение смертности с 16,6 в 2003 году до 12,3 к 2017 году. Это к 2017 году продлило жизнь 4 млн человек. Но уже к 2017–2018 годам принятое ресурсное обеспечение 1000 $ппс/(душахгод) (что соответствует 3,5% ВВП) исчерпало себя и снижение смертности прекратилось. Нам необходимо приближаться к нормам Европы, по отношению к которой у нас даже до ковида умирало на 400 тыс. человек в год больше. Государственное финансирование здравоохранения в 2019 году (до пандемии) в России, выраженное в рублях, составляло *М* 28 000 Р/(душахгод). Чтобы уменьшить смертность до уровня советской России и восточной Европы (10,5-11,0), надо это финансирование увеличить в 1,5 раза, или довести до 42 000 Р/(душахгод), а до уровня западной Европы – в 2 раза, или довести до 56 000 Р/(душахгод).

Если первую цель (уменьшить смертность до уровня советской России и «новой Европы») запланировать по истечении 5 лет, то для этого необходимо в течение 5 лет к госбюджету на здравоохранение каждый год добавлять около 400 ТР/год. Тогда через 5 лет государственные затраты на здравоохранение увеличатся с 4 ТР/год до 6 ТР/год (в ценах 2020 года), а число смертей относительно 2019 года сократится на 200 тыс. в год.

Для достижения европейской нормы (9,5–10,0) необходимо далее еще в течение 5 лет каждый год добавлять 400 ГР/год. В результате после второго пятилетия государственные затраты на здравоохранение увеличатся еще на 2 ТР/год и достигнут 8 ТР/год (в ценах 2020 года), что будет равно 7% ВВП. Тогда число смертей (относительно 2019 года) сократится еще на 200 тыс. в год. В итоге за 10 лет можно уменьшить смертность на 400 тыс. в год. Именно об этом свидетельствуют статистические (по сути, экспериментальные) данные, приводимые Росстатом [1; 2].

Теперь о *рождаемости,* которую поднять гораздо труднее. После 2015 года она упала на 28% и, в соответствии с прогнозом Росстата, будет продолжать падать. Что же надо сделать, чтобы смягчить падение рождаемости, а через несколько лет ее поднять, приблизив ее к уровню 2015 года?

Первое – поднять доходы 80% населения и *сбалансированно* к этим доходам увеличить производство товаров народного потребления.

Второе – кратно увеличить поддержку семей с детьми и материнства. В частности, увеличить *материнский капитал* в 2 раза, обеспечить *пособия* до 50% средней зарплаты для женщин с детьми до 7 лет и др. Особую поддержку следует оказать «низкомногодетным» семьям, имеющих 3–4 детей, а для матерей таких семей следует предусмотреть повышенные коэффициенты при расчете их пенсий.

По оценке академика А. Г. Аганбегяна и профессора Г. Э. Улумбековой, эта *поддержка* семей с детьми вырастет с 1,6% до 3% ВВП. Последняя доля соответствует странам Европы с улучшающейся демографией (Франции, Швеции), где это помогло.

Президент В. В. Путин неоднократно инициировал поддержку здравоохранения и семей с детьми. И деньги для этого в федеральных резервах имеются, но проблема в обеспечении сокращения смертности и стимулирования рождаемости не в деньгах. Главная проблема состоит в том, в России низкая эффективность инвестиций из-за сложившегося экономического порядка, разрушенного образования, коррупции и порочной системы подбора кадров. В связи с этим, все перечисленные инвестиции в здравоохранение и в семьи с детьми должны быть спланированы и сбалансированы так, чтобы быть обеспеченными *кадрами* (врачами, профессорами, организаторами, медсестрами и т. д.), *товарами, программами* строительства медицинских учреждений и закупками оборудования, в том числе и за счет импорта. Должно быть спланировано, сколько на стройки, сколько на зарплаты медикам и ученым (а значит, на столько же должно быть увеличено обеспечение товарами за счет внутреннего производства и импорта), сколько на приборы, сколько на импорт, который придется увеличивать. Если не соблюдать баланс, выделенные на инвестиции деньги уйдут в *инфляцию,* т. е. приведут к повышению цен. Для соблюдения балансов нужны квалифицированные руководители и специалисты, которые должны инициировать экономический рост и, прежде всего, производство товаров народного потребления. И с этим у нас критическая проблема!

Однако только перечисленными мерами можно преодолеть демографическую катастрофу и добиться устойчивого роста населения.

5. Правительственные действия. Президент РФ В. В. Путин издавал Указы о национальных целях. Эти цели были крайне актуальными, и они провозглашались еще в 2008 и 2011 годах. Однако к сегодняшнему дню стало понятным, к сожалению, что цели указов к 2020 году *не были* и *не могли* быть достигнуты. Также *не смогут* быть достигнуты цели указов и к 2030 году:

- без реформирования *экономического порядка,*

- без смены *кадровой политики.*
- без преодоления двукратного недофинансирования здравоохранения, образования, науки и культуры, в частности, с реализацией перечисленных выше мер по снижению смертности и подъему рождаемости.

Поэтому группа академиков, по предложению академика А. Г. Аганбегяна, направила в начале сентября 2021 года письмо Председателю Правительства РФ М. В. Мишустину с предупреждением о тяжелом демографическом кризисе в стране и предложениями по его преодолению. К сожалению, ответа на это письмо не последовало, из чего можно сделать вывод, что изменений по преодолению демографического кризиса пока не будет.

В 2020 году Правительство РФ, по указанию Президента В. В. Путина, в связи разворачивающейся пандемией увеличило ресурсное обеспечение здравоохранения и поддержку семей с детьми однако в новом бюджете на 2022-2024 годы это обеспечение снижается, возвращаясь к двукратному отставанию от стран ЕС, что неминуемо приведёт к утяжелению демографического кризиса.

Спрогнозируем, как же будет развиваться демография нашей страны после ковидного удара при нынешней политике Правительства РФ? Даже, если мы полностью и без последствий преодолеем коронавирусный удар к 2023 году, убыль населения после 2024 года из-за падения рождаемости будет выше 0,5 млн человек в год. Это очень тяжелая цифра. Но без последствий коронавирусный удар преодолеть не удастся, если не увеличить ресурсное обеспечение здравоохранения (а оно на ближайшие три года не предусмотрено). Потому что миллионы наших граждан, переболевшие ковидом, не леченые и не долеченные от других болезней, будут создавать дополнительную нагрузку на здравоохранение и будут сокращать общую продолжительность жизни и повышать смертность, т.е. смертность будет выше, чем это дается прогнозом Росстата [2].

Бедность основной части населения, неэффективность и сокращение населения – всё это составляет угрозу *устойчивости* страны в масштабе десятилетия.

Стив Форбс, издатель знаменитого журнала «Форбс», в 2015 году написал: «Поразительная неспособность экономистов и политических лидеров оценить, чем сегодня болеет большинство экономик, и назначить правильное лечение, удручает и свидетельствует об их твердолобом отказе *изучить факты,* приверженности *фальшивым идеям* и *умственной лени»* [4]. К сожалению, недомыслие присуще многим правительствам.

6. Проблемы для реализации государственных инвестиций. Во всем мире усилилась *менеджеризация реальности* и снижение уровня принимаемых решений. Примером подобной деятельности является решение молодых министров и партийных

деятелей Европы по вопросу источника энергии – атомных электростанций, наперекор мнению специалистов по энергетике. Но у нас эта самая менеджеризация при решении даже критических проблем усугубляется тем, что происходит на фоне бедности миллионов наших сограждан. Малая масса товаров народного потребления, *неэффективность* экономического порядка, выдвижение неэффективных руководителей, коррупция – всё это приводит к тому, что любая государственная инвестиция и социальная помощь подвигают нас к инфляции и голландской болезни. Поэтому каждая мера должна реализовываться *поэтапно* и с возможной *коррекцией.* Должна быть смена *кадровой* политики и привлечение специалистов с опытом созидания, вместо так называемых *«менеджеров»,* в частности, и специалистов из-за рубежа, в том числе и российских специалистов, сделавших карьеры за рубежом.

Обязательно привлечение малого бизнеса и частного капитала в виде государственно-частного целевого партнерства с четкой программой, строгим выполнением сроков и контролем использования ресурсов.

А наши руководители экономического блока, согласно известной русской пословице, обоснованно «боятся волков (неэффективности инвестиций и инфляции) и не ходят в лес». Им так легче. Однако без инвестирования («походов в лес») не возможен экономический рост и решение социальных проблем.

7. Активизация науки и Российской академии наук. Подъем эффективности народа и руководителей – это общенациональная задача. А для этого необходимо активизировать работу ученых всех специальностей в принятии стратегических решений в делах государства, особенно, в критических ситуациях, какими являются сегодня

- демография,
- нашествие вирусов,
- климатические и энергетические проблемы,
- истощение природных ресурсов,
- технологическое перевооружение и т. д.

Необходимо восстановить значимость Российской академии наук, восстановить Российскую академию медицинских наук и Российскую академию сельскохозяйственных наук с функцией учредительства институтов

- при назначении руководителей,
- планировании государственных заданий,
- распределении базового финансирования
- оценки институтов.

Чиновники могут только помогать ученым, в частности, при разработке предложений о законодательстве, решении проблем с финансами, содержанием зданий и сооружений, а не руководить научными учреждениями.

Ко всему прочему это будет и дешевле, чем содержать чиновничество Минобрнауки. То, что важнейшие стратегические проблемы (в том числе, обсуждаемые сегодня – демографические) решаются чиновниками без ученых, уже привело к деградации науки и всей социально-экономической сферы. Социально-экономические цели, поставленные Президентом В. В. Путиным, не выполняются уже 10 лет. А при нынешней стратегии и госбюджете не будут выполняться еще 10 лет.

Надо добиваться, чтобы президент, правительство, Федеральное собрание (Госдума и Совет Федерации) и общество получали, тщательно изучали и обсуждали информацию от Академии наук и университетов, в том числе устои по организации науки и ее финансировании. И не игнорировали письма академиков.

Научную и теоретическую компоненту преодоления государственных экономических, технологических, социальных и гуманитарных проблем именно ученые обязаны не только *разработать,* но и *внедрить* в общественное сознание и во власть. Это всегда тяжело. Академик Я. Б. Зельдович говорил, что всякое *внедрение,* вызывает сопротивление. Сейчас особенно, поскольку в нашей стране, к сожалению, порой царствует социально-экономическое недомыслие, усугубляемое гуманитарным вакуумом, близорукими интересами, так называемой, богатейшей элиты и режимом самовосхваления.

Группа, которую возглавили автор статьи и академик А. Г. Аганбегян, включала более 15 ученых РАН, подготовивших рекомендации для инициирования социально-экономического роста. Несмотря на неоднократные попытки добиться их обсуждение в Президиуме РАН, чтобы они вышли от имени всей Академии наук, так и не удалось этого добиться. Текст рекомендаций был разослан всем членам РАН, депутатам Госдумы в надежде, что удастся добиться их публичного обсуждения и соответствующего позитивного влияния на Правительство.

На эти материалы было получено более 250 откликов, почти все с поддержкой. Но они не стали документом с позицией Президиума РАН.

Напомню справедливый упрек поэта Наума Коржавина: «Я интеллигенцию обвиняю не в корысти, а в наивном *равнодушии* к жизни большинства народа, равнодушия от *незнания* и *непонимания.* От убеждения, что все само наладится». Ничего не наладится без науки и активизации Российской академии наук.

Президент В. В. Путин 17 февраля 2021 года признал: «Люди требуют ощутимых перемен». И обеспечить теоретическую базу этих перемен должны ученые, а возглавить эту миссию должна Российская академия наук!

Выводы. В России за два «пандемийных» года (2020 и 2021 годы) прирост числа смертей от всех причин относительно 2019 года составляет 1,05 млн человек, что относительно численности населения в разы больше, чем в Европе, США и других развитых странах.

1. После 2015 года в России сокращается рождаемость и к 2020 году она упала с 1,95 млн до 1,4 млн – на 28%.

2. За два «пандемийных» года естественная убыль населения (превышение смертности над рождаемостью) у нас составляет 1,75 млн человек. Только за 2020 год численность взрослого трудоспособного населения (возраста 16–60 лет) снизилась на 800 тыс. человек.

3. Даже, если мы полностью и без последствий преодолеем коронавирусный удар к 2023 году, убыль населения после 2024 года будет более 0,5 млн человек в год из-за падения рождаемости, если не принять срочные меры для снижения смертности и стимулирования рождаемости.

4. Для преодоления ковидного удара и снижения за 10 лет смертности до уровня стран ЕС необходимы следующие меры:

а) По примеру европейских и других развитых странах, активизировать систематическую вакцинацию каждые 6 месяцев, охватывающую более 80% населения, и разработку новых лекарств лечения ковидной инфекции;

б) Разработать и реализовать программу усиления ресурсного обеспечения государственного здравоохранения с финансированием 400 млрд руб/год (в ценах 2020 года). В программе должны быть запланировано и сбалансировано обеспечение *кадрами* (врачами, профессорами, организаторами, медсестрами и т. д.), *товарами,* а также *строительство медицинских учреждений* и *закупки оборудования*, в том числе и за счет импорта. Должно быть спланировано, сколько на стройки, сколько на зарплаты медикам и ученым, сколько на приборы, сколько на импорт. Иначе это все уйдет в *инфляцию.* И это есть главная проблема.

5. Чтобы смягчить падение рождаемости, а через несколько лет ее поднять, приблизив ее к уровню 2015 года, необходимо:

а) Поднять доходы 80% населения и *сбалансированно* с этим увеличить производство и импорт товаров народного потребления;

б) За пять лет увеличить поддержку материнства и семей с детьми с 1,6% до 3% ВВП, сбалансировав эти затраты с товарным обеспечением.

6. Необходимы перемены в *экономического порядке* и в *кадровой политике.*

7. Необходимо активизировать работу ученых, в частности, Российской академии наук в принятии стратегических решений.

Автор благодарит академика А. Г. Аганбегяна, директора Института проблем энергетики, доктора технических наук, директор Института проблем энергетики Б. И. Нигматулина, доктора медицинских наук, ректора ВШОУЗ Г. Э. Улумбекову и директора ИСЭПН ФНИСЦ РАН, доктора экономических наук В. В. Локосова за обсуждение и предоставленные материалы.

Список литературы

1. Российский статистический ежегодник. Статистический сборник. М. : Росстат, 2020, 700 с.
2. Росстат. Уточненный демографический прогноз до 2036 года. 2019. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/72529 (дата обращения: 20.12.2022).
3. Улумбекова Г. Э. Здравоохранение России. Что надо делать. Состояние и предложения: 2019–2024 гг., 3-е изд. М. : Гэотар-Медиа, 2019. 416 с.
4. Forbes S. Unhealthy patients treated by incompetent doctors, Forbes, January 2015.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.3 EDN

СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КУДА ШЛО ВЧЕРА И ЧТО ДЕЛАТЬ ЗАВТРА

Александрова О. А.
д-р экон. наук;
заместитель директора по научной работе,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН;
аналитик,
НИИ организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы,
Москва, Россия

Аннотация. В память о Н. М. Римашевской в статье представлен анализ трех этапов становления социального государства в постсоветской России. Показано, что, несмотря на различия в экономических возможностях государства и властной риторике, неолиберальный характер социальной политики оставался неизменным, что вело к демонтажу прежних социальных завоеваний. Предложены меры, направленные на развитие подлинно социального государства.

Ключевые слова: социальное государство, социально-экономическая политика, социальные услуги, расходы бюджета, коммерциализация социальной сферы, ВТО, Всемирный банк

WELFARE STATE IN MODERN RUSSIA: WHERE IT WENT YESTERDAY AND WHAT TO DO TOMORROW

Aleksandrova O. A.
Doctor of Economics,
Deputy Director for Research,
ISESP FCTAS RAS;
Analyst,
Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department,
Moscow, Russia

Abstract. In memory of N. M. Rimashevskaya the article presents an analysis of three stages in the formation of a welfare state in post-Soviet Russia. It is shown that, despite the differences in the economic capabilities of the state and power rhetoric, the neoliberal nature of social policy remained unchanged, which led to dismantling of the previous social gains. There are proposed measures aimed at development of a truly social state.

Key words: welfare state, socio-economic policy, social services, budget expenditures, commercialization of the social sphere, WTO, World Bank

Социальное государство всегда находилось в фокусе научных интересов Н М. Римашевской: в советский период она руководила знаменитым проектом «Таганрог» [1]; в 1990-е годы – разработкой «Социальной доктрины переходного периода и концепции программы действий», в которой предлагалась система мер по минимизации негативных эффектов рыночных реформ. Тогда же ключевой темой ее исследований стала

бедность, на решение которой и должны быть направлены усилия социального государства. В начале 2000-х годов Н. М. Римашевская участвовала в разработке Концепции социального государства, призванной уточнить и развить положения, содержащиеся в статье 7 Конституции России, объявляющей Россию социальным государством, привести социальные показатели в соответствие со стандартами современного общества. Эта проблематика нашла отражение и в ставшей ключевой для Н. М. Римашевской теме сбережения населения. В последние годы она сосредоточилась на теме здоровья населения как результата всей социальной политики. Многие тенденции, лишь намечавшиеся или протекавшие латентно при ее жизни, теперь проявились, возникли и новые вызовы.

Анализ правовой базы реформ, статистики, результатов социологических исследований, проведенных сотрудниками основанного Н. М. Римашевской Института социально-экономических проблем народонаселения, позволяет говорить о трех периодах развития социального государства в постсоветской России. Для первого периода (1990-е годы) характерно объявление ожиданий от государства адекватного соцобеспечения пережитками советского прошлого, не уместными ни идеологически, ни финансово [2]. Результат – резкое снижение уровня жизни населения и катастрофическое недофинансирование социальных отраслей.

Второй этап (с начала 2000-х годов и до начала мирового финансового кризиса в 2008–2009 годах) характеризовался сначала некоторым восстановительным ростом после дефолта 1998 года, а затем – ростом, обусловленным высокими ценами на энергоресурсы. На этом фоне властная риторика относительно роли государства сменилась на более ответственную; прекратились задержки выплат зарплат, пенсий и пособий; наблюдался некоторый рост бюджетных ассигнований на социальную сферу.

В то же время, ПМ и МРОТ оставались неадекватно низкими. Более того, были введены единая 13%-ная ставка подоходного налога и регрессивная ставка отчислений в социальные фонды; отменены налоги на наследование и дарение; категорически не вводился налог на роскошь. Место адекватной политики доходов заняло потребительское кредитование. Результат – дальнейший рост неравенства и кредитного бремени населения.

Несмотря на огромный приток «нефтедолларов», социальные отрасли продолжали серьезно недофинансироваться. Вместо вложений в экономику и социальную сферу огромные по масштабу средства направлялись в Стабилизационный фонд и золотовалютные резервы Центрального Банка (ЦБ), а между бюджетом и бюджетополучателями вставлялись, по сути, паразитические структуры, отвлекающие на себя существенную часть и без того скудных финансовых потоков (например, страховые медицинские организации оттягивают на себя до 40% ассигнований на

здравоохранение [3]). Сохранялись кредитно-денежная, налоговая и внешнеэкономическая политика, усугубляющие положение реального сектора экономики. Следствие – деградация отечественного производства; вытеснение товаров российских производителей; угроза продовольственной и технологической безопасности. В отсутствие адекватной политики в сфере межбюджетных отношений, промышленного и регионального развития основная часть расходных обязательств перекладывалась на субъекты Федерации, следствием чего стал рост задолженности их бюджетов.

Данный период также характеризуется началом сущностных изменений в социальной сфере: переход к «социальным услугам» (подготовка к присоединению к Всемирной торговой организации (ВТО)); реализация реформ в высшей школе (переход на Болонскую систему), в здравоохранении (реформа амбулаторного звена). Вопреки громким заявлениям о том, что следование рекомендациям Всемирного банка (ВБ) и Международного валютного фонда (МВФ) осталось в «лихих 90-х», реформирование социальной сферы осуществлялось именно по их рецептам (ключевая идея – сокращение государственного финансирования социальных отраслей, открытие «рынка» социальных услуг для частных, в том числе, иностранных компаний) и на их кредиты [3]). Таким образом, и в этот период продолжали торжествовать неолиберальные идеи; более того, их воплощение в жизнь оказалось даже существеннее, чем в 1990-х.

Третий этап в развитии социального государства приходится на 2010-е годы. В этот период, игнорируя рост неравенства, хорошо известные инструменты его снижения так и не использовались. Несмотря на сохраняющийся масштабный приток «нефтедолларов», объемы бюджетных ассигнований на социальную сферу продолжали в разы отставать от показателей развитых и стремительно развивающихся стран. Вместо этого росли показатели профицита бюджета, а также объемы золотовалютных резервов ЦБ и т. н. «суверенных фондов» (Резервного и Фонда национального благосостояния). Не наблюдалось кардинальных подвижек в промышленной политике, определяющей возможности занятости населения, уровень оплаты труда и, соответственно, объем отчислений в бюджет и социальные фонды. В таких условиях регионы продолжали оставаться на «голодном пайке», а их суммарная задолженность достигла 2 трлн рублей. Следствие – сокращение объемов бесплатных социальных услуг и рост числа услуг, предоставляемых на основе проверки нуждаемости при ужесточении критериев нуждаемости.

Ратификация в 2012 году присоединения России к ВТО закрепила ограничения, накладываемые на возможности государства проводить эффективную не только промышленную, но и социальную политику [4]. Были приняты законы, стимулировавшие

коммерциализацию деятельности государственных учреждений социальной сферы. Последней также способствовали неадекватный размер подушевого финансирования, сокращение «бесплатного сегмента» в образовании, здравоохранении, социальном обслуживании; радикальная «оптимизация» сети учреждений и их штатной численности (последнее также явилось следствием выполнения «майских указов», предписывавших заметное увеличение заработной платы медикам и педагогам, но не подкреплявшихся соответствующим финансированием). Апофеозом ситуации в пенсионной сфере стало повышение в 2018 году пенсионного возраста.

Таким образом, несмотря на проклятия в адрес «лихих 90-х» и объявление «конца эпохи либерализма», третий период стал временем превращения социальных отраслей в источники извлечения прибыли и дальнейшего демонтажа прежних социальных достижений. Теперь вместо надежды на государство населению предлагается самим позаботиться о приумножении своих доходов, оплате образования, медицинской помощи и будущих пенсиях с помощью операций на финансовом рынке – еще один индикатор реализации неолиберального социально-экономического курса.

Негативные последствия такого курса для общества и экономики требуют изменения всей социально-экономической политики государства с отказом от деструктивных неолиберальных догм. Конкретные меры в рамках такого разворота неоднократно предлагались самой Н. М. Римашевской, а также ее коллегами и учениками, в том числе и совсем недавно [5].

Список литературы

1. Таганрогские исследования: полвека спустя / под науч. ред. чл.-корр. РАН, проф. Н. М. Римашевской и д.соц.н., проф. В. В. Локосова. М. : Экономическое образование, 2017. 278 с.
2. *Гурова Т., Фадеев В.* В левый поворот российский капитализм не впишется // Эксперт. 1995. № 14. С. 12–16.
3. *Александрова О. А.* Кризис российского здравоохранения: «эксцесс исполнителя» или запрограммированный результат? // Экономическое возрождение России. 2021. № 1 (67). С. 63–71.
4. *Александрова О. А.* Социальная политика в условиях социально-экономической и идейной десуверенизации // Народонаселение. 2015. № 4. С. 15–30.
5. Человек социальный как цель и источник развития России. Научный доклад / под ред. О. А. Александровой и В. В. Локосова. М. : ИСЭПН РАН, 2018. 87 с.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.4 EDN

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ИРАНА, ПРОБЛЕМЫ БРАЧНОСТИ И РОЖДАЕМОСТИ

Афзали Мехди
канд. социол. наук, старший научный сотрудник,
ИДИ ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. Уменьшение количества браков и падение коэффициента рождаемости повлияло на демографическую ситуацию в Иране, вызвав такие проблемы, как старение населения в ближайшие несколько десятилетий. Правительству Ирана необходимо рассмотреть вопрос о серьезной реформе демографической политики и ее реализации.

Ключевые слова: Иран, брак, развод, фертильность, рождаемость, СКР

DEMOGRAPHIC INDICATORS OF IRAN, PROBLEMS OF MARRIAGE AND FERTILITY

Afzaly Mekhdy
Candidate of Sociology, Senior Researcher,
IDR FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. Decrease in the number of marriages and drop in the fertility rate have affected the demographic situation in Iran causing such problems as population aging in the next few decades. The government of Iran needs to consider a severe reform in the demographic policies and their enforcement.

Key words: Iran, marriage, divorce, fertility, birth rate, total fertility rate

За последние несколько десятилетий в Исламской Республике Иран произошли незначительные демографические изменения, при этом демографическая политика менялась несколько раз. До исламской революции 1979 года основная демографическая политика заключалась в повышении качества жизни населения; однако после исламской революции демографическая политика была направлена на увеличение численности населения. Поворотный момент в этой политике произошел в 2014 году, когда верховный лидер Ирана аятолла Хаменеи подписал 14 указов общего характера. Основной целью внутренней политики того периода было увеличение населения до 150 млн человек [1]. И, несмотря на то, что верховный лидер Ирана в 2016 и 2018 годах неоднократно заявлял о потенциале страны по увеличению населения, к началу 2022 года население Ирана составило всего лишь 84,2 млн человек [2].

Основными задачами в области политики народонаселения правительство страны видит в: повышении коэффициента рождаемости выше уровня воспроизводства; устранении барьеров для заключения брака; оказании помощи в лечении бесплодия как у

мужчин, так и у женщин; в мероприятиях по увеличению продолжительности жизни и т. д. [3]. Однако реализация и результаты этой политики в последние годы не были удовлетворительными. Количество браков постоянно уменьшается, а количество разводов растет очень быстрыми темпами. А поскольку в иранской культуре и религии рождение детей вне брака считается недопустимым, рождаемость снижается, что влечет за собой в последние три десятилетия тяжелые демографические последствия. Более того, проблемы, возникшие во время пандемии коронавируса, такие как: рост смертности, карантинные ограничения, потеря рабочих мест, безработица, а также инфляция – всё это ещё более усугубило демографические, экономические и социальные проблемы в Иране.

Для анализа последствий снижения брачности и рождаемости в этом исследовании используются вторичные данные, предоставленные Статистическим центром Иран и Национальной организацией регистрации актов гражданского состояния Министерства внутренних дел, а также данные, имеющиеся в Департаменте динамики народонаселения по экономическим и социальным вопросам ООН.

Одной из главных проблем иранского общества является уменьшение количества браков и увеличение разводов (*рис. 1*).

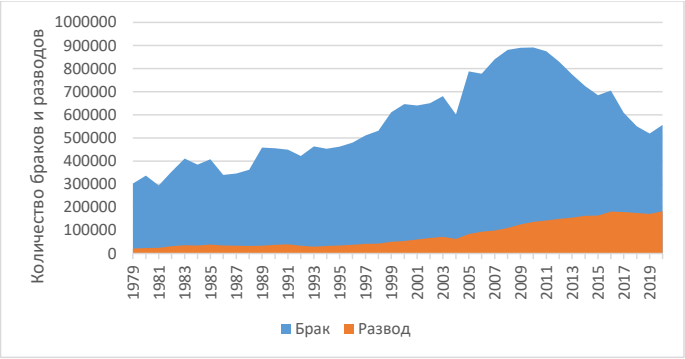

Рис. 1. Брак и развод в Иране 1979-2020 гг.
Источник: Статистический центр Ирана // Официальный сайт. URL: https://www.amar.org.ir/ (дата обращения: 15.02.2022).

Основными проблемами, которые снижают брак и стремление к браку среди иранской молодежи, являются экономические проблемы (безработица, инфляция и пр.), социальные проблемы, отсутствие стимулов и правильной демографической политики, отсутствие уверенности в позитивном будущем, стремление к индивидуальной и свободной жизни и т. д. Помимо этого, на рост разводов в Иране влияют факторы, не способствующие

укреплению брака: сексуальные проблемы, зависимости разного рода, домашнее насилие, желание получить от мужчины денежную компенсацию и др.

Общий коэффициент рождаемости в Иране снизился с 50,7 в 1950 году до 19,1 (рождений на 1000 человек населения) и, как ожидается, достигнет 11,9 в 2050 году. Общий коэффициент рождаемости (СКР) также снизился с 6,9 в 1950 году до уровня воспроизводства населения (2,1) в 2020 году; также ожидается, что в ближайшие два десятилетия он будет ниже уровня воспроизводства населения (1,9 в 2035–2040 годах); в 2040 году средний детородный возраст женщин достигнет 30 лет. При этом изменилось число рождений по пятилетней возрастной группе матерей (тыс.), если раньше большинство женщин рожали в возрасте 20–24 лет, то сегодня наибольшее число родов приходится на женщин в возрасте 25–29 лет. (2,3 млн рождений для женщин в возрасте 25–29 лет, в период 2015–2020 годов) (*рис. 2*) [4].

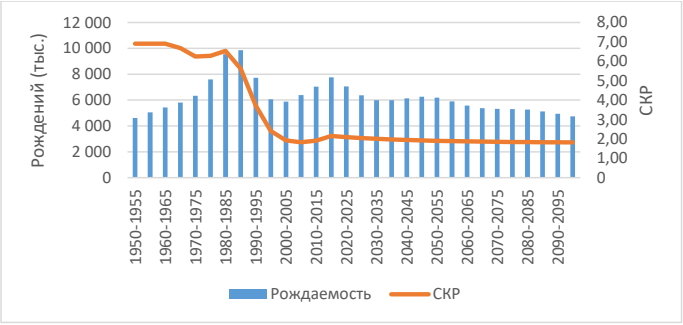

Рис. 2. Число рождений и СКР, 1950-2100 гг.
Источник: Мировые демографические перспективы 2019 // Департамент по экономическим и социальным вопросам демографической динамики ООН.
URL: https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/ (дата обращения: 15.02.2022).

Кроме того, в 2021 году из общего числа зарегистрированных в стране рождений (1 114 128 рождений) 102 512 младенцев родились в течение одного года и менее одного года до даты бракосочетания родителей (9,2%), а 65% зарегистрированных рождений (709 954 родов) с интервалом 5 лет и более с момента регистрации брака родителей [5].

Учитывая увеличение населения страны, правительство Ирана должно рассмотреть вопрос об улучшении качества жизни своего гражданского населения. Правительство должно стремиться к удовлетворению основных повседневных потребностей иранских семей, у которых за последние несколько лет, особенно в связи с мировыми санкциями против Ирана из-за ядерной программы и пандемии коронавируса, социально-экономическое положение ухудшилось. Как бы амбициозно это не звучало, но мечта о 150-

миллионном населении требует надлежащей реформы в социально-экономической и политической жизни Ирана. Соответствующие стимулы, поддержка и разумные реформы могут остановить процесс ухудшения демографической ситуации в стране и такие проблемы, как снижение рождаемости, старение населения, незарегистрированные браки. Насущной необходимостью стало формулирование новых законов, для соблюдения за исполнением которых должна быть создана ответственная система контроля.

Список литературы

1. Увеличение численности населения // Официальный сайт аятоллы Хомейни, верховного лидера Ирана. URL: https://farsi.khamenei.ir/newspart-index?tid=2630 (дата обращения: 15.02.2022).
2. Статистический центр Ирана // Официальный сайт. URL: https://www.amar.org.ir/ (дата обращения: 15.02.2022).
3. «Коммуникативная политика» в области народонаселения // Официальный сайт аятоллы Хаменеи, верховного лидера Ирана. URL: https://farsi.khamenei.ir/news-content?id=26440 (дата обращения: 15.02.2022).
4. Мировые демографические перспективы 2019 // Департамент по экономическим и социальным вопросам демографической динамики ООН. URL: https://population.un.org/wpp/Download/Standard/Population/ (дата обращения: 15.02.2022).
5. Национальная организация регистрации актов гражданского состояния // Официальный сайт. URL: https://www.sabteahval.ir/avej (дата обращения: 15.02.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.5 EDN

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АВАРИИ НА ЧАЭС ДЛЯ БЕЛАРУСИ: 35 ЛЕТ СПУСТЯ

Боброва А. Г.
канд. экон. наук,
Институт экономики НАН Беларуси;
руководитель,
Центр человеческого развития и демографии,
Минск, Беларусь

Аннотация. В статье проанализированы тенденции демографического развития территорий Республики Беларусь, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС.

Рассмотрена динамика естественного движения населения и проведена оценка влияния катастрофы на данные процессы. Выявлены отличия в рождаемости и смертности отдельных районов от среднереспубликанских значений. Описана структура демографического баланса по районам Республики Беларусь.

Ключевые слова. Катастрофа на ЧАЭС, рождаемость, смертность ожидаемая продолжительность жизни, половозрастная структура

DEMOGRAPHIC CONSEQUENCES OF THE CHERNOBYL ACCIDENT FOR BELARUS: 35 YEARS LATER

Bobrova A. G.
Candidate of Economics,
Institute of Economics, Belarus National Academy of Sciences;
Head,
Center for Human Development and Demography,
Minsk, Belarus

Abstract. The article analyzes the trends in the demographic development of the territories of the Republic of Belarus most affected by the Chernobyl accident.

The dynamics of the natural movement of the population is considered and the impact of the catastrophe on these processes is assessed. There have been identified the differences between fertility and mortality in separate regions and the average republican values. The structure of the demographic balance by regions of the Republic of Belarus is described.

Key words: Chernobyl disaster, fertility, mortality, life expectancy, gender and age structure

Авария на Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС) обусловила формирование уникального региона, изучение которого интересно не только с позиции влияния на демографический и кадровый потенциал экологического фактора, но и целого комплекса социально-экономических трансформаций, произошедших за 35 лет. Распад Советского союза, финансовый кризис, модернизация общества, построение социально-ориентированной модели экономики и пр. внесли свои коррективы в демографическую траекторию. На фоне общестрановых негативных демографических тенденций территории ЧАЭС продолжали восстанавливаться от негативных последствий эвакуации и массовых переселений конца 80-х годов XX века, деформировав половозрастную пирамиду [1; 2; 3].

Эвакуационная политика первого десятилетия после аварии способствовала ухудшению демографических показателей, которые проявляются до сих пор. Обязательное отселение детей, женщин репродуктивного возраста, беременных было необходимым для сохранения будущего генофонда страны, но оказало негативное влияние на структуру населения территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС.

Даже в 2000 году демографическая пирамида представляла собой достаточно равномерное распределение населения по возрастам. Основное отличие было в более высокой доле женщин среди населения старше 60 лет. В отличие от структуры всего населения страны в структуре районов, пострадавших от аварии на ЧАЭС, выше доля детей (19%), ниже доля населения в возрасте 15–64 года (63%) и выше доля лиц 65 лет и старше (18%) в Беларуси 17, 68, 15 (*рис. 1*).

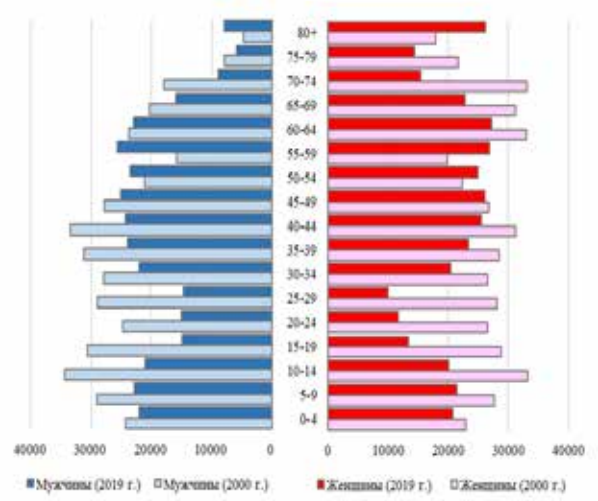

Рис. 1. Половозрастная пирамида населения проживающего в районах Республики Беларусь, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС, чел.
Источник: База статистических данных Национального Статистического Комитета Республики Беларусь. URL: http://dataportal.belstat.gov.by/ (дата обращения: 11.01.2022).

В Беларуси в 2000 году с учетом удельного веса загрязненных территорий, коллективной дозы облучения и потерь сельскохозяйственных земель 21 из 118 районов был отнесен к числу наиболее пострадавших от катастрофы на ЧАЭС: 3 района Брестской области, 13 районов Гомельской области, 5 районов Могилевской области. В зонах радиоактивного загрязнения располагается 2022 населенных пункта, в которых проживает около 1 млн человек.

Численность населения 21 района за 20 лет сократилась почти на 196 тыс. человек (111 тыс. в Гомельской области, 45 тыс. – в Брестской и 40 тыс. – в Могилевской). Среди

основных причин – естественная убыль населения, обусловленная демографическим переходом и, соответственно, спадом рождаемости, а также сохранением низкого уровня культуры здоровья. В общей численности населения, проживающего на территории наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС районов, превалирующую долю занимает население Гомельской области – 59%. В 2019 году по сравнению с 2000 годом сократилась доля населения в исследуемой группе районов Могилевской области, где в течение всего периода наблюдались более высокие темпы сокращения численности населения.

Тенденции демографического развития чернобыльских территорий схожи с динамикой в стране в целом. В Беларуси уже с 1994 года наблюдается процесс депопуляции, который сопровождается старением населения, ухудшением показателей здоровья людей, сокращением биологического человеческого потенциала, задействованного в экономике. Одной из самых острых демографических проблем социального развития на современном этапе является высокий уровень смертности среди сельского населения и мужчин трудоспособного возраста.

Общий коэффициент смертности населения на территориях пострадавших от аварии на ЧАЭС выше среднего на 4,2 п.п., и в 2019 году составил 17‰. Для сравнения до аварии коэффициент смертности в Гомельской области был минимальным среди областей республики – всего 10,2‰. Увеличение показателей смертности в XXI веке в значительной мере обусловлено старением населения, вызванного оттоком молодежи, а также ухудшением состояния здоровья в результате аварии.

Чернобыльская катастрофа оказала отрицательное влияние на уровень ожидаемой продолжительности жизни в Республике Беларусь. В значительной степени оно проявилось в районах, наиболее пострадавших от аварии. В результате роста заболеваемости новообразованиями, болезнями щитовидной железы и т. д. увеличивалась и смертность. Существенное влияние оказали и такие факторы как социально-экономические и психологические.

Средняя ожидаемая продолжительность жизни для мужчин и женщин в районах, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС, имеет более низкие значения, чем в целом по Республике Беларусь. Нерешенной проблемой остается разрыв между продолжительностью жизни мужчин и женщин.

Для мужчин в Республике Беларусь характерен гораздо более низкий уровень ожидаемой продолжительности жизни, чем в среднем по стране. Средние значения ожидаемой продолжительности жизни для мужчин составляют от 66 до 68 лет. Данный уровень в 2019 году характерен для большинства районов, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС.

Для женщин в Республике Беларусь характерен довольно высокий уровень ожидаемой продолжительности жизни. В большинстве районов, наиболее пострадавших от аварии на ЧАЭС средняя ожидаемая продолжительность жизни женщин варьирует от 76 до 78 лет.

Чернобыльская катастрофа оказала негативное влияние на рождаемость в целом для страны, но особенно для загрязненных территорий. Общий коэффициент рождаемости в Беларуси снизился с 16,5‰ в 1985 году до 9,3‰ уже в 1996 году [2]. Наряду с демографическими факторами, заложенными в половозрастной структуре населения, на падение рождаемости оказали влияние социально-экономические и психологические факторы. Неуверенность в завтрашнем дне, опасение за собственное здоровье и здоровье детей привели к резкому ограничению репродуктивных установок у населения не только загрязненных районов. В Гомельской области, в которой был максимальный показатель в 1985 году (17,2‰), падение составило 8 п. п. за первое десятилетие. В настоящее время средний коэффициент рождаемости для территорий, пострадавших от аварии на ЧАЭС, составляет всего 9,3‰, что на 2 п. п. меньше среднереспубликанского уровня.

На фоне высокой разницы между смертностью и рождаемостью, преодоление депопуляции становится более сложной задачей.

В сравнении с началом 2000-х в большинстве районов демографическая ситуация улучшилась. В среднем по всем 21 районам средний коэффициент естественной убыли населения в 2019 году составил 5,3‰, что на 2 п. п. меньше уровня 2000 года.

В 2019 году, благодаря сохранению уровня рождаемости и значительному сокращению уровня смертности Кормянский и Наровлянский районы вышли на естественный прирост. Рост естественной убыли наблюдается в Лунинецком, Столинском, Ельском и Славгородском районах, где последние 5 лет происходит значительный рост смертности.

В результате внутренней миграции сокращение населения чернобыльской местности происходит более интенсивно. Происходит не просто сокращение населения, но усиливаются диспропорции в половозрастной структуре населения: интенсивное сокращение женщин младшего трудоспособного возраста.

Таким образом, демографическая ситуация в районах ЧАЭС остается сложной и неоднозначной. Естественное и миграционное движение выступают основными компонентами и формируют демографический баланс.

На территории наиболее пострадавших районов Беларуси можно выделить три типа демографического баланса территории:

1. прогрессивный, где наблюдается положительный характер двух компонентов демографической динамики – естественного и миграционного движения;
2. контрастно-факторный, характеризующийся проявлением разных векторов компонентов демографической динамики – естественного и миграционного движения;
3. регрессивный, где наблюдается отрицательный характер двух компонентов демографической динамики – естественного и миграционного движения.

К основным демографическим рискам чернобыльских территорий следует отнести высокий уровень смертности населения, спад рождаемости и устойчивые по масштабу и направлению потоки внутренних мигрантов, выбывающих из районов, и усиливающие диспропорции в половозрастной структуре населения.

Список литературы

1. *Богино Н. И.* Особенности регулирования демографических процессов районах, подвергшихся радиоактивному загрязнению // Экономический бюллетень. 2005. № 4. С. 41–48.
2. *Шахотько Л. П.* Население Республики Беларусь в конце XX века. Минск : НИИС, 1996. 251 с.
3. *Антипова Е. А., Манак Б. А.* Регионы Беларуси: особенности демографического развития и трудовой потенциал сельской местности. Минск : БГПУ, 2007. 231 с.
4. База статистических данных Национального Статистического Комитета Республики Беларусь. URL : http://dataportal.belstat.gov.by/ (дата обращения: 11.01.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.6 EDN

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В 2010–2021 ГОДЫ ПО МУНИЦИПАЛЬНЫМ ОБРАЗОВАНИЯМ

Ванькина И. Н.
младший научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. Проведён анализ динамики численности населения России за 2010–2021 годы на уровне муниципальных образований первого уровня (городских округов и муниципальных районов). В соответствии с различными темпами динамики выделены группы муниципальных образований.

Ключевые слова: динамика численности населения, городские округа, муниципальные районы

POPULATION DYNAMICS IN RUSSIA IN 2010–2021 BY MUNICIPALITIES

Van'kina I. N.
Junior Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The article deals with analysis of the dynamics of the population of Russia for 2010–2021 at the level of municipalities (town districts, municipal districts). In accordance with the dynamics of population growth rates in the period under review, group processing of municipalities is carried out.

Key words: population dynamics, population growth/decline, town districts, municipal districts

Динамика численности населения – один из важнейших индикаторов социально-экономического развития любой территории. Для России, вследствие наличия большой внутрирегиональной дифференциации практически всех социально-экономических процессов, наиболее оптимален анализ этой динамики на уровне муниципальных районов и городских округов, то есть муниципальных образований первого уровня (МО). Подобные исследования проводились ранее [1] с использованием базы данных «Муниципальная Россия» [2].

Как было отмечено у Ю. А. Симагина [3], стабильная или медленно увеличивающаяся численность населения может являться индикатором устойчивого развития территории, а сильная депопуляция, значение которой достигает 2% в год, является угрозой для социально-демографической безопасности. В цитируемой работе была рассмотрена ежегодная динамика численности по каждому из 2 353 МО России в период с 2010 по 2021 годы. С этой целью все МО были поделены на три группы – в соответствии с различными темпами динамики численности населения: 1) МО, в которых наблюдается рост численности населения, 2) МО с ежегодным сокращением численности

до 2% в рассматриваемый период, 3) МО со значительной отрицательной динамикой (численность населения в которых ежегодно сокращалась более чем на 2%). Доля данных групп с момента Всероссийской переписи населения с 2010 года до начала 2021 года (то есть фактически за 10 лет, так как перепись населения была в конце 2010 года) показана в *табл. 1*.

Таблица 1

Группы муниципальных образований (МО) с разными темпами динамики численности населения в 2010–2021 годах, %

Группа	2010–12 гг.	2010–14 гг.	2010–16 гг.	2010–18 гг.	2010–20 гг.	2010–21 гг.
Рост численности населения	23,7	22,5	21,6	20,8	19,3	18,8
Сокращение численности населения до 2% в год	44,2	54,6	61,9	67,8	71,1	72,2
Сокращение численности населения более 2% в год	23,7	21,8	15,3	11,4	9,6	9,1
Всего	98,9*	98,9*	98,9*	100	100	100

* Сумма составляет менее 100%, так как не учитывались Республика Крым и город Севастополь.

Источник: База данных «Муниципальная Россия».

Данные *табл. 1* показывают, что в течение последних десяти лет количество муниципалитетов, в которых прослеживается положительная динамика численности населения, постепенно уменьшается. К началу 2021 года МО с ростом населения уже менее 1/5 от общего числа. В то же время в сравнении с предыдущими годами становится меньше и тех МО, в которых численность населения в год уменьшается более чем на 2%. Так, за последние десять лет эта группа уменьшилась в 2,6 раза. МО, в которых наблюдается сокращение численности населения не более 2% ежегодно, становится все больше, за прошедшие десять лет количество таких МО возросло более чем в полтора раза.

Темпы роста и сокращения численности населения различаются в зависимости от типа МО. С целью сравнения динамики численности населения городских округов и муниципальных районов была проведена аналогичная группировка МО, представленная в *табл. 2*.

Таблица 2

Группы муниципальных образований (МО) с разными темпами динамики численности населения в 2010–2012 годы и в 2010–2021 годы по типам муниципальных образований России, %

Группы МО по динамике численности населения	Тип муниципального образования			
	Городской округ		Муниципальный район	
	2010–12 гг.	2010–21 гг.	2010–12 гг.	2010–21 гг.
Рост численности населения	42,2	34,9	17,8	13,3
Сокращение численности населения до 2% в год	45,0	62,3	44,5	75,5
Сокращение численности населения более 2% в год	12,8	2,8	37,7	11,2
Всего	100	100	100	100

Источник: База данных «Муниципальная Россия».

Согласно данным *табл. 2*, как для городских округов, так и для муниципальных районов наблюдается тенденция снижения количества муниципалитетов с положительной динамикой численности. Однако стоит отметить, что для обеих групп характерно существенное снижение процента муниципальных образований, население которых уменьшается более 2% в год. Так, к началу 2021 года среди городских округов доля таковых составляла всего 2,8% от общего числа, что почти в 5 раз меньше, чем в начале 2010-х годов. За 10 лет всего 17 городских округов отличаются быстрой депопуляцией (более 2% в год в среднем за рассматриваемый период): Нелидовский (Тверская область), Воркута, Инта, Вуктыл (Республика Коми), Островной (Мурманская область), Гаринский, Махнёво (Свердловская область), Осинниковский (Кемеровская область), Кедровый (Томская область), Северо-Эвенский, Среднеканский, Сусуманский, Тенькинский, Хасынский, Ягоднинский (Магаданская область), Александровск-Сахалинский, Углегорский (Сахалинская область). То есть городские округа отличаются более стабильной численностью населения, но это не относится к территориям на севере и востоке России.

Если в 2010-2012 годы доли городских округов (ГО) и муниципальных районов (МР), в которых прослеживалась отрицательная динамика населения в пределах 2%, были примерно равными, то к началу 2021 года процент таковых среди преимущественно сельских территорий, которыми являются муниципальные районы, стал заметно выше.

Можно выделить ряд МО, в которых прослеживалась резко отрицательная или резко положительная динамика численности населения. Рост численности населения более чем на 50% за последние десять лет наблюдался в следующих МО: ГО Котельники, ГО Лосино-Петровский, ГО Красногорский (Московская область), МР Всеволожский (Ленинградская

область), ГО Магас (Республика Ингушетия), ГО Аргун, МР Шатойский (Чеченская Республика), МР Уфимский (Республика Башкортостан), МР Пестречинский (Республика Татарстан), МР Иволгинский (Республика Бурятия), МР Иркутский (Иркутская область). То есть к территориям, в которых чаще всего наблюдается существенный рост численности населения, относятся некоторые МО Центрального и Северо-Кавказского федеральных округов, отличающиеся или пригородным местоположением в рамках городских агломераций, или высоким естественным приростом населения [4; 5]. В Южном и Уральском федеральных округах муниципалитеты с ростом численности свыше 50% за последние десять лет отсутствуют.

К территориям со значительной отрицательной динамикой (сокращение численности населения более 30% за 10 лет) относятся: МР Мантуровский (Курская область), МР Жарковский (Тверская область), МР Бежаницкий (Псковская область), МР Грозненский (Чеченская Республика), МР Атюрьевский (Республика Мордовия), МР Мамско-Чуйский (Иркутская область), ГО Северо-Эвенский, ГО Среднеканский, ГО Тенькинский, ГО Ягоднинский (Магаданская область). То есть наиболее часто такие МО встречаются в Дальневосточном федеральном округе. В Южном и Уральском федеральных округах не наблюдается такой резкой динамики.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что динамика численности населения муниципалитетов в России на протяжении нескольких лет является довольно неустойчивым процессом. Поддержание численности населения на определенном уровне оказывает существенное влияние на территориальное и социально-экономическое развитие территорий. Поэтому изучение динамики численности населения было и остается актуальной задачей для исследований.

Список литературы

1. *Симагин Ю. А., Пациорковский В. В., Муртузалиева Д. Д.* Дифференциация естественного прироста населения в муниципальных образованиях России // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 36–49. DOI 10.26653/1561-7785-2018-21-4-04
2. База данных «Муниципальная Россия». Авторы и правообладатели: Пациорковский В. В., Коленникова О. А., Симагин Ю. А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014.
3. *Симагин Ю. А.* Дифференциация территории России по динамике численности населения на муниципальном уровне // Экономика. Налоги. Право. 2019. Том. 12. № 2. С. 91–102. DOI 10.26794/1999-849X-2019-12-2-91-102
4. *Пациорковский В. В., Симагин Ю. А., Муртузалиева Д. Д.* Динамика численности населения муниципальных образований России в 2010–18 гг. // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10. № 3. С. 59–77. DOI 10.19181/vis.2019.30.3.589
5. *Шаров С. Ю., Шнейдерман И. М.* Особенности постиндустриального развития агломераций как ядра экономики // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 1. С. 76–87. DOI 10.19181/population.2020.23.1.7

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.7 EDN

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ

Герасимова И. В.
канд. экон. наук, старший научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу миграционной ситуации и влиянию ее на формирование человеческого капитала. Автором констатирована взаимосвязь национальных целей развития с вопросами компенсации естественной убыли населения и достижения устойчивого прироста демографического потенциала. Высказана необходимость разработки государственной миграционной политики Российской Федерации на основе анализа и прогноза демографической, политической и экономической ситуации в мире.

Ключевые слова: миграционный прирост, человеческий капитал, экономическое развитие, документы стратегического планирования, миграционная политика, миграционные процессы, национальные цели развития Российской Федерации, миграционное законодательство

POPULATION MIGRATION AND HUMAN CAPITAL

Gerasimova I. V.
Candidate of Economics, Senior Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the migration situation and its impact on the formation of the human capital. The author shows the relationship between national development goals and issues compensating for the natural decline of the population and achieving sustainable increasing demographic potential. The necessity for development of the state migration policy of the Russian Federation based on the demographic, political and the economic situation in the world was expressed.

Key words: migration growth, human capital, economic development, strategic planning documents, migration policy, migration processes, national development goals of the Russian Federation, migration legislation

Формирование человеческого капитала зависит от институционального, политического, интеграционного, экономического, социального и финансового факторов. Как юридическая категория человеческий потенциал характеризуется наличием правовой грамотности и правосознанием, помогающими избежать негативные последствия для каждого индивидуума. Поэтому в условиях развития государства и общества, регионов и населения все большее распространение приобретает необходимость доведения правовых основ до каждого человека. Также это касается и норм в сфере миграционного законодательства. В этой связи необходимо развитие и поддержка человеческого капитала как на федеральном, региональном, так и на муниципальном уровнях в рамках законодательной базы [1].

Формирование комфортной среды для жизни, инвестиции в человеческий капитал и кадровый потенциал представляются основными задачами на современном этапе экономического развития Российской Федерации.

Миграционный поток в Российскую Федерацию должен учитывать указанные выше задачи. Качество образования мигрантов, их правовое самосознание, соблюдение требований законодательства в сфере миграции, традиций и образа жизни российского общества, знание истории России являются основными категориями при разработке государственной миграционной политики.

Вопросы компенсации естественной убыли населения, его сохранения, а также достижение устойчивого прироста демографического потенциала, освещенные О. Л. Рыбаковским [2, 64], Е. С. Красинцом [3; 4] и др., сопряжены с национальными целями развития Российской Федерации на период до 2030 года [5].

Россия – самое большое государство в мире. Площадь территории России составляет более 17,1 млн км^2. Далее следует Канада (9,9 млн км^2). Наиболее крупными субъектами Российской Федерации являются Республика Саха (Якутия), территория которой составляет 18% всей территории России, и Красноярский край (13,8%).

При этом Россия занимает девятое место в мире по численности населения. На 1 ноября 2021 года численность постоянного населения России составила 145,7 млн человек. Снижение численности постоянного населения России в отчетном периоде превышает показатель за аналогичный период прошлого года (далее – АППГ) (–381,8 тыс.). Миграционный прирост на 39,9% компенсировал естественную убыль населения.

По информации МВД России, число лиц, прибывших в Российскую Федерацию, увеличилось на 64,8 тыс. человек или на 13,4%, из которых 91,4% составляют прибывшие из государств – членов СНГ (+14,6%). Одновременно с этим число убывших за пределы Российской Федерации сократилось на 169,5 тыс. человек или 42,7%, в том числе, в государства – члены СНГ – на 143,5 тыс. человек (–41,6%).

Средняя плотность населения в России составляет 8,54 чел./км^2 (показатель рассчитан путем деления численности постоянного населения на 1 января 2021 года – по данным Росстата – на соответствующую площадь территории). Самая высокая плотность населения наблюдается в городах федерального значения: Москве (4 941,45 чел./км^2), Санкт-Петербурге (3 837,73 чел./км^2) и Севастополе (590,27 чел./км^2), наиболее низкая – в Чукотском автономном округе (0,07 чел./км^2).

За период с 2013 года по допандемийный 2019 год миграционный прирост в Российской Федерации снизился более чем на 6% до 286 тыс. человек. В 2020 году он

составил всего 106 тыс. человек. За январь-октябрь 2021 года миграционный прирост населения России вырос в сравнении с АППГ на 234,3 тыс. человек или в 3,7 раза.

Учитывая то, что основной обмен населением осуществляется с государствами – членами СНГ, почти 94% всего миграционного прироста обеспечено гражданами указанных государств. В обмене населением со всеми странами – членами СНГ отмечается увеличение миграционного прироста не только в сравнении с показателями за АППГ, но и в сравнении с аналогичным периодом 2019 года.

При обмене населением со странами дальнего зарубежья в январе-октябре 2021 года миграционный прирост составил 20,6 тыс. человек, что на 1,6% меньше значения за аналогичный период 2019 года (за аналогичный период 2020 года наблюдалась миграционная убыль более чем на 6,4 тыс. человек).

Таким образом, оценивая сложившуюся миграционную ситуацию в Российской Федерации, необходимо особое внимание уделять категории «качество» при разработке и реализации миграционной политики Российской Федерации. Цели и задачи, изложенные в основных документах стратегического планирования, должны достигаться и выполняться посредством анализа и подготовки демографической, миграционной, политической и экономической ситуации в мире.

Список литературы

1. *Артемов Д. И.* Трансформация конституционной ценности человеческого капитала в современных условиях // Российская юстиция. 2020. № 6. С. 56–58.

2. *Рыбаковский О. Л.* Воспроизводство населения России: задачи, тенденции, факторы и возможные результаты к 2024 г. // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 1. С. 53–66.

3. *Красинец Е. С.* Миграционная составляющая демографической динамики в развитии человеческого капитала современной России // Миграционное право. 2021. № 1. С. 11–14. DOI 10.18572/2071-1182-2021-1-11-14

4. *Красинец Е. С.* Трансформация процессов внешней трудовой миграции в период распространения инфекции COVID-19 / Е. С. Красинец, И. В. Герасимова // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 4. С. 161-171. DOI 10.19181/population.2020.23.4.15

5. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» / «Собрание законодательства РФ». 27.07.2020. № 30. Ст. 4884 // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 25.02.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.8 EDN

РОЖДАЕМОСТЬ ТРЕТЬИХ ДЕТЕЙ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН КАК РЕЗУЛЬТАТ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (2000–2020 гг.)

Ершова Г. Н.
канд. ист. наук,
старший научный сотрудник,
Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Татарстан

Аннотация. Ретроспективный анализ динамики показателей рождаемости по очередности рождений, в том числе суммарного и повозрастных коэффициентов рождаемости, позволил определить тренды многодетности в Республике Татарстан, оценить влияние федеральных и региональных мер демографической политики, направленных на увеличение рождаемости и повышение качества жизни семей с детьми, и может служить инструментом регулирования демографической ситуации в регионе.

Ключевые слова: суммарный коэффициент рождаемости, повозрастной коэффициент рождаемости, очередность рождений, демографическая политика, материнский капитал, многодетность, Республика Татарстан

BIRTH RATE OF THIRD CHILDREN IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN AS A RESULT OF THE DEMOGRAPHIC POLICY (2000–2020)

Yershova G. N.
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher,
Center of Family and Demography, Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Tatarstan

Abstract. A retrospective analysis of the dynamics of fertility rates by birth order, including the total and age-specific fertility rate, allowed identifying the trends of large families in the Republic of Tatarstan, assessing the impact of federal and regional demographic policy measures aimed at increasing fertility and improving the quality of life of families with children. It can serve as a tool for regulating the demographic situation in the region.

Key words: total fertility rate, age-specific fertility rate, order of births, demographic policy, maternity capital, large families, Republic of Tatarstan

Меры по поддержке семей с детьми, реализуемые в России в целом и в Республике Татарстан, начиная с 2007 года, были направлены на увеличение рождаемости детей второй и последующих очередностей, улучшение экономических условий жизнедеятельности семей с детьми, укрепление здоровья семей с детьми и создание условий для совмещения занятости и родительства [1, 514–517]. Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан осуществил статистический анализ абсолютных показателей, повозрастных и суммарных коэффициентов рождаемости по очередности рождений, позволивший выявить следующие региональные особенности. Начиная с 2007 года, динамика рождаемости в Республике Татарстан во многом определялась новыми мерами

демографической политики. Максимальное число рождений первого ребенка в Республике Татарстан было зафиксировано в 2013 году, что могло быть обусловлено мотивацией некоторых женщин, желающих иметь двоих детей, реализовать репродуктивные намерения до 2016 года, потому что это был первоначально установленный срок реализации программы федерального материнского (семейного) капитала (впоследствии продлен до 2021 года). Выдвинутая гипотеза подтверждается снижением суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям почти во всех субъектах Российской Федерации в 2016–2019 годах [2, 44]. Доля вторых рождений составляла в 2000-2006 годах почти треть всех рождений в Республике Татарстан, начиная с 2007 года до 2016 года, она увеличивалась ежегодно на 1–2%, в 2017 году их доля снизилась на 2%, далее до 2020 года последовало ежегодное снижение на 1%. В 2020 году доля первенцев в Республике Татарстан на 0,4% превысила долю вторых детей, что предположительно может стать началом складывания тенденции влияния новых мер государственной поддержки женщин, родивших первого ребенка. Общее число рождений в Республике Татарстан в 2020 году снизилось почти до уровня 2007 года.

За рассматриваемый период, начиная с 2007 года, в Республике Татарстан ежегодно увеличивалась доля рождений третьего ребенка, возможно, ввиду дополнительной мотивированности женщин, желавших иметь троих детей и родивших второго ребенка до 2007 года, что подтверждается увеличением среднего возраста матери с 2007 по 2010 годы. Наблюдаемый тренд роста числа трехдетных семей не изменился в 2020 году – по сравнению с 2019 годом доля третьих рождений увеличилась на 1,5%. В 2020 году по отношению к 2007 году число третьих рождений и их доля увеличилась почти троекратно и превысила шестую часть от общего числа родившихся [3, 96].

Наиболее объективным показателем интенсивности рождений является суммарный коэффициент рождаемости по очередности рождений. В 2020 году суммарный коэффициент рождаемости Республики Татарстан по пятой и большей очередности ниже среднероссийского и среднего показателя по Приволжскому федеральному округу и находится на 12 месте среди регионов округа, по четвертым – Республика Татарстан занимает 9 место в округе. По суммарному коэффициенту рождаемости по третьим рождениям у республики 7 место среди регионов Приволжского федерального округа, но показатель выше среднероссийского и среднего показателя по округу. По суммарному коэффициенту рождаемости в целом и по вторым рождениям Республика Татарстан на 3 месте, а по первым рождениям – на 1 месте в Приволжском федеральном округе и превышает среднероссийский показатель. В 2020 году относительно 2007 года темп прироста суммарного коэффициента рождаемости вторых детей составил 12%, суммарный

коэффициент рождаемости вторых детей достигал максимума в 2015 и 2016 годах, с 2014 года по 2019 год отмечено увеличение темпа прироста суммарного коэффициента рождаемости третьих, а с 2012 по 2019 годы – четвертых детей, что позволило в 2019 году достичь максимальных показателей суммарного коэффициента рождаемости третьих и четвертых детей, в 2 раза превысивших показатели 2007 года. Темп прироста суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям в 2020 году относительно 2007 года – отрицательный (–8%), однако относительно 2019 года – положительный (0,02%). Если рассматривать доли суммарного коэффициента рождаемости по очередности рождений в общем суммарном коэффициенте рождаемости можно определить, что в 2020 году по сравнению с 2007 годом доля суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям снизилась на 9%, по вторым рождениям, наоборот, увеличилась на 0,1%, по третьим рождениям – увеличилась на 7%.

Специфику демографической ситуации в Республике Татарстан также определяют региональные меры демографической политики. В соответствии с Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 09.02.2018 г. № 67 «О единовременной выплате женщинам, постоянно проживающим в сельской местности, при рождении ребенка» с 1 января 2018 года была введена единовременная выплата сельским женщинам: в возрасте до 25 лет при рождении первого ребенка – в размере 50 тыс. рублей; в возрасте до 29 лет при рождении третьего ребенка – в размере 100 тыс. рублей [4, 48].

Изучение доли рождений различной очередности в общем числе рождений в муниципальных образованиях Республики Татарстан в 2018–2019 годы по сравнению с 2017 годом выявило, что наибольшая доля рождений первой и третьей очередности зафиксирована преимущественно в сельских районах Республики Татарстан. Анализ динамики повозрастных коэффициентов рождаемости сельских женщин показывает, что на рождаемость в возрастной группе 15–19 лет указанные меры в 2018–2020 годах не оказали воздействия, число рождений на 1000 женщин данного возраста снизилось почти в 3 раза по сравнению с 2000 годом, темп снижения относительно 2017 года в 2018–2019 годах составлял 16%, в 2020 году – 24%, по сравнению с 2006 годом он снизился почти в 2 раза. В отношении рождаемости в возрастных группах 20–24 года в 2018 году удалось остановить падение показателя, темп прироста повозрастных коэффициентов составил в 2019 и 2020 годах 1% и 2%, соответственно, в возрастных группах 25–29 лет в 2017 году темп прироста составлял –11,6%, в 2018 и 2019 годах зафиксирована тенденция роста показателя до уровня 2008 года. Цепной темп прироста в 2018 году составил 6,4%; в 2019 году – 3,6%; в 2020 году, несмотря на отрицательный темп прироста (-4,5%), сохранился уровень показателя 2007 года.

Согласно принятым в 2020 году поправкам к Конституции Российской Федерации государство берет на себя повышенные обязательства в семейной сфере. Защита семей, материнства и детства имеет комплексный характер, осуществляется государством, субъектами РФ, муниципальными образованиями путем воздействия на общественные отношения нормами различных отраслей права (семейного, гражданского, трудового, жилищного и др.). Перспективы устойчивого развития рождаемости и повышения качества жизни семей с детьми во многом зависят от последовательности и эффективности мер демографической политики, принимаемых как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Список литературы

1. Демографический доклад-2020. Демографическое самочувствие Республики Татарстан: статистический мониторинг и рефлексии населения. Монография / Под ред. д.с.н. Ч. И. Ильдархановой. Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2020. 578 с.
2. Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад-2020 / С. В. Рязанцев, В. Н. Архангельский, О. Д. Воробьева [и др.]; Отв. ред. С. В. Рязанцев. М. : ООО «Объединенная редакция», 2020. 156 с.
3. *Ершова Г. Н.* Пандемия COVID-19 как фактор конструирования демографической ситуации в Республике Татарстан. Казань: Изд-во «Познание», 2021. 178 с.
4. Демографический доклад-2021. Ретроспективы и перспективы воспроизводства населения Республики Татарстан (2000–2020 гг.). Монография / Под ред. д.с.н. Ч. И. Ильдархановой. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2022. 306 с.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.9 EDN

КРИЗИС СМЕРТНОСТИ В РФ: УРОКИ ПРОШЛОГО И ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ДИНАМИКИ

Ибрагимова А. А.
канд. социол. наук,
ведущий научный сотрудник,
Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Татарстан

Аннотация. Проблема смертности, как угроза демографической безопасности Российской Федерации, занимает одно из первых мест. В статье представлен ретроспективный анализ динамики смертности населения Российской Федерации за период с 2000 по 2020 годы и современная демографическая ситуация. Проведенный анализ позволил выявить факторы, влияющие на повышение показателей смертности. Резерв снижения смертности заключается в преодолении последствий COVID-19 и предотвращении смертности от внешних причин.

Ключевые слова: демографический кризис, смертность, общий коэффициент смертности, возрастной коэффициент смертности, причины смертности

THE MORTALITY CRISIS IN THE RUSSIAN FEDERATION: LESSONS FROM THE PAST AND FEATURES OF THE CURRENT DYNAMICS

Ibragimova A. A.
Candidate of Sociology,
Leading Researcher,
Center of Family and Demography, Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Tatarstan

Abstract. The problem of mortality as a threat to the demographic security of the Russian Federation occupies one of the first places. The article presents a retrospective analysis of the dynamics in mortality of the population of the Russian Federation for the period from 2000 to 2020 and the current demographic situation. The analysis made it possible to identify factors affecting the increase in mortality rates. The reserve for reducing mortality is in overcoming the consequences of COVID-19 and preventing mortality from external causes.

Key words: demographic crisis, mortality, total mortality rate, age-related mortality rate, causes of mortality

Смертность как важный демографический процесс, наряду с рождаемостью, является неотъемлемой частью естественного движения (воспроизводства) населения [1, 382], что определило особое внимание к смертности в период демографического кризиса населения РФ, связанный с депопуляцией и снижением численности населения. Поскольку смертность оказывает непосредственное влияние на численность и структуру населения, возникает необходимость осуществления анализа существующей демографической ситуации и прошлых демографических тенденций ее изменения в РФ с целью разработки эффективной политики по улучшению демографической ситуации и совершенствования деятельности органов здравоохранения.

В последние два года Российская Федерация (далее – РФ) столкнулась с кризисом смертности, который характеризуется увеличением количества смертей и снижением ожидаемой жизни населения по причине распространения COVID-19. Смертность населения РФ с 2005 по 2019 годы имела мощную положительную тенденцию к снижению. Серьезные изменения произошли в 2020–2021 годах: показатель общего коэффициента смертности в РФ в 2021 году достиг своего наивысшего показателя в период за 21 год (16,8‰). В данном случае можно говорить о том, что произошел переход из стабильности в кризис, который отражается не только на общей демографической ситуации, но может привести к возникновению противоречия между сложившейся социально-демографической структурой общества и трудовым потенциалом [2]. Анализ смертности населения РФ в ретроспективе позволяет выявить факторы, влияющие на повышение или понижение данного демографического показателя для их учета в перспективном будущем.

Рис. 1. Динамика общего коэффициента смертности в РФ (2000–2021 гг.)
Источник: составлено автором по данным Росстата.

В 2020 году в абсолютных числах умерло 2 138 тыс. человек, эти показатели выше, чем в 2007–2019 годах. К 2020 году ситуация со смертностью в РФ практически вернулась к уровням 2000–2006 годов. В 2021 году зафиксирована смертность 2445,5 тыс. человек, что на 15,1% выше, чем в 2020 году. Однако, поскольку данный абсолютный демографический показатель сильно зависит от общей численности населения и половозрастной структуры населения, то можно констатировать тот факт, что, несмотря на рост числа смертей, наблюдалась тенденция к снижению смертности населения РФ.

Самое первое представление об изменениях уровня смертности позволяет получить динамика общего коэффициента смертности за ряд лет (в нашем анализе был выбран 21-но

летний период с 2000 по 2020 годы). За данный период общий коэффициент смертности снизился на 5% с 15,3‰ до 14,6‰.

Различны тенденции и темпы снижения общего коэффициента смертности городского и сельского населения. В РФ снижение общего коэффициента смертности сельского населения с 2000 по 2020 годы шло интенсивнее, чем городского (за 21 год данный показатель в сельских территориях снизился на 9,9%, в городских – на 2,1%). Значительные различия между показателями смертности в городских и сельских территориях (на селе смертность всегда была выше, чем в городе) объясняются типом возрастной структуры населения: для сельской местности характерен регрессионный тип (преобладание численности лиц старше трудоспособного возраста над численностью детей), в городской местности возрастная структура более сбалансирована с позиции соотношения различных возрастных групп: доля пожилого населения меньше, чем в сельской местности, поэтому уровень смертности здесь ниже. С 2000 по 2020 годы зафиксировано увеличение разницы между показателем общего коэффициента смертности городского и сельского населения (в 2000 году общий коэффициент смертности городского населения был ниже на 15%, в 2020 году – на 7%).

По мнению демографа Медкова В. М., наилучшим инструментом анализа процесса смертности является возрастной коэффициент смертности. Анализ возрастных показателей смертности в РФ за период с 2000 по 2020 годы выявил снижение смертности во всех возрастных группах (5–9 лет – на 57%; 10–14 лет – на 55%; 15–19 лет – 59%; 35–39 лет – на 29%; 40–44 года – на 28%; 45–49 лет – на 34%; 50–54 года – на 37%; 55–59 лет – на 34%; 60–64 года – на 26%; 65–69 лет – на 23%; 70–74 года – на 22%; 75–79 лет – на 17%; 80–85 лет – на 18%; старше 85 лет – на 15%). Наиболее позитивные сдвиги отмечены у населения младших трудоспособных возрастов (20–34 года), смертность которых снизилась на 62–67%.

Следует выделить ряд факторов, оказывающих влияние на увеличение смертности населения РФ [3]. К первому фактору относятся заболевания, оказывающие воздействие на избыточную смертность. Наибольший вклад в увеличение смертности населения вносят болезни системы кровообращения, новообразования и с 2019 года – коронавирусная инфекция, вызванная COVID-19. В 2020 году выросла заболеваемость и смертность от болезней системы кровообращения. До 2020 года наблюдалась положительная динамика снижения смертности от данного класса причин. Второй фактор – предотвратимые внешние причины (в 2020 году – 139,6 тыс. умерших – 6,5% от общего числа умерших). В структуре смертности от внешних причин – 32% смертей от повреждения с неопределенными намерениями, 11% – от самоубийств и 10% – от ДТП. Третий фактор – недостаточное

оказание медицинской помощи и обслуживания, в том числе снижение объемов оказания плановой медицинской помощи и диспансеризации граждан из-за пандемии коронавирусной инфекции. Четвертый фактор – старение населения страны, которое идет снизу, так как является следствием снижения рождаемости [4]. Чем выше население более старших возрастов, тем выше смертность.

Одной из основных причин демографических потерь регионов РФ, особенно в период пандемии коронавирусной инфекции, выступает избыточная смертность, что обусловлено преждевременной смертностью населения. Для достижения положительных тенденций по снижению смертности необходимо устранить влияние COVID-19 и внешних причин смертности. Правительством РФ проводилась большая работа по снижению смертности населения: вакцинация населения, диспансеризация, плановые обследования по выявлению заболеваний на ранних этапах, мероприятия по предотвращению смертности от внешних причин, снижения дорожно-транспортных происшествий, правонарушений, в том числе убийств и т. д. В Распоряжении Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2021 года № 2580-р «О плане мероприятий по реализации в 2021-2025 гг. Концепции демографической политики РФ на период до 2025 г.» в разделе, направленном на снижение смертности и повышению ожидаемой продолжительности жизни населения РФ, выделены мероприятия по повышению доступности для населения медицинского обслуживания, особенно для лиц с заболеваниями, которые являются основными причинами смертности. В совокупности все реализуемые действия являются эффективным инструментом снижения смертности при условии их эффективного и подконтрольного применения.

Список литературы

1. *Медков В. М.* Демография. М. : ИНФРА-М, 2008. 683 с.
2. *Неймер Ю. Л.* Из стабильности в кризис. Исследования и публицистика социолога в СССР, Украине и США. М. : КРОНУС, 2004. 544 с.
3. Демографический доклад-2021. Ретроспективы и перспективы воспроизводства населения Республики Татарстан (2000–2020 гг.). Монография / Под ред. д.с.н. Ч. И. Ильдархановой. Казань : Изд-во Академии наук РТ, 2022. 306 с.
4. *Ибрагимова А. А., Ильдарханова Ч. И.* Естественное воспроизводство российского населения в период пандемии коронавирусной инфекции: риски и последствия // Регионология. 2021. № 3. С. 686–708.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.10 EDN

ГОТОВНОСТЬ МИГРАНТОВ АДАПТИРОВАТЬСЯ К УСЛОВИЯМ ПРОЖИВАНИЯ В ПРИНИМАЮЩЕМ СОЦИУМЕ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Крылова М. А.
канд. социол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Якимов Ю. М.
канд. пед. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются причины фактического отказа части мигрантов адаптироваться в принимающем обществе. Это явление, известное как негативная адаптация, требует жёсткой коррекции не столько на законодательном уровне, сколько на уровне повседневных практик, делающих негативную адаптацию допустимой.

Ключевые слова: миграция, трудовые мигранты, социальная адаптация, негативная социальная адаптация, миграционная политика

WILLINGNESS OF MIGRANTS TO ADAPT TO LIVING CONDITIONS IN THE HOST SOCIETY AS A SOCIAL PROBLEM OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Krylova M. A.
Candidate of Sociology, Associate Professor,
St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia

Yakimov Yu. M.
Candidate of Pedagogics, Associate Professor,
St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the reasons for the actual refusal of migrants to adapt to the host society. This phenomenon, known as negative adaptation, requires strict correction not so much at the legislative level as at the level of everyday practices that make negative adaptation permissible.

Key words: migration, labor migrants, social adaptation, negative social adaptation, migration policy

Россия, вслед за европейскими странами, столкнулась с проблемой адаптации мигрантов к условиям жизни в принимающем обществе. События, с этим связанные, обратили на себя внимание, вызвав широкий общественный резонанс. Появилось множество сообщений на эту злободневную тему, она стала активно обсуждаться [1].

Решение вопросов, связанных с обострением проблемы адаптации трудовых мигрантов, было перенесено на правительственный уровень. В интервью «РИА Новости» от 28 января 2022 года заместитель председателя Совета безопасности Д. А. Медведев отметил: «Ни одна страна без притока мигрантов обойтись не может, но это должен быть цивилизованный процесс, а с этим есть проблемы» [2]. Также Д. А. Медведев заявил о необходимости активизации работы по адаптации мигрантов в российском обществе. По его словам, они должны понимать русский язык, знать основы российской культуры, а также должны быть адаптированы к условиям жизни в Российской Федерации [2].

Всё, о чём говорил высокопоставленный чиновник, отражено в действующем Федеральном законе № 115 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», принятого 25.07.2002 г. [3]. В нём, среди прочего, чётко регламентируется пребывание и осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами на территории Российской Федерации: «… иностранный гражданин в целях получения … разрешения на работу либо патента … обязан подтвердить владение русским языком, истории России и основ законодательства Российской Федерации одним из следующих документов:

- сертификатом о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации;
- документом об образовании и (или) о квалификации», прошедшей аккредитацию организацией [3].

Итак, для легализации на территории принимающего общества от иностранного гражданина требуется знание языка и основ законодательства. Также предполагается готовность следовать культурным нормам и стандартам поведения, установленным в принимаемом обществе, даже если они отличаются от привычной, усвоенной в обществе исхода, манеры поведения.

Приводимое выше положение об основах социальной адаптации мигрантов «работает» не всегда. Вероятно, «сбои» в социальной адаптации связаны с комплексом проблем, в числе которых:

1) отсутствие какого-либо предварительного отбора приезжающих в страну мигрантов, заявляющих целью приезда работу, при этом абсолютно не знающих языка, склонных к девиантному (даже делинквентному) поведению и не готовых к существованию в инокультурной среде;

2) нежелание самих иностранных граждан приспосабливаться к новым условиям жизни, чему способствуют: особенности компактного расселения на территории принимающего общества; готовность потенциальных работодателей принимать на работу

не владеющих русским языком; отсутствие положительного влияния на мигрантов, нарушающих нормы пребывания на территории России, со стороны диаспор;

3) коррупционная составляющая в органах, осуществляющих контроль над пребыванием иностранного гражданина на территории Российской Федерации;

4) расчёт на помощь «посредников»: юридических фирм и различных организаций по подбору персонала, основной сферой деятельности которых становится легализация иностранных граждан, прибывших на территорию Российской Федерации с целью трудоустройства, а также оказание содействия в получения РВП и ВНЖ;

5) воспроизводство элементов инфраструктуры с этнической составляющей, когда за помощью можно обратиться исключительно к «своему» врачу, «своему» адвокату и т. п.

Всё вышеизложенное становится основанием негативной социально-психологической адаптации трудовых мигрантов, устранение которой находится не столько в законодательной сфере, связанной с изменением миграционной политики и усложнением порядка пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации, сколько в решении проблем, связанных с повседневным обустройством.

Таким образом, социальная адаптация мигрантов имеет определённые сложности, значительная часть которых решается в плоскости правового, социально-экономического, информационно-просветительского характера, а также личностных качеств и свойств, целей, системы ценностей и установок на готовность включения в принимающее общество.

Список литературы

1. *Хомяков В.* Вспомнить всё: мигрантский беспредел 2021 года». URL: https://rostov.tsargrad.tv/articles/vspomnit-vsjo-migrantskij-kriminalnyj-bespredel-2021-goda_471549 (дата обращения: 10.02.2022).

2. *Медведев Д. А.* Адаптировать мигрантов к жизни в России: интервью агентству РИА-Новости от 28.01.2022. URL: https://ria.ru/20220128/migranty-1769904535.html (дата обращения: 28.01.2022).

3. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Официальный сайт правовой поддержки «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/443b9d69fea13cc5f1b681847cd6c139a2002c63/ (дата обращения: 24.10.2021).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.11 EDN

ГОРОДСКАЯ СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ В РОССИИ (ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-010-00358)

Ноздрина Н. Н.
канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Шнейдерман И. М.
канд. экон. наук, заведующий лабораторией
социально-экономических проблем жилищной политики,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. На основе данных Росстата за 2021 год проанализировано территориальное распределение числа и населения городов в разрезе федеральных округов России. Дана оценка степени дефицита городов, особенно крупных, на востоке страны, усугубляемого направлением миграционных потоков населения.

Ключевые слова: федеральные округа России, число и численность населения городов, коэффициенты миграционного прироста населения

URBAN SETTLEMENT SYSTEM IN RUSSIA (TERRITORIAL ASPECT)

Nozdrina N. N.
Candidate of Economics, Leading Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Schneiderman I. M.
Candidate of Economics, Head of the Laboratory for socio-economic issues of housing and property provision,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. Based on Rosstat data for 2021, territorial distribution of the number and population of cities in the context of federal districts of Russia is analyzed. There is given assessment of the degree of shortage of cities, especially large ones, in the East of the country, aggravated by the direction of migration flows of the population.

***Key words*:** federal districts of Russia, number and population of cities, coefficients of migration population growth

В официальной статистике и управленческой практике города Российской Федерации, в зависимости от численности населения, принято подразделять на следующие типы: крупнейшие города (численность населения свыше 1 млн человек), крупные (население от 500 тыс. до 1 млн человек), крупные (от 250 до 500 тыс. человек), большие

(от 100 до 250 тыс. человек), средние (от 50 до 100 тыс. человек) и малые города (численность населения менее 50 тыс. человек).

Еще одним типом населенных пунктов, признанных городской формой расселения, являются поселки городского типа (ПГТ), в которых формально проживает городское население, хотя многие из них по наличию реальной городской инфраструктуры и типу застройки зачастую очень далеки от «настоящих» городов.

Всего в России по состоянию на 1 января 2021 года насчитывалось 1117 городов и 1181 ПГТ. Распределение городов с различной численностью населения по территории России в разрезе федеральных округов (ФО) представлено в *табл. 1*.

Таблица 1

Распределение числа городов с разной численностью населения в разрезе федеральных округов России (на 1 января 2021 года)

Федеральный округ	Всего городов	В т.ч. города с численностью населения:					
		менее 50000	50000 – 99999	100000 – 249999	250000 – 499999	500000 – 999999	1000000 и более
	Города с разной численностью населения – единиц						
Российская Федерация	**1117**	**795**	**151**	**93**	**39**	**24**	**15**
Центральный ФО	304	227	32	25	14	4	2
Северо-Западный ФО	148	123	14	4	6	–	1
Южный ФО	96	57	18	12	4	3	2
Северо-Кавказский ФО	58	33	11	10	3	1	–
Приволжский ФО	200	133	35	15	4	8	5
Уральский ФО	115	81	17	9	5	1	2
Сибирский ФО	114	78	17	11	–	5	3
Дальневосточный ФО	82	63	7	7	3	2	–
	Города с разной численностью населения – %						
Российская Федерация	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**
Центральный ФО	27,2	28,6	21,2	26,9	35,9	16,7	13,3
Северо-Западный ФО	13,2	15,5	9,3	4,3	15,4	0,0	6,7
Южный ФО	8,6	7,2	11,9	12,9	10,3	12,5	13,3
Северо-Кавказский ФО	5,2	4,2	7,3	10,8	7,7	4,2	0,0
Приволжский ФО	17,9	16,7	23,2	16,1	10,3	33,3	33,3
Уральский ФО	10,3	10,2	11,3	9,7	12,8	4,2	13,3
Сибирский ФО	10,2	9,8	11,3	11,8	0,0	20,8	20,0
Дальневосточный ФО	7,3	7,9	4,6	7,5	7,7	8,3	0,0

Источник: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года. М.: Росстат, 2021 [1].

Больше всего городов приходится на Центральный ФО – 304 или 27,2% от общего числа городов. Лидерство достигается, прежде всего, благодаря очень большому числу малых городов – 227 из 795 таких городов (28,6%), на втором месте идет Приволжский ФО

(133 малых города или 16,7% от общего числа городов этого типа). Также Центр лидирует по числу больших городов (25 из 93 больших городов в целом по стране или 26,9%) и по числу крупных городов с численностью населения от 250 до 500 тыс. человек. Их здесь 14 из 39 в целом по стране или 35,9%. Здесь также находится Москва, которая во многом оттягивает на себя население из других городов, а также еще один миллионник – Воронеж.

На втором месте по числу городов следует Приволжский ФО – 200 городов (17,9%). Этот федеральный округ лидирует по числу наиболее населенных городов – крупнейших (5 из 15 миллионников или 33,3%) и крупных с численностью населения от 500 тыс. до 1 млн человек – 8 из 24 городов этого типа (33,3%). Кроме того, в Приволжском ФО расположено больше всего средних городов (35 из 151 или 23,2% от общего числа городов этого типа).

На третьем месте по числу городов находится Северно-Западный ФО (148 или 13,2%). Этот федеральный округ находится на втором месте по числу крупных городов с населением от 250 до 500 тыс. человек (6 из 39 или 15,4%). Здесь также много малых городов (123 или 15,5%) – третье место. Столицей федерального округа является Санкт-Петербург – второй по численности населения город России.

На территории Уральского и Сибирского ФО находится практически равное число городов (115 и 114 или 10,3 и 10,2%, соответственно). Распределение по типам городов здесь также сходное. По числу превалируют малые города (81 и 78). В Уральском ФО находится 2 города-миллионника, в Сибирском – 3 таких города.

Меньше всего городов расположено в Северо-Кавказском ФО – 58 или 5,2% от общего числа городов. Это даже меньше, чем в Дальневосточном ФО (там всего 82 города или 7,3% от общего числа городов страны), а также в Южном ФО (96 или 8,6%).

Следует отметить, что в Южном ФО находится два города-миллионника – Ростов-на-Дону и Волгоград, а в Дальневосточном ФО нет миллионников, но есть два крупных города с численностью населения от 500 тыс. человек – Хабаровск и Владивосток; в Северо-Кавказском ФО – всего один такой крупный город – Махачкала.

Большая часть крупнейших городов-миллионников сосредоточена в Европейской части России. Только Новосибирск, Омск и Красноярск расположены за Уралом, а Екатеринбург и Пермь – на Урале. Расположение городов-лидеров тесно связано с более развитой сетью дорог. Многие города-миллионники стоят на пересечении железных дорог и рек (Волга, Иртыш, Обь, Енисей, Дон, Москва, Нева, Кама).

Картину распределения городов по территории страны дополняет распределение по федеральным округам поселков городского типа (ПГТ). Из 1181 ПГТ России на Центральный ФО приходится 295 (25%), на Приволжский ФО – 252 (21,3%), на Северо-Западный – 137 (13,2%). Много таких поселков располагается в Дальневосточном ФО –

195 (16,6% от их общего числа) и в Сибирском ФО – 150 (12,7%). Многие из ПГТ востока страны возникли рядом с местами добычи сырьевых ресурсов. Доля ПГТ, приходящаяся на территорию Дальнего Востока, более чем в 2 раза выше, чем доля этого региона в числе городов. Меньше всего ПГТ в Южном ФО (46 или 3,9% от их общего числа) и в Северо-Кавказском ФО (33 или 2,8%). В этих регионах небольшие поселения чаще относятся к сельской форме расселения. Относительно немного ПГТ расположено и на Урале – 73 (6,2%,).

Территориальное распределение населения городов по федеральным округам России во многом повторяет распределение их числа. Коэффициент парной корреляции между ними имеет очень высокое значение (0,985). В Центральном ФО проживает 30% населения городов страны, в Приволжском – 19,1%, Сибирском – 11,3%, Северо-Западном – 10,9%, Южном – ,7%, Уральском – 9,4%, Дальневосточном – 5%, Северо-Кавказском – 4,6% [1].

Таким образом, можно сделать следующие выводы: в восточных регионах России городов не хватает, особенно больших и крупных. В Уральском, Сибирском и Дальневосточном федеральных округах располагается 311 городов из 1117 или 27,8% от общего числа городов и 25,7% от их населения. Если же рассмотреть два восточных федеральных округа – Сибирский и Дальневосточный, то на них суммарно приходится 17,5% городов России и 16,3% населения городов страны.

Диспропорции в территориальном распределении городской системы расселения многие годы поддерживаются направлением миграционных потоков населения внутри страны. Восточная часть все больше пустеет. Так, коэффициент миграционного оттока на 1000 человек в 2020 году составил в Дальневосточном ФО –2,7, в Сибирском ФО –1,6 при одновременно положительных значениях в Южном ФО (+6,4), Северо-Западном ФО (+2,6) и Центральном ФО (+1,4) [2].

Устранение диспропорций видится, прежде всего, в создании лучших условий жизни населения в восточных регионах страны на базе укрепления сложившейся системы городского расселения, развития агломерационных связей между населенными пунктами различного типа, с использованием преимуществ каждого из них.

Список литературы

1. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2021 года. М. : Росстат, 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282 (дата обращения: 24.02.2022).
2. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2020 году. М. : Росстат, 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283 (дата обращения: 24.02.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.12 EDN

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ НАСЕЛЕНИЯ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Попова А. И.
канд. экон. наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

Швецов К. В.
канд. экон. наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены актуальные вопросы демографической ситуации в Санкт-Петербурге за период январь-декабрь 2021 года. Обозначена основная тенденция убыли населения и ее причины, а также рассмотрены вопросы регулирования демографического состояния города.

Ключевые слова: демография, демографическая ситуация, демографическая политика

ANALYSIS OF THE DEMOGRAPHIC STATE OF THE POPULATION OF ST. PETERSBURG

Popova A. I.
Candidate of Economics, Associate Professor,
St. Petersburg Polytechnic University
St. Petersburg, Russia

Shvetsov K. V.
Candidate of Economics, Associate Professor,
St. Petersburg Polytechnic University
St. Petersburg, Russia

Abstract. The article considers topical issues of the demographic situation in St. Petersburg for the period January–December 2021. The main tendency of population decline of its causes is indicated, as well as issues of regulation of demographic state of the city are considered.

Key words: demographics, demographic situation, population policies

По предварительной оценке, численность постоянного населения Санкт-Петербурга на 1 января 2022 года составила 5 376,7 тыс. человек и с начала 2021 года уменьшилась на 7,6 тыс. человек [1]. Естественная убыль населения в январе-декабре 2021 года составила 5,8 на 1000 человек населения [1].

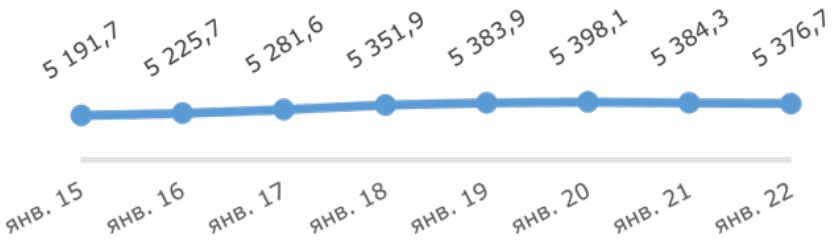

Рис. 1. Численность населения Санкт-Петербурга в 2015-2022 гг. (на начало отчетн. месяца), тыс. чел. *Источник:* Итоги социально-экономического развития Санкт-Петербурга за январь-декабрь 2021 года.
URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2022/02/03/48/Справка_ЧП_январь-декабрь_2021_года.pdf (дата обращения: 28.02.2022).

За январь–декабрь 2021 года в Санкт-Петербурге родилось 53,4 тыс. детей, что на 2 040 человек меньше, чем в январе-декабре 2020 года. Общий коэффициент рождаемости в городе снизился на 3,9% относительно января-декабря 2020 года и составил 9,9 родившихся на 1000 человек населения.

За январь-декабрь 2021 года в Санкт-Петербурге умерло 84,2 тыс. человек, что на 10 898 человек больше, чем в январе-декабре 2020 года.

Общий коэффициент смертности в городе увеличился на 15,4% относительно января-декабря 2020 года и составил 15,7 умерших на 1000 человек населения [1].

За последние годы явно прослеживается тенденция естественной убыли населения или, можно сказать, депопуляция. Основные причины депопуляции – невысокая рождаемость, большое количество переезжающих жителей и пандемия. История знает большое количество случаев, когда происходило уменьшение населения, но потом следовал и всплеск рождаемости. Это зависело от различных факторов, но в любом случае, данный процесс должен регулироваться посредством демографической политики [2, 38].

Как уже было отмечено, одной из причин убыли населения является пандемия. Пандемия COVID-19 внесла свои коррективы в демографическое состояние населения Санкт-Петербурга. Смертность от COVID-19 была крайне высокой в 2021 году - скончались более 20 тыс. человек.

Необходимо также отметить тенденцию переезда жителей из Санкт-Петербурга в другие регионы, так называемая новая миграция, в основном, в Ленинградскую область. Основными причинами переезда жителей из Санкт-Петербурга стали: плохая экология и некомфортный климат, а также небольшой выбор на рынке труда компаний и низкие заработные платы, что, в свою очередь, существенно повлияло на демографическое состояние города. Несмотря на достаточную близость к городу, в Ленинградской области намного ниже цены на недвижимость, а также много предприятий, предлагающих вакансии

с достойной зарплатой, возможность работать в онлайн режиме. Прирост населения Ленинградской области за счет переезжающих из других регионов составил около 2% от общего населения региона. Подобная ситуация складывается и в других регионах России.

Несмотря на выявленные тенденции, Санкт-Петербург является одним из четырёх субъектов России, который «притягивает» население из других регионов и этот миграционный прирост компенсирует почти на 80% естественную убыль населения. На данный момент имеются данные по численности населения в Санкт-Петербурге до 2020 года [3]. Эти данные были использованы в различных методах подсчета численности населения, которые дали в целом похожие результаты. Метод экстраполяции по экспоненте даёт результат 5 545 268 человек к 2030 году. Похожий результат дал и метод экстраполяции по среднему темпу роста значения численности населения – 5 545 067 человек. Это положительный фактор для Санкт-Петербурга.

Для устранения причин, влияющих на процесс естественной убыли населения, необходимо уделить внимание:

- созданию комфортных экологических условий для проживания в городе;

- созданию системы сохранения, укрепления и восстановления здоровья населения, реализации потенциала здоровья человека;

- повышению престижа и ценности семейного образа жизни и рождения детей, продвижению семейных ценностей, повышению статуса семьи;

- созданию социально-экономических условий, при которых родители могли бы полностью осознать свою потребность в детях и успешно вырастить двоих и более детей [4, 35];

- развитию государственной помощи семьям с детьми, в том числе в решении жилищных проблем;

- обеспечению потребности семей в медицинских, социальных и иных услугах, связанных с рождением и воспитанием детей;

- улучшению репродуктивного здоровья населения, в том числе снижению уровня бесплодия, с учетом использования современных медицинских технологий;

- формированию единой демографической, семейной политики в интересах семей с детьми.

- развитию малого и среднего предпринимательства, что, в свою очередь, будет обеспечивать рабочие места, новые вакансии и способствовать тому, чтобы жители не уезжали в другие регионы за поиском работы и более высокой заработной платой [5, 12].

Список литературы

1. Итоги социально-экономического развития Санкт-Петербурга за январь-декабрь 2021 года. URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2022/02/03/48/Справка_ЧП_январь-декабрь_2021_года.pdf (дата обращения: 28.02.2022).
2. *Швецов К. В.* Демографическая политика: учеб. пособие / К. В. Швецов, Н. Е. Ефимова. СПб. : Изд-во Политех. ун-та, 2017. 108 с.
3. ПЕТРОСТАТ. Основные показатели демографических процессов в Санкт-Петербурге в 2020 году. URL: https://petrostat.gks.ru/storage/mediabank/9Psp9vpi/14000120_122020.pdf (дата обращения: 25.02.2022).
4. *Попова А. И.* Государственное управление человеческими ресурсами / А. И. Попова, К. В. Швецов. СПб. : Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого", 2021. 109 с. ISBN 978-5-7422-7534-3.
5. *Попова А. И.* Малое предпринимательство и миграция в Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации / А. И. Попова, С. А. Черногорский, К. В. Швецов // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2013. № 6. С. 12-20.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.13 EDN

РЕИММИГРАЦИЯ КАК ИМПЕРАТИВ РЕФОРМИРОВАНИЯ РЫНКА ТРУДА ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Седлов А. П.
канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник,
Центр политики занятости и социально-трудовых отношений ИЭ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. В настоящий период пандемии COVID-19 глобальный и региональные рынки труда находятся в состоянии перехода от сжатия к новой волне восстановительной трудовой иммиграции. В контексте теории двойного рынка и опыта развитых принимающих стран в статье выявляются особенности рынка труда иностранной рабочей силы в России и дается оценка возможностей его сокращения за счет использования национальных кадров.

Ключевые слова: реиммиграция, теория миграции, границы рынка труда иностранной рабочей силы, заработная плата, пособия по безработице

RE-IMMIGRATION AS AN IMPERATIVE OF REFORMING THE LABOR MARKET OF FOREIGN LABOR

Sedlov A. P.
Candidate of Economics, Leading Researcher,
Center for Employment Policy and Social and Labor Relations, IE RAS
Moscow, Russia

Abstract. At the present time of the COVID-19 pandemic, global and regional labor markets are in a state of transition from compression to a new wave of restorative labor immigration. In the context of the dual market theory and the experience of developed host countries, the features of the labor market of foreign labor in Russia are identified and the possibilities of its reduction through the use of national personnel are assessed.

Key words: re-immigration, migration theory, labor market boundaries of foreign labor, wages, unemployment benefits

Прошедшие два года работы в режиме карантина и восстановления экономики позволяют констатировать, что в развитых принимающих странах не выявлено императивов поглощения национальными рынками труда дефицита кадров, который является следствием оттока иностранных работников в страны происхождения. Возможности реструктуризации российского рынка труда имеют особенности, определенные более широкими границами использования рабочих мест, занимаемых мигрантами из бедных стран СНГ. Указанные особенности определяют степень негативного воздействия этого рынка на макроэкономику, трудовые стандарты, инновационное развитие, вплоть до угрозы национальной безопасности.

Особенности российского рынка труда становятся более понятными в контексте *теории двойного рынка труда М. Пиоре***,** *согласно которой в развитых странах мигранты из бедных стран занимают особый рынок труда по профессиям низкой квалификации, не*

пользующихся спросом местного населения [1]. Гарантом таких трудовых установок являются высокая заработная плата в стране-реципиенте, кратно превышающая уровни оплаты труда в автономном секторе занятости мигрантов. При этом пособие по безработице и иные социальные выплаты также превышают зарплаты мигрантов из бедных стран. В период пандемии особенно ярко абсолютная автономия проявилась в богатых странах Западного альянса, где представители титульной нации не обнаружили установок на занятие вакансий рабочих мест уехавших на родину мигрантов.

В российской экономике многими специалистами отмечаются факты сближения заработных плат мигрантов из стран СНГ и граждан России [2], что дает основания для констатации размытых границ рынка труда иностранной рабочей силы из бедных стран, а, соответственно, и относительно больших *возможностей замещения части его вакансий национальными кадрами*. Так, проведенное в 2021 году совместное исследование Федерации Мигрантов в России (ФМР) и МГУ выявило, что средняя заработная плата мигрантов из стран Средней Азии составила 47 тыс. рублей, при этом средняя медианная заработная плата в России, с учетом индивидуальных предпринимателей, не достигает и 33 тыс. рублей [3].

Вместе с тем, в отечественной экономической литературе аспект автономии особого российского рынка труда явно переоценен. Многие экономисты указывают на «свою нишу», занимаемую мигрантами из бедных стран, и значительно в меньшей мере обращают внимание на очевидные конкурентные пересечения с национальным рынком труда. Представляется, что экономические условия современной России, кратно отличные от показателей доходов в развитых странах, дают основание для более реалистичного взгляда на оценки границ и негативных последствий использования дешевой иностранной рабочей силы из стран СНГ.

Российский рынок труда мигрантов из бедных стран имеет основой третий и четвертый технологические уклады экономики [4], с довольно широким применением ручного труда, в то время, как в развитых странах преобладают пятый и частично шестой технологические уклады с использованием прогрессивных технологий и квалифицированной рабочей силы. В России весьма значителен удельный вес так называемых недооцененных отраслей с низкой оплатой и большим удельным весом ручного труда, которые являются основным объектом использования неквалифицированной рабочей силы из бедных стран СНГ. Это – строительство и дорожные работы, сельское хозяйство и агрокомплекс, в значительной мере, розничная торговля и сфера обслуживания населения.

Вторым важным аспектом, сближающим границы иностранного и национальных рынков, являются исторически *низкие минимальные трудовые стандарты в национальной экономик*е (прожиточный минимум, минимальный уровень оплаты труда, пособия по безработице и др.) *и цена труда в низкоквалифицированном секторе экономики*. В сравнении с развитыми странами, указанные обстоятельства предопределили *более широкий диапазон рабочих мест и профессий, не имеющих тесной связи с рынком труда, занимаемых мигрантами из бедных стран и находящихся в зоне конкуренции с национальными кадрами.* Это – ЖКХ, клининговые компании, такси, логистика и курьерская доставка. Если в развитых странах около половины всех иностранных работников относится к категории квалифицированных работников из других развитых стран, то в России, напротив, *более 90% представителей всей трудовой иммиграции являются выходцами из бедных стран СНГ* [5, 187].

Необходимо отметить и *нередко закрытый для общества корпоративный характер найма* в некоторых сферах труда, контролируемых работодателями и диаспорой, в основе которого лежит рента дешевого труда, генерируемая абсолютной бедностью в странах Средней Азии.

В развитых принимающих странах рынок труда активно защищает избирательная иммиграция с преференциями квалифицированным кадрам, которая на корпоративном уровне дополняется «обязательными объявлениями о вакансиях» (labour market tests) и согласием профсоюзов на привлечение иностранцев [6, 47]. В России либеральная позиция государства в отношении привлечения дешевого труда мигрантов из бедных стран СНГ предопределила гипертрофированные масштабы нелегального труда и коррупционной ренты от его использования. В диалектике экономического развития рента дешевого труда мигрантов является причиной низких стандартов условий труда и его оплаты, а, соответственно, и главным препятствием инновационного развития – по причине этой зависимости страна попадает в «миграционную ловушку» [7, 69].

Находящийся в парадигме ренты дешевых трудовых ресурсов бизнес в диалоге с обществом и на дискуссионных площадках с государством постоянно завышает потребности в иностранной рабочей силе. По оценкам экспертов, с учетом покинувших страну реиммигрантов (в 2020 году порядка 30% от легальной численности мигрантов) и скрытых от налогов нерезидентов, находящихся в серой зоне (порядка 1,5 млн человек) мигрантов, реальная потребность в иностранной рабочей силе из стран СНГ может составлять около 1 млн человек [8, 103]. Экспертиза учитывает реальные резервы национального рынка труда, в частности, в агросекторе, которые могут быть вовлечены в производство и реализацию продукции в контексте ряда необходимых институциональных,

организационных и управленческих решений. В то же время вице-премьер Правительства РФ Марат Хуснуллин на правах государственного партнера озвучил нехватку этой категории работников до 2024 года в размере 5 млн человек [9].

Оказавшийся в рамках дефицита неквалифицированных кадров бизнес вынужден повышать оплату труда и открывать ряд пострадавших сфер труда для национальных кадров. Так, за первое полугодие 2021 года заработная плата в среднем по рабочим профессиям низкой квалификации повысилась на 15%, а в строительной отрасли на 15,8% [10]. Вместе с тем, оказавшийся под угрозой национальный проект «Жилье и городская среда 2019-2024», а также нехватка кадров в агросекторе включили централизованные административные ресурсы с целью оргнабора и завоза мигрантов из бедных стран Средней Азии, которые грозят вернуть дешевые ресурсы на допандемийные рубежи и свернуть начавшийся процесс реструктуризации рынка труда иностранной рабочей силы.

Список литературы

1. *Piore M.* Birds of passage. Migrant labor and industrial societies. New York : Cambridge University Press.1979.
2. *Денисенко М. Б., Чернина Е. М.* Трудовая миграция и заработки мигрантов в России. // Вопросы экономики. 2017. № 3. С. 40-57.
3. Мигранты в России почти догнали граждан по доходам. URL: https://lenta.ru/news/2021/12/14/zp/ (дата обращения: 15.02.2022).
4. *Глазьев С. Ю.* Рывок в будущее. Россия в новых технологических и морохозяйственном укладе / С. Ю Глазьев. М. : Книжный мир, 2018. URL: http://radiofotonika.ru/materials/tech01.pdf (дата обращения: 15.02.2022).
5. *Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф.* Трудовая иммиграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал новой экономической ассоциации. 2018. № 1(37). С. 186-193.
6. *Комаровский В. В.* Миграционное регулирование в период пандемии COVID-19// Запад–Восток–Россия 2020. Ежегодник / Отв. ред.: А. С. Прозоровский, В. Г. Хорос. М. : ИМЭМО РАН, 2021. С. 46-53.
7. *Яковлева Е. Б.* Западные теории внешней трудовой миграции (критический анализ на основе европейских и российских реалий) // Проблемы современной экономики. 2017. № 1(61). С. 67-70.
8. *Седлов А. П.* Деформации российского рынка труд в контексте использования дешевой иностранной рабочей силы: реиммиграция и трудовые стандарты, // Общество и экономика. 2021. Вып. 9. С. 91-106.
9. Хуснуллин заявил о необходимости привлечь на стройки еще 5 млн мигрантов. URL: https://www.interfax.ru/russia/773707 (дата обращения: 15.02.2022).
10. РБК: дефицит мигрантов привел к росту зарплат разнорабочих в России. URL: https://ria.ru/20210823/migranty-1746837514.html (дата обращения: 15.02.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.14 EDN

МАЛЫЕ ГОРОДСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ РОССИИ В 2010-2020 ГОДЫ

Симагин Ю. А.
канд. геогр. наук,
ведущий научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. Рассмотрена динамика количества и численности населения малых городских населённых пунктов России за период 2010–2020 годов. Отдельно представлены процессы в малых городах и посёлках городского типа. Показана роль муниципально-территориальных преобразований в динамике малых городских населённых пунктов. Обозначены основные направления стабилизации социально-экономической ситуации в малых городских населённых пунктах страны.

Ключевые слова: малые города, посёлки городского типа, динамика численности населения, муниципально-территориальные преобразования

SMALL URBAN SETTLEMENTS OF RUSSIA IN 2010-2020

Simagin Yu. A.
Candidate of Geography,
Leading Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia,

Abstract. The dynamics of the number and population of small urban settlements in Russia for the period 2010-2020 is considered. Processes in small towns and urban-type settlements are presented separately. The role of municipal-territorial transformations in the dynamics of small urban settlements is shown. The main directions of stabilization of the socio-economic situation in small urban settlements of the country are outlined.

Key words: small towns, urban-type settlements, population dynamics, municipal-territorial transformations

Демографические проблемы является одними из острейших в современной России. Для их решения разработаны многочисленные мероприятия, в том числе в рамках осуществляемых в настоящее время национальных проектов. Главной целью при этом является стабилизация и увеличение численности населения Российской Федерации. При этом в стране не преодолен демографический кризис рубежа XX–XXI веков. По данным Росстата, к 2030 году численность населения страны по лучшему варианту прогноза несколько вырастет (со 146,2 млн человек на начало 2021 года до 148,4 млн человек), а по худшему – значительно сократится: до 139,8 млн человек (по среднему варианту прогноза – сократиться до 144,3 млн человек).

При этом в малых городских населенных пунктах (ГНП) России, которые состоят из малых городов (с численностью жителей до 50 тыс. человек) и посёлков городского типа

(ПГТ) демографические проблемы имеют особый характер – они здесь, как правило, очень остры, во многих случаях начали формироваться раньше, чем в других населённых пунктах страны, имеют комплексный характер, включая и естественное движение, и миграционное поведение населения. В итоге на протяжении последних десятилетий численность населения малых ГНП России сокращалась даже в те годы, когда население страны в целом росло (как это было в 2010–2017 годы).

В ПГТ часто демографические проблемы стоят ещё острее, чем в малых городах. Интенсивно сокращается не только численность населения в них, но и само их количество, что на многих территориях России ведет к разрушению систем расселения, так как именно ПГТ образуют на этих территориях каркас расселения. Динамика количества ГНП России и численности населения в них за период 2010–2020 годов показаны в *табл. 1*. При этом рост числа городов в стране за 2010–2020 годы произошёл в основном за счёт воссоединения с Россией Крыма, где находится 17 городов, в том числе 11 – малых. Без Республики Крым и Севастополя население России за 2010–2020 годы выросло на 1,1%, в том числе население городов – на 3,7%. Подробнее демографические процессы на эксклавных территориях России, включая Крым, рассмотрены в Ежегоднике «Россия: тенденции и перспективы развития» [1].

Таблица 1

Динамика количества и населения ГНП России в 2010–2020 годах

Показатель	2010 год (на момент переписи населения	2020 год (на 1 января)	Динамика 2020/2010, %
Количество ГНП, единиц, в том числе:	2386	2293	-3,9
- количество ПГТ, единиц	1286	1177	-8,5
- количество городов, единиц, в том числе	1100	1116	+1,5
- малых городов, единиц	781	795	+1,8
Население в ГНП, тыс. человек	105313,8	109790,5	+4,3
В том числе в ПГТ, тыс. человек	7787,0	7011,8	-10,0
Население в городах, тыс. человек	97526,8	102581,1*	+5,2
В том числе в малых городах, тыс. человек	16444,1	15921,8	-2,8
% населения в ПГТ и малых городах	24,3	21,9	-9,9
% населения в остальных городах России	56,8	59,2	+4,2
Население города Москвы, тыс. человек	11503,5	12480,5*	+8,5
Население России в целом, тыс. человек	142856,5	146748,6	+2,7

*Без подчинённых городу Москве сельских территорий.

Источник: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 1. Табл. 6. М. : Росстат, 2010; Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2020 года. М. : Росстат, 2020.

Хорошо видно, что демографические проблемы в малых городах и ПГТ России очень значительны. В большинстве из них сочетаются естественная убыль и миграционный отток населения, которые взаимно влияют друг на друга – уезжает в основном молодёжь и семьи с детьми, что приводит к снижению рождаемости и росту смертности, усиливая депопуляцию. Главной причиной миграционного оттока является кризисная социально-экономическая ситуация, в том числе состояние рынка труда и уровень развития социальной инфраструктуры. При этом в крупнейших городах России население растёт – в основном, за счет миграции из других регионов страны, в том числе из малых городов и ПГТ. Так, только в Москве за 2010–2020 годы численность населения увеличилась на 1 млн человек, что примерно соответствует сокращению за этот же период численности жителей в малых ГНП России, которых на начало 2020 года было 1972 населённых пункта.

Рост численности населения крупнейших городов за счет миграции жителей из малых городов и сельской местности характерен для большинства стран мира. Но в основном это развивающиеся государства с высоким естественным приростом населения, за счёт которого и численность жителей в малых городах и сельской местности этих стран

также увеличивается. В развитых странах с низким приростом или естественной убылью населения, система расселения уже 30–50 лет назад, как правило, стабилизировалась, и численность населения в малых городах не сокращается или даже растёт за счёт мигрантов из крупных городов или других стран [2]. Россия в этом отношении (как и в некоторых других) оказалась в «промежуточном» положении – у нас наблюдаются центростремительные миграции в крупные города (как в развивающихся странах) при естественной убыли населения (как в развитых странах), что и приводит к быстрой депопуляции в малых ГНП.

Усиливают имеющиеся негативные демографические тенденции, проводящиеся в стране муниципально-территориальные преобразования, заключающиеся, в основном, в преобразовании муниципальных районов в городские округи. Параллельно сжимается и так слабо развитая система учреждений сферы обслуживания населения, исчезают соответствующие рабочие места, отток трудоспособного населения сокращает возможности развития экономической деятельности для бизнеса. В итоге некоторые ПГТ в стране исчезли, а многие были преобразованы в сельские населённые пункты, так как лишились большей части населения и экономического потенциала. Уже в ближайшем будущем, при сохранении существующих тенденций, такая же судьба может ожидать многие малые города России. Многие районы страны (малонаселённые северные и восточные регионы, периферийные части регионов на остальной территории России) такие обстоятельства могут привести к разрушению каркаса расселения и, в перспективе, полному обезлюдению и экономической деградации обширных территорий страны.

Таким образом, первым направлением стабилизации социально-экономического (в том числе демографического) развития малых ГНП России можно считать упорядочивание их муниципального (административного) статуса. При этом городским округами должны быть именно большие города, возможно, с их ближайшим сельским окружением. Тогда как в настоящее время, например, в Московской области в «городском округе Серебряные Пруды» сельские жители составляют 2/3 населения, а его центром является бывший ПГТ. На остальной территории страны должны сохраниться муниципальные районы, состоящие из относительно самостоятельных городских (малые ГНП) и сельских поселений со всей соответствующей современным стандартам социальной инфраструктурой и реальными возможностями для местного самоуправления, что сделает проживание в таких поселениях более привлекательным для людей, будет способствовать увеличению в них численности населения. При этом многие ПГТ (с численностью населения более 3 тыс. жителей) оптимальнее преобразовать не в сельские населённые пункты или удалённые микрорайоны

городов, как это делается в настоящее время, а в малые города, от которых они почти не отличаются по своему социально-экономическому потенциалу.

Второе направление – необходимо перераспределение налоговых отчислений в бюджеты разных уровней, так как без адекватной налоговой базы реальное местное самоуправление невозможно. В настоящее время на местном уровне остаются только налоги земельный и на имущество (от которых освобождены пенсионеры, являющиеся во многих малых ГНП большинством населения), а также 15% НДФЛ, который уплачивается к тому же по месту работы, а не по месту жительства, то есть от многих жителей малых ГНП этот налог поступает в бюджеты крупных городов. В местные бюджеты должна поступать хотя бы часть налогов от экономической деятельности на их территории (налоги на прибыль и имущество организаций, НДС и другие). Это не только значимо увеличило бы наполняемость местных бюджетов, но и способствовало бы росту заинтересованности местных сообществ (в том числе, администраций) в развитии экономики своих населённых пунктов.

Третье направление – в малых ГНП необходимы определенные льготы для развития бизнеса (налоговые, информационное обеспечение, облегчение регистрации и отчётности). Частично это могут быть льготы, аналогичные тем, которые имеются в настоящее время в «Особых экономических зонах» и других подобных образованиях. Без таких льгот бизнес в малых ГНП (а также в сельской местности) в большинстве видов экономической деятельности заведомо будет проигрывать в конкуренции аналогичном бизнесу в крупных городах (ниже плотность населения, меньше платежеспособный спрос на продукцию и услуги, сложнее логистика и другие факторы). В конечном итоге шаги по трём этим направлениям будут способствовать демографическому и социально-экономическому развитию малых городов и поселков городского типа страны, что в перспективе приведёт к стабилизации численности их населения и улучшению демографической ситуации в России в целом.

Список литературы

1. *Симагин Ю. А.* Динамика численности населения эксклавных приоритетных геостратегических территорий России // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. М. : ИНИОН РАН, 2020. С. 696-699.
2. *Перцик Е. Н.* Среда человека – предвидимое будущее. М. : Мысль, 1990. 365 с.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.15 EDN

О ПРОБЛЕМАХ МИГРАЦИИ В СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Шевцова Т. В.
канд. экон. наук,
ведущий научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития миграционной ситуации на Дальнем Востоке Российской Федерации. Проводится диагностика роли миграции в формировании демографического потенциала макрорегиона. Характеризуются последствия миграции населения для функционирования рынка труда. Даются прогнозные оценки результатов развития миграционных процессов в регионе. Особое внимание уделено проблемам формирования и реализации на Востоке страны государственной миграционной политики.

Ключевые слова: человеческий потенциал, миграционные процессы, Дальний Восток, миграционный отток населения, рынок труда, миграционная политика

ON THE ISSUES OF MIGRATION IN THE DEVELOPMENT STRATEGY OF THE RUSSIAN FAR EAST

Shevtsova T. V.
Candidate of Economics,
Leading Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The paper deals with the problems of development of the migration situation in the Far East of the country. The diagnostics of the role of migration in the formation of the demographic potential of the macroregion is carried out. The consequences of migration for the functioning of the labor market are characterized. Forecast estimates of the results of the development of migration processes in the region are given. Particular attention is paid to the problems of formation and implementation of the state migration policy in the East of the country.

Key words: human potential, migration processes, the Far East, migration outflow of population, labor market, migration policy

Дальний Восток, с точки зрения геополитического расположения, наличия огромных сырьевых запасов, возможностей экономического роста и развития человеческого потенциала является стратегически важным регионом Российской Федерации. На начало 2021 года демографический потенциал Дальнего Востока превысил 8 млн человек, или 5,6% от общего количества населения российского государства. Регион занимает более трети территории страны, а плотность населения составляет в среднем всего немногим более 1 человека на 1 кв. км, в то время как по России в целом – 8,5 человек.

Одной из наиболее важных проблем экономического и демографического развития Дальнего Востока является повышение его миграционной привлекательности и снижение

миграционного оттока постоянного населения. В условиях длительного сокращения демографического и трудового потенциала задача стабилизации и увеличения численности человеческих ресурсов относится к вопросам стратегического развития региона.

Дальний Восток выделяется среди всех других территорий России самыми неблагоприятными тенденциями миграционных процессов. Ежегодно Дальневосточный федеральный округ покидает больше человек, чем прибывает. Масштабный миграционный отток населения в регионе наблюдается уже в течение длительного времени и является главным фактором сокращения его численности [1, 56].

Несмотря на принимаемые меры по ускоренному экономическому развитию восточных территорий страны, россияне не спешат переселяться на Дальний Восток. Только в 2020 году чистые миграционные потери Дальнего Востока составили свыше 22 тыс. человек [2]. Потенциал миграционного оттока населения из региона высок. По данным проведенных нами в Приморском крае социологических исследований, свыше 40% жителей региона думают о переезде в другие регионы страны или за рубеж.

Последствиями миграционного оттока в регионе является не только сокращение общей численности населения, но и ухудшение его структуры, снижение демографического, трудового и инновационного потенциала. Не обеспечивается возрастающий спрос развития экономики на трудовые ресурсы. Отрицательный миграционный баланс населения оказывают прямое воздействие на развитие человеческого капитала, функционирование рынка труда и кадровое обеспечение приоритетных инвестиционных проектов.

В освоении и экономическом развитии Дальнего Востока отмечается явный неудовлетворенный спрос на труд, ощущается острый недостаток кадров, отчасти восполняемый за счет привлечения и использования иностранных работников. Запускаемые на территориях опережающего развития инвестиционные проекты сталкиваются с нарастающим дефицитом квалифицированных рабочих и специалистов. Даже во время пандемии коронавируса дополнительная потребность в трудовых ресурсах на территории Дальнего Востока имела возрастающий тренд. В период 2019–2021 годов зарегистрированная дополнительная потребность в рабочей силе в регионе возросла с 91,4 тыс. человек до 129,5 тыс. человек (по состоянию на середину года), то есть на 38,1 тыс. человек или более чем в 1,4 раза [3].

Масштабные миграционные потери населения заметно осложняют ситуацию с обеспечением региональной экономики трудовыми ресурсами. Для стабилизации трудового потенциала Дальнего Востока в равной степени необходимо как сокращение

миграционного оттока населения, так и стимулирование привлечения внутрироссийских мигрантов в регион.

Решение вопросов миграции и увеличения человеческого потенциала Дальнего Востока находится на переднем плане среди стратегических целей демографического и социально-экономического развития региона. В основных направлениях социально-экономического развития Российской Федерации поставлена задача обеспечить на период до 2035 года за счет формирования развитой экономики и комфортной среды обитания человека прекращение на Дальнем Востоке миграционного оттока населения [4].

Анализ показывает, что цель прекращения в перспективном периоде миграционного оттока населения является труднодостижимой. По прогнозным оценкам ожидается, что в ближайшие годы и в более отдаленной перспективе отрицательный миграционный баланс населения в регионе сохранится, а демографический и трудовой потенциал Дальнего Востока будет сокращаться.

В соответствии с прогнозными расчётами Росстата, миграционная убыль населения на территории Дальнего Востока будет характеризоваться снижающимся трендом. Среднегодовой отток населения в регионе сократится с 17,3 тыс. человек в течение 2022–2025 годов до 15,0 тыс. человек в 2026–2030 годах и до 12,8 тыс. человек в 2031–2035 годах. В итоге в перспективном периоде до 2035 года общая миграционная убыль населения на Дальнем Востоке может составить более 200 тыс. человек [5]. Из-за миграционных потерь человеческий потенциал Дальнего Востока будет устойчиво сокращаться. По нашим оценкам, в ближайшие 14 лет (2022–2035 гг.) для обеспечения в регионе стабильной численности человеческих ресурсов необходим чистый миграционный приток населения свыше 230 тыс. человек.

Тенденция «вялотекущего» снижения численности населения макрорегиона, по мнению исследователей, не закончится и после 2035 года [6, 299]. Важной задачей по стабилизации демографического потенциала на территории Дальнего Востока является создание комфортной среды обитания человека и более высоких стандартов жизни.

Согласно данным наших исследований, основными факторами, формирующими негативные миграционные настроения жителей Дальнего Востока, являются: уровень доходов (37.6%), слабое развитие социальной инфраструктуры (23.2%), жилищные условия (22.4%), отсутствие разнообразия культурной жизни (18.8%), состояние системы здравоохранения (15.6%), качество образовательных услуг (10.4%).

Для повышения миграционной привлекательности Дальнего Востока и предотвращения миграционной убыли человеческого капитала следует обеспечить в регионе ускоренный рост уровня жизни населения, который будет значительно превышать

среднероссийский показатель. Важное значение имеет разработка более действенных мер по переселению на постоянное место жительства в дальневосточный регион соотечественников, проживающих за рубежом. Требуется реализация мероприятий по дополнительной бюджетной поддержке интенсивного наращивания в регионе социально-инфраструктурного потенциала, включая стимулирование программ развития жилищного строительства и дешевых сегментов рынка арендного жилья, увеличение государственной поддержки инвестиционных проектов в сфере строительства детских садов, школ, медицинских учреждений и культурных центров. Масштабное строительство жилья и интенсивное развитие социальной инфраструктуры могут стать важными факторами стабилизации населения и внести свой вклад в решение проблемы сокращения миграционного оттока населения и трудовых ресурсов из региона.

Вместе с тем необходимо дальнейшее развитие правовой системы, регулирующей проблемы трудовой иммиграции, в рамках которой в приоритетном порядке будет обеспечиваться въезд на Дальний Восток нужных для развития экономики мигрантов и ограничиваться доступ на региональный рынок труда тех, в ком нет особой необходимости.

Список литературы

1. *Мотрич Е. Л., Молодковец Л. А.* О формировании населения и трудовых ресурсов на Дальнем Востоке России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. No 1. С. 53-69.

2. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2020 году. Стат. бюллетень. М. : Росстат, 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium (дата обращения: 15.02.2022).

3. Информация для ведения мониторинга социально-экономического положения субъектов Российской Федерации. Росстат. М., 2021. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13259 (дата обращения: 15.02.2022).

4. Указ Президента Российской Федерации от 26.06.2020 № 427 "О мерах по социально-экономическому развитию Дальнего Востока" // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://ips.pravo.gov.ru:8080/default.aspx?pn=0001202006260029 (дата обращения: 17.02.2022).

5. Предположительная численность населения Российской Федерации до 2035 года. Стат. бюллетень. М. : Росстат. 2020. URL: https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13285 (дата обращения: 20.02.2022).

6. *Авдеев Ю. А.* Дальний Восток: как остановить отток населения и сделать его привлекательным? (полемические размышления) // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Том 17. № 3.С. 299–313.

II. Человеческий потенциал России: Образование, физическое, психическое и социальное здоровье населения и определяющие их факторы

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.16 **EDN**

ДЕТСКИЕ ДЕРЕВНИ SOS КАК АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ СПОСОБ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ВЫПУСКНИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ

Акимова Ю. Н.
канд. психол. наук, доцент,
Высшая школа административного управления,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

Рассказова О. А.
канд. экон. наук, доцент,
Высшая школа административного управления,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

Бойко Д. Б.
студентка,
Высшая школа административного управления,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые проблемы социализации выпускников детских домов, исходя из реалий действующей государственной системы работы с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей по их жизнеустройству. Авторами проанализирована качественно новая форма их жизнеустройства – детские деревни семейного типа. В статье обосновывается необходимость ее закрепления в федеральном законодательстве.

Ключевые слова: дети-сироты, адаптация, социализация, детский дом, опыт, форма жизнеустройства, Детская деревня SOS

SOS CHILDREN'S VILLAGES AS A FACTOR IN THE EFFECTIVE SOCIALIZATION OF ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

Akimova Yu. N.
Candidate of Psychology, Associate Professor,
Higher School of Administration,
St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia

Rasskazova O. A.
Candidate of Economics, Associate Professor,
Higher School of Administration,
St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia

Boyko D. B.
Student,
Higher School of Administration,

St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia

Abstract. The article discusses the key problems of the socialization of graduates of orphanages, based on the realities of the current system of state assistance to orphans and children left without parental care. The authors give an example of a qualitatively new form of their life arrangement - family-type children's villages. The article substantiates the need for its consolidation in the federal legislation.

Key words: orphans, adaptation, socialization, orphanage, experience, form of life arrangement, SOS children's village

Согласно отчету Фонда защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи ІНН за 2021 год, каждый день во всем мире 10 000 детей остаются сиротами. Детский фонд ООН UNICEF называет цифру в 153 млн детей, оставшихся без попечения родителей [1]. Соответственно, дальнейшая жизнь этих детей является одной из важнейших общемировых проблем социального характера.

Численность детей, воспитываемых в детских социальных учреждениях, последние годы снижается, однако современное состояние этих учреждений и проблемы, с которыми сталкиваются их выпускники, вызывают серьезную озабоченность. К основным слабым сторонам общественного воспитания, негативно влияющих на психическое развитие детей, относят отсутствие дифференцированного подхода к детям в ходе воспитания и обучения; отсутствие возможности получения конкретно-чувственного опыта детей ввиду узости социальной среды; коллективная форма жизнеустройства. Как следствие, лишь 10% выпускников детских домов адаптируются к самостоятельной жизни [2].

Человеческая психика – сложная субстанция, на которую оказывают влияние множество факторов, а последствия влияния негативных факторов на эту сложную субстанцию зачастую критичны [3]. Первой проблемой, связанной с адаптацией бывших воспитанников детских социальных учреждений, является проблема социализации. Причинами этой проблемы могут быть: ограничение и регламентация социальных контактов воспитанников детских домов, не позволяющие в полной мере освоить социально-ролевые отношения; отсутствие возможности перенимать и усваивать социальных опыт родителей или же усвоение негативного опыта; утрата базового доверия к миру и, как следствие, агрессивность, подозрительность, неспособность к автономии в жизни за счет раннего детского опыта материнской депривации; специфика организации жизни ребенка, в которой функцию контроля в полной мере берет на себя воспитатель, не позволяет ему освоить навык саморегуляции [3].

Второй, не менее важной проблемой выступает бытовая неприспособленность. Воспитанники детских домов привыкают к условиям, в которых функции уборки, приготовления пищи, решения финансовых и других вопросов выполняют воспитатели и

сотрудники социальных учреждений. Проводимый среди выпускников детских домов опрос показал, что половина выпускников считают себя «не вполне готовыми к самостоятельному проживанию», в то время как эксперты утверждают, что бывшие воспитанники не просто не готовы, но и что подготовить их в рамках действующей системы устройства социальных учреждений крайне сложно [4].

Третья из основных проблем — это проблема циклического сиротства. Суть ее заключается в том, что выпускникам детского дома сложно создавать семью и воспитывать собственных детей ввиду отсутствия опыта внутрисемейных отношений и представления о ролевых моделях отца и матери, т. е. бывшие воспитанники детских социальных учреждений отказываются от своих детей, как бы завершая цикл.

В рамках действующей государственной системы устройства детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, положительным образом влиять на уровень приспособленности воспитанников этих учреждений чрезвычайно сложно, так как невозможно искусственно внедрить человеку опыт жизни в семье со всей его спецификой. Однако, существует альтернатива, позволяющая решить ряд проблем с адаптацией, максимально приблизив условия жизнеустройства к традиционно семейным.

Детская деревня семейного типа является альтернативой детскому дому. В мире такая форма устройства наиболее широко представлена международной некоммерческой организацией «Детские деревни SOS», ведущей свою деятельность в 137 странах мира с 1949 года. В Российской Федерации первая Детская деревня SOS начала функционировать в Московской области в 1996 году. На текущий момент функционирует 6 деревень в разных регионах страны. Детская деревня SOS - коттеджный поселок, состоящий из 10–15 домов. В каждом коттедже в приемной семье или с SOS-мамой проживает 5–7 детей-сирот разного возраста. SOS-мама – это профессиональный замещающий родитель, который прошел необходимую подготовку и принял решение посвятить себя этому важному делу [4].

Жизнеустройство в Детской деревне SOS обустроено в соответствии со следующими принципами:

1) приоритетность интересов ребенка, поэтому программа обучения и развития каждого воспитанника – индивидуальна;

2) развитие и воспитание ребенка происходит в заботливом семейном окружении;

3) благотворительная организация сопровождает каждую семью в Детской деревне SOS, являющейся частью местного сообщества;

4) мнение каждого ребенка учитывается в решении личных проблем и проблем семьи;

5) большой фокус воспитания делается на интеграцию ребенка в общество и подготовка его к самостоятельной взрослой жизни.

В программу благотворительной организации входят не только форма жизнеустройства детей-сирот в виде детских деревень семейного типа, структура также включает: Дома Молодёжи (куда попадают воспитанники Детской деревни SOS по достижению 17 лет); полунезависимое проживание для молодых людей в возрасте 19–22 лет; в дальнейшем выпускники приступают к самостоятельной жизни с возможностью обращения за поддержкой к экспертам организации.

Покидая Детскую деревню SOS, воспитанники организации поселяются в Дома молодежи, однако, связи со своими семьями они не теряют, они всегда обладают возможностью приехать на выходные или каникулы, а также в любое время и по любым вопросам связаться с SOS-мамой, что помогает сохранять семейный формат взаимодействия на протяжении долгих лет [4].

Таким образом, детские деревни семейного типа дают возможность детям-сиротам получить семейное воспитание, предотвращают негативные последствия социальной депривации, формируют необходимые знания и навыки для самостоятельной жизни, для создания своей семьи и воспитания собственных детей, предотвращают циклическое сиротство.

Дальнейшее развитие представленной системы жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, значительно упростилось и ускорилось посредством закрепления в российском законодательстве соответствующих норм, по аналогии с Республиками Казахстан и Беларусь.

Список литературы

1. 2021 Orphan Report, INSAMER Report, April 2021. URL: https://ihh.org.tr/public/publish/0/152/insamer-2021-yetim-raporu-eng-200425-n.pdf (дата обращения: 12.02.2022).

2. Число воспитанников в детдомах в России сократилось на 42% с 2015 года // ТАСС – 2021. URL: https://tass.ru/obschestvo/11029385 (дата обращения: 12.02.2022).

3. *Акимова Ю. Н.* Психология управления: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. Учебник и практикум. Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. М. : Издательство Юрайт, 2020. 320 с.

4. «Детские деревни SOS» 25 лет в России // Детские деревни SOS Россия. URL: https://sos-dd.ru/upload/iblock/fd7/fd7ed1121eb8a814d4910f2a38de673f.pdf (дата обращения: 12.02.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.17 EDN

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Алейник В. Э.
студент,
Санкт Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия

Рассказова О. А.
канд. экон. наук, доцент,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В условиях рыночных отношений человеческий ресурс в виде высококвалифицированного, мотивированного персонала, является важнейшим конкурентным преимуществом для организации. Именно поэтому любой топ-менеджер заинтересован в создании эффективной корпоративной культуры, которая помогает в достижении общих целей компании. Поэтому в данной статье анализируются возможности использования корпоративной культуры предприятия в целях совершенствования стратегического управления.

Ключевые слова: корпоративная культура, организация, предприятие, стимулирование труда, эффективность

CORPORATE CULTURE AS A FACTOR IN ENHANCING ORGANIZATIONAL EFFECTIVENESS

Aleinik V. E.
Student,
St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia

Rasskazova O. A.
Candidate of Economics, Associate Professor,
St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia

Abstract. In a market economy, human resources in the form of highly qualified, motivated staff, are the most important competitive advantage for an organization. That is why any top manager is interested in creating an effective corporate culture that helps to achieve the overall goals of the company. Therefore, this article analyses how corporate culture can be used to improve strategic management.

Key words: corporate culture, organization, enterprise, work incentive, efficiency

В современных рыночных условиях ни одна организация не может успешно вести бизнес без корпоративной культуры. С каждым годом в современных компаниях появляется все больше конкурентов, возникают сложности в ведении бизнеса, динамика событий возрастает, поэтому, чтобы адекватно противостоять конкуренции на рынке, необходимо постоянно изучать и совершенствовать корпоративную культуру организации. Корпоративная культура – это не только имидж компании, но и эффективный инструмент

стратегического развития бизнеса. Ее становление всегда сопряжено с инновациями, направленными на достижение коммерческих целей и, как следствие, повышение конкурентоспособности [1].

В настоящее время не так легко мотивировать работников исключительно экономическим фактором, поэтому появляются новые инструменты стимулирования персонала, связанные с корпоративной культурой организации. Конечно, денежные выплаты остаются важнейшим фактором стимулирования, однако, есть и другие механизмы, помогающие менеджерам по персоналу добиваться высоких результатов, удерживая при этом общий уровень затрат на оплату сотрудников в рамках среднерыночных значений. К ним относятся: условия труда, традиции, взгляды, менталитет сотрудников, развитие профессиональных навыков, различные коммуникации и благополучие на рабочем месте.

Построение стратегически грамотной корпоративной культуры дает возможность повышения мотивации персонала, выявления личного потенциала каждого из сотрудников и, как следствие, ведет к прямой зависимости увеличения показателей конкурентоспособности компании на внутреннем и внешнем рынках [2].

В условиях рыночной экономики перед руководством любой организации постоянно возникает проблема повышения эффективности ее деятельности. Лишь высокая эффективность может обеспечить конкурентоспособность предприятия, а вследствие этого их благополучие и коммерческий успех. Один из подходов к решению сложившейся проблемы состоит в поиске резервов повышения эффективности деятельности предприятия.

Только в последние годы корпоративную культуру стали признавать основным показателем, необходимым для правильного понимания управления на предприятии. Можно сказать, что корпоративная культура является основой жизненного потенциала предприятия: то, ради чего люди стали членами одной компании; то, как строятся отношения между ними; какие устойчивые нормы и принципы жизни и деятельности предприятия они разделяют; что, по их мнению, хорошо, а что - плохо. Все это не только отличает одно предприятие от другого, но и существенно предопределяет успех его функционирования и выживания в долгосрочной перспективе. В российских компаниях необходимость изучения и управления корпоративной культурой пришли не так давно, поэтому на сегодняшний день существует недостаточность методической и теоретической проработки данного вопроса отечественными специалистами [3].

Корпоративная культура компании представляет собой сочетание таких явлений, как трудовая дисциплина, внутренние правила работы, организация и регулирование труда,

гуманизация рабочей силы, мотивация и социальная политика, управление персоналом и т. д., которые закреплены в соответствующих местных нормативных законах. Поэтому можно утверждать, что корпоративная культура существует в каждой организации в явном виде, даже если она не зарегистрирована в качестве отдельного документа [4].

Кроме того, корпоративная культура подразумевает, помимо убеждений людей, взаимопонимание между ними, отношения между людьми и внешней средой. Она опирается на психологию формирования практического опыта, представляя собой ценностные ориентиры этого опыта [5]. Если в организации царит благоприятный морально-психологический климат, то у сотрудников будет уверенность в том, что руководство им доверяет, а хорошие отношения с работниками – залог успеха предприятия.

В развивающихся странах в новых условиях политика руководства меняется, и казавшиеся ранее незыблемыми позиции жесткой дисциплины, строгой иерархии, повсеместного контроля, гиперцентрализации, обезличивания труда и лозунга «Важен результат, а не метод» постепенно теряют свою актуальность. Начинают доминировать другие позиции: самоопределение работника, расширение влияния личности, ориентация на потребности клиентов, индивидуализация работы, поощрение инициативы и творчества, децентрализация. Корпоративная культура – это культура обеспечения упорядоченности и согласованности функционирования социальной организации. Система смыслов, ценностей, норм и ориентиров корпоративной культуры позволяет обеспечить организацию деятельности по реализации миссии и целей компании [6].

Корпоративная культура компании является важной частью управления организационным поведением сотрудников. Цель организационного поведения состоит в том, чтобы помочь людям работать более эффективно, отвечая их потребностям и ожиданиям, а также получая удовлетворение от рабочего процесса.

Другими словами, цель организационного поведения – сформировать правильную мотивацию для активности каждого сотрудника. Для достижения этой цели необходимо сформировать определенные ценностные ориентации и установки личности и организации путем формирования общих принципов, моделей, потребностей и интересов. В этом случае корпоративная культура является важным мотивационным ресурсом управления, который влияет на поведение сотрудников организации и, следовательно, на эффективность ее работы.

В организациях выделяют доминирующую культуру и субкультуру. Первая является проводником основных, базовых ценностей. Изучение доминирующей культуры происходит на макроуровне, где, собственно, и формируется корпоративная культура организации. Если рассматривать достаточно крупные корпорации, то речь идет о

субкультуре, в ней отражаются основные проблемы, возникающие у сотрудников, а также способы предотвращения проблем и их устранения.

Субкультура охватывает многие виды деятельности в организации, как географически и локально, так вертикально и горизонтально. Теоретически, абсолютно любая группа людей может иметь свою уникальную культуру, субкультуру, но чаще всего она формируется в рамках отделов, департаментов или географического местоположения. Таким образом, субкультура состоит как из ценностей общей культуры, так и из вспомогательных ценностей, характерных только для данной группы.

Крупные корпорации, стремясь к максимальной эффективности, выступают за создание собственных корпоративных культур, так как это благотворно влияет на работу сотрудников. Кроме того, создание собственной корпоративной культуры позволяет работникам идентифицировать себя с продуктом/услугами, производимыми на конкретном предприятии, и отличать «своих от чужих». Таким образом, организация и сотрудники становятся важными составляющими единого целого, люди становятся более ответственными за качество продукции/услуг. Корпоративная культура – это инструмент контроля, она регулирует взаимоотношения и деятельность персонала на предприятии.

Исходя из того, что организация должна быть эффективной, важно, чтобы корпоративная культура, стратегия предприятия, его внешняя и внутренняя среда были согласованы. В рыночной экономике должна существовать система, в которой доминирующую роль играет индивидуальная инициатива, риски, высокая интеграция, нормальное принятие конфликта и широкие горизонтальные коммуникации [7].

Если вышеперечисленные факторы принимаются во внимание, то эффективность организации заметно возрастает, но наилучшим результатом является использование рыночных принципов в стабильной среде. Эффективность возрастает, когда корпоративная культура внедряет контроль, благодаря которому риски уменьшаются, а конфликты снижаются до минимума. Поэтому разные организации имеют разные корпоративные культуры, которые различаются, в зависимости от вида выполняемой работы, формы собственности, места на рынке и т. д.

В организациях с сильной культурой персонал уверен в том, каким должно быть поведение в той или иной ситуации, каких критериев в работе и общении следует придерживаться. Организационная культура может быть более эффективной, чем любой формальный структурный контроль: чем сильнее культура организации, тем меньше руководству нужно уделять внимания разработке формальных правил и норм для контроля поведения сотрудников. Все это будет находиться в подсознании сотрудника, который принимает определенную культуру организации [7].

Таким образом, несомненным преимуществом корпоративной культуры является то, что она облегчает управление организацией, в частности, разработку системы контроля, планирования, мотивации и других аспектов деятельности.

Создание и стимулирование позитивной корпоративной культуры скажется самым благотворным образом на результатах деятельности любой компании. Корпоративная культура в данном случае выступит в качестве мощного «рычага», ведущего организацию к успеху, доминированию на рынке, стабильности. Нездоровая корпоративная культура, напротив, может привести к обратным результатам. Отсюда следует вывод, что изучению корпоративной культуры следует посвятить самое пристальное внимание всем руководителям современных организаций. Необходимо следить за ее формированием, совершенствовать и «направлять» в нужное русло, устраивая те или иные мероприятия, корректируя поведение сотрудников внутри организации. Корпоративная культура должна быть органичной частью организации, соответствовать современным условиям, российской специфике и менталитету, должна содействовать достижению целей предприятия – повышению эффективности его деятельности [4].

Список литературы

1. *Языджан А. З., Хубулава Н. В., Володина Д. И.* Значение и влияние корпоративной культуры на конкурентноспособность компании // Вестник Университета Российской академии образования. 2020. № 3. С. 95-102.
2. К*ондрашкина И. И.* Корпоративная культура как фактор конкурентоспособности компании // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 2(40). С. 61-65.
3. *Щербина С. В.* Организационная культура в западной традиции: природа, логика формирования и функции // Социс. 2017. № 7. С. 47–55.
4. *Спивак В. А.* Корпоративная культура: теория и практика. СПб. : Питер, 2017. 213 с.
5. *Sapunov A. V.* Corporate culture as an engine of an organization’s strategy // Modern Economics: current issues, achievements and innovations. 2018. P. 229–231.
6. *Fandiy K. V.* The role of corporate culture in personnel management // Forum of young scientists. 2019. № 2. P. 1511–1514.
7. *Sidorova M. A.* Corporate culture as an element of economic security of an organization // Synergy of Sciences. 2019. № 31. P. 210–214.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.18 EDN

ВОВЛЕЧЕННОСТЬ ЛЮДЕЙ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВО

Алексеева О. А.
канд. экон. наук, старший научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. В последние годы рост интернет-аудитории обеспечивается за счет увеличения числа пожилых пользователей. Интернет предоставляет новые широкие и прежде недоступные возможности для развития людей старшего поколения и оказания помощи в различных областях. В данной работе показаны цели выхода этой категории населения в интернет, включенность в социальные сети и др.

Ключевые слова: интернет, старшее поколение, включенность, цифровые навыки, активность

INVOLVEMENT OF OLDER PEOPLE IN THE INTERNET SPACE

Alekseeva O. A.
Candidate of Economics, Senior Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. In recent years, the growth of the Internet audience has been ensured by an increase in the number of older users. Internet provides new, wide and previously inaccessible opportunities for development of older people and assistance in various fields. This paper shows the goals of access of this category of the population to Internet, frequency of the Internet use, inclusion in social networks, etc.

***Key words*:** Internet, older generation, involvement, digital skills, activity

В последние годы прирост аудитории российского интернета происходит за счет представителей старшего поколения. Активные пользователи стареют и переходят со своими привычками в другие возрастные категории. Интернет становится привычным атрибутом их жизни. Как и для молодых людей, интернет для представителей старшего поколения – это, прежде всего, способ общения и поиска информации. Все больше пожилых людей что-нибудь покупают в сети и совершают различные финансовые операции.

По данным выборочного федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей, проведенного в конце 2018 года, половина жителей России старше 55 лет пользуются интернетом, а треть являются его активными пользователями. Они общаются в социальных сетях (57%), занимаются поиском информации по теме здоровья (49%), используют мессенджеры для звонков и видеосвязи (46%), анализируют

данные о товарах и услугах (45%). В основном пожилые пользователи выходят в сеть из дома.

Самые распространенные компьютерные навыки представителей старшего поколения связаны с работой с текстовым редактором (43%) и электронной почтой (37%). Возможностями интернета для заказа товаров или услуг онлайн, по данным Росстата, пользуются 10% представителей старшего поколения. Среди востребованных услуг – финансовые операции, в том числе банковские услуги, денежные переводы, услуги страхования, операции с ценными бумагами (46%), покупка одежды и обуви (36%), а также предметов домашнего обихода (26%). При этом 73% респондентов оплачивают свои покупки с помощью банковских карт.

Чуть более четверти людей старше 55 лет также активно пользуются в интернете государственными услугами, в том числе, связанными со здравоохранением и медициной (35%), оплатой налогов и сборов (17%), а также оплатой счетов по ЖКХ (14%) [1].

По числу пенсионеров, пользующихся интернетом, Россия отстает от развитых стран, но в целом уровень проникновения интернета среди пожилых достаточно высок. По данным аналитического агентства GfK, в 2019 году наибольшую динамику по сравнению с 2018 годом по приросту числа интернет-пользователей показали представители старшего поколения: в категории 65+ число пользователей сети возросло с 26 до 36%, в категории 50–64 года – с 63 до 66%. Люди при взрослении сохраняют свои привычки в получении информации и с ними они «переходят» в более старшие возрастные группы, уже умея пользоваться интернетом, но очень многие и начинают его осваивать именно после выхода на пенсию. Рост пожилой аудитории интернета также связан и с развитием государственных услуг, онлайн-платежей и контента для более старшего поколения [2].

По данным исследования проекта WEB-Index, в феврале-ноябре 2020 года интернетом в России хотя бы раз в месяц пользовались 78,1% населения всей страны старше 12 лет, а среди самых старших жителей страны (55+ лет) в интернет выходит только половина – 49,7%.

Мобильные устройства остаются главными для выхода в интернет среди россиян всех возрастов. В 2020 году хотя бы раз в месяц интернетом на мобильных устройствах пользовались 36,8% представителей старшего поколения, а со стационарных персональных компьютеров – 32,3% [3].

С описываемых позиций представляет интерес исследование МТС и МТС Банка об активности пожилых людей – пользователей интернета и цифровых сервисов в Московском регионе. Его данные показали, что с марта 2020 года по август 2021 года, в период пандемии, число пользователей онлайн-сервисов в возрасте 60-75 лет выросло в 3 раза.

К Международному дню пожилых людей были исследованы данные абонентов в Московском регионе на развлекательных, поисковых, образовательных и финансовых ресурсах, в мессенджерах, мобильных приложениях и социальных сетях. Число пользователей в этой категории выросло за период в три раза, средний возраст пожилых пользователей – 68 лет, женщин среди них – 56%. Пожилые люди в столице почти в 2 раза чаще используют онлайн-сервисы, чем люди старшего поколения в области.

Чаще всего жители региона старшего возраста пользовались интернетом для общения, оплаты покупок, коммуналки и заказов услуг. Если до пандемии пожилые люди почти ничего не покупали онлайн, то за последние 18 месяцев число их покупок в супермаркетах в интернете увеличилось в 3,2 раза. Пользователи старшего поколения стали заказывать на дом готовую еду в 4 раза чаще, лекарства – в 2 раза.

За время пандемии у пользователей старшего возраста популярнее стали также социальные сети и мессенджеры. За 18 месяцев трафик, пожилых абонентов в мессенджерах, увеличился на 40% за счет обмена и просмотра видеофайлов и благодаря росту числа пользователей мессенджеров пожилого возраста на 11%. Несмотря на рост спроса на интернет-сервисы, абоненты старшего возраста продолжали часто разговаривать по мобильному телефону – на 12 минут больше, чем в 2019 году.

Приведённые данные убеждают в том, что, несмотря на возраст, эта категория абонентов чувствует себя все более уверенно в новом цифровом мире и может удовлетворить многие свои потребности в интернете, наравне с представителями более молодых возрастных групп [4].

В целом, уровень проникновения интернета в жизнь пожилых россиян достаточно высокий, чему способствуют разнообразные обучающие проекты, в том числе бесплатные – такие, как «Азбука интернета», благотворительный образовательный ИТ-проект «Ростелекома» и Пенсионного фонда России (ПФР) по обучению старшего поколения компьютерной грамотности.

Интернет для людей старшего возраста – это не только возможность управления своим образом жизни, но и возможность выбора, адаптации к реалиям современного информационного общества. Интернет – это и развитие их самих и эмоции (новые увлечения, возможность общаться с друзьями и родными, которые живут далеко). Включенность в интернет-пространство представителей старшего поколения является одним из критериев повышения качества их жизни.

Список литературы

1. Треть пожилых людей в России являются активными пользователями интернета. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/63640 (дата обращения: 23.02.2022).

2. Интернет-аудитория в России выросла благодаря пенсионерам. URL: https://professionali.ru/Soobschestva/internet/internet-auditorija-v-rossii-vyrosla/ (дата обращения: 23.02.2022).

3. Аудитория интернета в России в 2020 году. URL: https://mediascope.net/news/1250827/ (дата обращения: 23.02.2022).

4. Число пожилых пользователей интернет сервисов в Московском регионе выросло в 3 раза. URL: https://riamo.ru/article/516245/chislo-pozhilyh-polzovatelej-internet-servisov-v-moskovskom-regione-vyroslo-v-3-raza.xl (дата обращения: 23.02.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.19 EDN

СПЕЦИФИКА ЛЕЧЕНИЯ И СОПРОВОЖДЕНИЯ ПАЦИЕНТОВ С ХРОНИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ

Аликперова Н. В.
канд. экон. наук, научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН;
ведущий научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт
организации здравоохранения и медицинского менеджмента
Департамента здравоохранения города Москвы,
Москва, Россия

Аннотация. В статье автором поднимается вопрос о важности и актуальности (учитывая условия пандемии Ковид-19 и постковидной реальности) лечения и сопровождения больных с хроническими заболеваниями. Исследуется понятие коморбидности и проблемы, влияющие на ее развитие, а также сложности, с которыми сталкивается система здравоохранения при ведении таких больных.

Ключевые слова: здравоохранение, хронические заболевания, пациенты с хроническими заболеваниями, коморбидность, лечение пациентов с хроническими заболеваниями

SPECIFICS OF TREATMENT AND MAINTENANCE OF PATIENTS WITH CHRONIC DISEASES

Alikperova N. V.
Candidate of Economics, Researcher,
ISESP FCTAS RAS;
Leading Researcher,
Research Institute for Healthcare Organization and Medical Management of Moscow Healthcare Department,
Moscow, Russia

Abstract. In the present article the author raises the question of the importance and relevance (given the conditions of the Covid-19 pandemic and the post-Covid reality) of treatment and maintenance of patients with chronic diseases. The concept of comorbidity and the problems affecting its development, as well as the difficulties faced by the healthcare system in the management of such patients.

Key words: healthcare, chronic diseases, patients with chronic diseases, comorbidity, treatment of patients with chronic diseases

Борьба с хроническими болезнями – одна из наиболее сложных проблем, стоящих перед национальными системами здравоохранения. Достижения медицины, которые продлевают людям жизнь, контролируя, хотя и не излечивая полностью их заболевания, привели к увеличению числа лиц, живущих с хроническими болезнями. Специфика организации помощи хроническим больным заключается в необходимости проведения курсов оздоровления, лечения и реабилитации вне обострений заболеваний, что выходит за рамки традиционно сложившегося подхода, ориентированного на преимущественное лечение острых состояний и обострений заболевания, призвано обеспечить повышение

качества человеческого капитала и снизить постоянно возрастающие экономические потери общества [1].

По мнению Zsuzsanna Jakab, директора Европейского регионального бюро ВОЗ, растущая сегодня потребность лечения хронических состояний требует иного подхода. Взаимоотношения между пациентом и врачом изменяются фундаментальным образом: пациент все в большей степени рассматривается как «знаток благодаря накопленному опыту», чье активное участие в принятии решений имеет ключевое значение. Patient-centred healthcare (в русском языке – пациент-ориентированное здравоохранение) – один из вариантов решения проблемы ведения хронических болезней.

Декларация о пациент-ориентированном здравоохранении (Второй Всемирный Конгресс Пациентов 22–24 февраля 2006 года в Брюсселе) гласит: «системы здравоохранения во всем мире не могут быть эффективными, если они ставят во главу угла болезнь, а не пациента; необходимо вовлекать пациентов и стремиться к повышению их приверженности лечению, отказу от вредных привычек и введению самоконтроля» [2].

Кроме того, практически во всем мире растут показатели коморбидности (одновременного наличия у пациента двух или более хронических заболеваний). Среди факторов, обусловливающих такую динамику, можно выделить глобальную проблему ожирения и общее старение населения. В частности, многие исследования свидетельствуют о том, что как минимум три четверти лиц старше 75 лет страдают сразу несколькими хроническими заболеваниями [3].

Коморбидность снижает качество жизни пациентов, повышает риск возникновения у них функциональных ограничений и осложняет проведение эффективного лечения. К тому же, она влечет за собой значительный рост нагрузки на систему здравоохранения и затрат на медицинское обслуживание.

Судя по всему, в ближайшие несколько десятилетий, с учетом старения населения, коморбидность станет еще более распространенным явлением. Однако этому росту способствует не только старение населения. При индексе массы тела от 30 и выше риск коморбидности у молодых людей повышается втрое, а у лиц более старшего возраста — почти вдвое [4]. Среди прочих факторов, связанных с коморбидностью, можно назвать безработицу, низкий социально-экономический статус, курение и неполноценное питание.

Коморбидность приводит к весьма тяжелым последствиям: чем больше хронических заболеваний наблюдается у пациента, тем выше вероятность возникновения у него функциональных ограничений и снижения качества его жизни [5]. При этом качество жизни, зачастую снижается сильнее, чем можно было бы ожидать, исходя из характеристик каждого наблюдающегося заболевания, взятого отдельно. Кроме того, поскольку

большинство коморбидных пациентов ежедневно принимают значительное количество лекарственных препаратов, они подвергаются повышенному риску возникновения побочных эффектов от приема лекарств, вплоть до летального исхода.

Количество одновременно наблюдающихся у пациента хронических заболеваний напрямую соотносится и с интенсивностью применения других видов лечения. Коморбидные пациенты значительно чаще других консультируются со специалистами и нуждаются в госпитализации [6]. У них чаще возникают осложнения при госпитализации и им чаще требуется длительная или повторная госпитализация, либо помещение в дом-интернат.

Несмотря на колоссальные финансовые риски, которые несет в себе проблема коморбидности, лишь немногие системы здравоохранения действительно готовы ее решать. Такая ситуация обусловлена тремя основными причинами.

Во-первых, сложность медицинских услуг, необходимых коморбидным пациентам, повышает риск того, что такие больные не смогут рассчитывать на медицинскую помощь надлежащего качества. Например, пациент с застойной сердечной недостаточностью, диабетом и хроническим заболеванием легких нуждается в комплексном лечении, которое обеспечивало бы координацию и сбалансированность различных видов терапии. Однако на практике такая координация осуществляется редко. Вместо этого пациенты зачастую получают противоречащие друг другу рекомендации от различных врачей и вынуждены сами разбираться в том, как им следовать. В большинстве систем здравоохранения никто не разъясняет особенности лечения пациентам, их родственникам и коллегам-врачам, которые тоже лечат этих больных. Никто не озабочен тем, чтобы подсказать пациенту, как соблюдать сложный, зачастую противоречивый режим лечения. Никто не отвечает за надлежащее последующее наблюдение пациента; никто не контролирует совместимость лекарств, влияние препаратов на сопутствующие заболевания и влияние заболеваний друг на друга; наконец, никто не пытается хотя бы просто определить, действительно ли нужны пациенту все выписанные ему лекарства. При таком подходе неудивительно, что нагрузка на систему здравоохранения и затраты на медицинское обслуживание столь высоки.

Во-вторых, большинство медицинских специалистов по-прежнему получают узкопрофильное образование; лишь немногие из них (даже среди врачей общей практики) проходят достаточную подготовку, чтобы оказывать медицинскую помощь, выходящую за рамки их специализации. Узость профессионального мышления во многих случаях непроизвольно усугубляется руководствами по лечению, которые, как правило, ориентированы только на одно заболевание. Методики проведения клинических исследований также препятствуют внедрению комплексных терапевтических подходов - в

ходе многих клинических исследований игнорируются потребности коморбидных пациентов, и лишь в единичных исследованиях делаются попытки решить проблему одновременного лечения нескольких болезней.

В-третьих, в большинстве систем нет возможности обеспечить врачей необходимыми стимулами, которые побуждали бы их проводить комплексную терапию. Зачастую врачам платят за лечение конкретных отдельно взятых заболеваний, а не за взаимодействие с коллегами других специальностей. Аналогичным образом, лишь в некоторых системах здравоохранения предусмотрены финансовые или иные стимулы, побуждающие медиков координировать схемы лечения, чтобы улучшить состояние пациентов или сократить количество необходимых лекарственных препаратов и лечебных процедур.

Залог успешного ведения и сопровождения пациентов с хроническими заболеваниями заключается в соблюдении ряда основополагающих принципов, благодаря которым можно значительно повысить качество жизни больных, а в ряде случаев предотвратить развитие болезней в более сложные формы:

- своевременность,
- мобильность (возможность оказания помощи как в стационаре, так и на дому или с помощью методов телемедицины),
- непрерывность,
- внимательность,
- доступность (врачебная, инфраструктурная и т.п.),
- координация услуг на уровне первичного звена,
- межсекторальное взаимодействие,
- выявление новых потребностей,
- учет индивидуальных особенностей.

Особую роль в повышении качества жизни пациентов с хроническими заболеваниями и, как следствие, увеличении ее продолжительности играет дополнительное внимание к учету индивидуальных особенностей пациентов, включая их взгляды и предпочтения в процессе оказания помощи, а также возможную поддержку в обучении и психологическую помощь, необходимые для эффективного партнерства [7; 8]. Персонализированная медицина является одной из задач Концепции развития здравоохранения РФ до 2025 года.

Таким образом, роль врачей расширяется, включая в себя необходимый контроль (в том числе с помощью IT-технологий), консультирование пациентов относительно рекомендуемых подходов к ведению заболевания, обучение навыкам медицинской

помощи, эмоциональную и психологическую поддержку, помощь в доступе к ресурсам медицинской и социальной помощи, пропаганду здорового образа жизни [9], формирование приверженности к лечению, т. к. за процесс лечения пациент несет такую же ответственность (а иногда больше), как и врач. Именно пациент осознает потребность в получении медицинской помощи, он выбирает [10], обратиться ли к врачу или заняться самолечением, пациент также делает выбор – соблюдать ли назначенное лечение или нет. Во многом ответственность за сохранение здоровья лежит на человеке, обратившимся за медицинской помощью, поэтому от степени его информированности в собственных правах, от его активности и заинтересованности в процессе лечения зависит его результат.

Список литературы

1. *Мишина О. С.* Организация медицинской помощи хроническим больным на протяжении всей жизни/ Методические рекомендации. М. : РИО ЦНИИОИЗ МЗ РФ. 2016. 40 с.
2. *Шевский В. И., Шишкин С. В.* Реформирование первичной медицинской помощи: препятствия и перспективы. М. : ИЭПП; 2006. 80 с.
3. *Uijen A. A., van de Lisdonk E. H.* Multimorbidity in primary care: Prevalence and trend over the past 20 years // European Journal of General Practice, 2008. Vol. 14, Suppl. 1. P. 28-32.
4. *Taylor A. W. et al.* Multimorbidity — not just an older person's issue. Results from an Australian biomedical study // BMC Public Health, 2010. Vol. 10:718.
5. *Vogeli C. et al.* Multiple Chronic Conditions: Prevalence, Health Consequences, and Implications for Quality, Care Management, and Costs // Journal of General Internal Medicine, 2007. Vol. 22, Suppl. 3. P. 391—395.
6. *Starfield B. et al.* Comorbidity and the Use of Primary Care and Specialist Care in the Elderly // Annals of Family Medicine, 2005.Vol. 3. P. 215—222.
7. *Аликперова Н. В., Аксенова Е. И., Виноградова К. В.* Изменение функционала: как воспринимают нововведения медицинские работники? // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2021. Т. 29. № S2. С. 1311-1317.
8. *Камынина Н. Н., Александрова О. А., Ненахова Ю. С., Ярашева А. В., Аликперова Н. В.* Мнение медицинских работников относительно ожиданий пациентов в связи с планами по изменению функций медицинских сестер // Медицинская сестра. 2021. Т. 23. № 2. С. 33-37.
9. *Дебби С.* Как в программах по ведению хронических болезней можно задействовать широкий спектр условий оказания помощи и поставщиков услуг? Краткий аналитический обзор. ВОЗ, 2008. 34 с.
10. *Аликперова Н. В., Ярашева А. В., Клюева С. Ф., Виноградова К. В.* Модели профессионального поведения сотрудников медицинских организаций // Здравоохранение Российской Федерации. 2021. Т. 65. № 5. С. 454-460.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.20 EDN

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ СУБЪЕКТОВ РФ И ПОПУЛЯЦИОННОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ

(Исследование выполнено в рамках научного проекта государственного задания МГУ № 121032500094-5, «Построение концептуальных и математических моделей зональных типов наземных экосистем»)

Будилова Е. В.
д-р биол. наук, старший научный сотрудник,
МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Лагутин М. Б.
ассистент,
МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается связь инновационного развития экономики субъектов РФ с уровнем популяционного здоровья населения. Популяционное здоровье оценивалось двумя индексами: популяционного здоровья и демографического старения населения. Проведенное исследование показало, что для субъектов РФ с более высоким инновационным развитием экономики характерен относительно высокий уровень демографического старения населения, с популяционным здоровьем значимые статистические связи не выявлены.

Ключевые слова: инновационное развитие, индекс популяционного здоровья, индекс демографического старения

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY OF THE RUSSIAN FEDERATION SUBJECTS AND POPULATION HEALTH

Budilova E. V.
Doctor of Biological Sciences, Senior Researcher,
Lomonosov MSU,
Moscow, Russia

Lagutin M. B.
Assistant Researcher,
Lomonosov MSU,
Moscow, Russia

Abstract. The article considers the relationship between the innovative development of the economy of subjects of the Russian Federation and the level of population health. Population health was assessed by two characteristics: population health index and demographic aging index. The study showed that the Russian Federation subjects with a higher index of innovative development are characterized by a higher level of demographic aging of the population. No significant statistical relationships with population health index were found.

Key words: innovative development, population health index, demographic aging index

Переход от индустриального к постиндустриальному обществу связывают с развитием инновационной экономики, важным условием функционирования которой

является высокое качество человеческого потенциала, повышение уровня жизни населения, развитие образования и науки [1; 2; 3]. Важнейшей компонентой человеческого потенциала является здоровье населения [4].

Для оценки уровня инновационного развития субъектов РФ в 2012 году Ассоциацией инновационных регионов России (АИРР) совместно с Министерством экономического развития РФ, а также с привлечением представителей региональных администраций и ведущих экспертов страны была разработана методика расчета рейтинга инновационных регионов России. В основу этой методики положен подход, используемый Европейской комиссией для проведения сравнительной оценки инновационного развития регионов Евросоюза с целью разработки и внедрения мер инновационной политики на региональном уровне (Regional Innovation Scoreboard)» [5, 6]. В настоящее время опубликовано пять версий Рейтинга, начиная с 2014 года по 2018 год. Первоначально при расчете рейтинга использовались 23 индикатора, объединенных в 3 подгруппы: 1) научные исследования и разработки; 2) инновационная деятельность; 3) социально-экономические условия инновационной деятельности. Начиная с 2016 года, стали учитываться еще шесть новых индикаторов, объединенных в четвертый смысловой блок «инновационная активность региона». При этом набор индикаторов трех первых базовых тематических блоков рейтинга остается практически неизменным, что позволяет отслеживать динамику по ключевым направлениям развития. Индекс инновационного развития региона (I) рассчитывается как среднеарифметическое значение из 29 частных индексов. По величине индекса инновационного развития авторы методики разделяют все регионы РФ на пять групп: 1 – «сильные инноваторы» (значение индекса превышает 140% от среднего по стране уровня); 2 – «средне-сильные» (значение индекса находится в пределах от 110% до 140% включительно); 3 – «средние» (от 90% до 110%); 4 – «средне-слабые» (от 60% до 90%); 5 – слабые (значение индекса инновационного развития ниже 60% от среднего по стране уровня). Распределение регионов по этим группам в 2016-2018 годах показывает, что группы сильных и слабых инноваторов достаточно малочисленны. Большая часть регионов относится к группам средних и слабых инноваторов (*табл. 1*).

Таблица 1

Распределение регионов РФ по группам инновационного развития

Группа инновационного развития	**Количество регионов**		
	2016	**2017**	**2018**
Сильные	11	9	8
Средне-сильные	16	17	21
Средние	22	29	24
Средне-слабые	28	23	26
Слабые	8	7	6

Источник: Рейтинг инновационных регионов России. URL: https://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya/ (дата обращения: 08.02.2022).

Число регионов «сильных» и «слабых» инноваторов постепенно сокращается, при этом основной их состав остается практически постоянным, но их рейтинг часто по годам варьирует (*табл. 2*).

Таблица 2

Рейтинг регионов в группах «сильных» и «слабых» инноваторов

«Сильные» инноваторы			«Слабые» инноваторы		
2016	**2017**	**2018**	**2016**	**2017**	**2018**
1.Москва	1. Санкт-Петербург	1. Санкт-Петербург	78. Республика Калмыкия	79. Еврейская авт. область	80. Чеченская Республика
2. Санкт-Петербург	2. Москва	2. Республика Татарстан	79. Республика Хакасия	80. Республика Дагестан	81. Карачаево-Черкессия
3. Республика Татарстан	3. Республика Татарстан	3. Москва	80. Республика Тыва	81. Республика Тыва	82. Республика Тыва
4. Томская область	4. Томская область	4.Томская область	81. Карачаево-Черкссия	82. Ненецкий АО	83. Ненецкий АО
5.Новосибирская область	5.Новосибирс-кая область	5. Московская область	82 . Чеченская Республика	83. Чеченская Республика	84. Чукотский АО
6. Калужская область	6. Калужская область	6.Новосибирская область	83. Республика Ингушетия	84. Республика Ингушетия	85. Республика Ингушетия
7. Республика Башкортостан	7. Московская область	7. Калужская область	84. Еврейская авт. область	85. Чукотский АО	-
8.Нижегородская область	8. Ульяновская область	8.Нижегородская область	85. Ненецкий АО	-	-
9. Московская область	9. Самарская область	-	-	-	-
10. Самарская область	-	-	-	-	-
11.Красноярский край	-	-	-	-	-

Источник: Рейтинг инновационных регионов России. URL: https://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya/ (дата обращения: 08.02.2022).

Представляется новым и актуальным выявление и изучение связи инновационного развития территорий с уровнем популяционного здоровья населения. Эта задача имеет фундаментальное значение, так как постиндустриальное развитие экономики оказывает глубокое влияние на эволюционные процессы развития человека как биологического вида: снижаются смертность и рождаемость, увеличивается продолжительность жизни, происходит демографическое старение населения, изменяются институты брака и семьи.

В данной статье предпринята попытка оценки связи между популяционным здоровьем и уровнем инновационного развития регионов России. Популяционное здоровье населения оценивали по интегральному индексу популяционного здоровья [6] и индексу демографического старения населения (отношение удельного веса населения старше трудоспособного возраста к удельному весу населения моложе трудоспособного возраста, умноженное на 100), рассчитанных для всех регионов России за 2016 год.

Для оценки связей между индексом инновационного развития и показателями популяционного здоровья были вычислены ранговые коэффициенты корреляции Спирмена (уровень значимости 0,05). Проведенный анализ показал, что индекс инновационного развития имеет значимую положительную связь с индексом демографического старения населения (коэффициент корреляции – 0,560) и незначимую связь с индексом популяционного здоровья (коэффициент корреляции – 0,104).

Для сравнения популяционного здоровья населения регионов по группам инновационного развития использовали ранговый критерий Уилкоксона-Манна-Уитни. Сравнение пяти групп по индексу популяционного здоровья показало, что значимое различие между выделенными группами отсутствует: фактический уровень значимости критерия Уилкоксона-Манна-Уитни равен 0,313, а по демографическому индексу старения наблюдалось существенное различие: фактический уровень значимости критерия Уилкоксона-Манна-Уитни меньше 0,0005. В группах «сильные», «средне-сильные» и «средние» инноваторы медианный индекс старения превышает 140%, а у «средне-слабых» и «слабых» – этот индекс ниже 110%.

Проведенное исследование показывает, что для субъектов РФ с более высоким индексом инновационного развития характерен более высокий уровень демографического старения населения.

Список литературы

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. URL: https://sudact.ru/law/rasporiazhenie-pravitelstva-rf-ot-17112008-n-1662-r/kontseptsiia-dolgosrochnogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiia-rossiiskoi/ (дата обращения: 08.02.2022).
2. Государственная программа Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» на 2013–2020 гг. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d19/gosudarstvennaya_programma_ekonomicheskoe_razvitie_i_innovacionnaya_ekonomika/ (дата обращения: 08.02.2022).
3. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации до 2035 года. URL: https://issek.hse.ru/news/198007950.html/ (дата обращения: 08.02.2022).
4. Сбережение народа /под. ред. Н. М. Римашевской. М. : Наука, 2007. 326 с.
5. Рейтинг инновационных регионов России, 2017. URL: https://i-regions.org/reiting/rejting-innovatsionnogo-razvitiya/ (дата обращения: 08.02.2022).
6. *Будилова Е. В., Лагутин М. Б., Мигранова Л. А.* Влияние демографических и социально-экономических факторов на популяционное здоровье населения // Народонаселение. 2019. № 3. С. 80–92.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.21 EDN

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: НЕОБХОДИМОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ ОБНОВЛЕННОГО ПОДХОДА К ЗДОРОВЬЮ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Григорьева Н. С.
д-р полит. наук, профессор,
МГУ им. М. В. Ломоносова
Москва, Россия

Аннотация. Специалистам в области здравоохранения и лицам, принимающим решения, необходимы усовершенствованные методы определения бремени болезней для более эффективного и справедливого использования и распределения ресурсов здравоохранения. В фокусе данного исследования – здоровье работающих пенсионеров. В связи с пенсионной реформой 2018 года для значительной части населения увеличился срок выхода на пенсию. Одновременно с этим появился запрос на исследования состояния здоровья и формирование социальной политики в отношении здоровья этой группы лиц, поскольку здоровье входит в функцию полезности индивида и является важной составляющей человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, здоровье, здравоохранение, пенсионная реформа, здоровье работающих

HUMAN CAPITAL: THE NEED TO FORM AN UPDATED APPROACH TO HEALTH IN MODERN REALITY

Grigorieva N. S.
Doctor of Political Sciences, Professor,
Lomonosov MSU,
Moscow, Russia

Abstract. Health professionals and decision makers need improved methods for determining the burden of disease. This is important for a more efficient and equitable use and distribution of healthcare resources. The focus of this study is the health of working pensioners. In connection with the pension reform of 2018, the retirement period has been extended for a significant part of the population. At the same time, there was a demand for research into the state of health and formation of a social policy regarding the health of this group of people, since health is included in the individual's utility function and is an important component of human capital.

Key words: human capital, health, healthcare, pension reform, workers' health

Вопрос о том – являются ли расходы на здравоохранение бременем или инвестициями в будущее – возник достаточно давно, но дискуссии по этому поводу стали наиболее актуальны после того, как получила развития социальная модель здоровья [1, 12], в рамках которой здоровье рассматривается как социальная ценность, представляющая собой важную предпосылку для полноценной жизнедеятельности, удовлетворения материальных, социальных и духовных потребностей, участия в экономической, научной, культурной и других сферах деятельности [2]. Такой подход, в котором учитываются не только физиологические возможности человека, но также социальные и личностные

ресурсы, которыми он располагает, привел к изменениям в понимании здоровья и здравоохранения, что в итоге нашло свое выражение в политике.

Так, К. Блейкмор, рассмотрев понятие «здравоохранительная политика», обозначил два ее понимания – в узком и широком смыслах [3]. Комплексный подход к оценке здоровья привел к тому, что его определяют, как состояние полного социального и психологического благополучия, когда все функции организма человека находятся в балансе с окружающей средой, как природной, так и социальной.

Но капитал здоровья − особая категория человеческого капитала, которая обладает определенными отличительными признаками, хотя большинство подходов к определению человеческого капитала в конкретный период исключали фактор здоровья как базис для получения и качественного образования и высокой квалификации. Ошибочность такого подхода быстро стала очевидной и, соответственно, активизировались попытки исследователей оценить расходы на здравоохранение на основе экономического анализа. Классическая модель спроса на здоровье была предложена американским экономистом М. Гроссманом в 1972 году. Согласно этой модели, индивид одновременно является производителем и потребителем собственного здоровья; здоровье входит в функцию полезности индивида и определяет суммарное количество времени, которое человек проведет на рынке труда, а, следовательно, его доходы и т. д. зависят от объема капитала здоровья, являющегося решением задачи максимизации полезности при ресурсных ограничениях [4, 235–255]. Гроссманом также впервые была исследована сложная взаимосвязь между рабочим временем, заработной платой и здоровьем. Основное предположение в этой модели заключалось в том, что здоровье можно рассматривать как долговременный запас капитала, который дает результат «здорового времени». Заложенный учёным алгоритм исследования был использован в работах и других авторов. Двумя годами позже Гроссман и Бенхэм использовали модель производства в домашнем хозяйстве для изучения влияния здоровья на заработную плату (недельная заработная плата), на неделю работы и улучшение здоровья в качестве эндогенной переменной. Предполагаемые структурные уравнения показали, что хорошее здоровье оказало положительное влияние на доходы. Спустя почти 30 лет, в 2001 году Контоянис и Райз пересчитали эти результаты, чтобы еще раз представить доказательства о влиянии здоровья на заработную плату.

Параллельно разрабатывались комплексные индикаторы для измерения бремени болезней и состояния здоровья населения для проведения экономического анализа, в котором сочетались потери от нетрудоспособности и преждевременной смертности. С повышением частоты использования этих индикаторов (Доклад о мировом развитии: вклад

в здоровье, 1993) пришло время оценить концептуальные и этические проблемы, связанные с измерением человеческой жизни и определением ее ценности.

Указанные комплексные индикаторы имеют различные области применения:

– сравнение важности (относительной) различных заболеваний или групп заболеваний в одной популяции;

– сравнение бремени болезней в различных популяциях;

– определение социально уязвимых групп населения;

– сравнение пользы для здоровья от различных мероприятий (комплекса мероприятий);

– сравнение эффективности затрат от проводимых мероприятий (комплекса мероприятий) для планирования и оценки;

– определение приоритетов в исследованиях в области здравоохранения.

Ограниченные возможности ставят перед необходимостью сделать выбор между различными ценностями, в результате чего возникают концептуальные, методологические и этические проблемы измерения ценности жизни.

Наиболее популярные подходы хорошо известны, это: (1) подход, основанный на подсчете лет здоровой жизни; (2) подход, основанный на подсчете лет жизни с учетом качества жизни (QALY); (3) подход, основанный на подсчете лет жизни с учетом инвалидности (DALY).

Однако наличие этих и других вариантов исчисления не остановили дискуссии вокруг того является ли, например, год здоровой жизни самостоятельной ценностью, а не товаром, произведенным для других целей, например, экономической продуктивности. Исходный момент состоит в том, что политика здравоохранения и принятие решений о размещении ресурсов должны приниматься с учетом лет здоровой жизни, потерянных из-за болезней или добавленных успешным лечением, независимо от социальной или экономической продуктивности.

На самом деле, проблемы здоровья нелегко приспособить к простым экономическим моделям. В секторе здравоохранения неадекватная информация является камнем преткновения как для медицинских работников, так и для общества. Внешние условия (затраты), являющиеся результатом изменений состояния здоровья, зачастую играют большую роль.

Физическая сила, выносливость, работоспособность, иммунитет к болезням, увеличение периода активной трудовой деятельности – все это необходимо каждому человеку, в любой сфере профессиональной деятельности. К сожалению, осознание

капитального значения здоровья как для человека, так и для нации приходит от противного - при потерях здоровья и увеличении смертности населения.

Вместе с тем население различается по полу, возрасту, этничности, социальному статусу. Кроме того, существуют социальные условия, которые дифференцируют различные группы населения по состоянию и уровню здоровья, что позволяет уточнять те задачи, которые необходимо решать с учетом специфики этих социальных групп [5]. Такой особой группой являются работающие пенсионеры, и, соответственно, здоровье работающих пенсионеров, которое позволяет им продолжать трудиться.

С 2019 года в России идёт пенсионная реформа. В первый же год её исполнения пенсионный возраст был поднят на полгода. Пенсионный фонд назначил 1,25 млн страховых пенсий, что было на 41% меньше, чем в 2018 году и 287 тыс. пенсий по государственному пенсионному обеспечению (на 9% меньше). В 2020 году число назначенных страховых пенсий сократилось на 6%, а социальных — на 16%. На начало 2022 года было 42 млн 210 тыс. пенсионеров (на начало реформы в 2019 – 43 млн 865 тыс.). Еще 2 млн 660 тыс. человек в 2021 году получали ведомственные пенсии (бывшие полицейские, военнослужащие, судьи, прокуроры и т. д.), которых реформа не затронула и их число не уменьшилось, а возросло по сравнению с началом 2019 года на 45 тыс.). Экономия бюджета ПФ РФ в 2021 году составила около 315 млрд рублей, а за три года реформ – 630 млрд рублей.

В России доля населения в возрасте, старше трудоспособного, составляет 22,7%. К 2031 году, по среднему прогнозу Росстата, эта цифра вырастет до 28,8%. По международной классификации это соответствует высокому уровню демографической старости. Демографические показатели на перспективу позволяют оценить возможные количественные и структурные сдвиги в потенциале здоровья трудоспособного населения России. Увеличения пенсионного возраста не обязательно ассоциируется с хорошим здоровьем, вместе с тем плохое здоровье может снизить производительность труда и качество работы, что в литературе по гигиене труда называют презентизмом.

Взаимосвязь между здоровьем и услугами здравоохранения требует тщательного изучения, чтобы оценить стоимость плохого здоровья для экономики и оценить экономическую эффективность мероприятий по улучшению состояния здоровья. Но пока у нас явно недостаточно исследований, устанавливающих взаимосвязь между здоровьем и выходом на пенсию, а, следовательно, смещением пороговых значения в отношении статуса занятости [6, 5–34]. И только с учетом этого производить оценку запасов человеческого капитала с компонентом здоровья [7].

Список литературы

1. *Калью П. И.* Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: обзорная информация. М. : ВНИИМИ, 1998. 65 с.
2. Здоровье и здравоохранение в гендерном измерении / под общ. ред. Н. М. Римашевской. М. : Агентство «Социальный проект», 2007. 234 с.
3. *Blakemore K.* (1998). Are Professionals Good for you? Health Policy and Health Professionals // Social Policy: An Introduction. Philadelphia: Open University Press. 227 p.
4. *Grossman M.* (1972) On the Concept of Health Capital and the Demand for Health // The Journal of Political Economy.Vol. 80. No 2. P. 223-255.
5. *Marmot M., Wilkinson R. G.* (eds.) (2006). Social Determinants of Health. 2nd Edition. Oxford. Oxford University Press. 376 p.
6. *Лукьянова А., Капелюшников Р.* Работники предпенсионного и пенсионного возраста на российском рынке труда: ограничения в реализации занятости // Вопросы экономики. 2019. № 11. С. 5-34.
7. *Mary O'Mahony and Lea Samek* (2016) Health and Human Capital. Paper prepared for the 34th IARIW General Conference Dresden, Germany, August 21-27.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.22 EDN

ФЕНОМЕН ДОЛГОЖИТЕЛЬСТВА – ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дмитриева Ю. В.
д-р экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

Аннотация. В статье раскрываются возможности увеличения продолжительности жизни и сокращение смертности с использованием исследований в области долгожительства как своего рода модели естественного физиологического старения. Выявлено отсутствие конкретных социолого-демографических исследований долгожительства человека, которые позволили бы рассмотреть долгожительство как феномен для увеличения продолжительности активной жизни и сокращение показателей смертности. Описаны основные факторы влияния на феномен долгожительства, при этом особо выделяется поведенческий фактор, показана необходимость комплексного подхода к изучению феномена долгожительства. Кроме того, сделаны выводы о биологической и социальной программах человека, которые, действуя совместно естественным путем, могут отодвигать момент старения организма и увеличивать возможность стареть в радость, что, в свою очередь, будет способствовать увеличению продолжительности жизни и сокращению смертности населения.

***Ключевые слова*:** долгожительство, продолжительность жизни, смертность, самосохранительное поведение

PHENOMENON OF LONGEVITY – FEATURES OF THE STUDY

Dmitrieva Yu. V.
Doctor of Economics, Associate Professor, Leading Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The article shows the possibilities of increasing life expectancy and reducing mortality, including premature mortality, using research in the field of longevity as a kind of model of natural physiological aging. It is found that there are no specific sociological and demographic studies of human longevity that would allow considering longevity as a phenomenon for increasing the duration of active life and reducing mortality rates. The main factors of influence on the phenomenon of longevity are described with a special emphasis on the behavioral factor, and the need for an integrated approach to study of the phenomenon of longevity is shown. In addition, conclusions are drawn about the biological and social programs of a person, which, acting together in a natural way, can postpone the moment of aging of the body and increase the possibility of aging in joy that in turn will contribute to an increase in life expectancy and a decrease in mortality.

Key words: longevity, life expectancy, mortality, self-preservation behavior

Борьба с преждевременной смертностью, за долгую жизнь – это основная цель всего исторического развития человечества. Несмотря на некоторые успехи в увеличении продолжительности жизни в России, данная проблема остается центральной темой социально-демографических исследований.

Определение проблемы

Явления долгожительства издавна привлекали пристальное внимание людей, что нашло свое отражение, например, в фольклоре. Когда только зарождалась наука исследованием этой проблемы занимались и ученые и, прежде всего, это медики. В медицинской науке даже выделилась отдельная специальная научная отрасль «геронтология», которая изучает закономерности, механизмы и проявления старения, устанавливает влияние среды и социально-гигиенических факторов на ход возрастных изменений, разрабатывает и проводит мероприятия по увеличению жизни. Частью геронтологии является гериатрия – это научная дисциплина, которая изучает особенности развития, течения, диагностики, лечения и профилактики заболеваний в пожилом возрасте. В нашей стране эту науку основал И. И. Мечников, а продолжал и развивал его дело А. А. Богомолец. В начале исследований учёные работали исключительно на личностном уровне, т.к. процессы старения очень индивидуальны, как и сам человек в целом. Долгожительство для антропологов достаточно долго время не представляло особого интереса. Этнографы же наоборот занимались изучением старших возрастных групп и их социальных ролей, а также давали характеристику особенностей жизни пожилых людей. Их не интересовало долгожительство как феномен.

Изменение ситуации в исследовании феномена долгожительства произошло тогда, когда постепенно началось увеличение средней продолжительности жизни людей, когда под влиянием медицинских исследований внешние факторы смертности встали на второе место после эндогенных причин смертности. В ряде экономически развитых стран уже в 1960-х годах отмечался рост продолжительности жизни выше 70 лет, а население старших возрастных групп начинало стремительно увеличиваться, т.е. наблюдался процесс старения населения. Однако необходимо отметить, что наблюдаемое снижение смертности было отмечено в большей степени в молодых возрастных группах. А вот смертность в старших возрастах, где основными причинами стало естественное изнашивание организма, снижалась не так заметно. Таким образом, ситуация с возрастающей численностью пожилых и старых людей создало специфические экономические потребности, что потребовало от научного сообщества исследований в области увеличения продолжительности активной жизни людей.

Вопросы увеличения продолжительности жизни и снижением показателей смертности населения тесно связаны, на наш взгляд, с исследованиями феномена долгожительства, который стали центром в исследованиях этнографии и других общественных наук. Отдельное место в исследовании феномена долгожительства и сегодня отводится геронтологии, которая выходит за рамки собственно медицинской науки и

начинает социализироваться. В этой связи интерес представляет проект, реализованный советско-американскими учеными. В 1977 году было подписано соглашение между Академией наук СССР и соответствующими научными организациями США о совместном изучении народов и этнических групп с высоким процентом долгожителей, среди которых абхазы занимают, пожалуй, особое место. Тема исследования «Комплексное биолого-антропологическое и социально-этнографическое исследование народов и этнических групп с повышенной долей долгожителей» [1, 7]. От проводившихся ранее исследований оно отличается тем, что долгожительство стало изучаться не на индивидуальном, а на групповом или популяционном уровне и что изучением его стали заниматься не только медики-геронтологи, но и многие другие специалисты – этнографы, социологи, психологи, антропологи, демографы и др. Биолого-медицинские гипотезы происхождения долгожительства были дополнены гипотезами, связанными с особенностями образа жизни исследуемых групп, их обычаями и традициями [2]. Однако в современный период, практически нет исследований как в регионах группового долголетия, так и в других регионах. Исследования долгожительства представлены преимущественно медико-биологическими науками. Отсутствуют конкретные социолого-демографические исследования долгожительства человека, которые позволили бы рассмотреть долгожительство как феномен для увеличения продолжительности активной жизни и сокращение показателей смертности. В связи с этим, в исследованиях увеличения продолжительности жизни и сокращение показателей смертности необходимо, прежде всего, руководствоваться комплексным подходом к выявлению большего числа разнородных факторов долгожительства, которое рассчитано на длительный период и на широкий охват населения. Практические результаты таких исследований должны выражаться в индивидуальных рекомендация, касающихся жизненного режима, питания, лекарств и т. д. Только при таком подходе научная работа будет востребована и широко применима.

Описание механизма исследования

Анализируя основные причины смертности, такие как сердечно-сосудистые заболевания, злокачественные опухоли и болезни нервной системы, отметим, что все перечисленные причины являются, по сути, поведенческими причинами – особенности жизни людей, их трудовая деятельность, питание, семейно-бытовые отношения, социально-психологические установки и т. п. На протяжении всей жизни человек подвержен влиянию эндогенных и экзогенных факторов смертности, однако, роли поведенческого фактора уделяется совсем немного места в исследованиях. Роль этого фактора недооценена, хотя влияние его именно в период трудоспособности возрастает в разы, по сравнению с

эндогенными и экзогенными влияниями. Роль эндогенных факторов на протяжении всей жизни человека постоянна, тогда как роль факторов экзогенного характера начинает свое снижение именно с началом трудоспособного периода и увеличивается только после 60-летнего возраста. Поведенческий фактор на протяжении всей человеческой жизни играет свою особую роль в создании условий здоровой и продолжительной жизни, а после 60 лет поведенческая компонента начинает играть первостепенную роль в этом процессе. И действительно, увеличение продолжительности жизни, несмотря на продолжающееся развитие медицинской науки и здравоохранения, идет невысокими темпами, а где-то даже замедляется, и ожидаемый эффект от снижения количества сердечно-сосудистых заболеваний и злокачественных опухолей не столь уж велик.

Фактор влияния климата на возраст человека не является базовым показателем высокого места в рейтинге продолжительности жизни. Так, в Японии (84,6 лет), которая первая в рейтинге стран по продолжительности жизни в мире – климат мягкий, а в таких северных странах, как Исландия (83 года), Норвегия (82,4 года), Швеция (82,8 года) климат намного суровее, а долгожителей много. Так, по итогам Международного арктического научного саммита было заявлено, что в Норвегии доля людей, доживающих до 80-летнего возраста значительно превышает российский показатель [3] – в России за период 2013–2015 годов только 16% мужчин дожили до этого возраста. Экономическое развитие страны, как еще один фактор влияния на увеличение продолжительности жизни, также нельзя назвать определяющим. Экономика Греции (82,2 года), Кубы (78,8 лет) и Исландии (83 года), в которых средний возраст достаточно высок, не входят в двадцатку сильнейших экономик мира, а вот Япония в этом списке на третьем месте. Казалось бы, факторы, касающиеся наследственной детерминации продолжительности жизни, должны играть решающую роль при исследовании долголетия. Генетики утверждают, что жизнь ограничена генетически, а внутриклеточный механизм сегодня уже настолько ясен, что возможны экспериментальные попытки искусственно тормозить этот процесс у животных [4], достигая продления жизни последних. При этом считать феномен долгожительства только проблемой генетической или экономической, или климатической было бы ошибочным. Кроме того, если в прошлом на генные различия в продолжительности жизни населения ученые отводили 15–30% всех факторов, то в современных исследованиях этот показатель составляет около 7%, что говорит о доминировании других факторов [5].

Средняя продолжительность жизни человека пока еще точно не определена. Хотя уже сегодня существует ряд исследований, которые экспериментальным путем пришли к выводу, что максимальная продолжительность жизни человека составляет от 120 до 150

лет, после чего устойчивость организма приближается к нулю [6]. В настоящее время в развитых странах мира средняя (ожидаемая при рождении) продолжительность жизни составляет от 82–85 лет (20 стран из рейтинга стран мира по уровню продолжительности жизни) [7]. Согласно данным ООН, если в начале 1950-х годов доля населения, живущего в странах с продолжительностью жизни более 70 лет, составляла только 1% от общей численности населения мира, то в начале 2000-х годов она превысила 50% [7]. Таким образом, получается, что ожидаемая продолжительность жизни в большинстве стран за последние десятилетия существенно увеличилась, но этот показатель не учитывает, были ли прожитые годы активными и здоровыми. Поэтому результаты исследования Индекса продолжительности здоровой жизни (Healthy Life Expectancy Index) [9] показывают, что в среднем люди по всему миру сохраняют относительно хорошее здоровье в течение первых 88% процентов времени своей жизни, но сталкиваются с проблемами в так называемом «возрасте дожития». Однако некоторые исследователи утверждают, что нет никаких биологических и генетических барьеров для увеличения продолжительности жизни [1, 35–47] – уровень смертности можно снизить в любом возрасте.

С биологической точки зрения, человек – это организм, который принадлежит к типу хордовых, подтипу позвоночных, классу млекопитающих, отряду приматов, семейству гоминид [10, 10]. Организм – это система, «в высочайшей степени саморегулирующаяся, сама себя поддерживающая, восстанавливающая, поправляющая и даже совершенствующая» [11, 188]. Компонентами такой системы являются: система органов, ткани, клетки. Вся биология в человеке изменяется достаточно медленно, а вот социальное в человеке меняется стремительно. Одним из основных источников преобразования является информация, которая дала возможность от рабовладения через феодализм и капитализм прийти к современной личности, к современному человеку. Здесь основную роль играет не наследственность, а социальная информация, которая обеспечивает накопление, хранение и передачу существенно важной, программирующей поведение индивидов информации от поколения к поколению, а также обмен информацией между людьми одного поколения [10, 13]. Академик Н. П. Дубинин – крупнейший ученый в области общей и молекулярной генетики – отмечал, что человек как Homo sapiens, в отличие от животных, «наряду с генетической программой имеет благодаря наличию сознания второю программу, определяющее его развитие в каждом последующем поколении. Эту вторую программу можно назвать программой социального наследования» [12, 36]. Используя программу «социального наследования» возможно

программирование поведения на долгие годы, что, в свою очередь, запустит биологическую программу человека. Организм начнет сам регулировать процессы, которые позволят системе восстанавливаться и даже совершенствоваться, тем самым естественным путем отодвигая момент старения организма и увеличивая возможность стареть в радость.

Таким образом, наше поведение возможно запрограммировать на долгие годы, используя систему социальной информации о возможностях увеличения продолжительности жизни и долгожительства. В этом случае всякое новое поколение людей, благодаря этой системе, будет наследовать не только достижение производства, социально-политической и духовной жизни, но и потребности в сохранении жизни, целостности организма, потребности в здоровье, которое необходимо на протяжении всего жизненного цикла человека, а вместе с тем, и потребности в длительном сроке жизни.

Одним из важных факторов влияния или инструментов влияния на возможность увеличить продолжительность жизни и осознание значимости долголетия является самосохранительное поведение. Поэтому введение понятия *самосохранительного поведения*, наполненного государственным содержанием, как нам кажется, обусловлено сегодня не только особой значимостью ситуации и представлениями о том, что детерминантами высокой заболеваемости и смертности населения являются, в первую очередь, поведенческие нормы, которые связаны с отношением человека к своему здоровью и продолжительности собственной жизни, но и возможностью обозначить долгожительство как объект «социального наследия», тем самым обосновав и закрепив его ценность для общества, семьи и личности.

Список литературы

1. Феномен долгожительства: Антрополого-этнографический аспект исследования / Редкол.: С. И. Брук (отв. ред.), В. П. Волков-Дубровин и др. М. : Наука, 1982. 240 с.
2. *Чанба С. В.* Из истории и методологии изучения феномена долгожительства абхазов // Вестник Карачаево-Черкесского гос. ун-та. 2007. № 22. С. 66-76.
3. Почему норвежцы живут дольше россиян. Информационное агентство БНК. 27.05.2019. URL: https://www.bnkomi.ru/data/news/94971/ (дата обращения: 10.02.2022).
4. Как научиться жить 200 лет, не болея. Русская служба BBC News. 25 сентября 2015. URL: https://www.bbc.com/russian/science/2015/09/150929_vert_fut_secrets_of_living_to_200_years_old (дата обращения: 10.02.2022).
5. Estimates of the Heritability of Human Longevity Are Substantially Inflated due to Assortative Mating. *Genetics*, Vol. 210, Issue 3, 1 November 2018, P. 1109–1124. URL: https://doi.org/10.1534/genetics.118.301613 (дата обращения: 10.02.2022).

6. Учеными установлена максимальная продолжительность жизни человека. URL: https://csn-tv.ru/posts/id34563-nature-communications-specialisty-opredelili-maksimalnuyu-prodolzhitelnost-zhizni-cheloveka (дата обращения: 10.02.2022).
7. Индекс продолжительности здоровой жизни // Healthy Life Expectancy Index. URL: http://who.int/data/gho/ (дата обращения: 10.02.2022).
8. Кибернетика живого: Человек в разных аспектах. М. : Наука, 1985. 174 с.
9. *Павлов И. П.* Полн. собр. соч. М. : Изд- во АН СССР, 1951. Т. 3, кн. 2. 439 с.
10. *Дубинин Н. П.* Философские и социальные аспекты генетики человека // Вопросы философии. 1971. № 1. С. 36-45.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.23 EDN

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДДЕРЖКИ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ САНКЦИЙ

Доброхлеб В. Г.
д-р экон. наук, профессор,
старший научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН;
ИДИ ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. Введение экономических санкций повышает потребность в новых мерах социальной и экономической политики, основной целью которой является сбережение народа как основной силы, на которой зиждется развитие России. Особое значение имеют меры поддержки социально не защищенных слоев населения нашей страны.

Ключевые слова: незащищенные слои населения, санкции, программы поддержки населения

AREAS OF SUPPORT FOR THE OLDER GENERATION OF RUSSIA IN THE FACE OF NEW ECONOMIC SANCTIONS

Dobrokhleb V. G.
Doctor of Economics, Professor,
Leading Researcher,
ISESP FCTAS RAS;
IDR FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The introduction of economic sanctions increases the need for new measures of social and economic policy, the main purpose of which is to save the people as the main force on which the development of Russia is based. Measures to support socially vulnerable segments of the population of our country are of particular importance.

Key words: unprotected segments of the population, sanctions, population support programs

Жесткие экономические санкции вводятся против РФ коллективным Западом. В их числе предусмотрена заморозка половины финансовых резервов российского Центробанка, находящихся в банках стран G7. Таким ограничениям со стороны западных государств ранее подвергались только Иран, Венесуэла и ряд маленьких экономик [1]. Россия приняла меры, направленные на снижение негативных последствий экономических санкций, в том числе Указ Президента Российской Федерации № 79 от 28 февраля 2022 года «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувшим к ним иностранных государств и международных организаций». Эти меры широко комментируются в России и за рубежом [2]. В связи со сложившейся ситуацией, одним из наиболее важных направлений политики – как экономической, так и социальной – становится поддержка различных слоев

населения в условиях высокой инфляции, нарастания угрозы роста безработицы и снижения уровня жизни населения. Одним из наиболее уязвимых слоев в нашей стране является старшее поколение. С одной стороны, это связано с низкой покупательной способностью пенсий, а с другой – с невысокой продолжительностью жизни населения. Перед органами власти разных уровней стоит задача подготовки и принятия программ поддержки социально уязвимых слоев населения. Основные направления этой политики, возможно, могут быть представлены следующими направлениями:

- мерами, направленными на поддержание уровня занятости населения, что может быть увязано с программой создания новых рабочих мест в высокотехнологических отраслях с учетом потребностей импортозамещения;
- поддержкой малого и среднего бизнеса, что частично предусмотрено в Указе Президента РФ от 28.02.2022 г. № 79;
- повышением уровня пенсионного обеспечения в условиях высокой инфляции;
- развертыванием программ по оказанию помощи нуждающимся в обеспечении сети бесплатных пунктов питания и расширению доступности жизненно необходимых лекарственных средств;
- активизацией деятельности организаций по оказанию психологической помощи и обучению новым навыкам в рамках цифрой модернизации, в том числе с участием волонтерского движения.

В условиях повышенных рисков в период санкционного режима – основной задачей остается сбережение населения.

Список литературы

1. «Сейчас всем надо готовиться к выживанию». Чем грозят санкции против Банка России. URL: https://rtvi.com/news/seychas-vsem-nado-gotovitsya-k-vyzhivaniyu-chem-grozyat-sanktsii-protiv-banka-rossii/ (дата обращения: 01.03.2022).
2. Путин ввёл контрсанкции против Запада: Новости — Секрет фирмы. URL: https://secretmag.ru/news/putin-vvyol-kontrsankcii-protiv-zapada-28-02-2022.htm (дата обращения: 01.03.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.24 EDN

СЕВЕР И АРКТИКА РОССИИ В ОСНОВНЫХ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ

Журавлёв Н. Ю.
старший инженер,
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН
Сыктывкар, Россия

Аннотация. Работа содержит краткий анализ содержания основных нормативно-правовых актов, определяющих развитие и качество жизни в границах Северных и Арктических регионов.

Ключевые слова: Российская Арктика, Север, законодательство, стратегии развития

THE NORTH AND THE ARCTIC OF RUSSIA IN THE MAIN REGULATORY LEGAL ACTS

Zhuravlev N. Yu.
Senior Engineer,
Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Research Center, RAS Ural Branch,
Syktyvkar, Russia

Abstract. The article contains a brief analysis of the content of the main regulatory legal acts that determine the development and quality of life within the borders of the Northern and Arctic regions.

Key words: Russian Arctic, North, legislation, development strategies

Арктика является одним из приоритетных направлений внутренней политики как России, так и многих современных государств, имеющих арктические территории. Нормативно-правовое обеспечение статуса данных территорий позволяет наиболее эффективно направлять их развитие и регламентировать меры поддержки, а также содержит основные тезисы, определяющие представление государства о возможных инструментах повышения качества жизни населения.

Новый виток интереса к Северным и Арктическим территориям произошел в начале XXI века. К 2011 году все арктические государства с выходом к Северному ледовитому океану разработали документы, определяющие развитие этих территорий, обозначив в свои приоритеты [1, 256]. В России восстановление интереса к Арктической тематике началось с 2008 года, с принятием документов, определяющих государственную политику в Арктике [2, 352]. Сам перечень документов довольно объемен, вместе с тем можно выделить ряд основополагающих, так или иначе имеющих отношение изменению уровня жизни регионов [3, 72].

В целом формирование законодательной базы по Северу и Арктики включает три основных шага: первый – определение *государственной политики,* где обозначаются основные вехи и приоритеты государства, без детального анализа и описания механизмов. Затем формируется *государственная стратегия*, содержащая конкретные сроки, цели, задачи и инструменты их достижения. Конечным итогом является *государственная программа,* содержащая наиболее полную и подробную информацию, перечень мероприятий и финансовых показателей.

Стоит выделить несколько документов, не относящихся к вышеперечисленным, но тем не менее, играющих важную роль в развитии Северных и Арктических территорий. Во-первых, это *Указ Президента РФ «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (2014)* [4], определяющий сухопутные границы арктической зоны. В дальнейшем менялись редакции документа (27.06.2017 № 287, 13.05.2019 № 220), добавлялись новые территории. Во-вторых, это *Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации»* (2020) [5]. Предметом регулирования данного федерального закона является экономическое развитие Арктической зоны. Поднимаются вопросы регламентации, стимулирования и активизация инвестиционной и предпринимательской деятельности, сформулированы мероприятия, направленные на создание экономической основы для опережающего социального развития и улучшения качества жизни в Арктике.

Одним из первых документов, затрагивающих вопросы целей государства в Арктике является «*Основы государственной политики России в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (2008)* [6]. В рамках данного документа определялись важнейшие задачи и приоритеты государства в регионе и механизмы их реализации, были прописаны границы территорий, входящих в состав Арктической зоны, дано понятие Арктики, обозначены ее особенности, формирующие политику государства и его национальные интересы.

Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (2013) [7] разработана как инструмент исполнения основ государственной политики РФ в Арктике до 2020 года. В стратегии подробно описываются механизмы реализации государственных приоритетов и достижения стратегических целей, обозначенных в предыдущем документе. Также дана характеристика социально-экономического развития арктического региона, основные направления развития и ключевые мероприятия, том числе для отдельных субъектов федерации.

Государственная Программа РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» (2014) [8] включает различные мероприятия отраслевых государственных программ Российской Федерации, реализуемых в Арктической зоне, в том числе в рамках отдельных субъектов федерации. Государственная программа реализовывалась с 2015 по 2020 годы, подвергалась редакции в 2014, 2017, 2019 и 2020 годах. Подразумевалось, что реализация программы сможет обеспечить социально-экономическое развитие Арктики и соблюдение национальной безопасности страны. По мнению отдельных исследователей, программа носила скорее аналитический характер и не предусматривала выделения самостоятельного финансирования, её реализация планировалась за счёт мероприятий, входящих в другие государственные программы. Ряд ключевых задач, описанных в стратегии не нашёл своего решения программно-целевым методом, некоторые задачи решались лишь частично [1, 259].

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (2019) [9] раскрывает понятие приоритетных геостратегических территорий, к которым относится и территория Арктической зоны, определяет механизмы их социально-экономического развития, ключевые показатели, цели, задачи и направления деятельности, включая основные направления развития Арктики. Обозначена роль макрорегионов, перспективных центров экономического роста и геостратегических территорий в достижении пространственного развития [10, 112].

«Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» (2020) [11]. В документе в очередной раз уточнено понятие Арктики и Арктической зоны, обозначен перечень национальных интересов. Также представлен список уже достигнутых результатов, текущих угроз и вызовов. Обозначены цели, задачи и направления деятельности государственной политики, механизмы ее реализации, показатели эффективности государственной политики, по которым следует оценивать деятельность государства в регионе.

«О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечении национальной безопасности на период до 2035 года» (2020) [12]. Данная стратегия также определяет механизмы реализации государственных приоритетов, описывает особенности и специфические черты Арктики, а также существующие проблемы. Включает список стратегических целей – по сферам деятельности – вплоть до 2035 года, а также направления реализации целей в рамках различных регионов страны. В сравнении со стратегией 2013 года чуть больше внимания уделяется экологической проблематике, подчеркивается роль Северного морского пути, отдельно обозначен высокий конфликтный потенциал

арктических территорий. Более подробно прописаны этапы осуществления стратегии, а также желаемые результаты и ответственные органы.

Одним из главных документов, закрепляющих меры и инструменты по социально-экономическому развитию Арктики в настоящее время, является *Государственная Программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации»* (2021) [13]. Как и предшествующий документ, программа является закономерным продолжение триады «Основы политики» – «Стратегия» – «Программа». В качестве целей программы выступают: ускорение экономического развития территорий Арктики, увеличение вклада этих территорий в экономический рост государства и создание условий для устойчивого социально-экономического развития. Реализация целей планируется в рамках выполнения задач программы, к которым относится обеспечение конкурентоспособных условий для реализации инвестиционных проектов, создания новых рабочих мест и привлечения трудовых ресурсов, обеспечение нормативно-правового регулирования социально-экономического развития, создание условий для устойчивого социально-экономического развития коренных малочисленных народов Российской Федерации, проживающих в Арктической зоне.

Количество подпрограмм сократилось до двух, отвечающих за привлечение инвестиций и создание рабочих мест, а также за ускорение социально-экономического развития и увеличение вклада Арктических регионов в экономический рост страны. В фокусе программы также оказался Дальний Восток, в том числе, в силу структурных изменений государственных органов. Кроме того, отсутствует раздел с госпрограммами РФ и федеральными целевыми программами, реализуемыми на территории Арктической зоны.

Пространство Арктики, как макрорегиона, разделено административными границами и корпоративными интересами, при отсутствии эффективных механизмов координации и взаимодействия, что существенно затрудняет осуществление единой целенаправленной государственной политики [3, 78]. Государственные программы направлены на уточнение и регламентацию основных механизмов, необходимых для обеспечения пространственного развития регионов. Совершенствование законодательной базы, в том числе координация существующих программ, понимание и улучшение их взаимодействия позволит в полной мере достичь целей государства в Арктической зоне и будет способствовать продолжению реализации государственной политики, а также повышению качества жизни населения.

Список литературы

1. *Крутиков А. В., Смирнова О. О., Бочарова Л. К.* Стратегия развития российской Арктики. Итоги и перспективы // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 254–269. DOI 10.37482/issn2221-2698.2020.40.254

2. *Лексин В. Н., Порфирьев Б. Н.* Модернизация институционально-правовых оснований развития российской Арктики // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 3. С. 351–363. DOI 10.18184/2079–4665.2018.9.3.351–36

3. *Песцов С. К.* Российская Арктика: мегапроект без срока завершения // Россия и АТР. 2021. № 1. С. 70-84.

4. Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации» (в редакции Указа от 05.03.2020 № 164). URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201405050030.pdf (дата обращения: 12.01.2022)

5. Федеральный закон от 13.07.2020 № 193-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357078 (дата обращения: 12.01.2022).

6. Основы государственной политики России в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу от 18.09.2008 (утв. Президентом РФ 18.09.2008 N Пр-1969). URL: http://static.government.ru/media/files/A4qP6brLNJ175I40U0K46x4SsKRHGfUO.pdf (дата обращения: 12.01.2022).

7. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года от 08.02.2013 г. № Пр-232. URL: http://static.government.ru/media/files/2RpSA3sctElhAGn4RN9dHrtzk0A3wZm8.pdf (дата обращения: 12.01.2022).

8. Государственная Программа РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» от 21.04.2014 г. № 366 (в ред. от 31.03.2020). URL: http://static.government.ru/media/files/AtEYgOHutVc.pdf (дата обращения: 12.01.2022).

9. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года от 13.02.2019 г. № 207-р (в редакции Распоряжения от 23.03.2021 № 719-р). URL: https://docs.cntd.ru/document/552378463 (дата обращения: 12.01.2022).

10. *Бланца В. И.* Пространственное развитие Арктической зоны России: анализ двух стратегий // Арктика: экология и экономика. 2021. Т. 11. № 1. С. 111—121. DOI 10.25283/2223-4594-2021-1-111-121

11. Указ президента РФ «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» № 164 от 05.03.2020 г. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45255/page/1 (дата обращения: 12.01.2022).

12. Указ президента РФ «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечении национальной безопасности на период до 2035 года» от 26.10.2020 г. № 645. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972 (дата обращения: 12.01.2022).

13. Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» (в ред. Постановления от 30 марта 2021 г. № 484). URL: https://docs.cntd.ru/document/603154509 (дата обращения: 12.01.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.25 EDN

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ ПЕРСОНАЛА КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Захарова Л. Н.
д-р психол. наук, профессор,
заведующий кафедрой психологии управления,
НИУ Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Маслова О. А.
канд. социол. наук,
заведующий лабораторией нейросоциологии НИИ нейронаук,
Самарский государственный медицинский университет,
Самара, Россия

Аннотация. Рассмотрены проблемы организационной жизнеспособности в условиях наступления нового экономического уклада Индустрии 4.0. Дан анализ жизнеспособности персонала как ключевой характеристики человеческого капитала в современных условиях. Показана необходимость исследования возможностей и ограничений управления организационной жизнеспособностью персонала как динамичным социальным интерактивным феноменом с многоуровневой системной детерминацией.

Ключевые слова: жизнеспособность компании, Индустрия 4.0, жизнеспособность персонала, социальная детерминация, управление

ORGANIZATIONAL RESILIENCE OF PERSONNEL AS A FEATURE OF HUMAN CAPITAL

Zakharova L. N.
Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Department of Management Psychology,
Lobachevsky University,
Nizhny Novgorod, Russia

Maslova O. A.
Candidate of Sociology,
Head of the Department of Neurosociology, Research Institute of Neurosciences,
Samara SMU,
Samara, Russia

Abstract. The article deals with the problems of organizational resilience under the conditions of the new economic order of Industry 4.0. There is given analysis of personnel vitality as a key characteristic of human capital in modern conditions. Necessity of studying the possibilities and restrictions of management of the organizational resilience of personnel as a dynamic social interactive phenomenon with multilevel system determination is shown.

Key words: company resilience, Industry 4.0, personnel resilience, social determination, management

В последние десятилетия общество вступило в эру глобальной экономики, геополитической неопределенности и экономической нестабильности, и вечная проблема поддержания жизнеспособности компании приобрела особую актуальность.

Жизнеспособная организация в состоянии поддерживать конкурентоспособность с преимуществом во времени. Она достигает этого, обеспечивая превосходящую других производительность, эффективно внедряя инновации и адаптируясь к быстрым и турбулентным изменениям на рынках и в технологиях [1].

Понятие жизнеспособности компании в условиях наступления нового технологического уклада Индустрии 4.0 существенно расширяется за счет понимания значимости жизнеспособности персонала. Персонал воспринимает психологические издержки внедрения инноваций как угрозу своему благополучию, существенно теряя в жизнеспособности [2, 134].

В современной России существуют вызовы жизнеспособности компаний, общие с общемировыми, и специфические, оказывающие влияние на готовность сотрудников к принятию инноваций: затянувшаяся смена парадигмы социально-экономического развития, устойчивые возрастные и гендерные стереотипы, проводимая пенсионная реформа.

Россия в глобальном индексе инновационности занимает 45-е место, хотя качество человеческого капитала оценивается на уровне 29-го места и только 56-е место по результативности деятельности, связанной с инновациями [3]. Это свидетельствует о том, что современный российский менеджмент пока не в полной мере может эффективно управлять имеющимся человеческим капиталом. Российские предприятия в среднем отстают по уровню производительности труда от своих иностранных конкурентов в 2-3 раза. Он может быть повышен только за счет роста инновационности экономики.

Один из идеологов исследования жизнеспособности компаний К. Камерон рассматривает жизнеспособность организации, зависимую от характеристик персонала, на трех уровнях: индивидуальном, групповом и организационном [4]. И сейчас экспертами признается, что изучение жизнеспособности персонала только зарождается.

Психологически жизнеспособный персонал переносит трудности, связанные с организационными изменениями, в том числе с внедрением инноваций, без дистресса. Сейчас проблема жизнеспособности касается большинства сотрудников компаний и, следовательно, рассчитывать на найм стрессоустойчивых сотрудников не реалистично.

Представляется, что основная ответственность за жизнеспособность сотрудников ложится на организацию, в которой и на которую они работают, и речь, следовательно, должна идти об организационной жизнеспособности персонала. Как бы ни были важны индивидуальные качества работника по преодолению стресса, зависимые от условий воспитания в семье, предшествующего опыта, жизнеспособность человека может существенно варьироваться в разных сферах деятельности и поэтому нужно с большой

осторожностью прогнозировать тот или иной уровень жизнеспособности на основе данных, полученных в других сферах [5].

В трех уровнях жизнеспособности персонала, о которых писал К. Камерон, организационный уровень является системообразующим. Так, получены данные о том, что персонал, независимо от хронологического возраста, профессиональной и гендерной принадлежности в условиях внедрения инноваций обнаруживает разные комплексы принципиально важных характеристик: приверженность инновационным ценностям, вовлеченность в трудовой процесс, самооценка здоровья, усталость и пр. в конкретных моделях организационной культуры компании [2]. Однако эти факты зафиксированы на критической массе персонала компаний, который остается неоднородным, т. е. организационные условия являются сильным фактором, но не единственным.

Необходимо выделить феномен организационной жизнеспособности персонала из общей проблематики жизнеспособности человека и исследовать его как феномен социальный, поскольку он порождается системой социальных отношений в компании, но имеет значительно более широкую детерминацию, чем эти отношения. Персонал нередко готов к изменениям, но не к тем, которые поддержат жизнеспособность компании. Так, в российских компаниях изменения от рыночно-инновационной к кланово-иерархической модели нередко являются желательными для критической массы персонала, и менеджмент с трудом удерживает, а иногда и не удерживает компанию на достигнутом титаническими усилиями уровне развития рыночно-инновационных организационных отношений.

Под организационной жизнеспособностью персонала представляется обоснованным полагать обладание сотрудником теми компетенциями, которые обеспечивают его успешную трудовую деятельность, в соответствии с корпоративным вектором развития компании, направленным на достижение ею конкуренто- и жизнеспособности, т. е. готовность персонала должна быть к прогрессивным, а не к регрессивным изменениям. Речь идет о компетенциях всех уровней: этических, личных, когнитивных, функциональных и метакомпетенциях. Однако все эти компетенции приобретаются субъектом труда на протяжении жизни в самых разных социальных группах и институтах, а затем развиваются в социальной среде компании, которая способствует или не способствует их освоению. Менеджмент компаний не может полагаться на спонтанное становление жизнеспособности персонала.

Теория социального действия Т. Парсонса позволяет рассмотреть организационную жизнеспособность персонала как динамичный и интерактивный процесс с системной детерминацией на уровнях культуры общества, культуры контекстов включенности субъекта, уровне личности и организма. Динамичный – поскольку вызовы и требования развивающейся трудовой деятельности, организационных отношений и изменений

обусловливают успех только в соответствующем развитии персонала. Интерактивный – поскольку реализуется во взаимодействии субъекта труда с коллегами, менеджментом, корпоративными требованиями, широким жизнедеятельностным контекстом, даже с самим собой в разных социальных ролях.

На уровне национальной культуры детерминантами жизнеспособности персонала являются культурные ценности, определяющие этнокультурные мотивационно-ценностные диспозиции в комплексе важных для субъекта труда деятельностей.

Уровень контекстов представлен их комплексом с относительной значимостью, с конфликтным или бесконфликтным соотношением ценностей, а также опытом решения жизненных задач, связанных с предвосхищением угроз, преодолением трудностей и кризисных ситуаций, формированием моделей жизнеспособного поведения.

Уровень личности представлен комплексом имеющихся компетенций профессиональной деятельности и организационного поведения в отношении становления характеристик организационной жизнеспособности.

Психофизиологический уровень проявляется в характеристиках работоспособности, устойчивости динамических стереотипов, стрессоустойчивости, эмоционального контроля.

В современной России есть неиспользованный ресурс управления жизнеспособностью компании через повышение организационной жизнеспособности персонала в условиях внедрения инноваций. Организационная жизнеспособность персонала может быть изучена как социальный феномен, представляющий собой динамичный интерактивный процесс со сложным многоуровневым комплексом детерминации.

Список литературы

1. *Werner M. J. E., Yamada A. P. L., Domingos E. G. N., Leite L. R., Pereira C. R.* Exploring organizational resilience through key performance indicators // Journal of Industrial and Production Engineering. 2021. Vol. 38. № 1. P. 51-65.
2. *Захарова Л. Н., Леонова И. С.* Социально-психологический возраст персонала российских компаний. М. : ИНФРА-М, 2021. 292 с.
3. Global Innovation Index 2021 / Eds. S. Dutta, L. R. Leyn, S. Wunsch-Vincent. Cornell SC Johnson College of Business, 2021. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2021.pdf (дата обращения: 15.12.2021).
4. *Cameron K. S.* Organizing Resilience // Positive organizational scholarship: foundation of a new discipline / K. S. Cameron, J. E. Dutton, R. E. Quinn Eds. San Francisco: Berett-Koehler Publishers, 2003. P. 94-110.
5. *Pietrzak R. H., Southwick S. M.* Psychological resilience in OEF-OIF Veterans: Application of a novel classification approach and examination of demographic and psychosocial correlates // Journal of Affect Disorders. 2011. Vol. 133. № 3. P. 560–568.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.26 EDN

ФОРМИРОВАНИЕ ОСОЗНАННОГО ОТНОШЕНИЯ СТУДЕНТОВ К ЗДОРОВЬЮ

Иванова А. Ю.
канд. социол. наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена значимости формирования осознанного отношения студентов к своему здоровью. Предлагается комплекс решения необходимых задач: повышение физической и социальной активности, повышение адаптации студентов к условиям обучения, развитие стрессоустойчивости. Раскрыто содержание социально-психологического сопровождения студентов для формирования осознанного отношения к здоровью.

Ключевые слова: здоровье студентов, отношение к здоровью, физическая активность, социальная активность, адаптация, стрессоустойчивость, психологическое благополучие

FORMATION OF A CONSCIOUS ATTITUDE OF STUDENTS TO HEALTH

Ivanova A. Yu.
Candidate of Sociology, Associate Professor,
St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia

Abstract. The article is devoted to the importance of forming a conscious attitude of students to their health. There is proposed a set of solutions to the necessary tasks: increasing physical and social activity, raising students' adaptation to learning conditions and development of stress resistance. The content of the social support and psychological counseling of students for formation of a conscious attitude to health is shown.

Key words: student health, attitude to health, physical activity, social activity, adaptation, stress resistance, psychological well-being

У многих современных людей отношение к собственному здоровью, при понимании его значимости, часто не является сознательным – образ жизни не соответствует здоровому, проблемы со здоровьем игнорируются. У студентов, как значимой социальной группы, данное несоответствие ценности здоровья и следования здоровому образу жизни достаточно выражено в силу еще неизрасходованных ресурсов здоровья, свойственного молодому возрасту. Фразой «Не ценят, что имеют» можно охарактеризовать проблему необходимости формирования осознанного отношения студентов к здоровью.

Для улучшения и сохранения здоровья требуется осознанное конструктивное отношение студентов к здоровью на всех его уровнях — физическом, психическом (включая психологический), социальном. Формирование осознанного отношения студентов к здоровью есть «долгосрочный вклад» в полноценную жизнь во всех ее проявлениях, в том числе и в будущей профессиональной деятельности. Задача повышения

осознанности стоит как перед самим студентом, так и перед окружением, заинтересованным в его развитии, прежде всего, близкими людьми и представителями вуза: администрации и преподавателей [1, 17]. К сожалению, данная задача зачастую игнорируется и остается не решенной на всех уровнях – личностном, семейном, организационном.

Следует отметить комплексность решения задачи формирования осознанного отношения студентов к здоровью. В нее входят следующие элементы: повышение физической и социальной активности в студенческой жизни; повышение адаптации к условиям обучения; развитие стрессоустойчивости студентов [2, 271].

Для повышения физической и социальной активности следует учитывать специфику учебной деятельности. У студентов преобладают умственные нагрузки над физическими, поэтому им необходимо рекомендовать сочетать учебу с дополнительной физической активностью. Походы, прогулки, факультативные занятия по физкультуре очень полезны, поскольку восстановление сил после умственной работы происходит более интенсивно через физическую активность. Важно, чтобы факультативные занятия по физкультуре действительно были интересными и мотивирующими, а не рутинными и навязанными возможностями ликвидации долгов по учебной дисциплине.

При физической активности, кроме воздействия на мышцы и физиологические системы организма, происходит комплексное воздействие и на компоненты психологического здоровья, такие как: активизация положительных эмоций, снижение напряжения, вызванного стрессами; развитие самоконтроля, настойчивости, стремления к самосовершенствованию; интенсификация социальных контактов, если физическая активность связана с парным или командным участием.

Вопрос повышение адаптации студентов к условиям обучения является актуальным для системы высшего образования [3, 377]. Он связан с построением гармоничных взаимоотношений с окружающими, выработки адекватного отношение к нормам и правилам поведения, с ориентацией на позитивные учебные ценности: академическую успеваемость, дружеские отношения и взаимопомощь, самостоятельность, ответственность, самоактуализацию.

Повышение адаптации студентов к вузу решается и в рамках профориентационной работы. На конкретный профиль обучения студенты поступают, исходя из различных причин, таких как: выбор родителей, рекомендации знакомых и друзей, сданных во время школьного обучения набора дисциплин ЕГЭ, проходного балла, престижности профессии и др. Малая часть студентов проходила осознанный выбор профессии. Вместе с тем неправильный выбор профессии сопряжен с трудностями обучения и в последующем

может вызывать устойчивые переживания чувства неудовлетворенности от выполняемой работы, вплоть до развития психосоматических расстройств.

Часто наблюдается картина разочарования студента в выбранной специальности, переход студента на другую форму обучения или в другой вуз. Продолжающиеся процессы самоопределения в студенческие годы могут быть более осознанными и менее болезненными при профессиональной психологической помощи в рамках психологического консультирования. Поэтому актуальными являются задачи объективной диагностики сферы интересов, способностей и личностных качеств для успешного профессионального самоопределения.

Задача развития стрессоустойчивости студентов также стоит достаточно остро. Для ее решения важен имеющийся потенциал человека противостоять стрессовым ситуациям. Стрессоустойчивость – одно из требуемых качеств здорового человека в силу высокой стрессогенности современного мира, т. к. сильные стрессы способны вызывать соматические заболевания.

Учеба в ВУЗе связана со стрессами, однако, их невозможно исключить из жизни студентов. В силу последнего, целенаправленное развитие стрессоустойчивости студентов является одной из основных задач их социально-психологического сопровождения в процессе обучения в вузе.

Формирование осознанного отношения студентов к здоровью может быть выполнено в рамках социальной поддержки и психологического консультирования студентов. В крупных российских вузах уже имеются для этого возможности, т.к. созданы и функционируют студенческие профсоюзы и специальные подразделения психологической помощи.

В вопросах поддержания осознанного отношения студентов к здоровью следует сфокусировать внимание на когнитивной, поведенческой и эмоциональной составляющих отношения к здоровью.

Когнитивная составляющая отношения к здоровью заключается в формировании знаний студентов о комплексном содержании здоровья и осознании роли в нем психологического состояния личности. Поведенческая составляющая реализуется в активизации осознанных поступков студента по поддержанию здоровья, выборе конструктивных форм поведения, например, таких как: расширение социальной активности, ответственность перед собой и другими, активизации действий по достижению поставленных целей, удовлетворение своих потребностей. Поведенческий уровень отношения к здоровью требует своего развития в большей степени по сравнению с другими. Эмоциональная составляющая отношения к здоровью проявляется в настроении и

доминирующих эмоциях. Поэтому при психологическом консультировании особенно востребована работа с эмоциями и переживаниями студентов, обучение приемам эмоциональной саморегуляции. Это работа особенно важна, так как через положительные эмоции, бодрое, жизнерадостное настроению повышается психологическая устойчивость к различным видам нагрузок, а тем самым поддерживается уровень здоровья.

В рамках психологического консультирования студентов следует выделить следующие направления работы по формированию:

- ценностного отношения к собственному здоровью;
- поведенческих моделей, направленных на поддержание психологического благополучия и преодоление проблем в эмоциональной, волевой, мотивационной, коммуникативной, когнитивной сферах личности, а также в самоотношении;
- отношения к проблемам психологического здоровья как к решаемым и преодолимым самостоятельно или с помощью психолога.

Таким образом, рассмотрены пути сохранения и улучшения здоровья через формирование к нему осознанного отношения студентов. К ним относятся: повышение адаптации к условиям обучения через поддержание общего социально-психологического благополучия личности; повышение стрессоустойчивости; увеличение физической и социальной активности.

Список литературы

1. *Анисимова О. А.* Социальная ценность индивидуального здоровья человека // Личность в пространстве и времени. 2015. № 5. С. 5–18.
2. *Иванова А. Ю., Кириллова Е. А.* Отношение к здоровью в контексте будущей профессиональной деятельности студентов / Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук: сборник трудов участников четвертой международной заочной научно-практической конференции. СПб. : СПбУТУиЭ, 2020. С. 267-273.
3. *Алгаев А. Н.* Трудности адаптации студентов к обучению в вузе // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6(73). С. 377–378.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.27 EDN

ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИЗМЕНЧИВОСТЬ СОДЕРЖАНИЯ ТЯЖЕЛЫХ МЕТАЛЛОВ В ДОННЫХ ОТЛОЖЕНИЯХ Р. ЯНГЕЛЬКА (РЕСПУБЛИКА БАШКОРТОСТАН)

Кужина Г. Ш.
канд. биол. наук, доцент,
Сибайский институт (филиал)
Башкирского государственного университета,
Сибай, Башкортостан

Аннотация. В работе исследована пространственная изменчивость тяжелых металлов в грунтах реки Янгелька в условиях Южного Урала. В осадках реки изученные металлы по среднему содержанию образовали убывающий геохимический ряд: Fe > Mn > Zn > Ni > Co > Cu > Pb > Cd. Илы исследованного водотока характеризовались опасной и чрезвычайно опасной степенями загрязнения.

Ключевые слова: река, донные отложения, тяжелые металлы, суммарный показатель загрязнения, геохимический фон

SPATIAL VARIABILITY OF HEAVY METAL CONTENT IN THE BOTTOM SEDIMENTS OF THE RIVER YANGELKA (REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN)

Kuzhina G. Sh.
Candidate of Biological Sciences, Associate Professor,
Sibai Institute (branch) of the Bashkir State University,
Sibai, Bashkortostan

Abstract. The paper studies spatial variability of heavy metals in the sediments of the river Yangelka in the conditions of the Southern Urals. In the sediments of the river the studied metals in terms of average content form a decreasing geochemical series: Fe > Mn > Zn > Ni > Co > Cu > Pb > Cd. The silts of the investigated watercourse are characterized by dangerous and extremely dangerous degrees of pollution.

Key words: river, bottom sediments, heavy metals, total pollution index, geochemical background

Река Янгелька является правым притоком р. Урал, протекающей по территории Абзелиловского района Республики Башкортостан (РБ) и Челябинской области Российской Федерации (РФ). Длина водотока составляет 73 км, площадь водосбора до 1120 км^2 [1, 136]. Исток реки расположен в несанкционированной рекреационной зоне памятника природы – озеро Банное (Яктыкуль), а через 25 км она впадает в озеро Чебаркуль. Для потребностей сельскохозяйственных объектов сток реки зарегулирован с помощью 3 прудов, расположенных у населенных пунктов Михайловка, Давлетово и Янгелька Абзелиловского района РБ. В долине реки сосредоточены рудопроявления смешанного полиметаллического состава и аэропорт г. Магнитогорск. Всё это привело к формированию техногенного ландшафта, объединяющего различные компоненты окружающей среды, в том числе и

поверхностные водные объекты. Приоритетными загрязнителями водотоков являются тяжелые металлы (ТМ) [2, 52].

Целью исследования являлось изучение пространственного распределения содержания металлов (Cu, Zn, Fe, Mn, Ni, Cd, Co, Pb) в грунтах р. Янгелька для характеристики их степени загрязнения.

Материалом для лабораторных исследований послужили образцы осадков, отобранные в соответствии с МУ РД 52.18.685 в летний период 2021 года. Размещение точек отбора проб находилось по всей длине водотока: 1 – исток реки (озеро Банное); 2 – деревня Таштимерово (12 км от истока); 3 – деревня Давлетово (29 км); 4 – после деревни Гусево (45 км) и 5 – устье реки выше поселок Янгельский (73 км).

Содержание ТМ в образцах грунтов определяли методом атомной абсорбции [3]. Для оценки загрязнения осадков исследуемой реки использовали кратность превышения геохимических фоновых концентраций металлов, установленных Институтом минералогии, геохимии и кристаллографии редких элементов (ФГУП «ИМГРЭ»): Cu – 4 мг/кг, Zn – 20 мг/кг, Fe – 3800 мг/кг, Co – 0,1 мг/кг, Ni – 20 мг/кг, Mn – 1100 мг/кг, Pb – 9 мг/кг, Cd – 0,3 мг/кг [4, 27].

Расчет суммарного показателя загрязнения (Z_c) позволил оценить степень загрязнения ДО реки: $Z_c = \sum K_c - (n-1)$, где $K_c = C_i/C_ф$ - коэффициент концентрации отдельных компонентов загрязнения; *n* - число суммируемых веществ, коэффициент концентрации K_c которых выше 1,0. Критерии, позволяющие охарактеризовать илы по степени загрязнения, таковы: при $Z_c \leq 8$ – слабо загрязненные; при $8 \leq Z_c \leq 16$ – допустимая степень загрязнения; при $16 \leq Z_c \leq 32$ – умеренно опасная; при $32 \leq Z_c \leq 128$ – опасная; $Z_c \geq 128$ – чрезвычайно опасная [4, 26].

В грунтах р. Янгелька выявлено превышение фоновой концентрации на протяжении всего водотока по меди, цинку, железу и кобальту. Для Cu оно составило от 2,5 до 4,5 раз (*рис. 1А*), Zn - от 4,2 до 5,4 раз (*рис. 1Б*), Co – от 70 до 270 раз (*рис. 1Г*). При этом максимальное содержание меди зарегистрировано в створе 5 перед впадением в реку Урал, а цинка и кобальта - в створе 3 (д. Давлетово), что возможно обусловлено изменением гидрологического режима р. Янгелька. В то же время узкий диапазон изменения концентрации железа, составляющий от 6568 до 7219 мг/кг, указывал на равномерность его распределения в осадках по всей длине реки (*рис. 1В*). Высокое содержание данного металла в верховье реки, превышающее геохимическую концентрацию до 1,9 раз, обусловлено природными геохимическими условиями Абзелиловского района Республики Башкортостан.

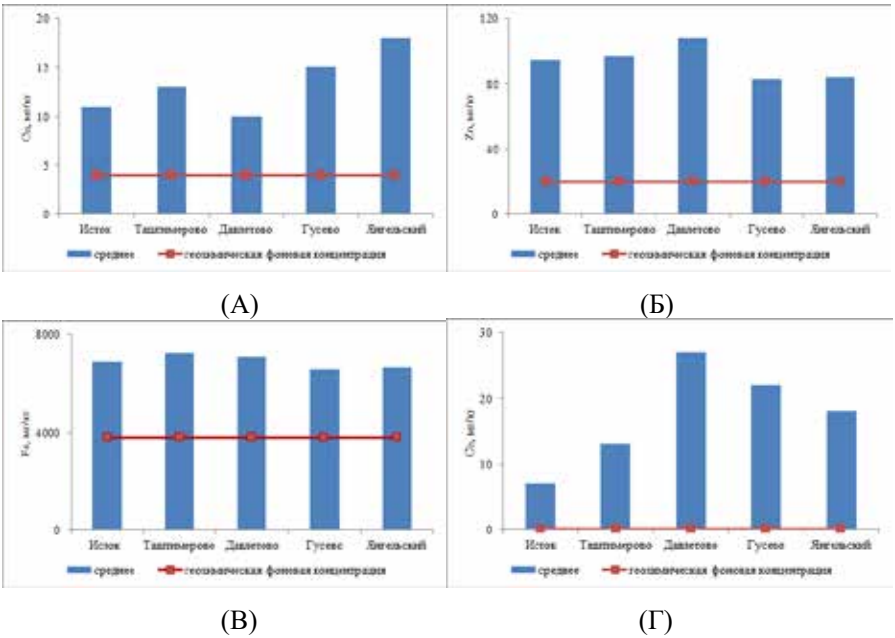

Рис. 1. Пространственная изменчивость содержания меди (А), цинка (Б), железа (В) и кобальта (Г) в донных отложениях р. Янгелька
Источник: составлено автором.

Содержание никеля в ДО р. Янгелька изменялось в широком диапазоне значений, превышая геохимичекий фон во всех створах от 2,5 до 5,2 раз, за исключением образца грунта, отобранного у истока реки (озеро Банное) (*рис. 2А*). Максимальная концентрация Ni зарегистрирована, как и для Zn и Fe, в створе 3 (д. Давлетово), и обусловлена, теми же причинами, описанными выше. В то же время для марганца не зафиксировано превышение фоновой концентрации во всех пробах осадков реки. Однако для образца грунта, отобранного перед впадением в р. Урал, выявлена концентрация Mn недостоверно выше значения фона (1115 мг/кг) (*рис. 2Б*). Полученные данные подтверждают присутствие данного элемента в исследуемом водотоке преимущественно в виде растворимых его соединений [5, 155].

Содержание свинца в ДО реки изменялось в пределах от 4,3 до 11,0 мг/кг (*рис. 2В*), что незначительно выше фона только в створах 4-5 (Гусево, Янгельский), что, связано с природными геохимическими условиями Челябинской области РФ. Тогда как концентрация кадмия в осадках водотока изменялась от 0,10 до 0,29 мг/кг, что было ниже или в пределах допустимой нормы (*рис. 2Г*).

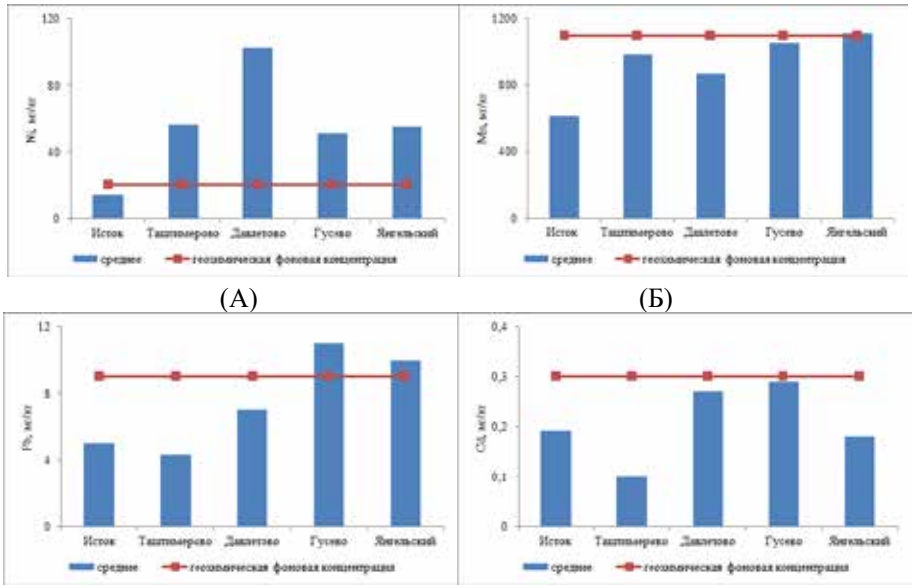

Рис. 3. Пространственная изменчивость содержания никеля (А), марганца (Б), свинца (В) и кадмия (Г) в донных отложениях р. Янгелька.
Источник: составлено автором.

Исследуемые образцы ДО реки по суммарному показателю загрязнения относятся к опасной и чрезвычайно опасной степеням загрязнения (*табл. 1*). При расчете данного показателя наибольший вклад вносит кобальт, коэффициент концентрации K_c которого изменялся от 70 до 270. Однако не стоит полностью исключать вклад и других металлов.

Таблица 1

Суммарный показатель загрязнения грунтов р. Янгелька

Точка отбора	Z_c	Степень загрязнения
Исток	76	Опасная
Таштимерово	139	Чрезвычайно опасная
Давлетово	281	Чрезвычайно опасная
Гусево	228	Чрезвычайно опасная
Янгельский	189	Чрезвычайно опасная

Источник: составлено автором.

Изученные металлы в грунтах р. Янгелька в условиях района исследования образовали убывающий геохимический ряд по их среднему содержанию: Fe > Mn > Zn > Ni > Co > Cu > Pb > Cd, в распределении которых по длине реки отмечалась определенная неравномерность. В среднем в грунтах р. Янгелька зафиксировано превышение геохимического фона по Cu в 3,4 раза, Zn – 4,7 раз, Fe – 1,8 раз, Ni - в 2,8 раз, Co – 174 раза.

Список литературы

1. *Гареев А. М.* Реки и озера Башкортостана. Уфа : Китап, 2001. 260 с.

2. *Линник П. Н., Набиванец Б. И.* Формы миграции металлов в пресных поверхностных водах. Л. : Гидрометеоиздат, 1986. 272 с.

3. Методические указания «Определение массовой доли металлов в пробах почв и донных отложений. Методика выполнения измерений методом атомно - абсорбционной спектрофотометрии». СПб. : Гидрометеоиздат, 2006. 30 с.

4. Добыча нерудных строительных материалов в водных объектах. Учет руслового процесса и рекомендации по проектированию и эксплуатации русловых карьеров. СПб. : Изд-во «Глобус», 2012. 140 с.

5. *Мур Дж., Рамамурти С.* Тяжелые металлы в природных водах: Контроль и оценка влияния. М. : Мир, 1987. 288 с.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.28 EDN

ИССЛЕДОВАНИЕ НАРУШЕНИЙ ПРОЦЕССА ПЕРВИЧНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Лазарева В. В.
студентка,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье были рассмотрены современные проблемы в процессе первичной социализации на примере молодежи, связанные с тенденциями глобализации и цифровизации общества. Представлено исследование среди студентов вузов и сравнительный анализ молодежи из полных и неполных семей на предмет взаимозависимости нарушений в процессе социализации и закрепления негативных поведенческих установок и ценностных ориентиров.

Ключевые слова: социализация, проблемы социализации, семья, институт семьи, молодежь

STUDY OF DISTURBANCES IN THE PROCESS OF PRIMARY SOCIALIZATION ON THE EXAMPLE OF MODERN YOUTH

Lazareva V. V.
Student,
St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia

Abstract. The article examines modern problems in the process of primary socialization related to the trends of globalization and digitalization of society on the example of youth. The article presents a study among university students and a comparative analysis of young people from two-parent and lone-parent families concerning the interdependence of violations in the process of socialization and consolidation of negative behavioral attitudes and value orientations.

Key words: socialization, problems of socialization, family, family institution, youth

Семья – важнейший институт социализации личности. Здоровая социализация является важнейшим процессом для жизнеспособности общества, и в данный момент она подвержена рискам из-за прогрессивных трансформаций в обществе, напрямую и осознанно подвергающих управляемыми изменениями один из главных столпов общества – семью.

На процессы социализации ребенка в семье влияют различные факторы: состав семьи, положение ребенка в семье, основные воспитатели-социализаторы, природное здоровье и наследственность, материальное благосостояние семьи и её социальный статус, уклад жизни и стиль воспитания в семье [1]. Вариативность данных факторов может приводить к семейным конфликтам, таким как: социально-экономический, конфликт между супругами о стиле воспитания, конфликт недостаточного участия одного из родителей в жизни ребенка, конфликт во взаимоотношениях между супругами. Данные

конфликты создают общий проблемный психологический фон семьи, что, в свою очередь, может вызывать у ребенка чувство тревожности, отсутствие самодостаточности, девиантное поведение, недоверие к членам семьи. На фоне нарушения института семьи обостряется проблема процесса социализации ребенка из-за невыполнения одной из ролевых функций родителя. Согласно одному из исследований [2], при отсутствии одного из родителей прекращается выполнение данных функций, в некоторых случаях родитель пытается играть две роли одновременно, или же роль ушедшего родителя на себя принимает кто-то из родственников, старших детей. Так и возникает дисбаланс в развитии личности ребенка, процессах его социализации.

Для оценки и анализа нарушения процесса социализации человека в современных условиях нами было проведено исследование среди представителей студенческой молодежи Санкт-Петербурга в возрасте от 17 до 24 лет. Было выявлено что, из 250 студентов (n=250) в неполной семье выросли и воспитывались 20%. Подростки, выросшие в полной семье в большинстве случаев, воспитывались матерью 58,1%, воспитывались обоими родителями – 33,9%. При этом почти 42% опрошенных испытывали на себе нехватку внимания от отца, в то же время практически никто не испытывал нехватку матери. Опрос для детей, выросших в неполной семье, показал, что 83,3% воспитывались матерью и только 5,6% отцом. При этом почти 89% испытывают на себе не хватку второго родителя. 83,3% детей имеют психологические травмы, связанные с семьей. В сравнении с опросом среди выросших в полных семьях, только 34% имеют такие проблемы. У детей, выросших в полной семье, наблюдается меньше проблем с зависимостями, от них страдают только 24,2%, в сравнении с 38,9%, выросшими в неполной семье. 27% подростков из неполных семей также испытывают проблемы с образованием, а еще 11% относятся к нему с безразличием. Также мы можем наблюдать тенденцию развития дальнейших проблем у детей из неполных семей в отношении противоположного пола. Более 55% испытывают проблемы в своих собственных отношениях.

Анализ проведенного исследования позволил нам выделить ряд значимых характеристик, определяющих актуальные тенденции нарушения процесса социализации человека в семье, а также обозначить личные и социальные последствия, к которым приводит затрудненная социализация, которая в своих долгосрочных последствиях может негативно отразиться на жизнеспособности отношений в социуме и закрепить вредоносные поведенческие установки, ценностно-смысловые ориентиры среди молодежи.

Опираясь на работу В. С. Мухиной «Возрастная психология. Феноменология развития» можно сказать, что мальчики могут иметь проблемы с поведением из-за неспособности матери-одиночки в полном объёме выполнять дисциплинарную и

воспитательную функции: как следствие этого, формируется и закрепляется девиантное поведение [3].

В исследовании Ю. А. Повх и Е. В. Филипповой «Образ отца и представление о будущем младших подростков» говорится о том, что у девочек, растущих без отца, также могут наблюдаться проблемы с поведением, но особенность их развития заключается в проблеме отношения к мужскому полу в целом [4]. При отсутствии отца в жизни девушки, у девочек отсутствует понимание, каковым должно быть отношение мужчины в сторону женщины, отсутствует некоторое чувство ответственности и защиты по отношению к самой себе, которое как правило воспитывается отцом. В таких условиях можно наблюдать тенденцию частых случайных половых связей девушки, ранней беременности, а также психологически сложных взаимоотношений с партнерами. В иных случаях, когда девочка считает себя отвергнутой отцом, у нее может возникать чувство ненависти к мужчинам, некоторого страха, повышенное чувство тревожности, а также неуверенности в себе.

В результате нарушения процесса социализации в раннем возрасте у молодежи возможно закрепление нездоровых ценностных ориентиров. Институт семьи теряет свою ценность, у нового поколения исчезает потребность в создании семьи и заключении брака, выполнении репродуктивной функции, передачи традиций и на первый план выходят такие потребности, как: потребность в успешной карьере и самореализации, высоком социальном статусе и материальных богатствах, известности и общественном одобрении. Современные идеалы молодежи несут определенные риски в отношении функционирования семейных отношений и ценностей. Молодежная среда активно подвергается влиянию идеологической культурной парадигмы – новыми ориентирами молодежи на сегодняшний день являются культ роскоши, моды, развлечений, популярности. Новое поколение является потребительским не только в отношении материальных, но и духовных благ. Семья и дети в этой картине становятся для молодого поколения помехой на пути к престижным ценностям, успеху, достижению желаемого высокого уровня жизни. Родители и семья, что ранее являлось авторитетом и примером для молодежи, в современных условиях быстрой трансформации общества утратили свой статус.

Искаженные ценностные ориентиры негативно сказываются на жизнеспособности общества в целом, потому как препятствуют здоровому функционированию института семьи. В современной России этому способствует слабая развитость национальной, культурной идеологии — именно культурный фактор является доминантным в процессе трансляции семейной традиции и воспитания новых поколений. Большое влияние на формирование и деструктивную трансформацию культуры семейно-брачных отношений среди молодежи оказывает массовая западная культура, социально-политические и

экономические изменения общества, интернет-среда, СМИ, поведенческая и художественная модели молодежных субкультур.

Для дальнейшего сохранения института семьи необходимо разработать программу культурной молодежной политики, направленную на организацию просветительской работы, развитие репродуктивной культуры, создание культурно-образовательных проектов для детей и взрослых в направлении полового и семейного воспитания, психолого-педагогического направления для молодых родителей. В качестве социальной общественной профилактики необходимо создать благоприятные условия для матерей-одиночек и отцов-одиночек, в которых они смогут получить дополнительное образование и необходимую психологическую помощь, направленную на создание более полноценной и благоприятной среды для социализации новой личности из неполной семьи.

Список литературы

1. *Омарова П. О., Гасанова З. З.* Семья как институт социализации и воспитания // Сибирский педагогический журнал. 2008. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-institut-sotsializatsii-i-vospitaniya (дата обращения: 08.02.2022).
2. *Апкаева С. А., Волошко В. В.* Влияние отсутствия отца на формирование личности ребенка // Смоленский медицинский альманах. 2019. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-otsutstviya-ottsa-na-formirovanie-lichnosti-rebenka (дата обращения: 28.01.2022).
3. *Мухина В. С.* Возрастная психология. Феноменология развития. 10-е изд., перераб. и доп. М. : Академия, 2006. 618 с.
4. *Повх Ю. А., Филиппова Е. В.* Образ отца и представление о будущем у младших подростков // Материалы Второй всероссийской научно-практической конференции «Другое детство». М. : МГППУ, 2009. С. 300-303.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.29 EDN

ПОТЕНЦИАЛ ЗДОРОВЬЯ: ОСНОВНЫЕ МАКРОПОКАЗАТЕЛИ

Назарова И. Б.
д-р экон. наук,
заведующий лабораторией исследования здоровья населения
и системы здравоохранения,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. Здоровье населения России целесообразно рассматривать в рамках концепции человеческого потенциала, проводя анализ на нескольких уровнях, включая глобальный – оценивая ситуацию в рамках межстрановых сравнений, используя показатели высокого уровня обобщения, в том числе ожидаемую продолжительность жизни, а также на личностном уровне - с использованием самооценки индивида, рассмотрением здоровья различных социально-демографических групп.

Ключевые слова: потенциал здоровья, человеческий потенциал, ожидаемая продолжительность жизни при рождении

HEALTH POTENTIAL: KEY MACRO INDICATORS

Nazarova I. B.
Doctor of Economics,
Head of the Laboratory for population health and healthcare issues,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. Health of the Russian population should be considered within the framework of the human potential concept with conducting analysis at several levels, including a global one – assessing the situation in terms of cross-country comparisons, using indicators of a high level of generalization, such as life expectancy, as well as at personal level using individual's self-assessment and considering the health of various socio-demographic groups.

Key words: health, human development, life expectancy

Человеческий потенциал (ЧП) – совокупность множества характеристик населения, группы, индивида, позволяющих понять их качество, возможности участия в различных социально важных видах деятельности: труд, создание семьи, рождение и воспитание детей, организация отдыха, участие в политике и других видах. Наиболее емкое определение ЧП предложено в докладах Программы развития ООН, включающее три основных компонента: уровень доходов, уровень образования и продолжительность жизни. Также Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) предложила индикатор развития человеческого потенциала (ИРЧП), который в свою очередь представляет собой среднеарифметическую трех компонентов: дохода, образования, долголетия, выраженную показателями: ожидаемой продолжительности предстоящей жизни, грамотности взрослых, средней продолжительности обучения в стране, дохода на душу населения (ВВП на душу). Здоровье в данных случаях описывается одним основным

показателем. Вместе с тем, продолжительность жизни связана с рядом индикаторов, которые помогают объяснить состояние и тренды указанного основного показателя. Все показатели тесно взаимоувязаны: материальное благополучие и уровень образования являются основными факторами, влияющими на состояние здоровья.

Н. М. Римашевская, определив человеческий потенциал главным богатством страны, ссылаясь на Питирима Сорокина, подчеркнула, что судьба общества зависит от его членов [1]. Исследователь дала наиболее развернутый анализ состояния человеческого потенциала страны, предложив методику исследования и анализа этой важной категории: ЧП рассматривается на макроуровне (популяционном) как потенциал всего населения и на микроуровне (индивидуальном) как потенциал индивидов, составляющих население.

Показатели макроуровня важны при сравнении территориальных и временны́х (включая межстрановые) характеристик, а микроуровня (по отношению к указанному макроуровню) – для оценки «качественной» структуры населения в межрегиональном разрезе с учетом дифференциации качественного потенциала различных демографических и социальных групп.

Глобальный уровень, межстрановые сравнения. Сравнение основных мировых регионов и межстрановый анализ позволяет увидеть и оценить место России в глобальном пространстве.

В 2019 году ожидаемая продолжительность жизни при рождении в группе из 27 стран-членов ОЭСР составляла в среднем 81 год. Япония и Швейцария являются лидерами группы, в которых ожидаемая продолжительность жизни при рождении превышает 80 лет. Во второй группе ожидаемая продолжительность жизни составляет от 77 до 80 лет и включает Соединенные Штаты и ряд стран Центральной и Восточной Европы. Мексика, Латвия, Литва, Венгрия и Колумбия имеют самую низкую ожидаемую продолжительность жизни – менее 77 лет в 2019 году [2]. Россия входит в группу стран, которые показывают худшие результаты.

Государственный уровень. За последние 50 лет ожидаемая продолжительность жизни увеличилась во всех странах ОЭСР, но за последнее десятилетие прогресс замедлился. Кроме того, пандемия COVID-19 привела к снижению ожидаемой продолжительности жизни в большинстве стран ОЭСР в 2020 году [3]. В России в 2020 году также произошло снижение показателя, характеризующего ожидаемую продолжительность жизни при рождении, но очевидно, что наибольший ущерб здоровью населения нанесли либеральные реформы – на графике «провал» конец 1990 годов и начало 2000 годов. Общая линия тренда не выглядит оптимистичной.

Основные тренды в ожидаемой продолжительности жизни при рождении в России показывают снижение в 2020 году среди основных социально-демографических групп.

Региональный уровень. Анализ на уровне регионов России показывает разнородную картину: регионы существенно различаются не только по экономическим, но и по физическим и социально-демографическим показателям. В частности, Дальневосточный регион по числу лет средней продолжительности жизни выглядит хуже остальных.

Индивидуальные показатели здоровья. В соответствии с данными RLMS-HSE, самооценка здоровья населения старше 15 лет последние годы улучшалось (за исключением заметного всплеска в 2018 году), даже в 2020 году с началом эпидемии в общем массиве отклонений от намеченного общего тренда за 25 лет исследования не отмечено. В России средний показатель плохого здоровья на уровне 10,8%, а в среднем по 27 странам ОЭСР он составляет 8,5%. Хуже, чем в России по показателю здоровья «плохое и очень плохое» в десяти странах: например, данный показатель в Японии – 13,6%, в Латвии (которая находится на последнем месте) – 15,4% [3].

Многоуровневый анализ потенциала здоровья позволяет понять более или менее целостную картину состояния здоровья населения России как на карте мира, так и на карте российских регионов. Данные ориентиры в свою очередь могут позволить строить планы в отношении действий, которые должны привести к сохранению здоровья населения.

Список литературы

1. *Римашевская Н. М.* Качественный потенциал населения России: взгляд в XXI век // Проблемы прогнозирования. 2001. № 3. С. 34-48.

2. Life expectancy and Healthy life expectancy, data by country (англ.). URL: https://apps.who.int/gho/data/node.main.688. (дата обращения: 16.02.2022).

3. Health at a Glance 2021 OECD INDICATOR (англ.). URL: https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/ae3016b9-en.pdf?expires=1639897531&id=id&accname=guest&checksum=28804B343841C8E8E834104DA61A1EE4 (дата обращения: 16.02.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.30 EDN

ПОВЫШЕНИЕ УРОВНЯ ФИНАНСОВОЙ ГРАМОТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: ЗАДАЧИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Панина Е. Д.
старший лаборант,
лаборатория исследования поведенческой экономики,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются современные российские реалии в вопросах подъёма уровня финансовой грамотности, как одного из важных направлений государственной политики. Анализируются перспективы повышения уровня финансового образования у различных возрастных групп.

Ключевые слова: финансовая грамотность, финансовые рынки, финансово грамотное поведение, финансовое образование населения

IMPROVING THE FINANCIAL LITERACY OF THE POPULATION: CHALLENGES AND OPPORTUNITIES

Panina E. D.
Senior Laboratory Assistant,
Laboratory for studies of behavioral economics,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The article considers current Russian realities concerning financial literacy as an important direction of state policy. The prospects of increasing the level of financial education in different age groups are analyzed.

Key words: financial literacy, financial markets, financially literate behavior, financial education of population

В последнее десятилетие резко возрос интерес общества к такому понятию, как «финансовая грамотность», что не так уж трудно объяснить. Мы живём в мире, где чуть ли не каждый день случаются научные открытия в самых разных сферах деятельности человека, стремительно развиваются информационно-коммуникационные технологии, возрастает популярность онлайн-покупок, происходит интернетизация потребления; корректируется подход к финансовой грамотности и в связи с воздействием на человека массовой рекламы товаров и услуг [1]. В нашей жизни практически не остаётся областей, не имеющих экономической составляющей, что требует научных исследований мотивов и стратегий поведения населения в этой сфере [2].

Кроме того, не стоит забывать о том, что развитие финансовой грамотности в частности, и экономической культуры в целом, является одним из наиболее значимых вопросов государственной политики. Ведь низкий уровень этого показателя означает

трудности в развитии финансовых рынков, снижение темпов экономического роста, а также может свидетельствовать о подрыве доверия населения к финансовым институтам [3]. К тому же очевидно, что низкий уровень грамотности населения в вопросах финансов и отсутствие понимания даже базовых показателей замедляет развитие предпринимательства и малого бизнеса и приводит к излишней закредитованности населения [4] (по самым свежим данным Федеральной службы судебных приставов, каждый десятый россиянин оказался не способным платить по своим финансовым обязательствам), делает граждан лёгкими жертвами различных мошеннических схем [5].

Известно, что изучение процесса финансового образования как метода повышения финансовой грамотности началось при участии Организации экономического сотрудничества и развития (OECD, далее ОЭСР) и созданной при её поддержке Международной сети финансового образования (INFE) ещё в 2008 году [6]. В самых разных уголках планеты осознание роли и степени влияния на общее благосостояние страны уровня финансовой грамотности привело к разработке национальных программ и стратегий по повышению этого компонента. У нас в стране в 2012 году было проведено Министерством Финансов исследование финансовой грамотности в рамках международной программы PISA-2012 (Programme for International Student Assessment), которое стало первой масштабной исследовательской работой в этом вопросе [7], хотя и принято считать, что работа по финансовому образованию в России стартовала в 2011 году, когда был запущен проект «Содействие повышению уровня финансовой грамотности и развитию финансового образования в Российской Федерации» (разработан также Минфином РФ при поддержке Всемирного банка). Официальная позиция государства по данному вопросу была сформулирована в Распоряжении Правительства РФ от 25 сентября 2017 года № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 гг.» [8]. К общим предпосылкам для формирования подобных документов можно отнести: усложнение финансовых услуг, предлагаемых на рынке; увеличение разрыва между знаниями населения в области финансов и активно развивающимся финансовым рынком; различные экономические кризисы, в условиях которых становится особенно важным умение рационального использования и распределения экономических ресурсов.

Говоря о тенденциях и перспективах повышения финансовой грамотности в РФ, стоит отметить результаты исследования ЦБ РФ «Измерение уровня финансовой грамотности». В ходе исследования ставились задачи по выявлению уровня финансовой грамотности, финансового поведения и финансовых установок народонаселения России». В 2020 году по заказу Банка России Институт фонда «Общественное мнение» (ФОМ)

провел третий этап замера уровня финансовой грамотности населения Российской Федерации. Методика исследований была разработана в 2017 году, в это же время проводился и первый этап замеров. Следующий этап прошел в 2018 году. Исходя из опубликованных данных, можно сделать вывод о том, что общий показатель финансовой грамотности населения России (он рассчитывается по методике ОЭСР) возрос – доля людей с уровнем финансовой грамотности выше среднего увеличилась на 5% (*рис. 1*).

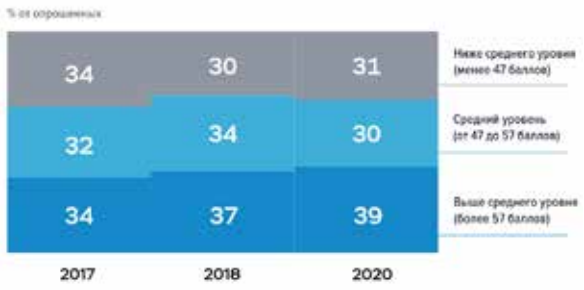

Рис. 1. Группы по уровню финансовой грамотности российского населения.
Источник: ЦБ РФ. Измерение уровня финансовой грамотности: 3 этап.
URL: https://cbr.ru/analytics/szpp/fin_literacy/fin_ed_intro/ (дата обращения: 12.02.2022).

На данный момент мы можем наблюдать, как в нашей стране активно проводится политика финансового образования населения: Минфином были подготовлены учебно-методические материалы для разных возрастов, был запущен ряд региональных программ, а с 1 сентября 2022 года всем учащимся с первого по пятый класс в обязательном порядке начнут преподавать «элементы финансовой грамотности» [9].

Тем не менее, предпосылок для излишнего оптимизма мало – очевидно, что приоритетным направлением государственной политики Российской Федерации является повышение уровня финансовой грамотности именно среди молодёжи. С одной стороны, это весьма разумно, ведь именно подрастающее поколение вскоре станет активным участником финансовых рынков. С другой стороны, взглянем на общемировые демографические тенденции, от которых Россия не отстаёт, и которые не могут не накладывать свой отпечаток: по прогнозам Credit Suisse к 2060 году доля людей старше 65 лет составит 47% населения; Росстат прогнозирует структуру населения только до 2036 года – по данным службы, к этому году доля пожилых людей составит 24,1%. Бессмысленно отрицать факт весьма стремительного старения населения, как в целом по миру, так и у нас по стране. Также общеизвестно, что представители старшей возрастной группы финансово уязвимы ничуть не меньше молодёжи (как в поговорке, что старый, что малый). Именно поэтому и вызывает опасения такое смещение фокуса в пользу активного просвещения только одной из двух равно уязвимых групп при очевидной тенденции к общемировому старению.

Подобная расстановка акцентов (с явным уклоном в одну сторону) заставляет глубоко задуматься о возникновении в краткосрочной перспективе уязвимого большинства.

Список литературы

1. *Аликперова Н. В.* Поведение потребителей: современные реалии и глобальные тренды// Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. Т. 9. № 4(40). С. 46-51. DOI 10.26794/2226-7867-2019-9-4-46-51
2. *Ярашева А. В.* Мотивы финансового поведения населения // Экономика. Налоги. Право. 2011. № 5. С. 66-71.
3. *Аликперова Н. В., Ярашева А. В.* Доверие населения - фундамент стабильности функционирования финансовых институтов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. № 8(80). С. 1.
4. *Шнейдерман И. М., Ярашева А. В.* Кредитное поведение населения: тенденции и риски // Вопросы статистики. 2019. Т. 26. № 3. С. 15-22. DOI 10.34023/2313-6383-2019-26-3-15-22
5. Ведомственная статистическая отчётность Федеральной службы судебных приставов за декабрь 2021. URL: https://fssp.gov.ru/statistics (дата обращения: 16.02.2022).
6. *Александрова О. А., Аликперова Н. В., Марков Д. И., Ненахова Ю. С.* Классификация факторов влияния на формирование финансово- экономической культуры россиян // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 3. С. 18-31. DOI 10.19181/population.2021.24.3.2
7. Финансовая грамотность российских учащихся (по результатам международной программы PISA-2012). / Министерство финансов РФ. Министерство образования и науки РФ. URL: https://usnd.to/X8ik (дата обращения: 16.02.2022).
8. Распоряжение Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2039-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности в Российской Федерации на 2017–2023 гг.». URL: https://base.garant.ru/71775558/#block_26 (дата обращения: 16.02.2022).
9. Возрастной дисбаланс: о демографических волнах и социокультурных факторах/ URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/66242 (дата обращения: 12.02.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.31 EDN

ОСОБЕННОСТИ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ РАЗНЫХ РЕАЛЬНЫХ ПОКОЛЕНИЙ РОССИЯН

Попова Л. А.
д-р экон. наук, доцент,
заместитель директора по науч. работе,
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения РАН
Сыктывкар, Россия

Аннотация. В статье авторами оценены особенности самосохранительного поведения у разных реальных поколений россиян. Выявленный позитивный вектор трансформации поколенческих закономерностей самосохранительного поведения позволяет надеяться на восстановление и продление растущей динамики продолжительности жизни россиян с вероятностью достижения в перспективе целевых показателей при условии закрепления благоприятных поведенческих паттернов в области здоровьесбережения.

Ключевые слова: продолжительность жизни населения, поведенческие факторы здоровья, здоровый образ жизни, самосохранительное поведение, саморазрушительное поведение, теория поколений, реальное поколение

FEATURES OF SELF-PRESERVATION BEHAVIOR IN DIFFERENT REAL GENERATIONS OF RUSSIANS

Popova L. A.
Doctor of Economics, Associate Professor,
Deputy Director for Research,
Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Research Center, Ural Branch RAS,
Syktyvkar, Russia

Abstract. The article is devoted to the evaluation of the features of self-preservation behavior in different real generations of Russians. The positive vector of transformation of generational patterns of self-preserving behavior identified by the author allows us to hope for the restoration and prolongation of the growing dynamics of life expectancy of Russians with the probability of achieving targets in the future, provided that favorable behavioral patterns in the field of health conservation are consolidated.

Key words: life expectancy of the population, behavioral factors of health, healthy lifestyle, self-preserving behavior, self-destructive behavior, theory of generations, real generation

Существенное отставание ожидаемой продолжительности жизни россиян от уровня развитых стран во многом обусловлено поведенческим фактором – образом жизни населения, его отношением к своему здоровью, поведением в сфере сохранения здоровья, распространенностью самосохранительных моделей поведения и саморазрушительных практик. Отечественными исследователями часто отмечается широкое распространение среди населения страны гигиенически нерациональных и вредных привычек, стереотипов поведения: злоупотребления алкоголем, курения, нерационального питания и переедания, несвоевременного обращения за медицинской помощью [1, 47–49], следствием чего

является общая несформированность поведенческих паттернов, отвечающих за сохранение здоровья и увеличение сроков активной жизни [2, 19].

Величина продолжительности жизни условного поколения определяется ожидаемой продолжительностью жизни составляющих его реальных поколений, которая, в свою очередь, зависит от моделей их самосохранительного поведения. В рамках социолого-демографического подхода самосохранительное поведение понимается как система действий и установок личности, направленных на сохранение здоровья в течение полного жизненного цикла, на продление срока жизни в пределах этого цикла [3, 313]. Устойчивый рост продолжительности жизни россиян возможен лишь при формировании у молодых поколений населения, в сравнении со старшими когортами, более позитивных моделей самосохранительного поведения и их реализации в течение жизни. Целью исследования является выявление особенностей самосохранительного поведения у разных реальных когорт, что позволит оценить вектор трансформации существующих в обществе моделей здоровьесбережения и перспективы динамики ожидаемой продолжительности жизни населения.

Для анализа поколенческого аспекта самосохранительного поведения населения использованы некоторые положения теории поколений Хоува и Штрауса [4; 5], в основе которой – утверждение, что ключевым элементом определения временных рамок любого поколения является категория ценностей. В теории поколений выделяются не просто возрастные группы, а поколенческие группы населения со схожими основными ценностями, сформировавшимися под влиянием социальных, экономических и политических условий, т. е. окружающей общественной среды и норм семейного воспитания, характерных для периода их социализации. Информационной базой исследования послужили результаты социологического обследования «Здоровье и качество жизни населения», проведенного в декабре 2020 года в Республике Коми, в рамках которого посредством раздаточного анкетирования по квотированной выборке, охватывающей все 20 муниципальных образований республики, было опрошено 1533 человека в возрасте 15 лет и старше.

Перейдя от возрастных групп опрошенных к годам рождения и приблизительному периоду завершения социализации (т. е. достижения 15 лет), были рассмотрены шесть реальных поколений населения по году рождения: поколение старше 65 лет в целом (включающее родившихся вплоть до 1955 года) и пять более молодых десятилетних когорт населения (*табл. 1*), которые, на наш взгляд, могут различаться моделями самосохранительного поведения. На особенности этих моделей повлияла заметная дифференциация условий их формирования, определяющаяся происходившими в эти годы

в стране социально-экономическими и политическими изменениями, демографическая ситуация, проводившиеся мероприятия социально-демографической политики, пропаганда здорового образа жизни и пр. Несомненно, обозначенные границы реальных поколений очень условны. Главная задача анализа – определить вектор трансформации самосохранительного поведения населения как основу перспективных тенденций ожидаемой продолжительности жизни.

Таблица 1

Реальные поколения с заметной дифференциацией условий формирования моделей самосохранительного поведения

№ п/п	Возрастная группа респондентов	Годы рождения	Период завершения социализации	Условия формирования моделей самосохранительного поведения
1	65 лет и старше	до 1955 г.	до 1970 г.	Неблагоприятные
2	55-64 года	1956-1965 гг.	1971-1980 гг.	Более благоприятные по сравнению с предыдущим поколением
3	45-54 года	1966-1975 гг.	1981-1990 гг.	Более благоприятные по сравнению с предыдущим поколением
4	35-44 года	1976-1985 гг.	1991-2000 гг.	Крайне неблагоприятные
5	25-34 года	1986-1995 гг.	2001-2010 гг.	Более благоприятные по сравнению с предыдущим поколением
6	15-24 года	1996-2005 гг.	2011-2020 гг.	Более благоприятные по сравнению с предыдущим поколением

Источник: на основе данных авторских исследований.

Безусловно, не все вопросы по здоровью, сформулированные в обследовании, годятся для анализа в поколенческом разрезе, поскольку заметное влияние на состояние здоровья поколений и распространенность практик самосохранительного поведения оказывает возраст. С одной стороны, модели здоровьесбережения претерпевают заметную позитивную трансформацию в связи с возрастными изменениями в состоянии здоровья, требующими более ответственного отношения к нему, с другой, учитывая специфику российской смертности по возрасту и причинам смерти, можно утверждать, что до старших возрастов доживают даже не столько самые здоровые представители поколений, сколько самые ответственные в плане самосохранительного поведения. Больше всего для межпоколенческого анализа особенностей самосохранительного поведения, на наш взгляд, подходят вопросы, касающиеся распространенности элементов саморазрушительного поведения, так называемых вредных привычек, обладающих значительной устойчивостью с возрастом, а также активного спортивного стиля жизни, который при отсутствии влияния сильнодействующих негативных факторов также является привычкой, сохраняющейся на протяжении всей жизни. Эти вопросы позволяют в максимальной степени элиминировать влияние возраста. Выдвинутые рабочие гипотезы о соотношении моделей самосохранительного поведения рассматриваемых реальных поколений (*табл. 1*) были

верифицированы на основе распределения ответов на вопросы «Употребляете ли Вы алкоголь?», «Курите ли Вы?» и «Как Вы можете оценить Ваш образ жизни?».

Относительно соотношения моделей самосохранительного поведения двух старших из рассматриваемых шести когорт (сборного поколения родившихся до 1955-х годов включительно и поколения 1956–1965 годов рождения) выдвинутая гипотеза, что модели самосохранительного поведения у поколения 1956–1965 годов рождения являются более позитивными, чем у родившихся до середины 1950-х годов, результатами социологического исследования не подтвердилась. На наш взгляд, это может быть обусловлено тем, что модели самосохранительного поведения старших поколений сильно трансформировались с возрастом вследствие изменений в состоянии здоровья, а также в составе когорт из-за высокой преждевременной смертности в группах населения с самым неблагоприятным образом жизни.

Относительно четырех молодых реальных поколений межпоколенческий анализ распределения ответов на указанные вопросы подтвердил выдвинутые гипотезы. Он показал, что у поколения 1976–1985 годов рождения в условиях системного кризиса 1990-х годов сформировались самые неблагоприятные модели самосохранительного поведения в плане употребления алкогольной продукции и курения (что подтвердил также и вопрос «Пробовали ли вы когда-нибудь наркотики?»): хуже, чем у более старшей когорты 1966–1975 годов рождения, стандарты здоровьесберегающего поведения которой сложились в относительно благополучные 1980-е годы, и значительно хуже, чем у поколений 1986–1995 и особенно 1996–2005 годов рождения, у которых сформировались самые позитивные модели поведения в области здоровья.

Вопрос «Как Вы можете оценить Ваш образ жизни?» также подтверждает наиболее активную модель здоровьесберегающего поведения у самой молодой когорты, которая сформировалась в период усиления пропаганды здорового образа жизни. Эти выявленные для четырех молодых когорт закономерности более четко выражены среди мужчин, но и у женщин они также прослеживаются. Таким образом, благоприятные социально-экономические и демографические условия, антиалкогольные и антитабачные мероприятия 2000-х годов и пропаганда активного здорового образа жизни в целом имеют положительный результат в плане воздействия на характер самосохранительного поведения молодых поколений, что свидетельствует о возможности влияния на поведенческие факторы здоровья на стадии его формирования.

Родившиеся во второй половине 1980-х годов уже начали достигать 35-летнего возраста. То есть, когорты, характеризующиеся более благоприятными моделями самосохранительного поведения, все в большей степени определяют уровень

продолжительности жизни россиян. Позитивный вектор трансформации поколенческих закономерностей самосохранительного поведения, особенно четко проявляющийся у мужчин, позволяет надеяться на восстановление и продление положительной динамики продолжительности жизни населения России с возможностью достижения в перспективе целевых показателей при условии закрепления благоприятных поведенческих паттернов, отвечающих за сохранение здоровья и увеличение сроков активной жизни.

Список литературы

1. Современная демография / Под ред. А. Я. Кваши, В. А. Ионцева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1995. 267 с.
2. *Вангородская С. А.* Факторы самосохранительного поведения населения региона (по результатам эмпирических исследований) // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4. № 2. С. 13–26. DOI 10.18413/2408-9338-2018-4-2-0-2
3. *Антонов А. И.* Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М. : Издательский Дом «Nota Bene», 1998. 360 с.
4. *Howe N., Strauss W.* Generarations: The history of America's future, 1584 to 2069. New York : William Morrow and Co, 1991. 540 p.
5. *Strauss W., Howe N.* The Fourth Turning: An American Prophecy – What the Cycles of History Tell Us About America’s Next Rendezvous with Destiny. New York : Broadway Books, 1997. 459 p.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.32 EDN

ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ

(Исследование проводится при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-010-00142)

Попова Р. И.
старший научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Токсанбаева М. С.
д-р экон. наук,
главный научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. В современных условиях экономическая активность населения меняется не только циклически, но и приобретает черты устойчивого тренда. Это ставит вопрос о факторах, воздействующих на формирование такой динамики. Они изучались на примере двух групп трудоспособного населения, относящихся к долгосрочным безработным и к слою NEET. Эти группы входят в состав реальной и потенциальной рабочей силы, уязвимой в аспекте ослабления и утраты активности. Выделены факторы, особенности которых следует учитывать при разработке мер по ее поддержанию.

Ключевые слова: экономическая активность, рабочая сила, безработные, потенциал безработицы, фактор, образование, возраст

FACTORS OF CHANGES IN THE ECONOMIC ACTIVITY OF THE ABLE-BODIED POPULATION

Popova R. I.
Senior Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Toksanbaeva M. S.
Doctor of Economics,
Chief Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. In modern conditions, the economic activity of the population not only changes cyclically, but also acquires the features of a stable trend. This raises the question of the factors influencing the formation of such dynamics. They were studied on the example of two groups of the working-age population belonging to the long-term unemployed and to the NEET category. These groups are part of the actual and potential workforce, vulnerable to weakening and loss of activity. Factors are identified, the features of which should be taken into account when developing measures to support these groups.

Key words: economic activity, labor force, unemployed, unemployment potential, factor, education, age

Развитие современной мировой экономики отличается нестабильностью, которая не вписывается в традиционную модель циклических кризисов. В частности, это относится к глобальному финансово-экономическому кризису нулевых годов (2007–2010 годы), спровоцировавшему применение термина «великая рецессия». В дальнейшем данный термин стали распространять и на кризисные явления последующих лет и даже на все годы нынешнего века [1], чему также поспособствовала пандемия коронавируса. Эти события не миновали нашу страну, которая испытала и финансово-экономический кризис (2008–2010 годы), и эпидемиологический кризис. Более того, кризисные симптомы проявились также в 2014–2015 годах и были связаны с геополитическими рисками (введение экономических санкций и падение валютного курса рубля).

Общие признаки «великой рецессии», или экономической нестабильности, рассматриваемой как сравнительно затяжной процесс, связаны не с циклами падения экономической активности, как это происходит при традиционном кризисе, а с трендом ее падения, выходящим за рамки циклических колебаний. Прежде всего, это относится к деловой активности, мировой тренд которой обусловлен, по мнению одних специалистов, снижением эффективности капитала в условиях достигнутых объективных границ разделения труда [2], по мнению других – разрастанием сектора посреднических услуг (главным образом финансового посредничества), провоцирующим стагнацию развития производительных сил [3]. Есть и другие соображения, также вызванные поисками причин современной «великой рецессии», но в целом все они не имеют парадигмального статуса и остаются остро дискуссионными.

В данной статье рассмотрены проявления этого процесса в сфере труда, которые относятся к изменениям экономической активности населения и к факторам ее роста или снижения на примере нашей страны. Если рассматривать динамику обобщенных индикаторов экономической активности, а именно уровней занятости и участия в рабочей силе, то создается впечатление, что активность российского населения снижается. Этот процесс отслежен в период, когда кризисные явления 2014–2015 годов пошли на спад, а данные первого года эпидемиологического кризиса (2020 год) вписались в тренд рассматриваемого периода (*рис. 1*).

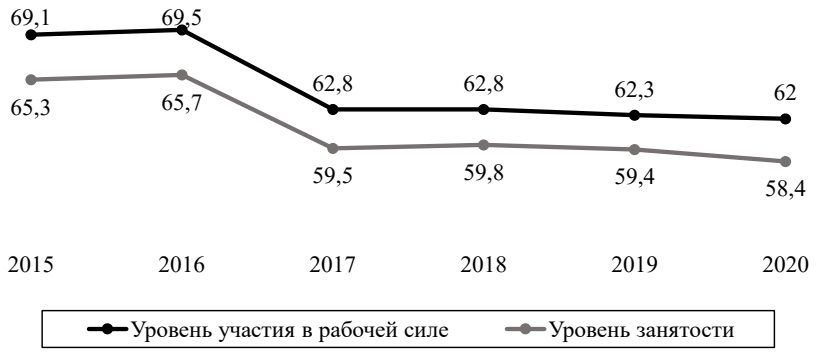

Рис. 1. Уровень участия в рабочей силе и уровень занятости населения в РФ в 2015-2020 гг., % к населению не моложе 15 лет
Источник: ФСГС. Труд и занятость в России, 2021. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_36/Main.htm (дата обращения: 21.01.2022).

Высокий уровень молодежной безработицы, в основном, обусловлен следующими факторами: во-первых, дефицитом опыта работы, во-вторых, уровнем образования, в-третьих, несоответствием рабочих мест притязаниям претендентов. Эти факторы подтверждаются информацией анкетного опроса граждан, обратившихся за содействием в трудоустройстве в столичную службу занятости. Опрос был проведен в 2017 году сотрудниками ИСЭПН ФНИСЦ РАН [5]. По данным этого опроса, в группе 15–19 лет имеют образование не выше среднего (школьного) около 76% респондентов, а без опыта работы – более 80%. Эти обстоятельства являются главными препятствиями в их трудоустройстве, поскольку большинство (не менее 70%) оказалось непритязательным и выразило готовность к любой работе, в том числе со сравнительно невысокой оплатой труда. Следует сказать, что запросы к уровню заработков являются самыми рейтинговыми притязаниями практически у всех респондентов опроса, но в данной статье они не рассматриваются.

Те же факторы осложняют трудоустройство молодежи 20–24 лет, но в меньшей степени, поскольку образование в пределах школьного выявлено только у четверти опрошенных этой возрастной группы, а отсутствие опыта работы – меньше чем у 30%. Зато более трети респондентов получили среднюю профессиональную подготовку (в ссузах) и свыше 40% – полное и неполное вузовское образование. Вместе с тем, рост образовательного уровня повышает и запросы к занятости. Так, для большей части респондентов важно не только соответствие работы основной или смежной специальности, но и перспективы профессионального и должностного роста (их как важные отметили свыше 60% опрошенных). Стремление удовлетворить данные запросы создают проблемы с поиском рабочего места, поэтому не случайно уровень безработицы в этой возрастной

группе, судя по данным, отображенным на *рис. 2*, имеет тенденцию к повышению. Косвенно наличие таких проблем подтверждают данные о трудоустройстве выпускников образовательных организаций (*рис. 3*).

Рис. 3. Уровень занятости выпускников организаций среднего (ссузы) и высшего (вузы) профессионального образования в РФ в 2015-2019 гг.,
% к численности выпускников ссузов и вузов в соответствующем году.
Источник: ФСГС. Трудовые ресурсы. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 21.01.2022).

Информация на *рис. 3* подтверждает тенденцию к снижению доли трудоустроенных выпускников организаций высшего и среднего профессионального образования. Это говорит о нарастающей проблеме их адаптации к переходу от учебы к работе, а более обобщенно – о проблеме стыковки сферы образования с рынком труда, последствия которой могут отражаться и на дальнейшей их жизни [6]. Об основных сложностях трудоустройства выпускников можно получить представление по данным упомянутого опроса. Пятая часть респондентов, обучившихся в вузах и ссузах, призналась в дефиците требуемой квалификации. Но еще большее их количество указало, что работодателей не удовлетворило отсутствие или недостаток опыта работы (76,2% выпускников вузов и 52,2% выпускников ссузов). Однако приобретение такого опыта происходит в трудовой деятельности, включиться в которую отчасти мешает позиция работодателей.

При этом, несмотря на желание большинства выпускников работать по основной или смежной специальности и на более чем скромную готовность небольшой части устроиться по другой специальности (меньше 10%), немалая их часть ради трудоустройства не прочь пройти переквалификацию. По предпочтению трудиться по специальности прослеживается схожесть выпускников с респондентами от 45 лет и старше, но по готовности пройти переквалификацию группа 45+ уступает и выпускникам, и респондентам наиболее активного трудового возраста (25–44 года). Еще одним серьезным препятствием для лиц не моложе 45 лет является возраст, поскольку с рубежа в 40–45 лет интерес работодателей к претендентам на рабочее место заметно ослабевает. В результате у данной группы вероятность стать долгосрочными безработными выше, чем у молодежи и у средней возрастной группы. Так, по информации Росстата, доля долгосрочных безработных в

возрасте 45+ в 2019 году составила в среднем 32,1% против 23,5% в группе 25–44 лет и 13,2% – 15–24 лет. А с затянувшимся поиском работы нарастает вероятность ослабления экономической активности вплоть до ее утраты.

Одна из форм ослабления экономической активности – переход трудовых ресурсов в потенциальную рабочую силу (желающие работать, но не отвечающие всем признакам безработных). Факторы, которые влияют на включенность населения в данную категорию, изучались на примере такой группы «ни ни», как не работающие трудоспособные инвалиды. Они являются второй по численности группой (после молодежи) названного слоя, и их часть попадает в состав потенциальной рабочей силы. Информационную базу анализа составили материалы анкетного опроса лиц с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), проведенного в Москве в 2018 году сотрудниками ИСЭПН ФНИСЦ РАН [7].

Разумеется, основной фактор, осложняющий трудоустройство инвалидам, – это состояние здоровья. Но, по материалам опроса, его индикаторы (группа инвалидности) у категорий, принадлежащих к слою «ни ни», почти одни и те же, поэтому акцент в анализе сделан на прочих факторах, способствующих переходу инвалидов в потенциальную рабочую силу. К ним относятся возрастные показатели, которые характеризуют уязвимость на рынке труда. Выявлено, что в группе «потенциалов» меньше, чем у безработных, доля респондентов в наиболее активном трудовом возрасте (соответственно, 35,3 и 45,6%) и выше – молодежи до 25 лет и лиц старше 44 лет. Потенциальная рабочая сила уязвима также по уровню образования. Так, доля обладателей высшего и неполного высшего образования у ее респондентов составляет 45,2% против почти 55% у безработных, а доля имеющих только школьное образование – соответственно, 12,6 и 15,6%.

Установлен еще один фактор, влияющий на ослабление экономической активности инвалидов-«потенциалов», но не относящийся к характеристикам уязвимости на рынке труда. Имеется в виду уровень жизни, который в материалах опроса отслеживался по субъективным оценкам доступности потребительских благ. Выявлено, что по данному индикатору лица, относящиеся к потенциальной рабочей силе, материально более благополучны, чем безработные. Схожие результаты получены в наших исследованиях категорий трудоспособного населения на базе официального критерия бедности (по прожиточному минимуму). У категорий, не относящихся к реальной рабочей силе и не имеющих для незанятости объективных причин (учащиеся, пенсионеры, находящиеся в декретном отпуске и пр.), уровень бедности заметно ниже, чем у безработных [8]. Поэтому есть основания полагать, что приемлемый уровень благосостояния при определенных условиях может расхолаживать «потенциалов» и стимулировать их выход их состава рабочей силы.

Рассмотренные в статье факторы изменения в условиях «великой рецессии» экономической активности трудоспособного населения, не входящего в категорию занятых, в основном, относятся к объективным, хотя их часть корректнее охарактеризовать как объективно-субъективные. В состав объективных факторов следует включить возраст, уровень образования, наличие трудового опыта, профессионально-квалификационные параметры. Перечисленные характеристики определяют уязвимость незанятого трудоспособного населения на рынке труда, осложняя его трудоустройство и способствуя ослаблению экономической активности. Данные характеристики типичны и для условий циклического развития экономики, однако, теперь они становятся факторами расширения существующих и/или сравнительно новых уязвимых слоев.

Объективно-субъективными являются такие факторы, как запросы желающих трудиться к рабочим местам, установки на профессионально-квалификационную мобильность и на участие в рабочей силе. Двойственность этих факторов объясняется тем, что за субъективными предпочтениями стоят объективные обстоятельства, существенно влияющие на выбор форм экономического поведения. Так, например, слабая готовность безработных старше 44 лет к переквалификации во многом обусловлена возрастным убыванием активности, а выбытие ряда уязвимых на рынке труда групп населения – относительно приемлемым благосостоянием.

Эти особенности факторов модификации экономической активности важно учитывать в совокупности мер по ее поддержанию и повышению.

Список литературы

1. *Галин В.* Последняя цивилизация. Политэкономия XXI века. М. : Алгоритм, 2013. 417 с.

2. *Хазин М. Л.* Воспоминание о будущем. Идеи современной экономики. М. : Рипол-Классик, 2019. 463 с. ISBN: 978-5-386-12785-5.

3. *Бузгалин А. В.* Закат неолиберализма (к 200-летию со дня рождения К. Маркса) // Вопросы экономики. 2018. № 2. С. 122-141.

4. *Зудина А. А.* «Не работают и не учатся»: молодежь на рынке труда в России // Мир России. 2019. Т. 28. № 1. С. 140-160.

5. Проблемы трудоустройства слабозащищенных слоев населения в Москве. М.: Акварель, 2017. 252 с.

6. *Зудина А. А.* «Не работают и не учатся»: NEET-молодежь на рынке труда. М. : Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. 21 с.

7. Трудоустройство инвалидов на столичном рынке труда: проблемы и пути решения. М. : ООО «Вариант», 2018. 280 с.

8. Народонаселение современной России: воспроизводство и развитие». М. : Изд-во «Экон-Информ», 2015. 411 с.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.33 EDN

РЕПРОДУКТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАСЕЛЕНИЯ: ИЗМЕНЕНИЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Русанова Н. Е.
д-р экон. наук, доцент;
ведущий научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. Одним из компонентов человеческого потенциала является репродуктивный потенциал, трактуемый как способность популяции к воспроизведению репродуктивного здоровья из поколения в поколение. Важную роль здесь играют вспомогательные репродуктивные технологии, изменяющие его традиционные социальные, гендерные и физиологические границы; особенно это касается репродуктивного донорства, суррогатного материнства, удлинения границ репродуктивного возраста.

Ключевые слова: репродуктивный потенциал, вспомогательные репродуктивные технологии, бесплодие

REPRODUCTIVE POTENTIAL OF THE POPULATION: CHANGES UNDER THE IMPACT OF ASSISTED REPRODUCTIVE TECHNOLOGIES

Rusanova N. E.
Doctor of Economics, Associate Professor,
Leading Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. One of the components of human potential is reproductive potential interpreted as the ability of a population to reproduce reproductive health from generation to generation. An important role here is played by assisted reproductive technologies, changing its traditional social, gender and physiological boundaries; this is especially true of reproductive donation, surrogate motherhood, lengthening the boundaries of reproductive age.

Key words: reproductive potential, assisted reproductive technology, infertility

Одним из компонентов человеческого потенциала является репродуктивный потенциал, понятие которого, как видовой способности к размножению, было введено в 1928 году и с тех пор неоднократно корректировалось с учетом целей конкретных исследований. Так, доминирующие медицинские точки зрения понимают под репродуктивным потенциалом возможность девочки при вступлении в детородный возраст воспроизвести здоровое потомство, либо уровень физического и психического состояния, который при достижении социальной зрелости определит качество здоровья рожденного поколения [1], а многие математические модели народонаселения учитывают его через «вложения капитала» в ребенка при рождении [2]. В социальных исследованиях

репродуктивный потенциал обычно трактуется как способность популяции к воспроизведению репродуктивного здоровья из поколения в поколение и подразделяется на индивидуальный, характеризующий возможность каждого человека к воспроизводству, и общественный, характеризующий население в целом [3].

В любом обществе и при любых исторических условиях часть женщин и мужчин не способна к продолжению рода изначально или теряет эту способность еще до окончания фертильного возраста; в середине XX века репродуктивный потенциал в развитых странах сокращался из-за спонтанных абортов на 15%, мертворождений – на 3%, младенческой смертности – на 2%, смертности до наступления репродуктивного возраста – на 3%, бесплодия в браке – на 10%, безбрачия – на 20% [4]. Учитывая возможности современной медицины и динамичную социально-технологическую модернизацию, имеет смысл рассматривать репродуктивный потенциал как совокупную фертильность общества, определяемую через долю населения, способного и желающего приносить потомство. Важную роль здесь играют вспомогательные репродуктивные технологии (ВРТ), изменяющие традиционные социальные, гендерные и физиологические границы населения. Они не только сокращают численность населения, неспособного оставить потомство из-за бесплодия, но и изменяют количественные и качественные характеристики репродуктивно активного населения. При таком подходе можно выделить гендерные и физиологические компоненты репродуктивного потенциала.

Традиционным гендерным компонентом репродуктивного потенциала является доля женщин репродуктивного возраста (15–49 лет) в общей численности населения, к физиологическим компонентам относится фертильность, понимаемая как способность к зачатию (фекундативность) и вынашиванию, и рассматриваемая как физиологический максимальный потенциальный репродуктивный результат женщины в течение ее жизни. Исходя из этого, определяется максимум репродуктивного потенциала (в репродуктивном возрасте), а также его нижние границы: в дорепродуктивном и пострепродуктивном возрасте.

Однако такие детерминации репродуктивного потенциала все сильнее размываются благодаря возможностям ВРТ. Например, общественный репродуктивный потенциал повышается за счет репродуктивных доноров, которые увеличивают индивидуальный репродуктивный потенциал. Реальные цифры такого увеличения подсчитать невозможно, т. к. неизвестно, сколько точно детей появится на свет от конкретного донора — существуют официальные ограничения числа циклов экстракорпорального оплодотворения (ЭКО) с мужскими или женскими донорскими клетками, но политика конфиденциальности и анонимности не позволяет учесть все успешные и неуспешные циклы с участием конкретных доноров, можно лишь проследить динамику изменения

удельного веса таких циклов среди всех циклов ЭКО и внутриматочной инсеминации. В России в 2019 году программа донорства ооцитов была выполнена в 6,8% (2018 — 7,0%) циклов, донорская сперма была использована в 3,9% в 2018–2019 годах [5].

Другим ресурсом роста общественного репродуктивного потенциала является повышение верхней границы индивидуального репродуктивного возраста с помощью ВРТ (ИКСИ у мужчин) или средств медикаментозно-ассоциированной репродукции (МАР, обычно гормональная у женщин), ограничивающейся стимулированием фекундативности после возраста снижения естественной (физиологической) фертильности. Этот компонент также может быть учтен только косвенно, по числу родов после разных программ ВРТ у женщин соответствующих возрастов (около 12% в возрасте 40 лет и старше) [5].

Отдельным вопросом остается оценка вклада суррогатного материнства в репродуктивный потенциал. Очевидно, что эта программа ВРТ увеличивает его, поскольку дает возможность родиться детям у ранее бесплодных пар, но насколько? В программе суррогатного материнства, официально допущенный к клинической практике в России, есть, как минимум, один участник, индивидуальный репродуктивный потенциал которого уже реализован, по крайней мере, частично — это суррогатная мать, которой может стать женщина, родившая хотя бы одного здорового ребенка. Она вынашивает плод, зачатый вне ее организма, от родителей, которые будут считаться генетическими, даже если использовались донорские клетки для одного из них или для обоих; таким образом, общественный репродуктивный потенциал возрастает на 1–5 условных индивидуальных единиц. Однако в настоящее время здесь можно лишь учесть реальный вклад в рождаемость суррогатного материнства — по числу родов у суррогатных матерей (хотя эта величина занижена из-за нежелания многих участников программы раскрывать информацию). В России в 2019 году было проведено 2573 тыс. циклов ВРТ с участием суррогатных матерей — 1,6% от всех циклов, при среднем значении за 2005–2019 годов – 1,41% [5].

Список литературы

1. *Кротин П. Н., Юрьев В. К., Куликов А. М.* Репродуктивный потенциал современных девушек-подростков и пути его сохранения. Гедеон Рихтер в СНГ // Гедеон Рихтер в СНГ. 2001. № 3(7). С. 5-8.
2. *Эдиев Д. М.* Демографические потенциалы: Теория и приложения. М. : МАКС Пресс, 2007. 346 с.
3. *Шабунова А. А.* Здоровье населения в России: состояние и динамика: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2010. 408 с.
4. Генетика – целостная наука. Беседа с акад. Ю. П. Алтуховым. // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 11. С. 995-1001.
5. Регистр ВРТ. Отчет за 2019 г. URL: https://rahr.ru/d_registr_otchet/RegistrART2019.pdf (дата обращения: 14.01.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.34 EDN

АНАЛИЗ УДЕЛЬНЫХ ОБЪЁМОВ ТВЁРДЫХ БЫТОВЫХ ОТХОДОВ В РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ

Рюмина Е. В.
д-р экон. наук,
главный научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. Проблемы обращения с отходами, в последнее время поднятые в экологической тематике на первые места, в основном исследуются в техническом, технологическом и организационно-экономическом аспектах. При этом значительно меньшее внимание уделяется самому процессу образования бытовых отходов у населения и их объёмам. В статье показана сильная дифференциация твёрдых бытовых отходов на одного человека по российским регионам. Поставлена задача выявления и оценки факторов, влияющих на образование отходов, с целью улучшения экологического поведения населения.

Ключевые слова: экологические условия проживания населения, твёрдые бытовые отходы, обращение с отходами, объёмы образования твёрдых бытовых отходов на одного человека, регион

ANALYSIS OF SOLID HOUSEHOLD WASTE PER PERSON IN RUSSIAN REGIONS

Ryumina E. V.
Doctor of Economics,
Chief Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The problems of waste management, which have recently been raised to the forefront in environmental issues, are mainly studied in technical, technological, organizational, and economic aspects. At the same time, much less attention is paid to the process of formation of household waste among the population and their volumes. A strong differentiation of solid household waste per person by Russian regions is shown. The task is to identify and assess the factors affecting the formation of waste in order to improve the environmental behavior of the population.

Key words: environmental conditions of the population, solid household waste, waste management, volumes of solid household waste generation per person, region

Проблемы обращения с отходами тесным образом связаны со всеми тремя факторами сбережения населения, отражёнными в названии конференции – здоровьем, занятостью, уровнем и качеством жизни. Очевидна связь со здоровьем и качеством жизни, а взаимосвязь отходов с занятостью, во-первых, выражается в формировании значительного по масштабам сектора экономики для борьбы с отходами и, во-вторых, опосредует зависимость образования отходов от объёмов и характера производства.

Несмотря на то, что проблема бытовых отходов в настоящее время вошла в ряд наиболее важных экологических проблем, основные статистические сборники её игнорируют. Так, эта проблема никак не отражена в сборнике «Регионы России: социально-экономические показатели», хотя в нём выделен специальный раздел по охране

окружающей среды [1]. Недостаточно информации и в других документах Росстата, Роспотребнадзора и Минприроды РФ [2; 3; 4]. Действительно, проблеме обращения с отходами адекватная оценка была дана лишь в последнее время – в национальном проекте «Экология», а точнее, во входящем в него федеральном проекте «Комплексная система обращения с твёрдыми коммунальными отходами». Задача проекта сформулирована следующим образом: «Формирование комплексной системы обращения с твёрдыми коммунальными отходами, включая ликвидацию свалок и рекультивацию территорий, на которых они размещены, создание условий для вторичной переработки всех запрещённых к захоронению отходов производства и потребления» [5].

В аспекте изучения человеческого потенциала интерес представляет объём коммунальных отходов, приходящийся на одного человека в разных российских регионах. Однако необходимых для этого данных о суммарных объёмах бытовых отходов в каждом регионе найти не удаётся – имеется только информация обо всех отходах производства и потребления в регионах [6]. Безусловно, такие показатели информативны в плане оценки отходоёмкости ВВП/ВРП, но нас в данный момент интересуют бытовые отходы, образующиеся в процессе потребления. В принципе, производственные отходы – это тоже отходы потребления, поскольку само производство инициируется потребностями населения. Аналогично полным затратам на производство конечного продукта в балансовых моделях, отходы производства и потребления вместе составляют полные отходы потребления. Их анализ может быть проведён аналогично исследованию коэффициентов полных расходов воды на единицу конечного продукта в модели межотраслевого баланса, представленному О. В. Кудрявцевой [7]. В данной работе наше внимание было обращено на экологическое поведение населения в регионах в отношении образования бытовых отходов (так называемая проблема ответственного потребления/потребителя). Регион – это открытая система, на территории которого производство и образующиеся производственные отходы непосредственно не характеризуют поведение населения и его потребности. Цель нашего исследования – сравнить объёмы не производственных, а бытовых отходов на одного жителя в разных регионах и выявить причины их дифференциации. Предварительно отобранные факторы воздействия на объёмы бытовых отходов, различающиеся по регионам – доходы на одного человека и доля городского населения. Достаточно информативная картина для ряда мировых стран представлена в *табл. 1*.

Таблица 1

Объёмы и обращение с твёрдыми бытовыми отходами

Страна	Объёмы образования ТБО (млн т/год)	Объёмы образования ТБО на 1 человека (кг на чел./год)	Доля отходов, размещае-мых на полигонах (%)	Доля сжигаемых отходов (%)	Доля перерабаты-ваемых и компости-руемых отходов (%)
США	289,2	878	52,5	12,8	34,7
ЕС	252,0	563	28,0	27,0	44,0
Германия	38,1	459	< 1	34,0	66,0
Норвегия	2,3	434	3,1	56,9	34,2
Финляндия	2,6	473	3,2	54,7	42,1
Китай	203,6	145	60,2	30,0	–
Россия	65,0	450	–	–	27,0

Источник: Промежуточные итоги реализации реформы в сфере ТКО. URL: https://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/Презентация%20Гудкова%20И.Э..pdf (дата обращения: 02.02.2022); Об определении нормативов накопления твердых коммунальных отходов. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2016 года N 269. URL: https://docs.cntd.ru/document/420346598 (дата обращения: 02.02.2022).

Как видно из *табл. 1*, по объёмам образования твёрдых бытовых отходов на одного человека Россия близка к Германии, однако более чем в два раза отстаёт от неё по доле перерабатываемых и утилизируемых отходов. В США объёмы образования отходов на одного человека почти в два раза больше, чем в России, а в Китае – в три раза ниже.

С 1 января 2021 года в Российской Федерации начала реализовываться мусорная реформа, которая предполагает установление норм накопления ТБО для населения на основании их замеров. При расчёте этих норм учитываются различные факторы: природно-географические, социальные, экономические, демографические. Устанавливаются нормы на основе замеров на контрольных участках территорий, вследствие чего они в определённой степени характеризуют фактические объёмы образования твёрдых бытовых отходов [10]. В *табл. 2* приведены нормы накопления ТБО для ряда российских регионов, составляющие максимальные и минимальные значения.

Таблица 2

Нормативы накопления ТБО в российских регионах

Максимальные нормативы, кг/чел. в год		Минимальные нормативы кг/чел. в год	
Амурская область	671	Еврейская АО	153
Камчатский край	567	Пермский край	158
Иркутская область	525	Приморский край	172

Источник: Промежуточные итоги реализации реформы в сфере ТКО. URL: https://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/Презентация%20Гудкова%20И.Э..pdf (дата обращения: 02.02.2022).

Получается, что в Амурской области на одного жителя образуется более чем в 4 раза больше твёрдых бытовых отходов, чем в Еврейской автономной области и Пермском крае. Эта ситуация требует более подробного изучения в аспекте экологического поведения населения.

В настоящее время экологические проблемы стоят в центре целей, сформулированных в документе «Глобальные цели устойчивого развития до 2030 года» [11]. Проблемы обращения с твёрдыми бытовыми отходами вошли в ЦУР 11 «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населённых пунктов», точнее, в задачу 11.6 «Уменьшение негативного экологического воздействия городов, уделяя особое внимание качеству воздуха и удалению городских отходов». Однако так же, как и национальный проект «Экология», глобальная цель 11 рассматривает проблему отходов при заданном объёме их образования, то есть, воздействия на само образование отходов в этих документах не предполагается. Поиск решений поставленных задач осуществляется только в техническом, технологическом и экономическом направлениях. Даже при оценке платы за бытовые отходы, взимаемой с населения, не учитывается её стимулирующая роль в сокращении объёмов образования отходов.

Задача сокращения объёмов образования твёрдых бытовых отходов, таким образом, признаётся в качестве одной из задач повышения человеческого потенциала, качественных характеристик населения. Эффективным путём её решения может стать воспитание и экологическое образование населения. Одновременно с этим большой пласт научных исследований лежит в области поиска факторов, влияющих на объёмы образования твёрдых бытовых отходов в разных регионах.

Список литературы

1. Регионы России: социально-экономические показатели. Стат. сб. / Росстат. М., 2020. 1242 с.
2. Основные показатели охраны окружающей среды: статистический бюллетень / Росстат. М., 2021. 110 с.
3. О состоянии санитарно-эпидемиологического благополучия населения в Российской Федерации в 2019 году: Государственный доклад. М. : Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2020. 299 с.
4. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2019 году. Государственный доклад. М.: Минприроды России; МГУ им. М. В. Ломоносова, 2020. 1000 с.
5. Паспорт национального проекта «Экология». URL: http://government.ru/info/35569/ (дата обращения: 02.02.2022).
6. Охрана окружающей среды в России. 2018: Стат. сб. М. : Росстат, 2018. 126 с.
7. *Кудрявцева О. В.* Математические модели анализа потребления природных ресурсов // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2007. № 3. С. 67-87.

8. *Бобылёв С. Н.* Экономика устойчивого развития: учебник. М. : КНОРУС, 2021. 672 с.
9. Промежуточные итоги реализации реформы в сфере ТКО. URL: https://www.mnr.gov.ru/upload/iblock/Презентация%20Гудкова%20И.Э..pdf (дата обращения: 02.02.2022).
10. Об определении нормативов накопления твердых коммунальных отходов. Постановление Правительства Российской Федерации от 4 апреля 2016 года N 269. URL: https://docs.cntd.ru/document/420346598 (дата обращения: 02.02.2022).
11. Цели устойчивого развития в Российской Федерации. 2020: Крат. стат. сб./ Росстат. М., 2020. 79 с.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.35 EDN

ВЗАИМОСВЯЗЬ АЛКОГОЛИЗМА И НАРКОМАНИИ С ПОКАЗАТЕЛЯМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА

(Исследование проведено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований: проект № 20-010-00091)

Федотов А. А.
канд. экон. наук,
старший научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. В статье предложены результаты статистического исследования функциональных взаимосвязей между показателями распространения алкоголизма и наркомании в регионах страны и другими компонентами человеческого потенциала.

Ключевые слова: человеческий потенциал, корреляционный анализ, алкоголизм, наркомания, регион

THE RELATIONSHIP OF ALCOHOLISM AND DRUG ADDICTION WITH INDICATORS OF HUMAN POTENTIAL

Fedotov A. A.
Candidate of Economics,
Senior Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The paper presents the results of a statistical study of the functional relationships between indicators of the spread of alcoholism and drug addiction in the regions of the country and other components of human potential.

***Key words*:** human potential, correlation analysis, alcoholism, drug addiction, region

Алкоголизм и наркомания в России до сих пор являются серьёзными проблемами, влияющими на многие аспекты жизни человека, включая качество жизни и человеческий потенциал. В докладе представлены результаты корреляционного исследования, направленного на выявление взаимосвязей между распространением алкоголизма и наркомании в России и другими важными компонентами человеческого потенциала.

Исследование велось на основе данных официальной статистики, все показатели были взяты или рассчитаны на основе данных официальной статистики социально-экономического развития регионов [1; 2] за 8 лет (2013–2020 годы) с анализом смещения временных рядов на 1, 2, 3 года в обе стороны.

В исследовании учитывались следующие социально-экономические показатели:

1) ожидаемая продолжительность жизни при рождении, число лет
2) ожидаемая продолжительность жизни при рождении - мужчины, число лет;

3) ожидаемая продолжительность жизни при рождении - женщины, число лет;

4) уровень безработицы населения по субъектам Российской Федерации, в среднем за год в процентах;

5) численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума;

6) коэффициент младенческой смертности (число детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми);

7) заболеваемость на 1000 человек населения;

8) число зарегистрированных убийств и покушений на убийство.

Коэффициент корреляции между показателями распространения алкоголизма и наркомании и ожидаемой продолжительностью жизни в среднем по всем регионам составил -0,72. Наиболее тесная связь была обнаружена в регионах Дальневосточного федерального округа. В целом, корреляция между данными показателями очень красноречива и однозначна, все регионы в стране показали высокую отрицательную корреляционную зависимость.

Анализ сдвигов временных рядов подтвердил тесную связь между показателями распространения алкоголизма и наркомании и ожидаемой продолжительностью жизни, а также позволил сделать вывод о причинно-следственном характере данной связи. Так, средние коэффициенты корреляции по всем регионам при временных лагах в 1, 2 и 3 года оказались выше средних, при анализе год-в-год, и составили -0,89, -0,86 и -0,76 соответственно. Анализ отдельно для мужчин и женщин подтвердил выявленные закономерности, а также показал, что для женщин корреляция чуть выше, чем для мужчин.

Как итог, можно сделать вывод о том, что статистические исследования подтверждают факт негативного воздействии алкоголизма и наркомании на продолжительность жизни: согласно разным медицинским данным Национального медицинского центра психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева, продолжительность жизни людей, страдающих алкоголизмом сокращается в среднем на 10–15 лет.

Ещё один показатель, который продемонстрировал сильную корреляционную взаимосвязь с уровнем алкоголизма и наркомании – это показатель младенческой смертности населения. Коэффициент в среднем по всем регионам страны за 8 лет составил 79. Наиболее высокий коэффициент обнаружен в регионах Южного, Северо-Кавказского и Приволжского федеральных округов.

При сдвиге временных рядов коэффициент корреляции сохраняется на уровне, причём именно при прямом сдвиге, то есть, когда сначала идёт временной ряд по алкоголизму и наркомании, а через несколько лет – временной ряд по младенческой

смертности. При прямом лаге в 1, 2 и 3 года средние коэффициенты корреляции по всем регионам за 8 лет составили 0,79, 0,78 и 0,72, соответственно. При обратных временных лагах коэффициенты корреляции, наоборот, резко снижаются.

Полученные результаты говорят о том, что алкоголизм и наркомания являются одной из причин повышения младенческой смертности. Стоит также отметить, что показатель младенческой смертности тесно связан с ожидаемой продолжительностью жизни, расчёт которой ведется на основе таблиц смертности, в том числе младенческой.

Корреляционная связь была также обнаружена и с показателем посещения музеев и театров. Средний по всем регионам коэффициент корреляции за 8 лет оказался невысоким (0,17). Однако при обратных временных сдвигах этот коэффициент становится резко отрицательным (-0,44, -0,43, -0,50). При прямых лагах такой картины не наблюдается. Из этого хочется сделать вывод о возможном позитивном влиянии культурной жизни на людей.

Как показали результаты исследования, внутри самой структуры человеческого потенциала существуют тесные функциональные взаимосвязи между его компонентами. В частности, показатель распространения алкоголизма и наркомании оказался связанным с большинством показателей человеческого потенциала, за исключением показателей по распространению высшего образования и экологического индекса.

Список литературы

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. Приложение к сборнику. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/47652 (дата обращения: 25.02.2022).

2. Здравоохранение в России. Социально-экономические показатели. Приложение к статистическому сборнику (информация по субъектам Российской Федерации). // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13218 (дата обращения: 25.02.2022).

3. Алкоголизм и стадии алкоголизма. Национальный медицинский центр психиатрии и неврологии им. В. М. Бехтерева. URL: http://www.bekhterev.ru/clinika/narkologiya/alkostatsionar/stadiialkogolizma.php (дата обращения: 20.08.2020).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.36 EDN

СМЫСЛ ПОЛИЦЕНТРИЧНОГО ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДСКИХ СИСТЕМ

(Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, грант № 20-010-00358)

Шаров С. Ю.
канд. экон. наук,
ведущий научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

Аннотация. В современной глобально-либеральной парадигме развития наиболее высокие доходы достаточно широких слоев населения, а также наиболее благоприятные условия для потребления обеспечиваются в агломерациях за счет сосредоточения в их ядрах передовых производственных услуг. Полицентричное развитие может способствовать повышению как конкурентоспособности, так и социальной сплоченности городских систем. На практике, однако, преобладают моноцентричные образования, что может свидетельствовать об их превосходстве или нереализованности потенциала полицентричности.

***Ключевые слова*:** социальная сплоченность, географическая конкурентоспособность, передовые производственные услуги, агломерации

WORTH OF POLYCENTICITY IN SPATIAL DEVELOPMENT OF CITY SYSTEMS

Sharov S. Yu.
Candidate of Economics,
Leading Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. In the modern global-liberal development paradigm, the highest incomes of fairly wide groups of population, as well as the most favorable conditions for consumption are provided in agglomerations due to concentration of advanced producer services in their cores. Polycentric development can enhance both competitiveness and social cohesion of urban systems. In practice, however, monocentric formations prevail, that may show their superiority or the unrealized potential of polycentricity.

***Key words*:** social cohesion, geographic competitiveness, advanced producer services, agglomeration

Положительные эффекты полицентризма – развития нескольких равнозначных ядер агломерации или конурбации – рассматриваются под углом конкурентоспособности и сплоченности (cohesion). Конкурентоспособность обеспечивается усилением агломерационного эффекта за счет усиления многообразия при объединении ядер [1]. Интерес к полицентризму возник, в первую очередь, благодаря исследованиям глобальных городов как центров технологического знания и транснационального администрирования бизнеса. Доминирующая роль этих городов в мировой экономике позволяет им обеспечить наиболее высокий уровень жизни для своего населения, однако, их выживание обеспечивается конкурентоспособностью по сравнению с другими мировыми городами.

Сплоченность – успешное взаимодействие различных социальных групп и отсутствие между ними деструктивных конфликтов – должно происходить за счет обеспечиваемого полицентризмом увеличения ареала высокодоходных, административных и творческих рабочих мест.

В современной мировой экономике значимость городов определяется местоположением международных компаний и сетевыми связями между ними. Говорится, что пространственное ядро представляет не столько могущественные страны, сколько иерархии крупнейших и более мелких городов, диффузное воздействие которых формирует большие зоны влияния [2]. Общественное благосостояние, таким образом, связывается с тем, насколько успешно город обслуживает мировой капитал. Аналогичная логика применима и для центров более низкого уровня – национальных и региональных.

Основа успеха мегаполисов – передовые производственные услуги (advanced producer services). Они связаны с аутсорсингом, который изначально возник в автомобильной промышленности и касался деталей автомобилей. Позже появились разделяемые услуги (shared services – услуги, общие для разных подразделений организации или группы организаций, такие как уборка и техническое обслуживание, охрана офисных и производственных зданий). Аутсорсинг деловых услуг стал расти с появлением информационных технологий в конце 1970-х годов, что позволило сократить транзакционные издержки. В середине 1990-х годов либерализация мировой торговли и создание интернета привели к «офшорингу» – масштабному переводу передовых производственных услуг в развивающиеся страны, главным образом, в Индию и Китай. После своего вступления в Европейский Союз в 2004 и 2007 годах частью этого нового процесса стали страны Центральной и Восточной Европы.

Передовые производственные услуги представлены, в первую очередь, четырьмя секторами: бухгалтерский учет и аудит, реклама, финансы и страхование, юридические услуги. Также существенную роль играют информационные технологии, маркетинг в целом, управление персоналом, управленческий консалтинг, обслуживание потребителей (кол-центры), НИОКР, дизайн и архитектура, разделяемые услуги.

Одним из главных стратегических вопросов пространственного развития в сфере полицентризма является вопрос о приоритетности использования ресурсов на развитие каждого из ядер или на обеспечение связности между ядрами. Второе направление оправдано, если ожидается серьезное усиление агломерационного эффекта от развития полицентричности, в частности, развитие передовых производственных услуг. В этом отношении полезной может быть типологизация полицентрических образований по генезису. Центробежный вариант возникает, когда рост стоимости земли и растущие

транспортные издержки вытесняют производства и услуги в периферийные центры. Поглощающий вариант образуется, когда крупный городской центр расширяет свою область так, что включает в себя более мелкие центры. Далее в таких центрах места занятости могут расти быстрее, чем в ядрах, возникающих по центробежному сценарию. Вариант слияния происходит, когда несколько ранее независимых центров аналогичного размера сливаются в результате их собственного экономического и пространственного роста, в частности, из-за улучшения транспортных связей между ними.

Функциональная полицентричность более перспективна, чем простая пространственная или морфологическая полицентричность, в частности формирование спальных пригородов. Отличие функциональной полицентричности в том, что она расширяет доступ к сети передовых услуг в плане трудоустройства и обеспечения социальной справедливости. Простая морфологическая полицентричность не позволяет решить проблемы пространственного неравенства или углубить кооперацию в сфере передовых услуг.

Полицентризм в широком смысле можно рассматривать на уровнях международного региона, внутреннего региона, агломерации, города. На всех этих уровнях отношения между связанными ядрами демонстрируют как конкуренцию, так и сотрудничество, обмен знаниями и навыками. Так, на уровне западноевропейского региона результаты англо-германского исследования передовых производственных услуг в Лондоне и Франкфурте в 2000–2001 годах выявили взаимодополняющие отношения между городами, связанные с современными процессами глобализации [3].

В глобальной конкуренции критически важное значение имеет пространственно плотная концентрация международных навыков и функций бизнес-услуг. Несмотря на достижения в области информационных технологий и связи, непосредственный контакт между главными участниками международного бизнеса в центральном кластере необходим для инноваций и обмена знаниями как внутри глобального города, так и с другими глобальными городами. Важнейшее значение имеет скорость реакции на происходящие в мире события, а значит возможность быстрой организации личной встречи, что обеспечивается высокой концентрацией центральных офисов крупнейших фирм. Моноцентричность, то есть доминирование одного центрального ядра и выстраивание остальных ядер вокруг него, имеет существенные преимущества. Таков вывод сравнительного исследования моноцентричной Лондонской агломерации с более полицентричными моделями городского развития в Рандстаде на западе Нидерландов и Франкфурте-Рейн-Майне в ФРГ. Регионы существенно разнятся по масштабам и отношениям функциональных кластеров, отражающих исторические модели развития, что

затрудняет анализ региональной полицентричности. Однако разбросанность кластеров по ряду пространственно обособленных городских районов при отсутствии явно лидирующего города – либо на региональном уровне, как в Рандстаде, либо на национальном уровне, как во Франкфурте-Рейн-Майне – препятствует функциональной интеграции в региональном масштабе. Сомнительны также преимущества региональной полицентричности для экологической устойчивости. Так, хордовые перемещения, в отличие от радиальных, сложнее обеспечить общественным транспортом.

Расширение связей между городами в межрегиональном и международном масштабе ставит под вопрос традиционное определение полицентричности. На более высоком уровне агломерации следует рассматривать как узлы в региональной или глобальной полицентричной системе.

Список литературы

1. *Lambregts B.* Polycentrism: Boon or Barrier to Metropolitan Competitiveness? The Case of the Randstad Holland. Built Environment. 2006. 7(2). P. 114-123.

2. *Zuzanska-Zysko E.* Role of Advanced Producer Services Shaping Globalization Processes in a Post-Industrial Region: The Case of the Gornoslasko-Zaglebiowska Metropolis. Sustainability. 13(1):211. 2021. URL: https://rebus.us.edu.pl/bitstream/20.500.12128/18250/1/Zuzanska-Zysko_Role_of_advanced_producer_services_shaping_globalization_process.pdf (дата обращения: 31.01.2022).

3. *Pain K.* Policy Challenges of Functional Polycentricity in a Global Mega-City Region: South East England. Built Environment. Vol. 32. No. 2. 2006. P. 194-205.

4. *Riguelle F., Thomas I., Verhetsel A.* Measuring urban polycentrism: a European case study and its implications. Journal of Economic Geography. 2007. 7(2). P. 193-215.

III. Уровень жизни населения: что происходит с занятостью, какими являются и какими должны быть зарплаты, пенсии, социальные трансферты

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.37 **EDN**

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ В DIGITAL-ИНДУСТРИИ

Акимова Ю. Н.
канд. психол. наук., доцент,
Высшая школа административного управления,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

Рассказова О. А.
канд. экон. наук, доцент,
Высшая школа административного управления,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

Толчева Е. Г.
студентка,
Высшая школа административного управления,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены основные тенденции в динамике бизнес-среды в 2021–2022 годах в условиях цифровой трансформации, в частности, переход большинства организаций в формат онлайн. Приведены статистические данные актуальных проблем, с которыми сталкиваются сотрудники, работая удаленно. Предложен ряд принципов-правил, следуя которым менеджеры высшего звена смогут обеспечить качественную и эффективную работу сотрудников.

Ключевые слова: управление персоналом, digital, онлайн сфера, эффективная работа

FEATURES OF HR MANAGEMENT IN THE DIGITAL INDUSTRY

Akimova Yu. N.
Candidate of Psychology, Associate Professor,
Higher School of Administration,
St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia

Rasskazova O. A.
Candidate of Economics, Associate Professor,
Higher School of Administration,
St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia

Tolcheva E. G.
Student,
Higher School of Administration,
St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia

Abstract. The article examines the main trends in the business sphere in 2021–2022, namely, the transition of most organizations to the online sphere. The statistics of the main problems that employees face when working remotely are presented. A number of principles-rules have been proposed, following which senior managers will be able to ensure high-quality and effective work of employees.

Key words: personnel management, digital, online sphere, effective work

Современные вызовы цифровой трансформации диктуют необходимость реформирования механизмов, востребованных рынком труда. Меняются подходы к управлению человеческими ресурсами с аналоговых на цифровые [1]. В условиях цифровой доктрины HR-процессы выходят на новый уровень с целью повышения их эффективности. Digital-технологии существенным образом снижают трудоемкость функций HR-менеджеров, оптимизируют аналитические процессы, улучшают коммуникации, увеличивают скорость и качество стратегических прогнозов и принятия управленческих решений [2]. В условиях перехода на удаленную работу все актуальнее встают вопросы эффективного стимулирования работников, так как HR-технологии, которые отлично работают в офлайн, зачастую, не подходят или реализуются иначе в онлайн. Мир digital меняется с огромной скоростью, и с такой же скоростью управленцы должны уметь адаптироваться под эти изменения [3].

По данным ТАСС от 12 апреля 2021 года, свыше 60% российских предпринимателей занимаются онлайн-продажами своих товаров и слуг. При этом 28,5% российских предпринимателей в ходе опроса ответили, что собираются в перспективе заняться продажей своих услуг через интернет [4]. Таким образом, сфера онлайн-бизнеса имеет устойчивую тенденцию к расширению - растет в геометрической прогрессии. Это объясняет актуальность рассмотрения в статье проблемы управления персоналом в digital-сфере. Верно выстроенные процессы позволят компаниям иметь весомое преимущество, по сравнению со своими конкурентами, создавать качественную продукцию и, как следствие, иметь лояльную, а главное, платежеспособную аудиторию.

В digital-сфере управленцам важно внедрять четкое распределение обязанностей, определять зоны ответственности каждого члена команды – руководящего и основного состава, а также подрядчиков. Здесь не работает принцип: чем меньше сотрудников, тем ниже издержки. Напротив, работа с универсалами в 99% случаев приводит к нерациональному расходованию бюджета компании, некачественной продукции и, как итог, к сомнительной репутации.

Для понимания того, с какими обязанностями работник справляется лучше всего, даже если он универсал, HR-менеджеру следует использовать анкетирование, коучинговые техники и другие инструменты, позволяющие проанализировать навыки и желания каждого члена команды, а также понять, что для них ценно и что их мотивирует. Благодаря анализу

полученной информации и внедрению соответствующих техник управления, специалисту удастся выстроить эффективную систему управления, при которой каждый занимается тем, что ему по душе, в чем он эксперт, а эффективность команды в целом возрастет.

Работа в онлайн предполагает, что большая часть функционала выполняется удаленно. По данным совместного исследования hh.ru и WeWork, проведенного по истечении года с начала пандемии, 42% респондентов главным минусом удаленной работы назвали отсутствие разделения рабочего и личного времени, 27% имеют претензии к организации рабочего места и его оснащению, и 18% отмечают сложность в осуществлении функций из-за вмешательства внешних факторов и, соответственно, снижения уровня концентрации на профессиональных задачах [5]. Следовательно, эффективным будет применение следующих двух правил. Первое – применение четких инструкций работы с таймингом и детализированные дедлайны. Внедрение детализированных ежедневных, еженедельных и ежемесячных планов процессов и задач, будет способствовать соблюдению поставленных сроков и направлять процесс работы команды в заданном целевом диапазоне. Второе правило – необходимо провести обучение по организации рабочего пространства в домашних условиях, чтобы работать максимально эффективно. Также стоит создать для каждого сотрудника отдельные рабочие аккаунты, например, в Telegram, где они решают только рабочие вопросы, ведь те, кто проводят весь день за компьютером или телефоном знают, как оповещения из других мессенджеров могут отвлекать во время работы. Помимо этого, можно внедрить корпоративный стиль: сделать профессиональные фото, добавить информацию о каждом члене команды и его режиме работы в описание рабочих аккаунтов.

Таким образом, все эти действия в совокупности помогут создать подходящую, располагающую к эффективной работе обстановку, тем самым, снизив риск профессионального выгорания сотрудников и повысив качество их работы.

Возвращаясь к статистике исследования hh.ru и WeWork, стоит отметить, что 29% опрошенных жаловались на отсутствие спонтанных встреч и коммуникации с коллегами, 4% – на нехватку вдохновения (сложно придумывать идеи и креативить) [5]. В связи с чем, для поднятия командного духа управленцам следует внедрять корпоративы и утренние совещания. Так как большая часть работы происходит удаленно, сотрудник теряет ощущение того, что рабочий коллектив – это одна команда и, зачастую, не чувствует принадлежности к ней. Здесь же необходим контроль выполнения задач и своевременное получение обратной связи от клиентов по качеству выполненных работ. Это даст дополнительную мотивацию и запал работать качественно и эффективно.

Необходимо анализировать наиболее подходящий для компании вид их организации. Это могут быть ежедневные утренние созвоны в Zoom или еженедельные офлайн мастермайнды, в рамках которых сотрудники обсуждают текущие дела и предстоящую работу, трудности и проблемы, с которыми они столкнулись. Такие мероприятия дают заряд положительных эмоций и делают рабочий процесс более насыщенным и легким, а значит, положительно повлияют на эффективности команды, в целом.

Только при грамотном внедрении и использовании инструментов координации персонала, индивидуальном подходе к каждому члену команды бизнес сможет достичь максимальной эффективности и результативности при минимальных вложениях. Кроме того, при обозначенном подходе создаются условиях для максимальной реализации потенциала сотрудников и обеспечивается стабильность в лояльности целевой аудитории.

Список литературы

1. *Акимова Ю. Н.* Изменение регионального рынка труда промышленности Санкт-Петербурга в условиях цифровой трансформации // Экономические науки. 2021. № 203. С. 75-80. DOI 10.14451/1.203.75
2. *Акимова Ю. Н., Землякова А. А.* Цифровые технологии в управлении персоналом // IV национальная научно-практическая конференция научно-педагогических и практических работников с международным участием: Экономика и управление: теория и практика. Ярославль, 20 мая 2021 года. С. 70-74.
3. *Акимова Ю. Н., Трапезникова А. М.* Проблемы мотивации персонала в условиях удаленной работы // IV национальная научно-практическая конференция научно-педагогических и практических работников с международным участием: Экономика и управление: теория и практика. Ярославль, 20 мая 2021 года. С. 82-87.
4. ТАСС – главное государственное информационное агентство России. URL: https://tass-ru.turbopages.org/tass.ru/s/ekonomika/11119539 (дата обращения: 15.01.2022).
5. Удаленный год: как компании уходили в онлайн, справлялись с трудностями и «болтали у кулера», не выходя из дома. URL: https://nn.hh.ru/article/28307 (дата обращения: 15.01.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.38 EDN

ОЦЕНКА РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА И УРОВНЯ ЖИЗНИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ

Алирзаев А. Г.
д-р экон. наук, профессор,
заведующий кафедрой экономики социального развития и оценивания,
Азербайджанский Государственный Экономический Университет (UNEC),
Баку, Азербайджан

Алирзаев Э. А.
канд. экон. наук,
Министерство труда и социальной защиты населения,
заместитель начальника финансового отдела
Государственного Фонда социальной защиты Азербайджанской Республики,
Баку, Азербайджан

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования регионального социального потенциала. Анализируются тенденции и факторы роста социального потенциала, формирующиеся в современных условиях интеграции и международных вызовов роста социального потенциала и повышения эффективности его развития. Раскрываются особенности и тенденции развития уровня и образа жизни населения.

Ключевые слова: социальный потенциал, уровень жизни, доходы, потребления, социальные механизмы, прожиточный минимум, потребительский бюджет, управления, концептуальные развития

ASSESSMENT OF DEVELOPMENT OF THE SOCIAL POTENTIAL AND LIVING STANDARDS OF REGIONAL ECONOMY

Alirzayev E. A.
Doctor of Economics, Professor,
Head of the Department of Economics of Social Development and Assessment,
Azerbaijan State Economic University (UNEC),
Baku, Azerbaijan

Alirzayev A. G.
Candidate of Economics,
Ministry of Labor and Social Protection,
Deputy Head of Financial Department, State Social Protection Fund of Azerbaijan Republic,
Baku, Azerbaijan

Abstract. The article discusses the features of the formation of regional social potential. Trends and factors of growth of social potential, which are formed in the present conditions of integration and international challenges of growing social potential and increasing effectiveness of their development are analyzed. The features and trends in development of the living standards and lifestyle of the population are considered.

Key words: social potential, living standards, income, consumption, social mechanisms, subsistence minimum, consumer budget, management, conceptual development

Особенности развития мировой экономики и международных социальных интеграционных отношений при условии неблагоприятных вызовов формируют методы и

механизмы реформирования и регулирования социальных процессов. По существу, социальный процесс есть результат и мера эффективности глобальных и региональных отношений, выраженная внутренней ситуацией в динамике общественной жизни. В условиях пандемии социальные обострения проявляются в уровне жизни и занятости, а также в экономической тенденции отдельных отраслей и их социальных последствий.

Уровень и образ жизни являются результатом функционирования всех взаимоотношений во внепроизводственном процессе. Доминирующую роль в этом процессе играет развитие отношений собственности и условия распределения всех благ и услуг, способы и методы их распределения, с учетом критериев социальных исследований.

Развитие регионов связано со степенью и интенсивностью обеспечения, темпами и ростом социализации республики. Азербайджан имеет особенности экономических и трудовых ресурсов, которые являются основным фактором социализации в республике. Темпы прироста населения последние годы имеют тенденции к уменьшению, но сохраняют положительную динамику демографического роста, что также сказывается на формировании потребления и уровня жизни.

В республике рождаемость значительно выше, чем на многих других территориях постсоветского пространства. Это влияет на возрастную структуру населения: количество пенсионеров в республике составляет около 12% всего населения [1].

Степень социализации формирует жизнь Азербайджана в последние годы: наряду с тенденцией общего роста и качества жизни, имеет место ряд социальных напряжений, связанных с интеграционными процессами, а также внутренними трудовыми отношениями, развитием предпринимательства, импорта и экспорта, сферы обслуживания населения.

Ряд механизмов общественного развития в условиях пандемии утратили свое значение и стали количественно недостаточными для расширения рынка и потребления населения. В связи с этим наблюдается рост цен на некоторые важнейшие товары, особенно, на услуги и товары, импортируемые в другие страны. Динамика уровня жизни населения связана с эффективностью реформ и развитием экономики, особенно сельского хозяйства и несырьевого сектора экономики. Целевые задачи экономики республики ориентированы на социальное развитие, в связи с чем, основные ресурсы направлены на удовлетворение потребностей населения.

Наряду с ростом экономики, разрабатываются механизмы регулирования и совершенствования системы социальной защиты и обеспечения малообеспеченных слоев населения. Вместе с тем, дифференциация в уровне жизни различных групп населения сохраняется, что в определенной мере зависит от эффективности деятельности и значимости продукции, производимой различными отраслями. Темпы роста рабочих мест

еще отстают от темпов роста трудовых ресурсов. Эти диспропорции сохраняется, в первую очередь, в ведущих отраслях промышленности и в сфере управления. Органы управления республики стремятся привести в равновесие особенности демографических процессов, структуру занятости и структуру потребления населения, а также доходы и качество потребления.

В законодательной базе в качестве основы решения социальных проблем предусматривается разработка прожиточного минимума, минимального потребительского бюджета, а также минимального размера оплаты труда и потребительской корзины.

Региональные и глобальные, территориальные и отраслевые ресурсы экономики вовлекаются в народнохозяйственный оборот – оценивается их эффективность для текущих и перспективных решений. Каждая страна стремится сбалансировать территориальные и отраслевые ресурсы с учетом интересов объектов и субъектов. Особенности отраслевой экономики и урбанизации сельской местности формируют ее экономическую и социальную роль в развитии страны. В современных условиях характер интеграции сущности и особенностей экспорта, импорта материальных благ и услуг формируют место в общественном разделении труда.

В условиях интеграции и увеличения миграционных потоков, в сельской местности страны формируются диспропорции и вызовы, влияющие на общие тенденции развития региона и мира. Рыночное развитие сельских условий базируется на местных ресурсах, повышении уровня жизни населения и его занятости. В регионах республики рост трудовых ресурсов и рабочих мест зависит от тенденций роста трудовых сил, что выражается миграцией населения и трудовых ресурсов внутри республики и за ее пределы.

Сельское население Азербайджана является источником прироста населения. Темп прироста населения за последние годы (в 2010–2020 годы) снизился с 12,5 человек на тысячу населения до 5,1 человека, однако эта тенденция наблюдается не только в городах, но и в сельской местности [2].

Азербайджан в условиях пандемии применил различные методы регулирования в сфере социального развития населения, занятого в сфере обслуживания, образования, в домашнем хозяйстве. В структуре доходов населения подавляющее большинство – 60% – получает доход от частной собственности. Рыночные отношения побуждают мелких производителей реализовывать свою продукцию через мелкую торговлю или государственный способ реализации продукции.

Анализ динамики потребления населения показывает, что дифференциация их потребления существенно связана с социальным статусом и уровнем доходов населения. Доходы населения по различным источникам доходов зависят от совокупных доходов

государства, социальных контингентов населения. Пенсии, социальные пособия определяются социально-экономическими законами и законами, принимаемыми парламентом («Милли Меджлис») республики.

Распределение доходов населения формирует спрос населения на продукты питания и промышленные товары. Доход на душу населения в республике формируется по совокупности всех поступлений. Особую роль в этом играет частный сектор. Социальный потенциал охватывает ряд вопросов и вызовов реформ, учитывающих обычные и неожиданные вызовы разных стран. Социальный потенциал связан с демографическими процессами и миграционным процессом. В республике быстро растет миграция сельского населения. В республике 60–70% предпринимательства сосредоточено в городе Баку и окружающем его экономическом районе Абшерон.

Стратегическое решение по развитию экономики Азербайджана направлено на развитие нефтяного сектора и региональной экономики. Регионы имеют резервы репродуктивных ресурсов. В то же время аграрные инновационные ресурсы имеют преимущественное значение для экономического роста.

Государственный протекционизм в отношении развития районов и использования их ресурсов для общенародного хозяйства осуществляется централизованно через распределение доходов и установление цен на важнейшие сельскохозяйственные продукты. По экономическим показателям при разработке каждого вида сельскохозяйственной продукции учитываются затраты на них, социальное обеспечение, интересы потребителей.

Список литературы

1. Количество пенсионеров в Азербайджане // Портал новостей АПА. URL: https://apa.az/az/sosial/azerbaycanda-pensiyacilarin-sayi-aciqlanib-675910 (дата обращения: 17.01.2022).
2. Государственный комитет по статистике Республики Азербайджан. URL: www.stat.gov.az (дата обращения: 17.01.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.39 EDN

ВЛИЯНИЕ ДИНАМИКИ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ НА ОСНОВНЫЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ

Винокуров Е. Ф.
канд. экон. наук,
старший научный сотрудник,
Центральный экономико-математический институт РАН,
Москва, Россия

Винокурова Н. А.
канд. экон. наук,
старший научный сотрудник,
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Россия

Аннотация. В работе представлены наши исследования, посвященные влиянию изменений заработной платы на макроэкономические показатели. Проведенные на ретроспективе расчеты показали, что увеличение заработной платы в России обеспечивает экономический рост. Риск роста темпов инфляции при этом имеет место в течение непродолжительного периода. Влияние увеличения заработной платы на уровень безработицы в России оказывается неоднозначным.

Ключевые слова: прирост заработной платы, экономический рост, темп инфляции, уровень безработицы

IMPACT OF WAGE DYNAMICS ON THE MAIN MACROECONOMIC INDICATORS

Vinokurov E. F.
Candidate of Economics,
Leading Researcher,
CEMI RAS,
Moscow, Russia

Vinokurova N. A.
Candidate of Economics,
Leading Researcher,
CEMI RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The paper presents our research on the impact of wage changes on macroeconomic indicators. The calculations carried out in retrospect showed that an increase in wages in Russia ensures economic growth. The risk of an increase in the rate of inflation takes place for a short period. The impact of wage increases on the unemployment rate in Russia is ambiguous.

Key words: wage increase, economic growth, inflation rate, unemployment rate

Экономический рост, доходы населения, темп инфляции, уровень безработицы, сбалансированность бюджета… Это, пожалуй, основные показатели, которые определяют состояние экономики страны в тот или иной момент или период времени. Достаточно очевидно, что на значения и динамику этих показателей оказывают влияние изменения средней заработной платы. Но вопросы: как влияют показатели, почему и в какой степени,

во многих случаях остаются открытыми, а, зачастую, оказываются предметом дискуссии. Проблема заключается в том, что влияние динамики заработной платы на ситуацию в экономике весьма многогранно и нередко противоречиво. В настоящей работе предпринимается попытка дать комплексный обзор этого влияния.

Проще всего дело обстоит с доходами населения. Сложности и противоречия при решении вопроса о том, как отражаются изменения средней зарплаты на доходах населения, полностью снимаются, если оперировать не номинальными, а реальными значениями заработной платы. Прямая связь здесь совершенно очевидна и весьма существенна: доля оплаты труда в доходах населения России, согласно официальной статистике, в период 2015–2021 годов росла и увеличилась с 53,8% до 56,6% [1].

По-иному смотрится ситуация, когда речь заходит о влиянии роста заработной платы на темп инфляции. Как указано, например, в авторской работе [2], в современной России (впрочем, не только в России) темпы роста зарплаты выше темпа роста трудоотдачи. Это дает основание некоторым экономистам утверждать, что рост оплаты труда вызывает инфляцию. Приведем цитату из публикации Ю. Сокурова: «Опережающий рост производительности труда по сравнению с ростом заработной платы не порождает инфляцию. В случае обратного соотношения возникает инфляция… Закон опережающего роста производительности труда по сравнению с ростом заработной платы, никто не отменял» [3]. Но имеет место и диаметрально противоположная точка зрения: «Российская экономика может модернизироваться и в условиях опережающего роста зарплаты над производительностью труда… Никакого абсолютного для всех случаев и времен “экономического закона” превышения роста производительности труда по отношению к заработной плате не существует» [4].

По нашему мнению, вопрос должен рассматриваться несколько иначе. При статическом рассмотрении ситуации рост зарплаты в первый момент действительно может вызвать инфляционное давление, но в динамике должен привести к снижению уровня цен при одновременном росте валового внутреннего продукта (ВВП). Объясняется это мультипликативным эффектом повышения заработной платы, причем более значительным, чем, например, эффектом увеличения трансфертов. Связано это с тем, что рост зарплаты в силу изменения предложения труда вызывает рост численности занятых и вместе с ним индуцированный мультипликативный эффект, а, следовательно, индуцированный прирост доходов. Данное явление подробно рассмотрено у автора [5]. В другой своей статье [2] автор показывает, что инфляционное давление сходит на нет через 1,5–2 года после повышения зарплаты, а мультипликативный эффект обеспечивает увеличение ВВП за год до 5%. Кроме того, примерно за тот же период, благодаря мультипликативному эффекту, компенсируются дополнительные расходы бюджета, связанные с повышением оплаты труда работников государственных предприятий и организаций.

Вопрос о характере связи изменений заработной платы с уровнем безработицы является одним из сложных. На теоретическом уровне дискуссия на эту тему разгорелась еще в прошлом веке, когда Дж. Кейнс [6] выступил с опровержениями доводов А. Пигу [7],

полагавшего, что требования рабочих повысить оплату труда являются основной причиной роста безработицы. Сложность рассматриваемой проблемы связана, в частности, с тем, что изменения заработной платы влияют как на предложение труда [8], так и на спрос на труд. Заметим, что величина предложения труда определяется численностью экономически активного населения, а величина спроса на труд на макроуровне может быть определена как значение ВВП, деленное на трудоотдачу.

Решать рассматриваемую проблему, по нашему мнению, целесообразно на основе эмпирического подхода. Нами были проведены экспериментальные расчеты по математической модели, основанной на официальной статистике, характеризующей современный российский «белый» рынок труда. Эти расчеты, показали, что связь между приростом заработной платы и уровнем безработицы не является однозначной. В некоторых случаях, например, в 2006–2008 и 2011 годах, связь между заработной платой и безработицей оказалась прямой, а в некоторых (в большинстве случаев) – обратной. Объясняется это тем, что на изменения уровня безработицы в том или ином конкретном году влияет большой набор экономических показателей, в частности, реальный ВВП, численность населения в трудоспособном возрасте, наличие основных фондов, скорость обращения денег, предельная склонность к потреблению, ставка подоходного налога, и это еще не весь перечень.

Приведем полученные в результате проведенных на ретроспективе расчетов оценки влияния годовых приростов реальной начисленной заработной платы на динамику реального ВВП (базовым годом является 2008 год) и уровня безработицы в России (*табл. 1*).

Таблица 1

Годовые приросты среднемесячной реальной заработной платы и оценки определяемых ими изменений ВВП и уровня безработицы

Годы	Прирост заработной платы, тыс. руб.	Мультипликативный эффект, процентов от ВВП	Изменение уровня безработицы, п.п.
2003	0,924	2,8	–8,5
2004	0,989	2,8	–3,0
2005	1,305	3,3	–2,4
2006	1,554	3,9	1,3
2007	2,279	5,3	0,0
2008	1,781	3,5	4,4
2009	–0,608	–1,2	4,2
2010	0,865	2,1	–1,9
2011	0,491	0,9	1,5
2012	1,517	2,7	–1,9
2013	0,938	1,6	–0,6
2014	0,249	0,4	–0,0
2015	–2,152	–3,8	2,7
2016	2,050	3,6	–1,4
2017	0,573	1,0	–7,4

Источник: Расчеты авторов.

В качестве выводов, можно обозначить следующие положения.

Повышение реальной заработной платы не только способствует решению стоящей перед государством задачи повышения уровня жизни и, в первую очередь, ликвидации бедности, но позволяет решать и другие задачи.

Благодаря значительному мультипликативному эффекту увеличение заработной платы обеспечивает экономический рост, причем риск роста темпов инфляции имеет место в течение непродолжительного периода. В то же время уменьшение зарплаты в силу мультипликативного эффекта вызывает падение ВВП.

Влияние роста заработной платы на уровень безработицы неоднозначно, но, во всяком случае, можно утверждать, что такой рост не обрекает рынок труда на серьезный всплеск безработицы.

Список литературы

1. Объем и структура денежных доходов населения Российской Федерации по источникам поступления. URL: urov_13kv_nm.xls (дата обращения: 23.02.2022).
2. *Винокуров Е. Ф.* Увеличение оплаты труда в России: мультипликативный эффект // Экономическая наука современной России. 2018. № 4(83). С. 114-125.
3. *Сокуров Ю. С.* Производительность труда и рост заработной платы, 2010. URL: http://www.srrosatom.ru/node/317 (дата обращения: 23.02.2022).
4. *Дёгтев А. С.* Зарплата и производительность труда, 2016. URL: http://rusrand.ru/analytics/zarplata-i-proizvoditelnost-truda. (дата обращения: 23.02.2022).
5. *Винокуров Е. Ф.* Динамика заработной платы и экономический рост: российские реалии // Экономическая наука современной России. 2021. № 4. С. 68-77.
6. *Keynes J. M.* The General Theory of Employment, Interest, and Money. London. Makmillan & Co. LTD, 1936. 472 p.
7. *Pigou A. C.* The Theory of Employment. Makmillan & Co. LTD, 1933. XXV+319 p.
8. *Винокуров Е. Ф., Винокурова Н. А.* Предложение на российском рынке труда: гендерный аспект // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 3. С. 191-205.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.40 EDN

ПРОБЛЕМЫ, ЗАТРУДНЯЮЩИЕ РЕАБИЛИТАЦИЮ ОСУЖДЕННЫХ, ИМЕЮЩИХ ИНВАЛИДНОСТЬ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Ермилова А. В.
канд. социол. наук,
доцент кафедры общей социологии и социальной работы,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
Нижний Новгород, Россия

Кравцова Е. А.
студентка,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Аннотация. В статье выявлены на основе результатов социологического исследования, проведенного методом анкетного опроса, проблемы, затрудняющие реабилитацию осужденных инвалидов в процессе отбывания наказания и влияющие на дальнейшую ресоциализацию (N=40 чел.). Общественная значимость темы обусловлена высокими показателями рецидивизма преступлений в России и необходимостью создания приемлемых условий отбывания наказания для лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: исправительная система, рецидивизм преступлений, условия отбывания наказания, осужденные с инвалидностью, реабилитация осужденных инвалидов, проблемы отбывания наказания, ресоциализация

PROBLEMS HINDERING THE REHABILITATION OF CONVICTS WITH DISABILITIES: A SOCIOLOGICAL ASPECT

Yermilova A. V.
Candidate of Sociology,
Associate Professor,
Department of General Sociology and Social Work,
Lobachevsky University,
Nizhny Novgorod, Russia

Kravtsova E. A.
Student,
Lobachevsky University,
Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. On the basis of the results of sociological study carried out by means of questionnaire survey the article identifies the problems that hinder rehabilitation of convicts with disabilities during serving their sentence and affect their further resocialization (N=40 people). Social significance of the topic is caused by high rates of recidivism of crimes in Russia and the need to create acceptable conditions of serving punishment for persons with disabilities.

Key words: correctional system, recidivism of crimes, conditions of serving sentences, convicts with disabilities, rehabilitation of convicts with disabilities, problems of serving sentence, resocialization

Сегодня особое внимание в Российской Федерации уделяется развитию и функционированию системы несудебной защиты прав человека, находящегося в заключении, о чем свидетельствует перечень поднимаемых заявителями проблем: нарушение прав на жизнь, личную безопасность, на свободу от пыток, жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения, на медицинскую помощь и судебную защиту [1, 169]. Одним из институтов, способствующих решению проблем заключенных, является социальная работа. Социальная работа в исправительных учреждениях требует повышенного внимания, так как одной из значимых качественных характеристик современного периода выступает рецидивоопасность преступности (в 2019 году – рецидивные преступления составили 56,9% от всех преступлений, кроме того, 36% бывших преступников осуждены три и более раза) [2]. Численность лиц, отбывающих наказание, высока: на 1 января 2021 года, по данным ФСИН, оглашенным на Международном пенитенциарном форуме «Преступление, наказание, исправление», составила 482 тыс. осужденных, подозреваемых и обвиняемых [3].

Ситуация осложняется тем, что в пенитенциарной системе на сегодняшний день находится значительное количество лиц с ограниченными возможностями здоровья – 17 510 человек, в том числе I группа инвалидности – 391 человек, II группа инвалидности - 7 087 человек, III группа инвалидности – 9 993 человек [4]. При этом ежегодно из мест лишения свободы освобождается до 300 тыс. человек, в большей части это трудоспособные граждане, которым надо будет интегрироваться в общество, в частности, в трудовые отношения наравне с другими работниками [5]. Процесс реадаптации выступает сложным этапом в жизни бывшего осужденного: возникает большое количество проблем (от отсутствия сезонной одежды до трудоустройства и поиска места жительства). Таким образом, проблема изучения и повышения эффективности работы с осужденными в целях их исправления носит социальный характер.

Тему социальной работы в пенитенциарных учреждениях и социальной работы с инвалидами в пенитенциарных учреждениях изучали многие отечественные деятели С. Г. Баширова [6], Р. М. Воронин и А. В. Датий [7], Ю. А. Кузьмин [8], Л. А. Латышева [9], А. А. Федосеев [10]. Проблемы пребывания лиц с ограниченными возможностями здоровья, находящихся в заключении, освещены в работах Ю. М. Заборовской [11], О. В. Шампоровой [12], Н. Н. Алигаевой [13], А. А. Сивовой [14], Е. Ю. Ковшовой [15]. Перечисленные исследователи отмечают несоответствие законодательно закрепленных и реальных условий отбывания наказания для лиц с инвалидностью.

Авторы отмечают, что перед лицами, относящимися к категории социально незащищенных граждан среди осужденных, встает целый спектр проблем. Среди таких, особое место занимают лица с инвалидностью, которую они могли приобрести как до попадания в места лишения свободы, так и во время нахождения в пенитенциарной системе. Из-за проблем в процессе отбывания наказания, инвалиды после освобождения рискуют оказаться в трудной жизненной ситуации и/ или повторно совершить преступление.

В связи актуальностью заявленной проблемы было проведено социологическое исследование, направленное на выявление проблем, возникающих в ходе реабилитации осужденных инвалидов в процессе отбывания наказания на базе ФКУ ИК-5 ГУФСИН по Нижегородской области методом анкетного опроса (N=40 чел.). Объект исследования: пенитенциарная социальная работа. Предмет исследования: проблемное поле социальной работы с инвалидами в пенитенциарной системе.

Опрошенные респонденты представлены осужденными мужчинами в возрасте 51–60 лет (27,5%), 31–40 лет (25%), 41–50 лет (20%), 60 лет и старше (20%), 21–30 лет (7,5%), большая часть которых в настоящее время не состоит в супружеских отношениях (75%). В выборке преобладают лица с ограниченными возможностями здоровья, имеющие III группу инвалидности (85%); все остальные имеют II (12,5%) либо I (2,5%) группы. Стоит указать, что статус «лицо с ограниченными возможностями здоровья» заключенные получили как до заключения под стражу (75%), так и после него (25%).

Уровень образования значительной части осуждённых находится на достаточно низком уровне (начальное – 2,5%; неполное среднее – 22,5%; полное среднее – 20%), что может быть обусловлено, в том числе и инвалидизацией. Однако среди заключенных достаточно и тех, кто имеет более высокий образовательный уровень – среднее профессиональное/среднее специальное – 37,5%; незаконченное высшее – 12,5%; высшее – 7,5%. Опыт трудовой деятельности характерен для большинства инвалидов, находящихся в заключении (80%), который в значительной степени связан с официальным трудоустройством (57,5%), неофициальным (17,5%) на постоянной основе либо в виде подработки (5%).

По результатам исследования были получены следующие данные о проблемах, затрудняющих реабилитацию в восприятии осужденных:

- *Проблема необеспеченности техническими средствами реабилитации осужденных с инвалидностью (32,5%).* Предоставление технических средств реабилитации обычно затягивается, что не соответствует установленным срокам выдачи ТСР (технических средств реабилитации) (15 рабочих дней) [16], или не предоставляется вообще;

- *Проблема социального климата (25%).* Осужденные инвалиды негативно оценивают общую социальную среду, в которой вынуждены существовать во время отбывания наказания;
- *Проблема отсутствия условий для проведения досуга (35%).* Более половины опрошенных осужденных инвалидов не работают во время отбывания наказания (57,5%), причиной чего является наличие инвалидности. Следовательно, свободного времени у данной категории заключенных значительно больше, чем у трудоспособных, что может отрицательно сказываться на их психологическом состоянии;
- *Проблема условий жилого помещения (25%).* Улучшение условий содержания инвалидов и лиц, не способных или ограниченно способных обслуживать себя самостоятельно – ключевое направление Концепции развития УИС РФ на период до 2030 года [17]. Тем не менее, неудовлетворенными условиями жилого помещения стал каждый четвертый инвалид-осужденный, отмечая, что их условия содержания никак не отличаются от условий содержания осужденных без ограничений здоровья;
- *Проблема недостаточной социальной (40,5%) и психологической (35%) помощи со стороны группы социальной защиты осужденных.* Специалист по социальной работе, входящий в состав группы социальной защиты осужденных, оформляет всю необходимую документацию на инвалида-осужденного [18]. Однако среди респондентов нашлись 2 респондента, не получающие пенсию по инвалидности, находясь в исправительном учреждении. По факту проводимых лекций и бесед 47,5% опрошенных инвалидов не понимает, о чем с ними беседуют специалисты по социальной работе. Тем не менее 42,5% участников опроса получает нужную информацию от них, заранее составив вопросы. Оценка взаимодействия психолога с заключенными-инвалидами находится на низком уровне (35%). К тому же 75% инвалидов вообще считает, что поговорить лично и стать инициатором беседы с психологом не имеют право;
- *Проблема подготовки трудового и бытового устройства осужденных инвалидов, освобождающихся из исправительного учреждения.* Более половины опрошенных осужденных инвалидов считают, что проводимые лекции, направленные на подготовку осужденных к освобождению, для них не актуальны. Полезность лекций, по их мнению, можно повысить, пригласив сторонних специалистов (52,5%), заранее собрав запросы на актуальные темы лекций (32,5%). В учреждениях УИС организуется обязательное профессиональное обучение или среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих [19], которое 52,5% опрошенных осужденных инвалидов считает «совсем не нужным», 42,5% опрошенных респондентов оценивает, как «может пригодиться» в будущем. О дальнейшем

трудоустройстве в соответствии с имеющейся или полученной в ИУ специальностью осужденные инвалиды не получают никакой информации (75%).

Таким образом, получаем ряд проблем, препятствующих реабилитации осужденных с инвалидностью и их дальнейшей ресоциализации:

1) проблема предоставления технических средств реабилитации;
2) проблема социального климата;
3) проблема отсутствия условий для проведения досуга;
4) проблема условий жилого помещения;
5) проблема недостаточной социальной и психологической помощи;
6) проблема подготовки трудового и бытового устройства осужденных инвалидов, освобождающихся из исправительного учреждения.

Список литературы

1. *Коробова И. Н.* Проблемы обеспечения прав и свобод осужденных в исправительных учреждениях России: по материалам докладов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации / И. Н. Коробова, Т. С. Хван, Е. Б. Васильева // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 14(1–4). № 2. С. 168–173.
2. Данные ГИАЦ МВД РФ о состоянии преступности в России за январь–декабрь 2007 г., 2008 г., 2009 г., 2010 г., 2011 г., 2012 г., 2013 г., 2014 г., 2015 г., 2016 г., 2017 г., 2018 г. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics (дата обращения: 05.01.2022).
3. Доклад Общероссийского гражданского форума и Комитета гражданских инициатив «Преступления и наказания: что делать с российскими тюрьмами?». URL: https://civil-forum.ru/news/obshcherossiyskiy-grazhdanskiy-forum-i-komitet-grazhdanskikh-initsiativ-predstavlyayut-doklad-prestu.html (дата обращения: 05.01.2022).
4. Сайт ФСИН РФ. Управление организации медико-социального обеспечения. Статистические данные. URL: https://fsin.gov.ru/structure/medicine/statisticheskie-dannye-/ (дата обращения: 05.01.2022).
5. Федеральная служба государственной статистики // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 05.01.2022).
6. *Баширова С. Г.* Роль работников исправительных учреждений в социальной реабилитации осужденных // Вестник ВУиТ. 2015. № 4[83]. С. 89-93.
7. *Воронин Р. М., Датий А. В.* Медико-социальная работа с мужчинами-инвалидами, содержащимися в исправительных колониях общего режима // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2014. № 1(4). URl: https://cyberleninka.ru/article/n/mediko-sotsialnaya-rabota-s-muzhchinami-invalidami-soderzhaschimisya-v-ispravitelnyh-koloniyah-obschego-rezhima/viewer (дата обращения: 05.01.2022).
8. *Кузьмин Ю. А.* Социальная работа в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы // Проблемы науки. 2017. № 4(17). С. 82-91.
9. *Латышева Л. А.* Социальная работа в исправительном учреждении как основа ресоциализации осужденных // Пенитенциарная наука. 2014. № 3(27). С. 30-33.
10. *Датий А. В., Федосеев А. А.* Характеристика больных туберкулезом осужденных мужчин, обратившихся за психологической помощью // Электронный вестник Ростовского социально-экономического института. 2014. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-bolnyh-tuberkulezom-osuzhdennyh-muzhchin-obrativshihsya-za-psihologicheskoy-pomoschyu-1 (дата обращения: 05.01.2022).

11. *Заборовская Ю. М.* Проблема ресоциализации осужденных к лишению свободы инвалидов и лиц пожилого возраста // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики: материалы Международной научно-практической межведомственной конференции, Самара, 16–17 июня 2016 года / Под общ. ред. А. А. Вотинова. Самара : Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2016. С. 235.

12. *Шампорова О. В.* Психологическое сопровождение осужденных-инвалидов в условиях исправительного учреждения // Ведомости УИС. 2020. № 2(213). URL: https://or.fsin.gov.ru/vedomosti/detail.php?month=1&year=2020&ELEMENT_ID=496055 (дата обращения: 05.01.2022).

13. *Алигаева Н. Н.* Инвалидность в тюрьме: современный взгляд на данную проблему // Коченовские чтения-2020. Психология и право в современной России: Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием, Москва, 11–13 ноября 2020 года. М. : Московский государственный психолого-педагогический университет, 2020. С. 121-123.

14. *Сивова А. А.* Особенности социальной адаптации осужденных с инвалидностью и ОВЗ в условиях пенитенциарного учреждения: зарубежный опыт // Актуальные проблемы деятельности подразделений УИС: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Воронеж, 25 октября 2018 года / Ответственный за выпуск Д. Г. Зыбин. Воронеж: Издательско-полиграфический центр "Научная книга", 2018. С. 478-481.

15. *Ковшова Е. Ю.* Некоторые аспекты социальной и психологической адаптации и ресоциализации осужденных с инвалидностью в местах лишения свободы // Проблемы и перспективы развития уголовно-исполнительной системы России на современном этапе: материалы Всероссийской научной конференции адъюнктов, аспирантов, курсантов и студентов с международным участием, Самара, 19 апреля 2019 года / Самарский юридический институт ФСИН России. Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 109-112.

16. Федеральный закон "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации" от 24.11.1995 г. N 181-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 05.01.2022).

17. Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 N 1138-р О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202105050004 (дата обращения: 05.01.2022).

18. Положение о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы. URL: https://base.garant.ru/58045007/ (дата обращения: 05.01.2022).

19. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 30.12.2021) "Об образовании в Российской Федерации". URL: https://duma.consultant.ru/documents/1646176?items=100 (дата обращения: 05.01.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.41 EDN

ПОИСК РЕСУРСОВ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ: ПАВЛОВО 10 ЛЕТ СПУСТЯ

Ивашиненко Н. Н.
д-р экон. наук, канд. соц. наук, профессор,
руководитель НОЦ исследования социальных систем,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Аннотация. Данная публикация посвящается Н. М. Римашевской, под руководством которой начинался этот проект в 2004 году, продолжался в 2006 и 2011 годах, прошел этап, результаты которого сопоставляются с данными 2021 года. На примере малого города Павлово раскрываются длинные тренды изменения возможностей активизации ресурсов локального самоуправления для преодоления бедности.

Ключевые слова: динамика бедности, малый город, партисипаторный подход

SEARCH FOR LOCAL LEVEL RESOURCES TO OVERCOME POVERTY: PAVLOVO 10 YEARS LATER

Ivashinenko N. N.
Doctor of Economics, Candidate of Sociology, Professor,
Head of the Research Center for Social Systems,
Lobachevsky University,
Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. This publication is dedicated to N.M. Rimashevskaya, who begun to lead this project in 2004, continued in 2006 and 2011, and the obtained project results were used for comparison with the data for 2021. Using the example of a small town of Pavlovo, long trends of the possibilities for activating the local community resources to overcome poverty are examined.

Key words: poverty dynamics, small town, participatory approach

Длительность изучения проблем бедности не снижает ее актуальности, только обостряясь с появлением как новых социальных стандартов жизни населения, так и чередой непрекращающихся кризисов, анализ которых требует особых подходов. Вывод, сделанный в 2011 году [1] о том, что финансовые кризисы показывают несостоятельность правительств многих стран быстро реагировать на падение уровня жизни населения [2], остается актуальным и даже усиливается под влиянием пандемии. Единоразовые выплаты снижают остроту бедности, но не предлагают механизма решения проблем, особенно для населения, попавшего в сложную жизненную ситуацию. Все это делает актуальным возврат к вопросу десятилетней давности о поиске ресурсов преодоления бедности на локальных уровнях.

Штрихи к динамике уровня бедности

По данным Росстата, доля россиян, находящихся ниже черты бедности, в 2011 году составляла 12,7%, в 2020 году – 12,1% [3]. Средний прожиточный минимум, определяющий границу официальной бедности, в 2011 году составлял 6 369 рублей, на конец 2020 года – 11 312 рублей [4]. В конце 2011 года средний размер социальной выплаты на ребенка достигал 12% от минимального прожиточного уровня. В соответствии с серией указов Президента РФ «О единовременной выплате семьям, имеющим детей», вышедших в 2020–2021 годах, семьям с детьми производились единовременные выплаты независимо от уровня благосостояния семьи в целом в объеме, сопоставимом с размером прожиточного уровня, что значительно понижает долю домохозяйств, которые ранее были бы отнесены к бедным.

Партисипаторный подход

В 2011 году в качестве теоретической базы анализа ресурсов преодоления бедности на локальном уровне был выбран участвующий подход (participatory approach) [5]. Бедность рассматривалась как социальная проблема, взаимосвязанная с социальными стереотипами и депривациями [6]. В 2011 году смещения фокуса рассмотрения с монетарного подхода на экономико-социологический вызывало обширные дебаты [7, 8]. Исследования 2011 года показали, что проблема бедности не может быть решена только за счет перераспределительной политики государства. Она нуждается в возникновении адаптивного превентивного механизма. Одним из таких решений представлялся партисипаторный механизм, комбинирующий ресурсы государства, сообщества, социально ответственного бизнеса, НКО и самих групп бедного населения [9, 10].

Развитие партисипаторного подхода продолжается по спирали. Острой критике подвергались положения о возможности полагаться в ходе принятия решения на участников локальных сообществ, вопросы перераспределения власти и манипуляции в ходе партисипаторных практик [11]. Дальнейшее развитие подхода протекало в фазе его специализации, уточнения его применимости [12].

На протяжении последних 10 лет интерес к партисипаторным моделям сохраняется. Центром применения партисипаторного подхода становятся идеи устойчивого развития и формирования экологического сознания применительно к разным типам социально-экономического поведения в разных странах. Основным вектором эволюции партисипаторного подхода как метода стало его применение для изучения низкоресурсных и уязвимых социальных групп [13]. В ходе нашего исследования 2021 года классические модели партисипаторного подхода, используемые в 2011 году, были дополнены

пониманием его применения к изучению мнений групп населения, находящихся в различных жизненных ситуациях.

Методика проведения исследования

Исследования 2011 и 2021 годов проводились на территории малого города Павлово, расположенного в Нижегородской области. В ходе опроса в каждом из замеров приняли участие по 500 домохозяйств. Исследовательский дизайн был спроектирован в соответствии с требованиями лонгитюдных проектов, обеспечивающих сопоставимость результатов серии исследований. Возможность распространения выводов, сделанных на примере малого города Павлово, на другие города России обусловлена спецификой выбранной территории, а также использованием методов системного анализа и сопоставления с трендами, полученными другими исследователями в рамках изучения развития малых городов России. Павлово по своей социально-демографической структуре, социально-экономической ситуации и удаленности от столицы региона соответствует усредненной модели малого города в России.

Краткие результаты

Уровень материального обеспечения домохозяйств, измеряемый на основе их самооценок, показывает, что доля ощущающих себя бедными и крайне бедными растет темпами, соответствующими темпам роста официального уровня бедности в стране. Вместе с тем, с появлением 2% семей, вышедших на уровень доходов выше среднего, возросла доля семей, ощущающих свое материальное положение на уровне «ниже среднего». На 12% сократилась группа среднего достатка.

Таблица 1

Самоопределение семьи по достатку, %*

Варианты	2011	2021
Семьи с достатком выше среднего	0	2
Семьи со средним достатком	49	37
Семьи не бедные, но с достатком ниже среднего	**35**	**46**
Бедные семьи	12	12
Крайне бедные семьи	1	2
Затрудняются ответить	4	1

* *Примечание.* В таблице дается распределение ответов на вопрос «К какой из ниже перечисленных групп Вы бы отнесли свою семью?»

Источник: данные исследований автора.

По данным исследования 2021 года, пандемия оказала негативное влияние на 51% процент семей, при этом 7% всех опрошенных отметили значительное ухудшение. В то же время 47% семей не почувствовали серьезных изменений, а 3% даже отметили в той или иной степени улучшение своего положения.

За прошедшее десятилетие ведущим вектором изменения общественного мнения по отношению к бедности в малых городах России стало смягчение воспоминаний о ее возникновении в период перестройки. Заметно сократилась группа населения, имеющая личный опыт переживания бедности или соприкоснувшаяся с ней через свое ближайшее окружение. Если в 2011 году только 12% павловчан ответили, что не имели опыта переживания бедности, то в 2021 году эта цифра выросла до 54%. При этом сохраняется повышенный уровень кризисности общественного сознания, воспринимающего ситуацию в стране как по-прежнему неустойчивую, и не столько в связи с пандемией и санкциями, сколько в связи с проблемами системы в целом. Актуальность бедности как социальной проблемы не смягчилась, но значительного прогресса роста партисипаторности не наблюдается. Интеграционные модели взаимодействия, сложившиеся после перестройки и действовавшие до 2011 года, за прошедшие 10 лет не только не укрепились, но скорее ослабились.

Патерналистские настроения, уровень требований, предъявляемых к государству, смягчается по мере ухода поколений, чья активная трудовая деятельность пришлась на период существования и развития рыночных отношений. В то же время новые основания интеграции, необходимые для запуска партисипаторного механизма, возникают с большим трудом. Принципы партисипаторности во многом начинают признаваться элементом текущей государственной идеологии, эффективность которой нормативно одобряется без активизации личного участия.

Доля активного населения, готового вовлекаться в процесс совместного решения проблем бедности, не растет, но и не снижается, оставаясь на уровне 12–20%, в зависимости от вида предлагаемого участия. Ведущим фактором, препятствующим вовлечению населения, становится нарастающее социальное расслоение общества по уровню доходов и сопровождающая его стигматизация нижних слоев. Отмирание гетерогенных сетей, объединявших высокоресурсные и низкоресурсные семьи, только усугубляет ситуацию. Социальные группы с более высокими ресурсами неоднородны в своем отношении к проблемам бедности. Часть из них занимает активную позицию и готова помогать бедным, тогда как другая часть обеспеченных скорее пассивна. При этом даже при наличии признания со стороны высокоресурсных групп права бедных на участие в процессах преодоления бедности, сами низкоресурсные группы не готовы к конструктивному взаимодействию и скорее ориентированы на внутреннюю взаимопомощь, чем широкое сотрудничество с различными заинтересованными сторонами.

Таким образом, тезис, сформулированный нами в 2011 году о высокой значимости выбора форм эффективного сотрудничества, позволяющего предоставлять ресурсы,

поддерживать и реализовывать инициативы на низовом уровне, остается до сих пор актуальным. Предположения о том, что партисипаторные инициативы могут формализоваться и получить общественное признание, подтвердилось. Тем не менее, процесс формализации подхода ожидаемо сопровождается снижением личной активности жителей.

В то же время партисипаторный подход продолжает видеться одним из важнейших инструментов активизации ресурсов локального уровня для решения проблем преодоления бедности и повышения качества жизни населения. Отказ от адресности и усиления государственной поддержки в период пандемии позволили поддерживать семьи с детьми в экстренной ситуации и решать проблемы в краткосрочном плане. Тем не менее, в долгосрочной перспективе необходимы усилия, направленные на развитие институтов социальной координации и интеграции локальных сообществ. Данные институты, основанные на партисипаторных принципах, представляются наиболее адекватным ответом на нарастающее расслоение локальных сообществ в связи с развитием рыночных отношений и ростом стигматизации отдельных социальных групп.

Список литературы

1. *Ivashinenko N.* Searching for a new approach to face poverty on the local level, a case study in a small Russian town // Debatte: Journal of Contemporary Central and Eastern Europe. 2021. № 22(3). PP. 403-419. DOI 10.1080/0965156X.2014.988493
2. *Furceri D. and Mourougane A.* Financial Crises: Past Lessons and Policy Implications. 2009. Paris: OECD Publishing ISSN: 18151973 URL: https://doi.org/10.1787/18151973 (дата обращения: 01.02.2022).
3. Федеральная служба государственной статистики. Официальная статистика // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/10705 (дата обращения: 01.02.2022).
4. Величина прожиточного минимума на душу населения и по основным социально-демографическим группам населения в целом по Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33936/8bf43d584df4ac39ddec19c36e7654dce95bdb62/ (дата обращения: 01.02.2022).
5. Партисипаторный подход в повышении качества жизни населения / под ред. Ивашиненко Н. Н. и Римашевской Н. М./ Варызгина А. А., Кей Р. Л., Корчагина И. И., Куликова А. В., Мигранова Л. А., Прокофьева Л. М., Солдаткин А. Е., Сэтре А. М., Теодорович М. Л. Нижний Новгород-Москва, 2013. 452 с.
6. Between kinship and the state. Social security and law in developing countries / Benda-Beckmann F. von, Benda-Beckmann K. von, Casino E., Hirtz F. Woodman, G. and Zacher H. (eds). Dordrecht: Foris Publication, 1988. 495 p.
7. *Ивашиненко Н. Н.* Моделирование затрат на преодоление бедности // Вестник ННГУ. Серия: Социальные науки. 2007. № 3(8). С. 32–40.
8. *Ивашиненко Н. Н.* Механизм снижения бедности: Доступность социальных сервисов // Социальная и демографическая политика. 2007. № 6. С. 3-23.
9. Education, participatory action research and social change: international perspectives / Kapoor D., Jordan S. (eds). New York : Palgrave Macmillan, 2009. 264 p.
10. *Сэтре А.-М.* Как малоимущие люди могут себе помочь? Некоторые размышления о развитии совместного подхода к бедности в Нижнем Новгороде,

основанные на опыте Евросоюза и России // Вестник ННГУ. Серия: Социальные науки. 2011. № 1(21). С. 80-85.

11. *Taylor M.* Community Participation in the Real World: Opportunities and Pitfalls in New Governance Spaces // Urban Studies. 2007. № 44(2). PP. 297-317. DOI 10.1080/00420980601074987

12. *Ивашиненко Н. Н.* Партисипаторный подход в решении проблем населения // Народонаселение. 2012. № 2(56). С. 016-022.

13. *Holdo M.* An inclusive and participatory approach to counter-radicalization? Examining the role of Muslim associations in the Swedish policy process // Ethnicities. 2021 Vol. 21(3). PP. 477–497.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.42 EDN

ЗАНЯТОСТЬ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ НА УСЛОВИЯХ НЕПОЛНОГО РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ

(Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-010-00142)

Коленникова О. А.
канд. экон. наук,
старший научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. На основе микроданных Комплексного обследования условий жизни населения проанализирована распространенность работы на условиях неполного рабочего времени среди людей с инвалидностью. Обоснована необходимость стимулирования такого типа занятости как действенного инструмента для более широкого включения инвалидов в рынок труда и борьбы с их высокой безработицей.

Ключевые слова: инвалиды, работа на условиях неполного рабочего времени, нестандартная занятость, рынок труда, трудоустройство инвалидов

EMPLOYMENT OF PEOPLE WITH DISABILITIES ON A PART-TIME BASIS

Kolennikova O. A.
Candidate of Economics,
Senior Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The paper analyzes the prevalence of part-time work among people with disabilities. Stimulating this type of employment can serve as an effective tool for wider inclusion of disabled people in the labor market and reducing unemployment.

Key words: disabled people, part-time work, non-standard employment, labor market, employment of disabled people

В последние десятилетия неуклонно растет внимание к социальной и трудовой интеграции людей с инвалидностью. В Конвенции по правам инвалидов сформулированы ключевые позиции по проблемам их трудоустройства и противодействия дискриминации в вопросах занятости. Российская нормативно-правовая база совершенствуется в соответствии с международными принципами, более 10 лет реализуется государственная программа «Доступная среда», к принимаемым мерам поддержки устанавливаются целевые прогнозные показатели по трудоустройству инвалидов. Согласно плану Правительства по повышению уровня занятости инвалидов на 2017–2020 годы, ожидалось, что в 2020 году смогут иметь работу 50% инвалидов трудоспособного возраста, но к началу 2021 года, согласно административным сведениям Федерального реестра инвалидов, работали только 25%, и их число, если и увеличилось в последние годы, то незначительно. Между тем, по данным обследования рабочей силы, безработица среди инвалидов

четырехкратно превышает аналогичный показатель среди всего населения трудоспособного возраста. Исследования свидетельствуют, что люди с инвалидностью сталкиваются с высокими барьерами в сфере труда [1]. В числе этих барьеров - ограничения по здоровью, которые не позволяют трудиться в условиях полной занятости. В таком случае работа на неполный рабочий день (неделю) может стать альтернативой безработице или вынужденному уходу с рынка труда.

Опубликовано достаточно много работ с результатами исследований занятости на условиях неполного рабочего времени, выделены как ее положительные, так и отрицательные стороны. Главный недостаток таких нестандартных рабочих мест – их слабая социальная защищенность (более низкая оплата труда, большая нестабильность, ограниченные возможности профессионального обучения и карьерного продвижения и др.) [2]. В то же время проблематика влияния инвалидности на вовлеченность работников в неполную занятость изучена слабо. Люди, получившие статус инвалида, уже обеспечены определенным уровнем социальной защиты, работа на неполный рабочий день (неделю) позволяет им оставаться включенными в жизнь общества, повысить свой доход, реализовать человеческий потенциал, работая в меру сил и возможностей. Целью данного исследования является анализ распространенности неполной занятости среди людей с инвалидностью. Представляется важным выяснить, в каких случаях они выбирают такие рабочие места и в какой мере удовлетворены ими.

Информационной базой послужили взвешенные микроданные Комплексного обследования условий жизни населения (КОУЖ) в 2016, 2018 и 2020 годах. Сбор данных лонгитюдного обследования Росстат проводит методом выборочного опроса с периодичностью раз в два года и с охватом около 60 тысяч домохозяйств. Анкета позволяет выделить работающих с установленной группой инвалидности. Основываясь на практике международных исследований труда инвалидов, работники идентифицированы как не полностью занятые, если они обычно работали на основной работе менее 30 часов в неделю. К работникам, занятым полный рабочий день, отнесены те, кто работали 30 часов в неделю и более или если они, работая менее 30 часов в неделю, сообщали, что такая работа является для них работой на полный рабочий день (неделю) [3]. Исследованию подлежали работники в возрасте от 18 лет и старше (молодежь младше 18 лет, как правило, в сферу занятости еще не включена). С этого возраста присваивается взрослая группа инвалидности, что позволяет учесть не только наличие инвалидности, но и степень тяжести нарушений функций организма.

Неполная занятость значительно выше у людей с ограниченными возможностями, чем среди людей без инвалидности (*табл. 1*).

Таблица 1

Численность работников с инвалидностью и без инвалидности, занятых неполное рабочее время, 2016–2020 гг.
(% от общей численности соответствующей категории)

Категория работников:	2016 г.	2018 г.	2020 г.
с инвалидностью	8,7	11,1	11,0
без инвалидности	2,6	2,9	2,9

Источник: Росстат, микроданные КОУЖ, расчеты автора

В последние годы уровень неполной занятости среди инвалидов вырос в большей мере, чем у людей без инвалидности, и, соответственно, разрыв в показателях увеличился с 3,3 до 3,7 раз. По всей видимости, на повышении масштабов неполной занятости в 2018 году сказалась реализация политики по поддержке занятости инвалидов, но в 2020 году процесс затормозился ввиду последствий пандемии COVID-19. В 2020 году неполную занятость имели 18,2% работников с первой группой, 15,5% со второй и 8,7% с третьей группой инвалидности. То есть, люди с более тяжелыми формами (первой и второй группой) в два раза чаще работали на условиях частичной занятости.

Среди работавших по найму число частично занятых было существенно меньше, чем среди тех, кто сами организовывали рабочие места (*табл. 2*).

Таблица 2

Численность инвалидов, занятых неполное рабочее время, 2016-2020 гг.
(% от общей численности соответствующей категории)

Категория инвалидов:	2016 г.	2018 г.	2020 г.
занятые по найму	7,5	8,9	8,8
занятые не по найму	20,0	30,6	34,4
Работавшие по найму, в том числе			
постоянно	5,8	5,0	5,2
временно	7,0	18,8	6,9
неформально (устная договоренность)	22,4	30,6	24,9
по договору гражданско-правового характера	14,2	23,4	18,2

Источник: Росстат, микроданные КОУЖ, расчеты автора

Расширение неполной занятости (с 20 до 34,4%) в 2016–2020 годы в большей мере коснулось работавших не по найму (в 2020 году трудились не по найму около 9% от общего числа работников с инвалидностью). Как видно, их самостоятельность в принятии решений позволяла устанавливать удобный режим работы.

В отношении наемных работников определяющую роль играет готовность работодателя принять инвалида на работу на условиях неполного рабочего времени. Как видно из *табл. 2*, число инвалидов с официальным бессрочным трудовым договором на неполное рабочее время было небольшим и оставалось в 2016–2020 годах примерно на одном и том же уровне (5-6%). Среди принятых на временную работу численность частично занятых в 2018 году выросла более чем в 2,5 раза, но в условиях развертывания коронавирусной пандемии в 2020 году упала до значений 2016 года. Весьма значимое количество инвалидов работали неполное рабочее время по договорам гражданско-правового характера, но наибольшая их концентрация приходилась на сферу неформальной занятости. Причины уклонения людей с инвалидностью от официального трудоустройства различны. Часть из них предпочитает трудиться «в тени» из опасения снятия инвалидности и полной утраты социальной защиты, кто-то не хочет лишиться региональных доплат (не положенных работающим инвалидам). Уклонение от официального трудоустройства вызвано также заморозкой пенсии по инвалидности (с 2016 года). Эти причины, как оказалось, не только способствовали распространению неформальной занятости, но и позволяли легче договориться о работе на неполное рабочее время (*табл. 2*).

Важный вопрос — насколько работа на условиях неполного рабочего времени подходит людям с инвалидностью. В *табл. 3* приведены данные об удовлетворенности различными сторонами такой работы.

Таблица 3

Удовлетворённость работой работников с инвалидностью, занятых неполное рабочее время, 2016–2020 гг. (% от общей численности)

Вполне удовлетворены:	**2016 г.**	**2018 г.**	**2020 г.**
заработной платой	24,8	40,9	31,7
надежностью работы	49,9	66,8	64,9
режимом работы	89,9	91,0	84,8

Источник: Росстат, микроданные КОУЖ, расчеты автора.

Подавляющее большинство вполне довольны режимом работы, в меньшей мере ее надежностью и крайне мало оплатой труда. Но удовлетворенность оплатой труда среди всех работающих инвалидов (как на условиях полной, так и неполной занятости) находится примерно на таком же невысоком уровне. В то же время только примерно пятая часть работавших на условиях неполного режима работы в 2016 и 2018 годах искала более подходящую работу, а в 2020 году еще меньше — 14%, а большинство ничего менять не намеревалось.

В принятом Правительством плане мероприятий по повышению уровня занятости инвалидов на 2021–2024 годы, целевой показатель установлен на уровне 41%, что означает увеличение числа работающих инвалидов к 2025 году в 1,7 раза. Результативным механизмом в реализации этих планов может стать стимулирование работодателей создавать рабочие места на неполное рабочее время и содействие трудоустройству на них людей с инвалидностью.

Список литературы

1. *Александрова О. А., Токсанбаева М. С., Ярашева А. В. и др.* Трудоустройство инвалидов на столичном рынке труда: проблемы и пути решения. М. : ООО «Вариант», 2018. 280 с.
2. Key Indicators of the Labour Market 2015: Full report. KILM 6. Part-time workers. ILO Department of Statistics. URL: https://www.ilo.org/global/statistics-and-databases/research-and-databases/kilm/WCMS_422424/lang--en/index.htm (дата обращения: 16.02.2022).
3. *Pagan R.* Is part-time work a good or bad opportunity for people with disabilities? A European analysis. Disability and Rehabilitation. 2007. Vol. 29. Issue 24. P. 1910-1919. DOI 10.1080/09638280701192881

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.43 EDN

КАКОВЫ РИСКИ БЕДНОСТИ ДОМОХОЗЯЙСТВ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ?

Коржук С. В.
канд. социол. наук,
научный сотрудник,
Институт социального анализа и прогнозирования ВШКУ РАНХиГС,
Москва, Россия

Аннотация. Исследование посвящено изучению факторов, определяющих глубину и риски бедности домохозяйств людей с инвалидностью. Эмпирическая база – данные Комплексного наблюдения условий жизни населения за 2018 год. Результаты показывают, что инвалидность взрослого в трудоспособном возрасте, проживание в небольших населенных пунктах, большой размер домохозяйства, наличие детей повышают риски бедности домохозяйств людей с инвалидностью.

Ключевые слова: бедность, инвалидность, домохозяйства людей с инвалидностью, риски и глубина бедности

WHAT ARE THE RISKS OF POVERTY FOR HOUSEHOLDS OF PEOPLE WITH DISABILITIES?

Korzhuk S. V.
Candidate of Sociology,
Researcher,
Institute of Social Analysis and Forecasting, RANEPA,
Moscow, Russia

Abstract. The article examines the factors that determine the risks and depth of poverty for households with disabled people. The empirical basis is the 2018 Comprehensive Survey of Living Conditions. The study findings show that disability of one working-age adult, residing in rural areas or small towns, large household size, having children increase the risks of poverty for such households.

Key words: poverty; disability; households of people with disabilities; risks and depth of poverty

Для практического решения столь сложной социально-экономической проблемы – сокращения уровня бедности – необходимы адекватное представление о ее масштабах, понимание причин сложившегося в стране материального неравенства, его структуры и динамики, в том числе для различных социальных групп.

В фокусе данной работы – риски бедности и возможности их снижения для представителей домохозяйств, в составе которых есть люди с инвалидностью. Нас интересует зависимость уровня бедности от характеристик входящих в состав домохозяйства людей с инвалидностью, а также различия в рисках бедности для представителей схожих по возрастному составу семей, в зависимости от наличия в их составе людей с инвалидностью.

Информационная база исследования – материалы Комплексного наблюдения условий жизни населения (КОУЖ), проводимого Федеральной службой государственной статистики (Росстат), за 2018 год. В анализе учитывался возрастной состав домохозяйств и наличие в них людей с инвалидностью разных возрастов.

Критерием для определения уровня бедности является показатель прожиточного минимума, а индикатором материального положения индивидов – их денежные доходы. Уровень бедности рассчитывается как доля индивидов с доходами ниже регионального прожиточного минимума в общей численности представителей домохозяйств определенного состава.

По данным КОУЖ доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума составила 24,2%. Расчет уровня бедности для домохозяйств разного состава позволил выявить значительные различия в распределении рисков бедности в зависимости от состава домохозяйства, наличия инвалидности у его членов, а также возраста человека с инвалидностью (*табл. 1*).

Вне зависимости от наличия в домохозяйстве человека с инвалидностью наибольшие риски бедности характерны для домохозяйств, в которых есть дети, наименьшие – для домохозяйств пенсионеров. При этом, по сравнению с домохозяйствами, в которых нет людей с инвалидностью, инвалидность ребенка или человека старше трудоспособного возраста значимо не повышает риски бедности. Иная картина складывается в домохозяйствах, в которых есть люди с инвалидностью в трудоспособном возрасте: в этом случае риски бедности существенно возрастают.

Таблица 1

Уровень бедности среди представителей домохозяйств различного состава в зависимости от наличия людей с инвалидностью, %

Состав домохозяйств	Уровень бедности
Домохозяйства, состоящие из лиц в трудоспособном возрасте от 18 лет	
Нет лиц с инвалидностью	11
Есть хотя бы 1 человек с инвалидностью	28
Домохозяйства, состоящие из лиц старше трудоспособного возраста	
Нет лиц с инвалидностью	2
Есть хотя бы 1 человек с инвалидностью	1
Домохозяйства, состоящие из взрослых в трудоспособном возрасте и детей до 18 лет	
Нет лиц с инвалидностью	39
Есть хотя бы 1 ребенок-инвалид	41
Есть хотя бы 1 взрослый с инвалидностью	73
Домохозяйства, состоящие из лиц старше трудоспособного возраста и детей до 18 лет	
Нет лиц с инвалидностью	22
Есть хотя бы 1 ребенок-инвалид	н.д.*
Есть хотя бы 1 человек с инвалидностью старше трудоспособного возраста	21
Домохозяйства, состоящие из лиц старше трудоспособного возраста и взрослых в трудоспособном возрасте	
Нет лиц с инвалидностью	11
Есть хотя бы 1 взрослый человек с инвалидностью в трудоспособном возрасте	19
Есть хотя бы 1 человек с инвалидностью старше трудоспособного возраста	10
Домохозяйства, состоящие из взрослых в трудоспособном возрасте, лиц старше трудоспособного возраста и детей до 18 лет	
Нет лиц с инвалидностью	32
Есть хотя бы 1 ребенок-инвалид	н.д.
Есть хотя бы 1 взрослый человек с инвалидностью в трудоспособном возрасте	53
Есть хотя бы 1 человек с инвалидностью старше трудоспособного возраста	37

* *Примечание.* Здесь и далее – недостаточно данных (малое число наблюдений).

Источник: Комплексное наблюдение условий жизни населения 2018. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения: 07.02.2022).

Социально-демографический состав домохозяйств оказывает серьезное влияние и на глубину бедности (*табл. 2*). В наиболее тяжелом материальном положении находятся бедные домохозяйства, состоящие из взрослых в трудоспособном возрасте и несовершеннолетних детей. При этом доля крайне бедных (с дефицитом дохода более 50% ПМ) максимальна в этой группе домохозяйств при наличии ребенка-инвалида (36%) и при наличии инвалидности у взрослого члена семьи (28%).

Таблица 2

Дефицит дохода представителей бедных домохозяйств различного состава в зависимости от наличия людей с инвалидностью, %*

Состав домохозяйств	Дефицит дохода			
	более 50% ПМ	30-50% ПМ	10-30% ПМ	менее 10% ПМ
Домохозяйства, состоящие из лиц в трудоспособном возрасте от 18 лет и старше				
Нет лиц с инвалидностью	15	25	38	22
Есть хотя бы 1 человек с инвалидностью	14	29	38	20
Домохозяйства, состоящие из лиц старше трудоспособного возраста				
Нет лиц с инвалидностью	4	3	42	52
Есть хотя бы 1 человек с инвалидностью	2	9	50	39
Домохозяйства, состоящие из взрослых в трудоспособном возрасте и детей до 18 лет				
Нет лиц с инвалидностью	18	28	37	18
Есть хотя бы 1 ребенок-инвалид*	36	29	27	8
Есть хотя бы 1 взрослый с инвалидностью	28	30	27	15
Домохозяйства, состоящие из лиц старше трудоспособного возраста и детей до 18 лет				
Нет лиц с инвалидностью	3	22	47	28
Есть хотя бы 1 ребенок-инвалид	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Есть хотя бы 1 человек с инвалидностью старше трудоспособного возраста	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Домохозяйства, состоящие из лиц старше трудоспособного возраста и взрослых в трудоспособном возрасте				
Нет лиц с инвалидностью	8	18	37	36
Есть хотя бы 1 взрослый человек с инвалидностью в трудоспособном возрасте	2	17	48	33
Есть хотя бы 1 человек с инвалидностью старше трудоспособного возраста	4	20	35	41
Домохозяйства, состоящие из взрослых в трудоспособном возрасте, лиц старше трудоспособного возраста и детей до 18 лет				
Нет лиц с инвалидностью	13	26	41	20
Есть хотя бы 1 ребенок-инвалид	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.
Есть хотя бы 1 взрослый человек с инвалидностью в трудоспособном возрасте	9	44	28	20
Есть хотя бы 1 человек с инвалидностью старше трудоспособного возраста	9	35	37	19

* *Примечание.* Количество наблюдений – 66 человек.

Источник: Комплексное наблюдение условий жизни населения 2018. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ18/index.html (дата обращения: 07.02.2022).

Анализ шансов домохозяйств людей с инвалидностью на получение доходов сверх прожиточного минимума в зависимости от поселенческих, социально-экономических и социально-демографических характеристик показал следующее. Наиболее значимым предиктором (не)бедности является наличие и возраст (младшего) ребенка. Максимальные

шансы принадлежать к небедным слоям населения имеют домохозяйства, в которых нет детей. Если же в домохозяйстве есть дети, то чем они старше, тем выше шансы домохозяйства на принадлежность к небедным слоям населения.

В контексте рисков бедности также значим возраст человека с инвалидностью, входящего в состав домохозяйства: меньше всего шансов попасть в небедные слои населения у домохозяйств людей с инвалидностью в трудоспособном возрасте. Чем крупнее населенный пункт, тем выше вероятность того, что домохозяйство будет относительно экономически благополучным. Больше всего шансов на материальное благополучие у представителей домохозяйств, проживающих в мегаполисах.

Что касается основного источника средств к существованию домохозяйства, то у семей с доходами от предпринимательской деятельности шансы принадлежать к небедным слоям населения максимальны, несколько ниже у домохозяйств с доходами от работы по найму. Наиболее высоки риски бедности для домохозяйств, в которых основным источником дохода являются социальные трансферты: пособия по безработице, детские и материнские пособия, денежные субсидии, алименты, материальная помощь от родственников. Высокие риски бедности характерны для домохозяйств с доходами от личного подсобного хозяйства, сбора дикоросов, охоты и рыболовства в качестве основного источника. Следующий по значимости предиктор – размер домохозяйства. Чем больше домохозяйство, тем ниже его шансы иметь доходы, обеспечивающие потребление выше прожиточного минимума.

Наличие профессионального образования (высшего или среднего профессионального), как минимум, у одного члена семьи повышает шансы домохозяйства не попасть в число бедных. Риски бедности сокращает также диверсификация доходов: с большей вероятностью к небедным домохозяйствам будут относиться те, в которых имеется три и больше источника средств к существованию.

Действующая в современной России система социальной защиты людей с инвалидностью далека от эффективной прежде всего потому, что она базируется на «категориальном» принципе оказания помощи и не учитывает специфику условий проживания людей с инвалидностью в домохозяйствах. Между тем очевидно, что в социальной поддержке нуждаются как сами люди с инвалидностью, так и члены их семей.

Как признают эксперты, политика преодоления бедности в России нуждается в серьезной реновации [1]. Во-первых, необходима смена фокуса с нуждающегося в помощи реципиента-индивида на домохозяйство как экономическую единицу. Во-вторых, оправдан переход от категориального принципа социальной защиты уязвимых групп населения к адресной социальной поддержке на основе индивидуальной оценки нуждаемости. Это

позволит учитывать разнообразие жизненных ситуаций домохозяйств, в которых есть люди с инвалидностью.

Сокращение уровня и глубины бедности домохозяйств людей с инвалидностью предполагает также создание стимулов к мобилизации их самостоятельных усилий: повышение доступности образования, рабочих мест и социально-экономической инфраструктуры в целом для людей с инвалидностью. В конечном счете, эти инвестиции в человеческий капитал будут способствовать не только преодолению бедности, но и уменьшению количества барьеров и неравенств, осложняющих жизнь населения в целом.

Список литературы

1. *Малева Т., Авраамова Е.* Альтернативы развития социальной защиты населения // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15. № 4. С. 559–572. URL: https://doi.org/10.17323/727-0634-2017-15-4-559-572 (дата обращения: 07.02.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.44 EDN

МОНЕТАРНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ БЕДНОСТИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ

Корчагина И. И.
канд. экон. наук,
ведущий аналитик,
Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики»;
ведущий научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Прокофьева Л. М.
канд. экон. наук,
ведущий аналитик,
Института социальной политики НИУ «Высшая школа экономики»;
ведущий научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН
Москва, Россия

Аннотация. Семьи с детьми относятся к группе населения с высоким риском монетарной бедности. Исследование показало, что субъективная бедность, рассчитанная на основе мнения семей с детьми об уровне своих финансовых возможностей, много ниже монетарной бедности. Однако соотношение риска бедности разных типов семей сохраняется и при использовании показателя субъективной бедности.

Ключевые слова: бедность семей с детьми, монетарная и субъективная оценка бедности

MONETARY AND SUBJECTIVE POVERTY OF FAMILIES WITH CHILDREN

Korchagina I. I.
Candidate of Economics,
Leading Analyst,
Institute of Social Policy, HSE;
Leading Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Prokofieva L. M.
Candidate of Economics,
Leading Analyst,
Institute of Social Policy, HSE;
Leading Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. Families with children have a high risk of poverty. The study showed that subjective poverty, based on opinion of families with children about the level of their financial abilities, is much lower than the level of monetary poverty. However, the ratio of the risk of poverty for different types of families is also the same while using the indicator of subjective poverty.

Key words: poverty of families with children, monetary and subjective poverty

Особое внимание социальной политики в России последних лет к семьям с детьми требует корректной оценки масштаба бедности этой категории семей, в том числе с учетом их собственного мнения о своем материальном положении (субъективная бедность). Наше исследование подтверждает устойчивые выводы, отмечаемые уже не одно десятилетие в различных научных работах, о более высоких рисках монетарной бедности семей с детьми, и особенно многодетных. Иждивенческая нагрузка детьми, а иногда и неработающими матерями, не покрывается доходами работающих членов семьи и мерами социальной поддержки. В среднем монетарная бедность среди семей с детьми почти в 2 раза выше, чем во всех российских домохозяйствах. В структуре населения семьи с детьми занимают немногим более трети, в то время, как среди бедных их почти 70% (*табл. 1*).

Самые бедные среди них – это многодетные и неполные. Так, в семье с одним ребенком отмечается превышение риска бедности над средним показателем только на 30%, а для многодетных – уже в 3,7 раза. Бедность в неполных семьях с детьми в 1,4 раза выше, чем в полных, но это касается в основном матерей, воспитывающих детей самостоятельно. Если в неполной семье с детьми остается один отец, то риск бедности для таких семей даже немного меньше, чем в среднем для всех семей с детьми (22% против 26,1%). Вместе с тем, отец во главе неполной семьи – довольно редкое явление, и в структуре бедных составляет только 0,1%.

Таблица 1

Уровень бедности семей с детьми, %

	Монетарная бедность		**Субъективная бедность**
	Доля бедных домохозяйств, % от домохозяйств разного типа	**Доля в структуре бедных домохозяйств, % от бедных**	**Доля бедных домохозяйств, % от домохозяйств разного типа**
Все домохозяйства	14,1	100,0	15,0
в том числе			
с детьми (до 18 лет)	26,1	69,2	15,2
с 1-м ребенком	19,0	28,4	13,4
с 2-мя детьми	30,7	28,3	16,1
с 3-мя и более детьми	52,0	12,5	23,8
в том числе			
полные семьи	24,5	54,8	12,6
неполные семьи	33,6	14,4	27,4
в том числе			
одинокий родитель-мать	33,7	14,3	27,4
одинокий родитель-отец	22,0	0,1	7,3

Источник: Расчеты авторов по данным Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств (ОБДХ), Росстат, 2019.

О необходимости материально помогать не только многодетным, но и неполным семьям исследователи пишут довольно давно. По данным микропереписи 2015 года, неполные семьи с детьми до 18 лет составляют 30% всех семейных ячеек. И если многодетные семьи традиционно пользуются поддержкой государства (особенно на региональном уровне), то на неполные семьи социальная защита направила пристальное внимание только в текущем году, когда было введено ежемесячное пособие на ребенка в возрасте от 8 до 17 лет для одинокого родителя в размере 50% регионального прожиточного минимума для детей [1].

Необходимо отметить, что расчеты базируются на данных Выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств Росстата (ОБДХ 2019 года) и, следовательно, в расчетах еще не учтены меры социальной поддержки, предоставляемые семьям с детьми в 2020 и 2021 годы, в том числе в связи с распространением короновирусной инфекции. Вместе с тем, моделирование показало, что масштабные меры поддержки, предоставленные семьям с детьми в 2020–2021 годы, помогли снизить темпы роста бедности в этих семьях, но принципиально не изменили положение семей с детьми на шкале «бедность» – эти семьи по-прежнему имеют самые высокие риски бедности [2, 89]. Такая ситуация объясняется тем, что, с одной стороны, часть помощи в это время была оказана только единовременно или в течение ограниченного периода времени (3–4 месяца), следовательно, снижение негативного влияния малообеспеченности на жизнь детей носила временный характер. С другой стороны, меры социальной поддержки, принятые в этот период на постоянной основе, не покрывают полностью дефицит доходов бедных семей с детьми, и не позволяют большинству из них выйти из бедности.

Однако высокий уровень монетарной бедности в семьях с детьми не согласуется с субъективной оценкой материального положения таких домохозяйств. В целом характеристика семей с детьми собственного финансово положения не существенно отклоняется от средней. Например, возможности свободного распоряжения бюджетом (утверждение, что «*средств достаточно, чтобы купить все, что считаем нужным*») существуют только у 2,4% семей с детьми и у 2,9% всех домохозяйств. Категория ответов «*на еду денег хватает, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно*» представлена в равных долях, как среди всех домохозяйств, так и среди семей с детьми (14%), а половина домохозяйств в состоянии удовлетворить свои базовые потребности, но ограничены в покупках товаров длительного пользования («*денег хватает на еду и одежду, но не можем себе позволить покупать необходимые товары длительного пользования*»).

Субъективная оценка бедности, построенная на базе показателя, характеризующего возможности бюджета домохозяйства, фиксирует недостаток средств на удовлетворение даже базовых потребностей («*доходов не хватает даже на еду», а если «на еду денег хватает, то покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги уже затруднительно»*). Бедность, измеряемая субъективным методом, представлена в равных долях, как среди всех домохозяйств, так и среди семей с детьми (15%). Здесь проявляется известный феномен субъективной бедности, при котором домохозяйство часто оценивает не собственный уровень жизни, а свое материальное положение относительно окружения. Также немаловажно, что семьи с детьми, обладая низкими доходами, тем не менее могут иметь потребление на более высоком уровне за счет экономии на масштабах потребления, а также помощи от родственников и знакомых, что не всегда фиксируется данными обследований.

На равные риски субъективной бедности среди российских домохозяйств влияет и высокая уязвимость домохозяйств с пенсионерами. Пенсионеры, имея низкие риски монетарной бедности, отличаются высоким уровнем ограничений в потреблении (экономят на питании и покупке одежды, перераспределяя ресурсы в пользу расходов на медицинские услуги и лекарства), что связано не только с низким размером пенсий, но и с низкой доступностью медицинских услуг, медикаментов и услуг по уходу, а также неудовлетворенностью их качеством [3, 60–61].

В то же время при использовании показателя субъективной бедности сохраняется соотношение риска бедности для разных типов семей. Так же, как и при монетарной бедности, повышенные риски бедности сохраняются для многодетных: среди них в 1,8 раза больше бедных по субъективному критерию, чем среди однодетных семей (*табл. 1*). Неполные семьи по сравнению с полными, имеют более высокую вероятность оказаться субъективно бедными (в 2,2 раза), но это касается в основном матерей с детьми. Субъективная бедность среди одиноких отцов с детьми не высока (7,3%), что согласуется с более низкими оценками монетарной бедности таких семей по сравнению с другими домохозяйствами с детьми. Возможно, на субъективную оценку влияет нежелание отцов признавать свою финансовую несостоятельность, а также тот факт, что таким семьям, в силу их «уникальности», родственники и знакомые помогают чаще, чем одиноким матерям.

Таким образом, вывод о высоких рисках бедности семей с детьми, особенно среди многодетных и неполных, остается до сих пор актуальным, следовательно, существует необходимость дальнейшего усиления адресной социальной поддержки этой категории семей. Задача принимаемых мер - свести к минимуму угрозу бедности для семей с детьми, что согласуется с основными задачами демографической политики Российской Федерации.

Список литературы

1. Указ Президента от 10.03.2021 № 140 "О некоторых вопросах, связанных с осуществлением ежемесячной денежной выплаты, предусмотренной Указом Президента Российской Федерации от 20 марта 2020 г. N 199 "О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378856/ (дата обращения: 29.01.2022).

2. *Пишняк А., Корчагина И., Горина Е., Тер-Акопов С.* Материальное положение россиян в условиях пандемии: влияние государственной поддержки // Экономическая политика. 2021. Т. 16. № 6. С. 70–93. DOI 10.18288/1994-5124-2021-6-70-93

3. *Корчагина И. И., Прокофьева Л. М., Тер-Акопов С. А.* Материальные депривации в оценках бедности // Народонаселение. 2019. Том 22. № 2. С. 51-63. DOI https://doi.org/10.19181/1561-7785-2019-00015

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.45 EDN

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА РЕШЕНИЕ МОЛОДЫХ МАТЕРЕЙ О ВЫХОДЕ НА РАБОТУ

Калабихина И. Е.
д-р экон. наук, профессор;
заведующий кафедрой народонаселения,
МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Кузнецова П. О.
канд. экон. наук,
старший научный сотрудник,
РАНХиГС
Москва, Россия

Аннотация. В работе представлены результаты регрессионного анализа факторов длительности пребывания молодых матерей вне рынка труда на данных национального репрезентативного обследования. Было показано, что более раннему выходу из материнского отпуска способствуют молодой возраст, более высокий уровень образования, опыт предыдущей работы, наличие родственной помощи по уходу за ребенком, а также боязнь потерять работу.

Ключевые слова: женщины; прерывание карьеры; отпуск по уходу за детьми; Россия, РМЭЗ

WHAT INFLUENCES THE RETURN OF YOUNG MOTHERS TO THE LABOR MARKET

Kalabikhina I. E.
Doctor of Economics, Professor;
Head of the Department of Population,
Lomonosov MSU,
Moscow, Russia

Kyznetsova P. O.
Candidate of Economics,
Senior Researcher,
RANEPA,
Moscow, Russia

Abstract. The paper presents the results of a regression analysis of the factors concerning length of stay of young mothers out of the labor market on data from a nationally representative survey. Younger age, higher levels of education, previous work experience, family support for childcare, and fear of losing a job have been shown to contribute to earlier exit from maternity leave.

Key words: women; career interruption; parental leave; Russia; RLMS

Факторы, влияющие на решение о выходе молодых матерей на работу

В данной работе представлены результаты анализа факторов, которые оказывают влияние на решение о выходе молодых матерей на работу. Авторов интересовал вопрос, какие демографические и социальные группы женщин склонны «пересиживать» в

формальном и неформальном отпуске по уходу за ребенком или, наоборот, выходить на работу раньше других.

Вопросы, касающиеся занятости женщин с детьми, широко представлены в научной литературе. Ряд российских исследований данной тематики посвящены количественной оценке штрафа/премии на материнство/отцовство [1; 2]. Так, например, авторы оценивают потери работающих женщин с детьми как 8% трудовых доходов бездетных женщин с аналогичными индивидуальными характеристиками в 2003–2005 годах [3] и около 4% в 2014 году [4], причем для более образованных матерей относительный размер штрафа оказывается выше. В работе А. А. Ермолиной, Е. Б. Рохминой, Ю. М. Васильевой и Т. Трач [5] показано, что, несмотря на присутствие материнского штрафа, различия в размере заработной платы между женщинами, имеющими детей, и бездетными в основном сглаживается к моменту достижения ребенком возраста 3–4 лет.

После того, как ответ на вопрос о наличии материнского штрафа в основном получен, возникают и другие, более специализированные вопросы, неоднократно поднимавшиеся в зарубежных исследованиях: например, чем определяется размер такого штрафа, в какой степени на него влияют возраст матери на момент рождения первого ребенка [6], интервал между рождениями и то, успела ли женщина выйти на работу в этот период [7], индивидуальные характеристики матери и домохозяйства, в котором она проживает, в том числе уровень образования, доходы и внутрисемейное гендерное равенство [8; 9; 10], щедрость государственных мер по поддержке материнства и ситуация на рынке труда [11; 12] и многое другое.

Нас интересовало, какие факторы оказывают влияние на длительность пребывания женщин в формальном отпуске по уходу за ребенком или, более широко, их пребывания вне рынка труда. На данных других стран (Германия и США) ранее было продемонстрировано, что матери, ранее имевшие высокий статус занятости, быстрее возвращаются на свои рабочие места и с меньшей вероятностью прерывают карьеру [12]. Другой важный вывод состоит в том, что длительные периоды отсутствия у женщин оплачиваемой работу увеличивают риск нисходящей мобильности и снижают шансы на карьерный рост не только в Германии и США, но и в Швеции, где уровень поддержки материнской занятости традиционно высок [13].

В то же время российских работ, изучающих факторы длительности пребывания матерей вне рынка труда, насколько нам известно, пока нет. В нашем исследовании мы постараемся восполнить этот пробел.

Эмпирической базой исследования является данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (далее РМЭЗ) за 2010–2019

годы. При анализе была использована лонгитюдная структура данных обследования, дающая возможность проследить за изменениями, происходящими с женщиной и домохозяйством, в котором она проживает, от момента рождения ребенка до выхода на работу (завершенный эпизод наблюдения) или до последнего времени ее присутствия в базе обследования (цензурированный эпизод).

Для изучения факторов длительности пребывания женщин вне рынка труда после рождения ребенка мы используем регрессионный анализ длительности событий (непараметрическая модель Кокса). В качестве зависимой переменной мы рассматриваем количество лет, проведенных вне рынка труда с момента рождения ребенка. Большая часть независимых переменных, включенных в регрессионную модель, относится к моменту выхода на работу (семейное положение и образование мужа, образование, возраст, наличие различных источников помощи по уходу за ребенком и др.). Кроме того, были добавлены сведения о характере занятости будущей матери на момент выхода в декрет, то есть, в год рождения ребенка.

Как показывают результаты расчетов, среди факторов, способствующих более раннему выходу из материнского отпуска, можно назвать молодой возраст, более высокий уровень образования, опыт предыдущей работы, наличие родственной помощи по уходу за ребенком, а также боязнь потерять работу. Также раньше выходят на работу матери вторых, а также третьих и последующих детей. Этот эффект характерен для более раннего (до трех лет) выхода из материнского отпуска, хотя в целом многодетные матери ожидаемо чаще оказываются вне рынка труда в долгосрочной перспективе. Более ранний выход на работу матерей с двумя и более детьми объясняется, на наш взгляд, тем, что у них уже отработана схема передачи части обязанностей по уходу и воспитанию другим лицам для выхода на работу.

Снижают риски выхода на работу наличие партнера, его более высокий уровень образования (как правило, соответствующий более высоким доходам), а также более зрелый возраст матери.

Незначимым оказалось совместное проживание с бабушками и дедушками ребенка. С учетом того, что помощь приходящих родственников значимо увеличивает вероятность выхода матерей на работу, можно предположить, что совместно проживающие с молодой семьей более старшие родственники вынуждены помогать ей прежде всего материально, то есть в том числе за счет собственной работы.

Список литературы

1. *Ниворожкина Л. И., Ниворожкин А. М., Арженовский С. В.* «Цена» материнства: эконометрическая оценка //Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2008. № 1. С. 3-20.
2. *Ощепков А. Ю.* Отцы и дети: «премия» за отцовство на российском рынке труда //Экономический журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 24. № 2. С. 157-190.
3. *Арженовский С. В., Артамонова Д. В.* Оценка потерь в зарплате женщин с детьми //Прикладная эконометрика. 2007. № 3. С. 66-79.
4. *Бирюкова С. С., Макаренцева А. О.* Оценки «штрафа за материнство» в России //Население и экономика. 2017. Т. 1. № 1. С. 50-70.
5. *Ермолина А. А., Рохмина Е. Б., Васильева Ю. М., Трач .* Рождение ребенка как фактор доходной обеспеченности женщин. Насколько велик в России" штраф за материнство"? //Демоскоп Weekly. 2016. № 701-702. С. 35-40.
6. *Miller A. R.* The effects of motherhood timing on career path //Journal of population economics. 2011. Vol. 24. No. 3. P. 1071-1100.
7. *Kuhlenkasper T., Kauermann G.* Duration of maternity leave in Germany: A case study of nonparametric hazard models and penalized splines //Labour Economics. 2010. Vol. 17. No. 3. P. 466-473.
8. *Budig M. J., Hodges M. J.* Differences in disadvantage: Variation in the motherhood penalty across white women's earnings distribution //American Sociological Review. 2010. Vol. 75. No. 5. P. 705-728.
9. *Musick K., Bea M. D., Gonalons-Pons P.* His and her earnings following parenthood in the United States, Germany, and the United Kingdom //American Sociological Review. 2020. Vol. 85. No. 4. P. 639-674.
10. *Kwak E.* The emergence of the motherhood premium: recent trends in the motherhood wage gap across the wage distribution //Review of Economics of the Household. 2022. PP. 1-21.
11. *Healy O., Heissel J., Rossin-Slater M.* Baby bumps in the road: The impact of parenthood on job performance and career advancement //10th Annual Conference of the American Society of Health Economists. ASHECON, 2021.
12. *Grunow D., Aisenbrey S.* Economic instability and mothers' employment: A comparison of Germany and the US //Advances in Life Course Research. 2016. Vol. 29. P. 5-15.
13. *Aisenbrey S., Evertsson M., Grunow D.* Is there a career penalty for mothers' time out? A comparison of Germany, Sweden and the United States //Social Forces. 2009. Vol. 88. №. 2. P. 573-605.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.46 EDN

НАКОПИТЕЛЬНЫЕ ПЕНСИИ В УСЛОВИЯХ УЖЕСТОЧЕНИЯ ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ В МИРЕ

Куликова Т. Ю.
канд. физ.-мат. наук,
научный редактор журнала «Математические заметки»;
Математический институт им. В. А. Стеклова РАН,
Москва, Россия

Аннотация. В результате беспрецедентного по масштабам монетарного стимулирования в развитых странах инфляция резко выросла, поэтому ведущие мировые центробанки были вынуждены перейти к ужесточению денежно-кредитной политики. Эти условия приведут к падению инвестиционного дохода портфелей НПФ – в номинале и, тем более, в реальном выражении.

Ключевые слова: накопительные пенсии, инвестиционный доход

FUNDED PENSIONS UNDER THE CONDITIONS OF MONETARY TIGHTENING THROUGHOUT THE WORLD

Kulikova T. Yu.
Candidate of Physics and Mathematics,
Scientific Editor of the journal Mathematical Notes;
Steklov Mathematical Institute RAS,
Moscow, Russia

Abstract. Because of the large-scale monetary stimulus, the inflation in the developed countries has soared; therefore, the leading world central banks had to start monetary tightening. Under these conditions the returns on investment of the pension funds' portfolios will decline – in the nominal terms and, especially, in the real terms.

Key words: funded pensions, return on investment

В течение четырех десятилетий (с начала 1980-х годов) в мире наблюдалась тенденция к уменьшению доходностей долговых ценных бумаг. Это касается, в особенности, государственных облигаций развитых стран. Такие облигации считаются безрисковым финансовым активом, поэтому они широко представлены в портфелях негосударственных пенсионных фондов (НПФ).

Рис. 1. Доходности 10-летних гос. облигаций США, интернет-портал финансовой информации. *Источник:* Данные сайта Macrotrends.net. URL: https://www.macrotrends.net/2016/10-year-treasury-bond-rate-yield-chart (дата обращения: 24.02.2022).

Это означает, что в начале этого 40-летнего периода (в 1980-х годах) НПФ могли размещать средства пенсионных накоплений в практически безрисковых активах под высокую доходность – под 7% и выше. Именно тогда накопительные пенсионные планы стали набирать популярность во всем мире, поскольку прирост капитала в 7% годовых (в предположении, что такая доходность будет всегда) позволял при посильных объемах пенсионных отчислений сформировать пенсионный капитал в объеме, достаточном для хорошей накопительной пенсии.

В последующие десятилетия доходности гособлигаций снижались, и уже невозможно стало достичь доходности 7%, просто вкладывая деньги в безрисковые активы. Однако снижение доходностей гособлигаций означало, что такие облигации, уже находящиеся в портфелях пенсионных фондов, дорожают (цена и доходность любой облигации всегда движутся в противоположных направлениях, причем, чем больше срок облигации, тем больше растет цена при снижении доходности). Так что, на протяжении этого периода финансовые результаты НПФ в среднем все равно оставались высокими.

Поэтому уровень доходности пенсионных накоплений в 7% (в среднем) стал восприниматься как некий «естественный» параметр для расчета будущего размера накопительной пенсии; в некоторых странах (например, в США) этот параметр был даже прописан формально в инвестиционных декларациях некоторых пенсионных планов. А если закладывать такой уровень доходности в расчет, то накопительная пенсия выглядит вполне работающим механизмом: она позволяет получать достаточно высокие пенсии при приемлемом уровне пенсионных отчислений с зарплат. Поэтому с 1990-х годов началось

широкое внедрение накопительных пенсий (и постепенное замещение ими солидарных пенсий) во многих странах мира, особенно развивающихся.

После мирового финансового кризиса 2007–2008 годов в развитых странах начался период мощного монетарного стимулирования: ведущие мировые центробанки стали внедрять многотриллионные программы «количественного смягчения», то есть выкупа с рынка на свой баланс государственных облигаций, что поддерживало их цены и, соответственно, еще более подавляло их доходности (в результате чего снижались процентные ставки в реальной экономике, что должно было способствовать экономическому росту). В этой ситуации практически не осталось возможности для инвестирования средств пенсионных накоплений с низким уровнем риска: доходность всех подобных инструментов (облигаций развитых стран и крупных частных компаний) была близка к нулю (или ниже нуля) даже в номинале. НПФ были вынуждены инвестировать в более рискованные финансовые инструменты. В частности, в их портфелях стала расти доля акций, а поскольку в этот период фондовые индексы (в целом по миру и особенно в развитых странах) в среднем хорошо росли (при этом цены акций заметно опережали рост прибыли соответствующих компаний – признак зарождающегося «пузыря»), то и общая доходность от инвестирования пенсионных накоплений все еще оставалась приемлемой. Но это была уже не низкорисковая доходность.

В марте 2020 года на фоне пандемического кризиса произошел обвал финансовых рынков, и ведущие мировые центробанки запустили еще более масштабные программы количественного смягчения, и процентные ставки упали еще сильнее. Однако в отличие от «количественного смягчения» после кризиса 2008–2009 годов эти новые программы привели к разгону инфляции, поскольку сопровождались прямой раздачей денег населению и нарушением цепочек поставок по широкому спектру товаров. В итоге доходности инвестирования в малорисковые финансовые инструменты, низкие даже в номинале, в реальном выражении (то есть за вычетом инфляции) стали глубоко отрицательными. Так, например, в середине февраля 2022 года доходности 10-летних облигаций США составляют порядка 2% при годовой инфляции 7.5%.

Поэтому, чтобы получить инвестиционный доход, хотя бы частично компенсирующий инфляцию, управляющие активами муниципальных и корпоративных пенсионных планов стали вкладывать средства в еще более рисковые финансовые инструменты, включая даже криптовалюту. При этом беспрецедентное монетарное стимулирование привело к еще большему «надуванию пузырей» на рынках акций (соотношения между ценой акций и объемом прибыли компании в расчете на одну акцию, между ценой и объемом выручки на одну акцию, и другие подобные соотношения,

традиционно использующиеся для оценки справедливой стоимости компаний для многих фондовых индексов, находятся на исторических максимумах). Так что, пока эти пузыри надувались, рост котировок поддерживал доходность портфелей НПФ.

Однако с конца 2021 года период надувания пузырей на финансовых рынках качественно изменяется: в большинстве стран – как в развивающихся, так и в развитых – инфляция стала политической проблемой, поэтому ведущие мировые центробанки приступили к ужесточению денежно-кредитной политики. Это значит, что «пузыри» на фондовых рынках будут сдуваться и котировки акций будут снижаться. То же касается других спекулятивных рынков, куда в последние годы инвестировали многие НПФ. Плюс к тому, доходности долговых инструментов будут расти (в номинале), что означает падение цен облигаций, уже находящихся в портфелях пенсионных фондов. При этом доходности облигаций, хотя и будут расти, но будут все еще находиться на исторически низких значениях даже в номинале (не говоря уже о доходности в реальном выражении, то есть с учетом инфляции), поскольку экономика в ее нынешнем состоянии не выдержит высоких ставок и скатится в депрессию. Поэтому размещение денег в новые облигации также не даст хорошей доходности.

В такой ситуации многие фонды в перспективе ближайших нескольких лет будут терпеть убытки даже в номинале, а с учетом инфляции покупательная способность средств пенсионных накоплений значительно сократиться.

Еще один возможный сценарий состоит в том, что ужесточение денежно-кредитной политики в развитых странах все-таки спровоцирует жесткую рецессию уже на горизонте ближайших нескольких лет. Тогда центробанки, вероятнее всего, опять перейдут к монетарному стимулированию. По сути, это будет повторением ситуации 2020 года: обвал цен на активы (акции, облигации и т. д.) с их быстрым последующим восстановлением и дальнейшим ростом, но при еще большем усилении инфляции (вплоть до гиперинфляции), в результате чего, реальная доходность инвестирования – так же, как и в период ужесточения денежно-кредитной политики – будет оставаться глубоко отрицательной. Так что и в этом сценарии покупательная способность будущих пенсий будет сокращаться.

Список литературы

1. *Куликова Т. Ю.* Накопительная пенсия в условиях стабильно низких и отрицательных процентных ставок // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 4. С. 52-62.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.47 EDN

ОЦЕНКИ УРОВНЯ БЕДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РФ В 2021 ГОДУ

Мигранова Л. А.
канд. экон. наук, доцент;
ведущий научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. Представлены результаты оценок уровня бедности населения РФ в 2021 году с использованием установленного на год среднедушевого прожиточного минимума (вариант 1) и новых Правил определения границ бедности, принятых в ноябре 2021 года (вариант 2). Анализ проведен по предварительным данным Росстата за январь-сентябрь 2021 года.

Ключевые слова: среднедушевой и медианный доход, уровень и граница бедности, прожиточный минимум, дифференциация

ESTIMATIONS OF THE POVERTY RATE OF THE RUSSIAN POPULATION IN 2021

Migranova L. A.
Candidate of Economics, Associate Professor,
Leading Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of estimations of the poverty rate of the Russian population in 2021 using the subsistence minimum (SM) set for the year (Variant 1) and the new Rules for estimation of poverty thresholds enacted in November 2021(Variant 2). The analysis was performed on the basis of the preliminary Rosstat data for January-September 2021.

Key words: average per capita and median income, poverty rate and poverty threshold, subsistence minimum, differentiation

Начиная с 1992 года, прожиточный минимум (ПМ) служит минимальным социальным стандартом уровня жизни населения России. Он выполняет, в том числе важную социальную функцию в качестве критерия оценки нуждаемости домохозяйств в государственной социальной помощи. За прошедшие почти три десятилетия методика его расчета менялась несколько раза – от чисто нормативной до нормативно-статистической. При этом его потребительская корзина, являющаяся основой ПМ, постоянно подвергалась критике за низкие нормы потребления, не обеспечивающие расширенное воспроизводство населения. Последний раз потребительская корзина пересматривалась в 2013 году. Научное сообщество предлагало альтернативные варианты по формированию минимальной потребительской корзины, соответствующей современным нуждам россиян [1].

В конце 2020 года был принят закон, в котором ПМ определяется, как «минимальная необходимая для обеспечения жизнедеятельности сумма доходов гражданина» (ФЗ № 473-ФЗ от 29.12.2020). Вместо ПМ, основанного на потребительской корзине, среднедушевой

ПМ, по этому закону, устанавливается из его соотношения с медианным среднедушевым доходом (44,2%) за предыдущий год. ПМ для социально-демографических групп рассчитывается из соотношения с ПМ в среднем по населению. Эти соотношения установлены сроком на 5 лет. По мнению разработчиков этой методики, ПМ будет регулироваться в зависимости от динамики доходов населения и социально-экономической ситуации в стране. Этот новый для метод оценки ПМ также подвергался критике со стороны ряда специалистов, в том числе за то, что не учитывает изменение потребительских цен.

Ретроспективный анализ динамики денежных доходов населения РФ и среднедушевого ПМ за последние 8 лет, показал, что соотношение между ПМ и медианой не превышало 44,9% (2015 год) и в январе-сентябре 2020 года (по предварительным данным Росстата) составляло 44,2% [2]. Постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 г. № 2406 ПМ в среднем на душу по РФ на весь 2021 год был установлен на уровне 11 653 руб. в месяц, что на 2,9% выше ПМ за 4 квартал 2020 года.

Спустя год, в ноябре 2021 года, были приняты новые «Правила определения границ бедности в целом по РФ и по субъектам РФ, используемых в оценках показателя "Уровень бедности" (Постановление Правительства РФ № 2049), в которых введено понятие «базовой границы бедности». Границы бедности за отчётный период определяются умножением значений базовой границы бедности на цепной индекс потребительских цен за отчетный период к 4 кварталу 2020 года (11 329 руб.).

Рассмотрим, как складывалась ситуация с оценкой бедности в РФ в 2021 году. В *табл. 1* представлены два варианта оценок: с использованием установленного на год ПМ (вариант 1) и, согласно новым Правилам 2021 года, на основе, так называемой, «базовой границы бедности» и цепного индекса потребительских цен (вариант 2). Исходной информацией для них служили данные Росстата о распределении населения РФ по денежному душевому доходу.

Таблица 1

Основные характеристики денежных доходов и уровень бедности населения РФ в 2021 году

Показатели	1 квартал	1 полугодие	Январь-сентябрь	Пояснения
Среднедушевой денежный доход, руб. (X)	32502	35 322	37 015	Общие для обоих вариантов основные показатели распределения населения по денежному душевому доходу за отчётный период
Медианный доход, руб. (Me)	25483	26781	28529	
*Соотношение Me с X, %	78,4	75,8	77,1	
Коэффициент фондов, раз	13,1	14,3	14,4	
ПМ, руб. в месяц	11653	11653	11653	**Вариант 1.** Постановление Правительства РФ от 31.12. 2020 г № 2406
*Соотношение ПМ с Me, %	45,8	43,5	40,8	
Уровень бедности, %, (млн.чел.)	14,4 (21,1)	13,1 (19,1)	*11,9 (17,3)	
Граница бедности, руб.	11581	11697	11788	**Вариант 2.** Постановление Правительства РФ от 26.11.2021г. № 2049
*Соотношение границы бедности с Me, %	44,5	43,7	41,3	
Уровень бедности, %,(млн.чел.)	14,2 (20,8)	13,2 (19,3)	12,1 (17,6)	

Источник: Ежемесячные доклады Росстата «Социально-экономическое положение в России» за 2021 год. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/218_03-12-2021.htm (дата обращения: 15 февраля 2022); Расчёты автора по данным Росстата.

Первый вариант (расчёты автора) – уровень бедности оценивался по установленному на 2021 год ПМ в размере 11 653 руб. Уже в 1 квартале по сравнению с 2020 годом при снижении среднедушевого (X) с 35 740 руб. до 32 502 руб. и медианного дохода (Me) с 26 644 руб. до 25 483 руб. соотношение между этими величинами выросло с 74,5% до 78,4%; увеличилось и отношение ПМ к Me с 42,5% до 45,8%; дифференциация доходов снизилась (с 14,4 до 13,1 раз), а уровень бедности вырос (с 12,1% до 14,4%).

К концу 3 квартала 2021 года денежные доходы населения выросли и соотношение ПМ с Me снизилось до 40,8%, а неравенство в доходах вновь увеличилось до 14,4 раз за счёт более высоких темпов роста доходов у высокообеспеченных домохозяйств, но при этом оценка уровня бедности достигла минимального значения (11,9%) за все последние 7 лет.

Второй вариант. В декабре 2021 года Росстат опубликовал границы бедности и уровень бедности за три квартала 2021 года, рассчитанные по новым правилам. Несмотря на изменение методики, эти оценки уровня бедности мало отличаются от варианта 1. Так, в 1 квартале новая оценка уровня бедности составила 14,2% против 14,4% по варианту 1, а за январь-сентябрь – 12,1% против 11,9%. Таким образом, эти новации в 2021 году мало что изменили в удельной оценке уровня бедности.

Объясняется такой результат тем, что в основе обоих вариантов лежит распределение населения по денежному душевому доходу, которое Росстат рассчитывает с использованием логарифмически-нормальной функции. Специфическая её особенность состоит в том, что все статистические характеристики исследуемого признака (в данном

случае – денежного дохода) функционально связаны между собой [3]. Так, например, соотношение Ме с Х определяет уровень дифференциации, и чем оно ниже, тем выше неравенство. Так, в январе-сентябре этот показатель составлял 77,1% против 78,4% в 1 квартале, а коэффициенты фондов – 14,4 и 13,1 раз.

Граница бедности всегда устанавливается изолированно от распределения доходов населения за отчётный период, независимо от того, каким методом она определяется – по ПМ или в соответствии с новыми Правилами. И если темпы роста медианного дохода населения выше темпов роста границы бедности, то уровень бедности снижается и наоборот. В январе-сентябре 2021 года медианный доход населения вырос по сравнению с 1 кварталом на 12%. Граница бедности в 1 варианте в течение года не менялась, а во 2-ом – она за этот период увеличилась на 1,8%, и разница между ними составила всего 1,2%. Поэтому и удельные показатели уровня бедности по обоим вариантам близки между собой. ПМ с 2021 года официальной границей бедности не является, но остался служить критерием для получения государственной социальной поддержки, т. к. по законодательству право на неё имеют домохозяйства с душевым денежным доходом ниже ПМ. Таким образом, если бы новые Правила были установлены в начале года, то в 1 квартале на господдержку имели право и домохозяйства с доходом выше новой границы бедности, а январе-сентябре, наоборот, не все граждане с доходом ниже новой границы бедности имели бы это право. Так, из 17,6 млн человек на господдержку не имели право 300 тыс. человек из числа бедного населения. Расчёты показывают, что в целом за год граница бедности по варианту 2 составит 11 908 руб., что на 1% выше ПМ, следовательно, и численность бедных будет больше, чем лиц, имеющих право на социальную поддержку.

Как будет складываться ситуация с оценкой уровня бедности в 2022 году – не ясно. Спустя 10 дней после принятия вышеуказанных Правил оценки границ бедности был установлен среднедушевой ПМ на весь 2022 год – на уровне 12 654 руб. (Федеральный закон № 390-ФЗ). Он выше ПМ 2021 года на 8,6% и 6,3% выше среднегодовой границы бедности в 2021 году.

Можно предположить, что сохранение показателя ПМ при использовании новой методики определения границ бедности даёт время для внесения правок в законодательство о государственной социальной помощи. Например, следует отказаться от термина ПМ, который потерял своё содержание и не выполняет функции как социально-экономическая категория. При этом научная разработка потребительских бюджетов остаётся актуальной задачей. Новая методика определения границ бедности завершает процесс перехода от оценки уровня абсолютной бедности к относительной, начатый в конце 2020 года.

Список литературы

1. *Бобков В. Н., Одинцова Е. В., Гулюгина А. А.* Потребительская корзина как основа государственных гарантий минимальных денежных доходов российских граждан (Ч. 2) // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 4. С. 4-18. DOI 10.19181/population.2020.23.4.1

2. Мигранова Л. А., Корчагина И. И. Минимальный социальный стандарт уровня жизни в России: методы оценки // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17. № 2. С. 192–203. DOI 10.19181/lsprr.2021.17.2.3

3. *Жаромский В. С., Мигранова Л. А, Токсанбаева М. С.* Социально-экономическое неравенство в России: динамика и методы оценки // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 4. С. 79–95. DOI 10.26653/1561-7785-2018-21-4-08

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.48 EDN

НЕУСТОЙЧИВОСТЬ ЗАНЯТОСТИ И МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ РОССИЙСКИХ РАБОТНИКОВ: МАСШТАБЫ И ОСОБЕННОСТИ В РАЗНЫХ СЕКТОРАХ ЗАНЯТОСТИ

Одинцова Е. В.
канд. экон. наук,
ведущий научный сотрудник,
Научный центр экономики труда,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова;
ведущий научный сотрудник,
ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. Представлены результаты оценивания масштабов неустойчивости занятости работников организаций и материального положения их домохозяйств. Количественные оценки представлены в целом по работникам организаций и в секторах занятости - государственном, частном и смешанном.

Ключевые слова: неустойчивая занятость, неустойчивое материальное положение, наемные работники, организации, сектор занятости

PRECARITY OF EMPLOYMENT AND INSTABILITY OF FINANCIAL SITUATION OF HOUSEHOLDS OF RUSSIAN WORKERS: THE SCALE AND FEATURES IN DIFFERENT EMPLOYMENT SECTORS

Odintsova E. V.
Candidate of Economics,
Leading Researcher,
Research Center of Labor Economics,
Plekhanov Russian University of Economics;
Leading Researcher,
FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The article presents the results of assessing the scale of precarity of employment of employees of organizations and instability of the financial situation of their households. Quantitative estimates are given for employees of organizations on the whole and by the employment sectors - public, private and mixed.

Key words: precarious employment, unstable financial situation, employees, organizations, employment sector

Неустойчивость занятости и материального положения свидетельствует о снижении качества занятости работников и его негативных последствиях для уровня жизни их домохозяйств [1; 2; 3].

Оценка сложившихся масштабов неустойчивости занятости и материального положения домохозяйств работников проводилась на основе оригинального инструментария по данным Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (РМЭЗ) для российских работников, занятых по найму в

организациях, – в целом и дифференцированно по трем секторам (государственный, частный и смешанный) [3].

Неустойчивость занятости идентифицировалась на основе следующих ее проявлений (индикаторов): 1) отсутствие официального оформления занятости; 2) неофициальная (частично или полностью) заработная плата; 3) заработная плата менее 2,6 прожиточных минимумов трудоспособного населения (ПМтр); 4) задолженность по заработной плате; 5) отклоняющееся от стандартного рабочее время (чрезмерная (более 40 часов в неделю) или недостаточная (не более 30 часов в неделю) его продолжительность); 6) уменьшение работодателем заработной платы или сокращение часов работы; 7) вынужденный неоплачиваемый отпуск по инициативе работодателя [1; 3]. Отсутствие данных индикаторов позволяет определять занятость работников как устойчивую.

В основу оценивания материального положения домохозяйств работников были положены социальные стандарты денежных доходов, устанавливающих нормативные границы локализации различающихся по душевым денежным доходам групп населения [4]. Неустойчивость материального положения при сопоставлении фактических размеров душевых денежных доходов с их нормативными границами идентифицировалась в случае, если душевые денежные доходы домохозяйств работников не достигали границы 3,2 прожиточных минимума (ПМ). Соответственно, душевые доходы в домохозяйствах не менее 3,2 ПМ позволяют определять материальное положение как относительно устойчивое [2].

Проведенное оценивание показало, что масштабы неустойчивой занятости варьируют в зависимости от сектора занятости работников – государственный, частный и смешанный – а также от набора индикаторов неустойчивой занятости – учитывается или нет при ее идентификации уровень заработной платы (*табл. 1*).

Таблица 1

Наличие и концентрация индикаторов неустойчивой занятости (НЗ) у наемных работников организаций, 2020 год, %

	При оценивании НЗ без учета уровня заработной платы	**При оценивании НЗ с учетом уровня заработной платы**
Отсутствие индикаторов НЗ (устойчиво занятые), всего	**46,4**	**19,7**
В зависимости от сектора:		
- государственный сектор	58,7	22,4
- частный сектор	37,0	16,4
- смешанный сектор	52,0	34,2

Наличие одного и более индикаторов НЗ (неустойчиво занятые), всего	**53,6**	**80,3**
В зависимости от сектора:		
- государственный сектор	41,3	77,6
- частный сектор	63,0	83,6
- смешанный сектор	48,0	65,8
С наиболее уязвимым положением по НЗ (с тремя и более индикаторами), всего	**7,5**	**13,9**
В зависимости от сектора:		
- государственный сектор	1,5	4,7
- частный сектор	12,5	21,3
- смешанный сектор	1,2	4,9

Источник: оценка автора на основе данных РМЭЗ [3].

Выявлено, что неустойчиво занятыми, если не рассматривать уровень заработной платы, являются 53,6% работников организаций. Наиболее массово такие работники представлены в частном секторе – 63%, а в государственном секторе их доля наименьшая – 41,3%. Если при идентификации неустойчивой занятости учитывать и уровень заработной платы, то ее масштабы возрастают до 80,3%, при этом в частном секторе они превышают зафиксированные ее масштабы в целом по работникам организаций – 83,6%.

Наиболее уязвимое положение по неустойчивой занятости, выявляемое при наличии трех и более ее индикаторов, характерно для 7,5% работников организаций, если не учитывать уровень заработной платы, и 13,9% при ее включении в число индикаторов. В секторах занятости сегмент неустойчивой занятости, связанный с наиболее уязвимым положением работников, наиболее распространен в частном секторе – 12,5% и 21,3%.

Большие масштабы неустойчивой занятости, в том числе по уровню заработной платы, приводят к тому, что устойчивым социально-трудовым положением домохозяйств отличается небольшая доля работников (*табл. 2*).

Таблица 2

Распределение работников организаций по устойчивости (неустойчивости) их занятости и материального положения их домохозяйств, 2020 год, %

	Устойчивая занятость и устойчивое материальное положение	**Неустойчивая занятость и устойчивое материальное положение**	**Устойчивая занятость и неустойчивое материальное положение**	**Неустойчивая занятость и неустойчивое материальное положение**
При оценивании неустойчивой занятости без учета уровня заработной платы				
Всего	5,7	6,3	40,1	47,9
В зависимости от сектора:				
- государственный сектор	7,9	4,7	50,4	37,0
- частный сектор	3,8	7,3	32,7	56,2
- смешанный сектор	9,6	8,3	42,1	40,0
При оценивании неустойчивой занятости с учетом уровня заработной платы				
Всего	4,4	7,7	16,2	71,7
В зависимости от сектора:				
- государственный сектор	5,4	7,3	18,2	69,1
- частный сектор	3,2	7,9	13,9	75,0
- смешанный сектор	9,2	8,8	25,8	56,2

Источник: оценка автора на основе данных РМЭЗ [3].

Выявлено, что неустойчивая занятость и неустойчивое материальное положение домохозяйств характерны для 47,9% и 71,7% работников, в зависимости от включения в число индикаторов неустойчивой занятости уровня заработной платы. Наиболее массово работники, отличающиеся неустойчивостью занятости и материального положения домохозяйств, представлены в частном секторе – 56,2% и 75%. Наименьшая их представленность выявлена в государственном секторе – 37%, если не учитывать уровень заработной платы, и в смешанном секторе – 56,2% при учете данного индикатора при оценивании неустойчивой занятости.

Список литературы

1. *Bobkov V. N., Odintsova E. V.* Low level and quality of life among economically active population: identification criteria and assessment of occurrence // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2020. Vol. 13. No 5. P. 168–181. DOI 10.15838/esc.2020.5.71.10
2. *Бобков В. Н., Одинцова Е. В*. Влияние неустойчивой занятости на материальную обеспеченность домохозяйств // Социально-трудовые исследования. 2020. № 39(2). С. 30-41. DOI 10.34022/2658-3712-2020-39-2-30-41
3. *Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Одинцова Е. В.* Социальные последствия тридцати лет капиталистических реформ в России // Российский экономический журнал. 2022. № 1. С. 78–107. DOI 10.33983/0130-9757-2022-1-78-107
4. *Бобков В. Н., Херрманн П., Колмаков И. Б., Одинцова Е. В.* Двухкритериальная модель социальной структуры российского общества по доходам и жилищной обеспеченности // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 4. С. 1061–1075. DOI 10.17059/2018-4-1

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.49 EDN

УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЕМ В КОНТЕКСТЕ ГЛОКАЛИЗАЦИИ

Рушева А. В.
канд. социол. наук, доцент,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Бекарев А. М.
д-р филос. наук, профессор,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

Аннотация. Современный мир наполнен многообразием трансформационных процессов бизнес-моделей, развивается по линии глобализации и локализации, что, в итоге приводит к глокализации. Правильное понимание сути этого новообразования позволяет субъектам управления качественно и эффективно осуществлять требуемые изменения в сфере производства и социально-трудовых отношений, не допускать развитие кризисных ситуаций, сохранять и преумножать человеческий потенциал.

Ключевые слова: глокализация, глобализация, работники, управление, предприятие, адаптация, культура, качество трудовой жизни

ENTERPRISE MANAGEMENT IN THE CONTEXT OF GLOCALIZATION

Rusheva A. V.
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Lobachevsky University,
Nizhny Novgorod, Russia

Bekarev A. M.
Doctor of Philosophy, Professor,
Lobachevsky University,
Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. Modern world is filled with a variety of transformation processes of business models, develops along the line of globalization and localization, which ultimately leads to glocalization. A correct understanding of the essence of this new process allows the subjects of management to carry out qualitatively and effectively the required changes in the sphere of production and social and labor relations, to prevent development of crisis situations, to preserve and increase human potential.

Key words: glocalization, globalization, employees, management, adaptation, culture, quality of working life

Период реформирования, начавшийся в России еще в 90-е годы XX века, сопровождался серьезными институционально-структурными изменениями, отразившимися на всех сферах жизни общества. В настоящее время наблюдается процесс активной интеграции нашей страны в мировое сообщество, а это значит, что многие устоявшиеся правила и сложившиеся традиции советского времени в новых условиях не могут «работать» без изменений. Централизованное управление и плановая экономика не

предполагали формирование навыков жизнедеятельности в условиях жесткой конкурентной борьбы, в то время, как динамичное изменение позиции российского государства в международной системе потребовало значительного и оперативного пересмотра принципов функционирования всех его подсистем, обеспечивающих должный уровень качества жизни.

Глокализация – это «процесс новой всемирной стратификации, в ходе которой выстраивается новая, охватывающая весь мир и самовоспроизводящаяся социокультурная иерархия» [1, 103].

Существуют различные точки зрения относительно авторства и времени появления данного гибридного понятия. Так, например, в конце 80-х годов XX века, термин «глокализация» стали применять для обозначения стратегии бизнеса в Японии, ставшей успешной за счет умелой адаптации глобальных тенденций к условиям конкретной территории производственно-экономической деятельности. В данном случае автором «глокализации» принято считать одного из создателей японской транснациональной корпорации «SONY» Акио Морита. По его определению, глокализация соответствует сценарию «децентрализованного и справедливого мира», сочетая в себе процессы модернизации локальных культур с достижениями формирующейся глобальной мультикультурной цивилизации» [2].

Другая точка зрения на суть глокализации связана с именем английского социолога Роланда Робертсона, который, выступая в середине 1990-х годов на конференции «Глобализация и культура коренных народов», представил глобализацию, как «региональный сценарий, при котором глобальные и локальные тенденции сосуществуют и взаимодополняют друг друга, хотя в конкретных ситуациях могут прийти в столкновение» [3]. Ученый способствовал популяризации термина «глокализация», используя его для анализа глобализационных процессов.

Известный немецкий социолог У. Бек отмечает, что высокий уровень динамизма процесса глобализации неизбежно ведет к появлению общества рисков, в котором станут очевидны не только проблемы плохой экологии, ухудшающие здоровье людей, но и множество сопряженных с ними социальных перемен. Значительно будет затронута социально-производственная и трудовая сфера, образовательная и культурная среда, семейные отношения и воспитание [1, 24-28]. Своеобразным результатом глобализационного вмешательства, представленным в социологической литературе, является переплетение культур и её составляющих, отражающих, в свою очередь, особенности местных (региональных) процессов и явлений, неизбежные изменения на личностном уровне, происходящие в сознании и, воспроизводящиеся в поведении человека.

В последние годы появляется все больше публикаций, содержащих анализ влияния процессов глобализации на состояние/функционирование института труда и уровень качества трудовой жизни. Активное внедрение новых знаний, принципов работы и процессов в привычную атмосферу локальной организационной среды, с устоявшимися ценностями и паттернами отражается в интересах/поведении руководства и избираемых мерах управленческого воздействия, изменении типа социально-трудовых отношений и мотивации работников, содержании кадровой политики и результатах деятельности.

Процесс глобализации локального существенно меняет положение работника. Непрофессиональный подход российского менеджмента при внедрении инновационных методов развитых стран, приводит к прекаризации труда и иным негативным явлениям: увеличению количества и усложнению характера социально-трудовых конфликтов; сложностям частой и вынужденной профессиональной, экономической и социально-психологической адаптации к стремительным изменениям производственной среды (диктуемых глобализацией), нарушениям трудовых прав из-за отставания нормативно-правовой базы от уже реализуемых на практике новшеств. Можно предположить, что ключевые проблемы интеграции и приспособления известных, признанных и стандартизированных практик управления к целым сферам, отдельным предприятиям и производственным отношениям в конкретной культурной среде, связаны, преимущественно, с отсутствием системного подхода к этим процессам.

Глокализация открывает большие возможности не только для развития регионов и локальных территорий (городов и районов), но и для социально-экономических образований меньшего порядка – конкретных предприятий. Инновационные процессы, обусловленные явлениями глокализации, с одной стороны, способствуют самоидентификации организации, позволяют её руководителям найти наиболее востребованные направления деятельности, обеспечить высокую конкурентоспособность, с другой – требуют профессионального управленческого подхода и мастерства, включая тщательную подготовку к последующей реализации.

Анализ исследований глокализации позволяет сформулировать её положительные значения, среди которых:

- возможности повышения уровня качества трудовой жизни через более целостное восприятие жизнедеятельности людей;
- стимулирование активного развития новых технологий и их распространение;
- объективная необходимость создания уникального продукта/бренда, узнаваемого и на международном уровне;

- расширение возможностей трудоустройства местного населения и повышение качества занятости;
- совершенствование внутренней и внешней конкуренции;
- усиление мотивации к личностному росту, развитию навыков критического мышления;
- сплочение местного населения и установление продуктивных связей с глобальным обществом.

В условиях неизбежности процессов глобализации, важно приобретать и распространять глокальный опыт, с присущим ему целостным взглядом на происходящее. Такие значимые компоненты, объединенные в систему, как «Я – Ценности – Действие – Отношения – Окружающая среда – Успех и Развитие», способствуют принятию взвешенных управленческих решений, использованию возможности глобализации для повышения качества трудовой жизни.

Список литературы

1. *Бек У.* Что такое глобализация? М. : Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
2. *Малиновский П. В.* Глобализация 90-х годов: время выбора // Глобализация: контуры XXI. Ч. 1. М. : ИНИОН, 2002. С. 5-49.
3. *Robertson R., Knondker H.* Discourses of globalization: Preliminary considerations // International sociology. L., 1999. Vol. 13. № 11. PP. 25-40.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.50 EDN

ОБЗОР ИЗМЕНЕНИЙ В ТРУДОВОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2022 ГОДУ

Трапезникова А. М.
студентка,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья представляет собой обзор изменений, произошедших в действующем законодательстве Российской Федерации и непосредственно касающихся трудового законодательства. Данные изменения вступили в силу с 1 января или же вступят в силу в течение 2022 года.

Ключевые слова: трудовое право, законодательство РФ, минимальный размер оплаты труда, льготы, охрана труда, список «неженских» профессий

REVIEW OF CHANGES IN THE LABOR LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 2022

Trapeznikova A. M.
Student,
St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia

Abstract. The article analyzes the changes in the current legislation of the Russian Federation that are directly related to labor legislation. These changes have already entered into force on January 1 or will enter into force during 2022.

Key words: labor law, legislation of the Russian Federation, minimum wage, benefits, labor protection, list of "non-feminine" professions

Постоянно меняющиеся факторы, формирующие производственную среду, диктуют необходимость периодического пересмотра и внесения изменений в законодательство России относительно сферы труда.

Ежегодно в трудовом законодательстве РФ появляются изменения и нововведения, 2022 год не стал исключением из правил и, начиная с 1 января, в силу уже вступил ряд изменений. Рассмотрим некоторые из них.

С 1 января начал действовать Федеральный закон № 406-ФЗ от 06.12.2021 «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда». В настоящее время, на основании указанных изменений, МРОТ (минимальный размер оплаты труда) обозначен в сумме 13 890 руб. в месяц, что на 1 098 руб. больше по сравнению с предыдущим годом [1]. Разница не значительная и не сможет существенно повлиять на благосостояние граждан – изменения носят скорее формальный характер, нежели социально ориентированный.

Другим нововведением стала возможность получения некоторыми категориями граждан дополнительных отпускных дней. Данное право регулируется Законом о дополнительных отпусках работникам и прописано в статье 263 ТК РФ. В результате подписания президентом Федерального закона «О внесении изменений в статью 263 Трудового кодекса Российской Федерации», с 1 января 2022 года сотрудники, имеющие на своем попечении родственников, имеющих инвалидность I группы, имеют возможность оформить отпуск в размере до четырнадцати дней, однако, заработная плата при этом сохранена не будет. Существенным препятствием на пути работника, желающего оформить такой отпуск за свой счет, станет отсутствие отражения данной возможности в коллективном трудовом договоре, из-за чего нововведение кажется достаточно противоречивым, то есть право у работников такое есть, однако, реализовать это право возможно, если будут внесены изменения в коллективный договор и в нем появится соответствующий пункт [2].

Еще одно изменение, вступившее в силу с 1 января 2022 года на основании Федерального закона № 219-ФЗ от 28 июня 2021 года «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О занятости населения в Российской Федерации» и ст. 21 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», – обязанность размещения вакансий работодателями на специальном портале «Работа в России» – trudvsem.ru. Данное изменение призвано снизить безработицу, путем информирования соискателей о наличии вакансий и исчерпывающих требований к кандидатам, а также загруженность центров, предоставляющих услуги населению, непосредственно связанные с занятостью и безработицей [3].

Помимо уже вступивших в силу изменений в этом году нас также ожидает ряд нововведений, которые вступят в силу с 1 марта 2022 года.

Так, с 1 марта 2022 года в силу вступит не одно, а сразу несколько достаточно значимых изменений, касающихся охраны труда работников. Данные изменения будут введены действием новой редакции раздела X. «Охрана труда» ТК РФ [4].

Особое значение имеет полный запрет на работу, а также полная остановка проведения каких-либо работ в опасных для здоровья и жизни работников условиях труда. Данное нововведение будет введено 1 марта текущего года Законом от 02.07.2021 № 311-ФЗ. Этот закон добавляет в Трудовой кодекс РФ новую статью № 214.1 «Запрет на работу в опасных условиях труда». Исключением станут работы по предотвращению и устранению последствий, возникших вследствие чрезвычайных ситуаций. Нововведение призвано снизить количество несчастных случаев с массовыми летальными исходами, происходивших ранее по причинам халатного отношения и желания работодателей

сэкономить на здоровье сотрудников [4]. Внесение таких изменений существенно меняет положение человека в производственной системе в лучшую сторону.

Помимо этого, работодатели теперь также обязаны регистрировать и вести учет микротравм, включающих незначительные повреждения кожных покровов работников в результате выполнения ими их непосредственных трудовых обязанностей, а также обстоятельств их получения и причин, приведших к ним. Положение вступит в силу в результате добавления в Трудовой кодекс РФ с 1 марта новой статьи № 226 «Микроповреждения (микротравмы)». Микротравмы принимают другой статус, что должно еще больше обратить внимание работодателей на создание комфортных, а самое главное, отвечающих всем нормам безопасности условий труда для работников.

В современном мире является значимым вопрос гендерного равенства и недопустимости дискриминации в сфере труда по половому признаку [5]. Женщины в России продолжают лоббировать решение этой проблемы, но внесение последних изменений в законодательство РФ выглядит все еще не однозначно.

В 2022 году продолжится пересмотр перечня «не женских» профессий. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации № 512н «Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин» от 18 июля 2019 года, вступивший в законную силу с 1 января 2021 года, сокращает список профессий, запрещенных для женщин, в 4 раза. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации № 313н от 13.05.2021 вносит изменения и вновь сокращает список запрещенных для женщин профессий. Таким образом, теперь женщинам будут доступны работы, связанные с котельным и холодноштамповочным оборудованием, а также некоторые виды других работ, непосредственно связанных с наладкой и обслуживанием технического оборудования. Однако вместе с расширением возможных занимаемых должностей из ранее утвержденного перечня, был также изъят ряд профессий, ставших в прошлом году доступным для женщин. Так, женщинам вновь нельзя занимать многие должности, связанные с разработкой, ремонтом и наладкой оборудования в авиационной промышленности [6; 7].

Резюмируя, отметим, что обзор затрагивает не весь спектр произошедших изменений, а лишь некоторые, наиболее интересные и значимые, по нашему мнению.

Список литературы

1. Федеральный закон от 06.12.2021 N 406-ФЗ "О внесении изменения в статью 1 Федерального закона "О минимальном размере оплаты труда". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402538/ (дата обращения: 23.02.2022).

2. Федеральный закон от 19.11.2021 N 373-ФЗ "О внесении изменений в статью 263 Трудового кодекса Российской Федерации". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/a8f79e2b9a1ff8d051941bce4107dfe145aa5285/ (дата обращения: 23.02.2022).

3. Федеральный закон от 28 июня 2021 г. N 219-ФЗ "О внесении изменений в Закон Российской Федерации "О занятости населения в Российской Федерации" и ст. 21 Федерального закона "О социальной защите инвалидов в Российской Федерации". URL: http://ivo.garant.ru/#/document/401399761/paragraph/1:0 (дата обращения: 23.02.2022).

4. Федеральный закон от 2 июля 2021 г. N 311-ФЗ "О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации". URL: http://ivo.garant.ru/#/document/401421204/paragraph/150:2 (дата обращения: 23.02.2022).

5. *Акимова Ю. Н., Волкова Д. С.* Гендерная дискриминация в оплате труда // IV национальная научно-практическая конференция научно-педагогических и практических работников с международным участием: Экономика и управление: теория и практика. Ярославль, 20 мая 2021 года. С. 66-70. ID: 47466411.

6. Приказ Минтруда России от 18.07.2019 N 512н "Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин" (Зарегистрировано в Минюсте России 14.08.2019 N 55594). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_331608/ (дата обращения: 23.02.2022).

7. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 13 мая 2021 г. N 313н "О внесении изменений в приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 18 июля 2019 г. N 512н "Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин". URL: https://base.garant.ru/401565920/ (дата обращения: 23.02.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.51 EDN

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР ЭКОНОМИКИ: ВНУТРЕННИЙ РЫНОК УСЛУГ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ

Тихомирова В. В.
канд. экон. наук,
старший научный сотрудник,
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра Уральского отделения РАН,
Сыктывкар, Россия

Аннотация. В данной статье в качестве индикатора конкурентоспособности региона рассматривается конкурентоспособность регионального рынка социальных услуг в сфере психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями. Анализируется мониторинг удовлетворенности населения уровнем цен, качеством и возможностью выбора социальных услуг в данной сфере в динамике с 2015 по 2020 год. Выявлено наличие положительной динамики развития данного рынка, что не исключает большой доли неудовлетворенных потребителей соответствующего вида услуг. Определено, что жители региона в целом «скорее не удовлетворены» услугами психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья по каждому из предложенных показателей.

Ключевые слова: реальный сектор экономики, внутренний рынок услуг, мониторинг, дети с ограниченными возможностями здоровья

REAL SECTOR OF THE ECONOMY: DOMESTIC SERVICE MARKET IN THE KOMI

Tikhomorova V. V.
Candidate of Economics,
Leading Researcher,
Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Research Center, Ural Branch RAS,
Syktyvkar, Russia

Abstract. This article considers competitiveness of the regional market of social services in the field of psychological and pedagogical support for children with disabilities as an indicator of the region's competitiveness. The monitoring of satisfaction of the population with the level of prices, quality and choice of social services in this area in dynamics from 2015 to 2020 is analyzed. There was found positive dynamics in the development of this market. However, a large proportion of consumers of this type of service remain dissatisfied. It was found that the residents of the region as a whole are “rather dissatisfied” with the services of psychological and pedagogical support for children with disabilities by each of the proposed indicators.

Key words: real sector of economy, domestic service market, monitoring, children with disabilities

В настоящее время реальный сектор экономики России можно разделить на две части: отрасли, ориентированные на внешний рынок, и отрасли, ориентированные на внутренний рынок. Первая часть реального сектора невелика по числу занятых граждан (около 5%), но приносит более половины всей прибыли в стране. Вторая часть реального сектора малорентабельна из-за своей невысокой конкурентоспособности [1, 8].

С учетом требований к системе оценки конкурентоспособности региона Распоряжением Главы Республики Коми выделены 34 ключевых показателя развития конкуренции в Республике Коми на период до 2022 года [2].

В статье в качестве индикатора конкурентоспособности региона будет рассмотрена конкурентоспособность регионального рынка социальных услуг в сфере психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями. Выборка населения была проведена по месту проживания (городской округ, муниципальный район). Опросом было охвачено 3 250 человек. Опрос проводился во всех муниципальных образованиях городских округов и муниципальных районов республики.

По данным Отделения Пенсионного фонда РФ по Республике Коми на 1 января 2020 года количество детей с категорией «ребенок-инвалид» в возрасте 0-17 лет составляет 3 364 человек (2014 год – 3 065, 2015 год – 3 198, 2016 год – 3 215, 2017 год – 3 325). Показатель распространённости детской инвалидности в целом по Республике Коми составил 179,3 человек на 10 тысяч детского населения.

На I ранговом месте второй год подряд расположилась *патология по причине психических расстройств* и расстройств поведения – 29,1 % (2016 год – 19,7 %, 2017 год – 20,4 %, 2018 год – 23,5 %), 46,6 % занимает умственная отсталость, что на 2,8% выше общероссийского показателя. По Российской Федерации в 2019 году удельный вес данной патологии составлял 26,3 % (2016 год – 24,4 %, 2017 год – 24,8 %, 2018 год – 24,8 %), и эта нозология занимала также первое ранговое место.

Второе место занимают *болезни нервной системы*, удельный вес которых составил 19,5 % (2016 год – 22,2 %, 2017 год – 18,5 %, 2018 год – 19,1 %), здесь наблюдается не большой разрыв (0,3%) с общероссийским показателем. По Российской Федерации данная патология составила 19,2 % (2016 год – 19,8 %, 2017 год – 19,6 %) и занимала второе ранговое место, как и по Республике Коми.

Выше представленные данные показывают, что 48,6% инвалидизации детского населения происходит по причине психических расстройств и болезни нервной системы. Ввиду этого, данная патология находится под пристальным вниманием государственных органов власти Республики Коми.

В рамках внедрения Стандарта развития конкуренции в субъектах Российской Федерации предусмотрено проведение мониторинга удовлетворенности потребителей качеством товаров и услуг на товарных рынках региона и состоянием ценовой конкуренции [3].

Уровнем цен 2020 году удовлетворены лишь 5,3% респондентов (2015 год – 6,8%; 2018 год – 8,0%), скорее удовлетворены – 30,2% (2015 год – 15,4%; 2018 год – 20,2%),

скорее не удовлетворены – 44,3% (2015 год – 19,1%; 2018 год – 21,1%) и не удовлетворены – 20,2% (2015 год – 21,8%; 2018 год – 16,0%). Разница положительных и отрицательных ответов за обозначенный промежуток времени составила – 29,1%. Это самый низкий показатель за последние 6 лет (*рис. 1*).

Качеством услуг удовлетворены – 5,0% опрошенных (2015 год – 6,2%; 2018 год – 9,6%), скорее удовлетворены – 38,5% (2015 год – 15,1%; 2018 год – 21,0%), скорее не удовлетворены – 40,0% (2015 год – 19,4%; 2018 год – 21,7%) и не удовлетворены – 16,6% респондентов (2015 год – 20,5%; 2018 год – 13,9%). Разница положительных и отрицательных ответов составила - 13,1% (в 2019 год +33,4). Отсюда 56,6% потребителей данных услуг не удовлетворены их качеством.

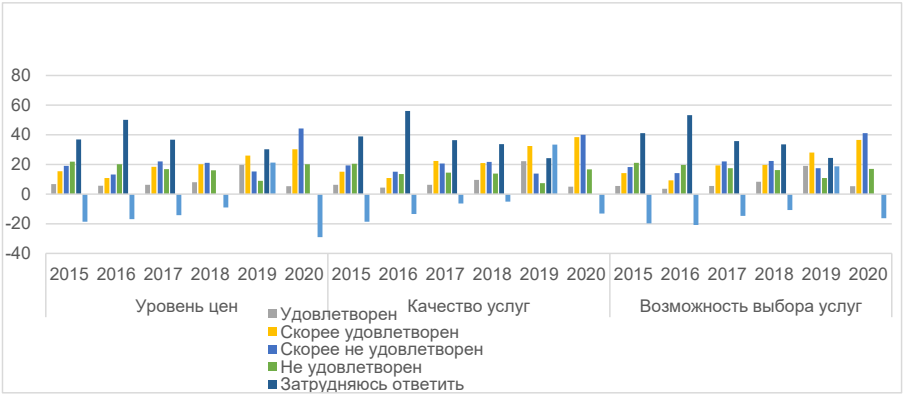

Рис. 1. Удовлетворенность респондентов характеристиками услуг психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья, в % от числа опрошенных. *Источник:* Аналитический отчет «Состояние и развитие конкурентной среды на рынках товаров и услуг в Республике Коми». Сыктывкар, 2018. 212 с.; Аналитический отчет «Состояние и развитие конкурентной среды на рынках товаров и услуг в Республике Коми». Сыктывкар, 2020. 502 с.

Возможностью выбора услуг на 2020 год – 6,0 % (2015 год – 1,7%; 2018 год – 6,7%) опрошенных ответили, что количество организаций, предоставляющих услуги в сфере психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья, избыточно (много), 37,0% – достаточно (2015 год – 24,4%; 2018 год – 24,1%), 32,7% – мало (2015 год – 48,1%; 2018 год – 28,7%) и 8,1% – нет совсем (2015 год – 25,8%; 2018 год – 14,7%). Таким образом, 40,8% исследуемых считают, что на данном рынке услуг количество данных организаций «мало» или «нет совсем» и 43,0% - «много» и «достаточно».

В разрезе городов и районов республики распределение ответов на вопрос «Насколько вы удовлетворены уровнем цен, качеством услуг и возможностью выбора услуг психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями

здоровья в вашем районе (городе)?» соответствовали следующие баллы: 0 – затрудняюсь ответить, 1 – не удовлетворен, 2 – скорее не удовлетворен, 3 – скорее удовлетворен, 4 – удовлетворен.

В ходе опроса выявлено, что в 2020 году по Республике Коми уровню цен соответствовал средний бал 2,2; качеству услуг – 2,3; возможности выбора услуг – 2,3, что говорит о том, что жители региона в целом «скорее не удовлетворены» услугами психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья по каждому из предложенных показателей.

Результаты мониторинга состояния конкурентной среды на рынке психолого-педагогического сопровождения детей с ограниченными возможностями здоровья показывают наличие положительной динамики развития рынка за предыдущие шесть лет - отмечен прирост респондентов, отметивших рост предложения на рынке, а также рост количества удовлетворенных ценами, качеством и выбором услуг. Тем не менее, сохраняется большая доля неудовлетворенных потребителей данного вида услуг.

Список литературы

1. Реальный сектор экономики России: стратегии управления, инвестиции и инновации. М. : Издательство «Перо», 2016. 215 с.
2. О внесении изменений в распоряжение Главы Республики Коми от 30.12.2016 N 433-р "Об утверждении Плана мероприятий ("дорожной карты") по содействию развитию конкуренции в Республике Коми". URl: http://docs.cntd.ru/ (дата обращения: 01.02.2022).
3. Распоряжение Правительства РФ № 1738-р «Стандарт развития конкуренции в субъектах РФ». URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 01.02.2022).
4. Аналитический отчет «Состояние и развитие конкурентной среды на рынках товаров и услуг в Республике Коми», Сыктывкар, 2018. 212 с.
5. Аналитический отчет «Состояние и развитие конкурентной среды на рынках товаров и услуг в Республике Коми», Сыктывкар, 2020. 502 с.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.52 EDN

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙ КОНКУРЕНЦИИ НА СИТУАЦИЮ С БЕДНОСТЬЮ В РОССИИ

Стыров М. М.
канд. экон. наук, старший научный сотрудник,
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения РАН;
доцент,
Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия

Захариев Р. Л.
старший инженер,
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Коми научного центра Уральского отделения РАН
Сыктывкар, Россия

Аннотация. В статье рассмотрено влияние идей конкуренции на проблему бедности. Доказывается, что идеи всеобщей экономической состязательности ведут к появлению «аутсайдеров», снижают уровень солидарности и прямой благотворительности между людьми, снижают значимость духовных ценностей по сравнению с материальными. Указано также, что важнейшей причиной бедности являются не столько недостатки социального устройства, сколько личные грехи.

Ключевые слова: бедность, конкуренция, соревнование, духовные блага, милосердие, благотворительность, грех, взаимопомощь, человек

IMPACT OF COMPETITION IDEAS ON THE POVERTY SITUATION IN RUSSIA

Styrov M. M.
Candidate of Economics, Leading Researcher,
Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Research Center,Ural Branch RAS;
Associate Professor,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University,
Syktyvkar, Russia

Zakhariev R. L.
Senior Engineer,
Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Research Center, Ural Branch RAS,
Syktyvkar, Russia

Abstract. The article examines the impact of competition ideas on poverty. It is proved that the ideas of universal economic competition lead to emergence of «outsiders», reduce the level of solidarity and direct charity between people, reduce the importance of spiritual values compared to material ones. It is also pointed out that the most important cause of poverty is not so much the shortcomings of social structure as personal sins.

Key words: poverty, competition, competition, spiritual benefits, mercy, charity, sin, mutual aid, person

Проблема бедности является одной из вечных. Сегодня она также заботит и правителей, и учёных, и простых граждан – как страдающих от бедности, так и созерцающих её. Обычно под бедностью понимается недостаток материальных средств, абсолютная или относительная неспособность удовлетворять основные житейские потребности. Мы считаем целесообразным рассматривать это понятие более широко и подразумевать под ним также неразвитость внутренних способностей человека, скудость его социальных связей, ограниченность возможностей трудовой, творческой и духовной самореализации.

В качестве главных причин бедности обычно указываются ошибки государственной политики, несовершенство социальной организации общества, низкий уровень оплаты труда в отдельных отраслях и т. п.

Соглашаясь в целом с этими пунктами и исходя из личных наблюдений, мы, однако, должны признать: чаще всего главным виновником бедности прямо или косвенно становятся личные социальные девиации, иначе говоря – грехи: пьянство, наркомания, блуд, совершение преступлений, произвольный разрыв человеком своих родственных и иных отношений, сосредоточение жизненных интересов преимущественно в материальной сфере и т. д.

Более того, мы берёмся утверждать, что и недостатки общественного устройства в конечном счёте происходят из накопления отдельных частных погрешностей, кристаллизующихся в уродливые формы законов и других институтов [1]. Ярким примером тому является легализация абортов в 1920 году.

И в данной статье мы хотели бы рассмотреть влияние на проблему бедности одной из идей, порождённых разрушительным человеческим самолюбием, но чрезвычайно глубоко въевшихся в плоть и кровь человечества – идеи конкуренции.

Категория эта известна с глубокой древности, коренится она в изначально дуалистическом понимании мира как «постоянной борьбы». Писали о ней Гераклит, Томас Гоббс и многие другие авторы, но подлинно воспел её и ввёл как основу хозяйственного устройства Адам Смит [2]. Сейчас под влиянием «экономизма нашей эпохи» [3, 43] идеология конкуренции проникает из сугубо производственной в общественную сферу – образование, здравоохранение, правоохранительную деятельность, культуру, социальную защиту.

Наша гипотеза такова: парадигма конкуренции способствует увеличению или, как минимум, закреплению уровня бедности населения, особенно в её духовном аспекте. В чём это может проявляться?

Во-первых, конкуренция настраивает все экономические субъекты – от личности до надгосударственных союзов – на всеобщее соревнование. Разумеется, во всяком

соревновании есть не только победители, но и побеждённые [4], которые вытесняются на обочину жизни. Кроме того, из-за экономических выгод многим работникам приходится трудиться без оформления трудовых гарантий и льгот. В. Ю. Катасонов пишет: «Капитализм неизбежно активизирует процессы перераспределения «общественного пирога» не только по вертикали (отъём части «пирога» у работника разными капиталистами), но также по горизонтали. Поскольку капитализм порождает безработицу, бедность и нищету, то неизбежно растет преступность среди бедных и неимущих как способ выживания» [5, 454].

Во-вторых, конкурентный дух ставит на первое место в системе ценностей материальные блага, принижая значимость духовных – веры, надежды и любви. Соответственно, человек в процессе роста и образования больше уделяет внимание здоровью, знаниям и навыкам – скорее, как инструментам «успеха», нежели потенциалу для служения людям. И меньше обращает внимания на развитие душевных качеств, что приводит к постепенному оскудению сердца, разрушению семьи, а в отдалённой перспективе – и к физической нищете из-за разочарования жизнью и вредных наклонностей, например, злоупотребления алкоголем. «Чтобы возбудить в человеке деятельность, не сбивайте его с ног и, главное, с толку и из боязни промышленного застоя не вгоняйте его в промышленную белую горячку, которая есть тоже источник деятельности, но истощающей, а не поддерживающей силы… Оно, может быть, и так: промышленная деятельность закипит, но при этом кипятке только часть сельского населения успеет кое-как устроиться, остальная же погибнет в злой доле, станет бродяжничать, пойдет на разбой, переполнит города на укомплектование жалкого городского пролетариата, станет круглым бездомником, как везде было, где крестьянина освобождали без земли и оседлости», – писал в XIX веке К. Д. Кавелин [6, 600].

В-третьих, идеи состязательности разделяют людей друг с другом, возлагая заботу о нуждающихся преимущественно на плечи государства и благотворительных фондов. Этому способствуют и многочисленные мошенники, также действующие по принципу: «Каждый выживает, как может». Однако государственная система социальной защиты изначально скудна и не может предусмотреть всех жизненных ситуаций, а главное, в силу своей обезличенности, не обогащает человека изнутри, не вызывает в нём благодарности и пробуждения собственных трудовых резервов, часто ведёт к иждивенчеству. Впрочем, нужно признать, что добровольчество и благотворительность не сдают совершенно своих позиций и в некоторых отношениях даже показывают динамику роста.

Таким образом, идеи конкуренции, суля всеобщее «пробуждение» в погоне за материальным благополучием, в реальности ведут к глубокому расслоению общества по уровню доходов, но ещё более – к утрате человеком истинного смысла жизни. Об этом

свидетельствует высокий уровень формальной бедности в одних странах, и не менее высокие показатели самоубийств и душевного нездоровья – в других. Подробные эмпирические исследования по указанным проблемам ещё только предстоит выполнить. Но результаты можно предсказать уже сейчас: прогресс экономики сам по себе не есть ещё сам по себе прогресс *человечности,* а потому и не решает проблему бедности. Примерно к таким выводам приходил полтора столетия назад Генри Джордж [7]. Следовательно, нужна новая экономическая парадигма, ориентированная на сотрудничество, взаимопомощь, собирание сокровищ не на «земле», а на «небе» (ср. Мф. 6, 19-20).

В чём может состоять эта новая парадигма? Во-первых, в возвращении ценностных приоритетов личного и общественного развития от чувственных к идеалистическим, духовным [8]. В таком случае, бедность уже не будет выглядеть как жизненная трагедия, а действительно может являться добровольным, осознанным образом бытия ради сбережения сердца от суеты и служения Богу и ближним. Во-вторых, не следует искусственно разогревать конкуренцию, но более настраивать экономику на сотрудничество, единство, взаимовыручку. А в качестве стимулов делать ставку на нематериальные: совесть, ответственность, любовь. Наконец, увеличение уровня реальной, а не показной благотворительности могло бы очень помочь нуждающимся и снизить уровень социальной напряжённости в мире. Разумеется, наиболее ценно то добро, которое делается не по принуждению, а по убеждению.

Список литературы

1. *Иоанн (Шаховской)*, архиепископ Сан-Францисский и Западно-американский. Апокалипсис мелкого греха. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Shahovskoj/apokalipsis-melkogo-grekha/ (дата обращения: 05.02.2022).
2. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М. : Эксмо, 2007. 960 с.
3. *Булгаков С. Н.* Философия хозяйства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
4. *Воронцов В. П.* Судьба капиталистической России. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1907. 221 с.
5. *Катасонов В. Ю.* Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации». М. : Институт русской цивилизации, 2013. 1072 с.
6. *Кавелин К. Д.* Государство и община. М. : Институт русской цивилизации, 2013. 1296 с.
7. *Джордж Г.* Прогресс и бедность. Спб. : Изд. М. М. Ледерле, 1896. 603 с.
8. *Сорокин П. А.* Кризис нашего времени. Россия и Соединенные Штаты. Сыктывкар : Анбур, 2018. 640 с.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.53 EDN

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ БЕДНОСТИ СЕМЬЯМИ С ДЕТЬМИ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)

Фадеева Н. Л.
старший преподаватель,
кафедра социологии и социальной работы,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия

Сачук Д. И.
старший преподаватель,
кафедра социологии и социальной работы,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия

Аннотация. В статье поднимаются вопросы борьбы с бедностью на региональном уровне. На основании социологического исследования рассматриваются понятие бедности и основные меры борьбы с бедностью глазами представителей семей с детьми, выделены общественные и личные причины бедности с точки зрения жителей республики Карелия, рассмотрены направления изучения проблематики бедности на региональном уровне.

Ключевые слова: бедность, семьи с детьми, причины бедности

REGIONAL ASPECTS OF THE PERCEPTION OF POVERTY BY FAMILIES WITH CHILDREN (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF KARELIA)

Fadeeva N. L.
Senior Lecturer,
Department of Sociology and Social Work,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia

Sachuk D. I.
Senior Lecturer,
Department of Sociology and Social Work,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia

Abstract. The article raises the issues of combating poverty in regions of Russia. Based on a sociological study the authors consider the concept of poverty and the main measures for poverty reduction through the eyes of representatives of families with children. The authors describe social and personal causes of poverty from the point of view of the inhabitants of the Republic of Karelia, considering directions for further studying the problems of poverty in regions of Russia.

Key words: poverty, families with children, causes of poverty

Изучение проблемы бедности на региональном уровне значимо в контексте общего социально-экономического развития российского общества. Эмпирическое исследование в рамках исследовательской работы связано с анализом характеристик бедности семей с детьми в Республике Карелия.

Подобный выбор обусловлен тем фактом, что среди социально-демографических групп населения семьи с детьми отличаются самыми высокими рисками бедности. Вместе с тем, семьи с детьми и дети являются одной из основных целевых групп социальной политики, что во многом обусловлено важностью инвестиций в человеческий капитал детей для дальнейшего развития страны в целом.

При сборе эмпирического материла была использована квотная выборка, которая включила все муниципальные округа и городские территории республики Карелия. Всего включено 18 баз для проведения опроса по числу отделений, работающих с гражданами. Исследование, в котором приняло участие 817 респондентов, проводилось с использованием электронной анкеты в Google Forms.

Сбор первичной социологической информации осуществлялся специалистами ГКУ СЗ РК «Центр социальной работы Республики Карелия», ГБУ СО РК «Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей», благотворительного фонда (БФ) «Мама-дом», БФ «Материнское сердце», ГБУ СО РК Центр помощи детям, оставшимся без попечения родителей, «Надежда» - в момент обращения граждан.

При изучении характеристик бедности важными выступают представления о понятии «бедность»; среди респондентов образовались две группы в интерпретации бедности (*рис. 1*). Первая группа понимает бедность с точки зрения абсолютной концепции и приравнивает порог бедности к прожиточному минимуму и минимальным потребительским затратам, данный подход разделяется подавляющим числом опрошенных. Такой подход к пониманию и измерению бедности используется государством для расчета официальной статистики и определения социальных стандартов, при этом он не раскрывает реальной картины и показывает достаточно низкий уровень бедности. Именно в отношении такой бедности и реализуется большинство мер социальной поддержки. Каждый десятый респондент придерживается относительной концепции интерпретации бедности. Здесь можно рассмотреть вопрос в контексте того, как семьи сами оценивают свой уровень жизни с точки зрения возможностей и лишений.

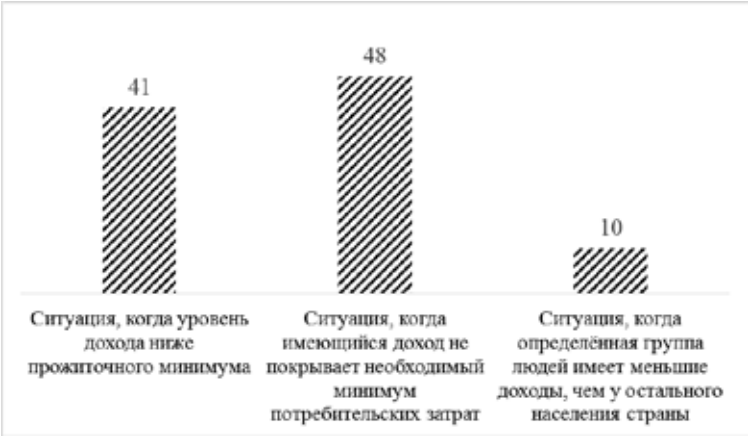

Рис 1. Понимание бедности респондентами, %.
Источник: авторские расчёты на основе исследования.

Респонденты считают, что в зоне риска бедности в Карелии больше остальных находятся семьи с маленькими детьми и пенсионеры, равную вероятность включения в ряды бедного населения имеют семьи с тяжело больными членами семьи или инвалидами, безработные и одинокие родители (*рис. 2*). Отсутствие высшего образования, миграционные практики и бедное детство не рассматриваются респондентами как значимые факторы бедности.

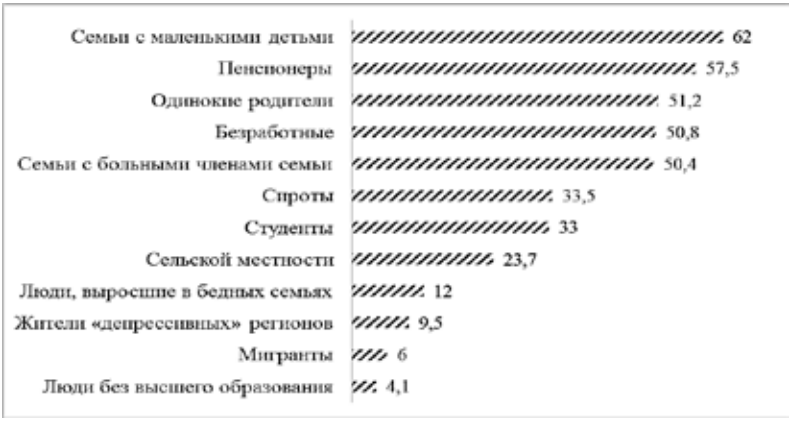

Рис. 2. Категории населения, находящиеся в «зоне риска» бедности, %.
Источник: авторские расчёты на основе исследования.

При анализе причин бедности были выделены «общественные» причины, которые вытекают из политического, экономического и социального развития общества и государства, а также личные причины, ответственность за которые, в том числе, ложится

на самого человека. В качестве основных причин респонденты выделяют низкую заработную плату/пенсию, безработицу и высокие цены (*рис. 3*).

Рис. 3. Основные причины бедности в Республике Карелия по мнению респондентов, %.
Источник: авторские расчёты на основе исследования.

Среди личных причин половина опрошенных отмечают лень, как личностную характеристику деятельности человека. Остальные личные причины, выделяемые респондентами в качестве основных, напрямую не зависят от самого человека: внезапные жизненные обстоятельства (болезнь, увольнение с работы), принадлежность к социально незащищенным группам (пенсионеры, одинокие матери), состояние здоровья. Человек во многом не может повлиять на них, это говорит о том, что люди не склонны возлагать на себя ответственность за свое материальное положение и считают источником такого положения непредвиденные обстоятельства.

По мнению респондентов, решение проблемы бедности семей с детьми, в первую очередь, лежит в плоскости экономического развития региона: развития производства и создания рабочих мест (*рис. 4*). Второй блок мер выражается в ориентации на выплату пособий и усилении социальной защиты уязвимых групп населения. Эти меры во многом ориентированы на иждивенчество – образ жизни индивида, при котором он стремится обеспечить себе приемлемые условия существования за счет государства. На третьем месте стоят меры, направленные на развитие человеческого капитала: повышение уровня образования и борьба с девиантным поведением (алкоголизм и наркомания) и его влиянием на здоровье человека и семьи.

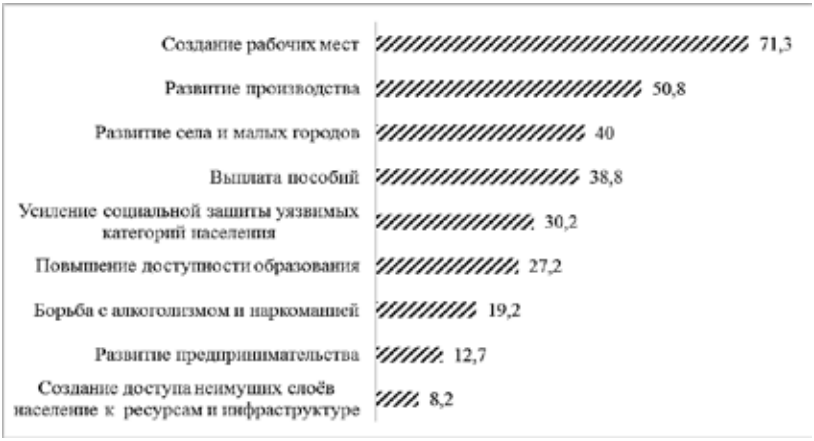

Рис. 4. Меры борьбы с бедностью в семьях с детьми в Республике Карелия, %.
Источник: авторские расчёты на основе исследования.

На основании эмпирического исследования можно сделать ряд предварительных выводов. Большинством опрошенных бедность рассматривается с точки зрения абсолютного подхода, что в значительной степени объясняет то, что среди основных мер по борьбе с бедностью важное место занимает блок мер, связанных с расширением и увеличением объема социальных трансфертов населению. Представители семей с детьми отмечают как общественные, так и личные причины возникновения бедности, среди которых выделяются причины, обусловленные поведением самого человека или семьи, и причины, объясняемые стихийными обстоятельствами. Очевидно, что подобная разница в трактовке подразумевает разделение населения на две группы, нуждающихся в разных мерах по борьбе с бедностью. Дальнейшее изучение подобной диверсификации мер способна сделать борьбу с бедностью в России на региональном уровне более эффективной.

Список литературы

1. *Овчарова Л. Н.* Многомерная бедность в России: подходы к определению и изменению // Общероссийская общественная организация «Российская организация статистиков». Москва, 2014-2022. URL: https://www.rusasstat.ru/userfiles/docs/1.-ovcharova-l.n.pdf (дата обращения: 18.03.2022).

2. *Лежнина Ю. П.* Представления россиян о необходимой социальной политике: между серединой 2000-х и коронакризисом 2020 года // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 50-60. DOI 10.31857/S013216250014715-9

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.54 EDN

ИНТЕНСИВНОЕ МАТЕРИНСТВО И УДАЛЕННАЯ ЗАНЯТОСТЬ ЖЕНЩИН – КАК СОВМЕСТИТЬ НЕСОВМЕСТИМОЕ?

Черных Е. А.
канд. экон. наук,
ведущий научный сотрудник,
Научный центр экономики труда
РЭУ им. Г. В. Плеханова;
ведущий научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. В статье ставится проблема совмещения распространенного среди современных женщин интенсивного материнства и профессиональной реализации с помощью удаленной занятости. Исследуется распределение домашнего труда между мужчинами и женщинами в мире и в России. Анализируется влияние пандемии на качество женской трудовой жизни.

Ключевые слова: удаленная занятость, женская занятость, качество трудовой жизни, интенсивное материнство

INTENSIVE MOTHERHOOD AND REMOTE FEMALE EMPLOYMENT – HOW TO COMBINE THE INCOMPATIBLE?

Chernykh E. A.
Candidate of Economics,
Leading Researcher,
Research Center of Labor Economics,
Plekhanov Russian University of Economics;
Leading Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The article raises the problem of combining intensive motherhood, which is common among modern women, and professional realization through remote employment. The distribution of domestic work between men and women in the world and in Russia is studied. The impact of the pandemic on this process is analyzed.

Key words: remote employment, female employment, intensive motherhood

Рост масштабов и охвата работников удаленной занятостью в последние два года породили большое количество «мифов», связанных с такой формой занятости. Один из них заключается в том, что удаленная занятость — это отличная возможность для женщин, воспитывающих детей и ведущих домашнее хозяйство, сочетать домашние дела и профессиональную реализацию. Разберемся, настолько ли легко это реализуется на практике и какое влияние оказывает на параметры качества женской занятости.

Неоплачиваемый домашний труд, под которым мы понимаем не только решение всех бытовых вопросов, но и помощь детям с уроками, доставку до кружков и секций, уход

за больными родственниками во всем мире, в основном, ложится на плечи женщин. Во всех странах G20, где доступны сопоставимые данные, женщины в среднем тратят значительно больше времени, чем мужчины, на неоплачиваемую работу: от 90,5% в Индии до 60,2% в Канаде. Во всем мире без исключения женщины выполняют три четверти этой неоплачиваемой работы или более 75% от общего количества часов. В России женщины в среднем тратят в 3 раза больше времени на неоплачиваемую домашнюю работу, чем мужчины [1]. Примерно о таком же раскладе свидетельствуют данные Росстата (доступны только за 2014 год): женщины тратят в среднем на уход и занятия с детьми 2 часа 12 минут в сутки, а мужчины 39 минут [2]. Если посчитать общие часы работы (суммируя неоплачиваемую и оплачиваемую работу), то оказывается, что бремя женщин больше, чем у мужчин: 7 часов 33 минуты в день (453 минуты), по сравнению с 6 часами 44 минутами для мужчин (404 минуты) [3]. В результате, женщины постоянно испытывают нехватку времени, что ограничивает их участие на рынке труда и ухудшает качество их трудовой жизни. Гендерное неравенство, в основном, как раз и заключается в неравном распределении ролей между оплачиваемой работой и неоплачиваемой домашней работой.

В эпоху пандемии, когда периоды «нерабочих рабочих дней» и локдаунов перемежаются краткими выходами в школу, прерываемыми бесконечными карантинами, на женщин легла дополнительная забота по организации онлайн обучения детей, а также к ним, по сути, перешла роль учителя, так как не секрет, что качество дистанционного образования очень отличается по школам и регионам страны. Эта ситуация логически встраивается в тренд, состоящий в том, что для многих современных, образованных женщин материнство превращается в профессию, поэтому появился термин «интенсивное материнство», предполагающий большие затраты сил и времени на все сферы жизни ребенка – от здоровья до обучения [4]. Вся деятельность современной матери требует широкого спектра высоких профессиональных квалификаций: женщина одновременно должна быть учительницей, тренером, тьютором, коучем, медсестрой, психологом, поваром, водителем, уборщицей и т. д. При этом данная деятельность «трудом» не считается: пока все вышеописанные роли выполняет именно мать, предполагается, что она делает это по собственному желанию. Более того, если женщина не выполняет или делегирует какие-то из этих ролей, общество в лице соцсетей, родственников и знакомых сразу активно культивирует в ней чувство вины и неполноценности. Однако совмещать «интенсивное материнство» с активной работой практически невозможно, это уже даже не «двойная», а по сути «тройная» занятость. Очень большую долю в интенсивном материнстве составляет детская логистика: современные дети ходят на 3–4–5 кружков 2–3 раза в неделю, а если речь идет о профессиональном спорте, то это 5-6 раз в неделю 2 раза

в день по 3–4 часа, причем, бассейны/залы/катки/корты могут быть разбросаны по всему городу. В данном случае мы не говорим о финансовых вложениях, а оцениваем только временные затраты матери. Возможно, кто-то назовет такое количество занятий избыточным, однако, современная концепция обучения на протяжении всей жизни и от детей требует постоянного наращивания навыков: начиная от ментальной арифметики, иностранного языка и плавания в 4 года, программирования с 7 лет и заканчивая такими «социальными» навыками, как катание на горных лыжах или игра на музыкальном инструменте и вокал.

Пандемия, локдауны, карантины и ограничения существенно снизили возможности женщин «отдавать на аутсорсинг» некоторые из направлений своей обширной семейной деятельности (тот же риск общественного транспорта для бабушек/дедушек), а возникшие во многих семьях в результате экономического кризиса финансовые затруднения повлияли на возможность оплачивать труд различных помощников.

По мнению мужчин [5], удалённый формат работы положительно сказался на женской карьере (41%), а 38% мужчин уверены, что за время пандемии в жизни женщин ничего не изменилось. Действительно, мужчины «не видят» загруженность женщин, потому что как раз для них удаленная занятость мало что поменяла в плане распределения обязанностей. В ряде публикаций уже отмечается, что удаленная работа перераспределила нагрузку между полами: переход женщин на дистанционную занятость привел к росту затрат времени на домашний труд, а у мужчин они, наоборот, снизились [6]. Такие эффекты могут усугубить неравенство в карьерных возможностях женщин и мужчин. Действительно, женщина может реализовать все плюсы **у**далённой занятости, если жилищные условия позволяют организовать комфортное рабочее место, есть кому поручить все бытовые дела, не нужно уделять время детям, остальные члены домохозяйства самостоятельны и не требуют заботы. В ином случае женщине-матери приходится «разрываться» между работой, детьми и домашней неоплачиваемой работой.

Кроме того, многие женщины попадают в так называемое «поколение сэндвич»: им приходится заботиться не только о детях (и/или внуках), но и о пожилых родственниках, которые доживают до преклонного возраста (поскольку сейчас продолжительность жизни увеличилась). По данным социолога Е. Здравомысловой, в России к «поколению сэндвич» может относиться примерно 80% женщин от 45 до 65 лет [7]. Причем, во всем мире область заботы о младших и старших крайне феминизирована. В России в трехлетний отпуск по уходу за ребенком с 2007 года, имеет право уйти не только женщина. Его может оформить папа или любой другой член семьи — бабушка, дедушка или тетя, но только кто-то один. По статистике Минтруда, только 2-2,5% мужчин пользуются правом выхода в отпуск по

уходу за ребёнком в России [8]. По данным Фонда социального страхования, в 2019 году лишь каждый пятидесятый отец в России идет в отпуск по уходу за ребенком до 1,5 лет вместо жены [9].

Цифровизация актуализировала вопрос о развитии социальной инфраструктуры, функционировании институтов по уходу за детьми (доступные ясли и детские сады), системы ухода за больными членами семьи, а также остро поставила вопросы о распределении домашних обязанностей между супругами, интенсификации и качестве женской удаленной занятости.

Список литературы

1. Gender equality in the G20 – Additional analysis from the time dimension ILO WORKQUALITY Department and DDG/P Office; Organization for Economic Co-operation and Development (OECD), 2019. URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/how-the-ilo-works/multilateral-system/g20/reports/WCMS_713376/lang--en/index.htm (дата обращения: 08.02.2022)
2. Затраты суточного фонда времени родителями на уход и занятия с детьми в возрасте до 18 лет URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13807 (дата обращения: 08.02.2022)
3. The Unpaid Care Work and the Labour Market. An analysis of time use data based on the latest World Compilation of Time-use Surveys / Jacques Charmes; International Labour Office – Geneva: ILO, 2019. ISBN: 978-92-2-133516-0. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---gender/documents/publication/wcms_732791.pdf (дата обращения: 08.02.2022).
4. *Исупова О. Г., Уткина В. В.* Женщины на государственной службе в России: карьера, семья, репродуктивные намерения // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. No 6. С. 69-88. DOI 10.14515/monitoring.2016.6.05
5. Стеклянный потолок: что мешает женщинам делать карьеру наравне с мужчинами? URL: https://fingazeta.ru/business/management/473555 (дата обращения: 08.02.2022)
6. *Калабихина И. Е., Ребрей С. М.* Домашний труд во время пандемии: опыт России // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/domashniy-trud-vo-vremya-pandemii-opyt-rossii (дата обращения: 08.02.2022).
7. Социолог Елена Здравомыслова — о «непродуктивной» старости и боли «поколения сэндвич» URL: https://www.the-village.ru/people/whats-new/232683-sandwich-generation (дата обращения: 08.02.2022).
8. Первый замминистра Алексей Вовченко рассказал о совмещении семейных обязанностей с трудовой занятостью на Втором Евразийском женском форуме. URL: https://mintrud.gov.ru/social/22 (дата обращения: 08.02.2022).
9. Сколько россиян сидят в отпуске по уходу за ребенком. URL: https://journal.tinkoff.ru/dekret-stat/ (дата обращения: 08.02.2022)

IV. Качество жизни населения: экологическая и продовольственная безопасность, жилищная обеспеченность, доступность социальных услуг, возможности профессиональной самореализации, гендерные проблемы

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.55 **EDN**

СБЕРЕЖЕНИЕ МУЖСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МОДЕЛЕЙ МУЖЕСТВЕННОСТИ

Беликова М. В.
канд. культурологии,
старший научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. Устоявшийся, во многом патриархатный, уклад общественного устройства в России сегодня сопровождается кризисом маскулинности, трансформацией традиционных стереотипов мужественности и, как следствие, проблемой сбережения мужского населения. Современная модель маскулинности многовариантна - она включает в себя как классические атрибуты проявления мужественности, в основе своей – характеристикам женственности, так и андрогинные проявления. В этих условиях мужчина оказывается «обречённым» на конструирование собственной гендерной специфики, а общество в целом – на осознание всех последствий этого процесса на разных уровнях и поисков способов преодоления обозначенной проблемы.

Ключевые слова: сбережение мужского населения, мужчины и женщины, модели мужественности, традиционная маскулинность, кризис маскулинности

PRESERVATION OF RUSSIA'S MALE POPULATION IN THE CONTEXT OF TRANSFORMING MASCULINITY MODELS

Belikova M. V.
Candidate of Culture Studies,
Senior Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The established patriarchal mode of social structure in Russia today is accompanied by a crisis of masculinity, transformation of traditional stereotypes of masculinity and, as a consequence, the problem of saving the male population. The present model of masculinity is multivariate - it includes both classic attributes of masculinity, fundamentally opposite to characteristics of femininity, and androgynous manifestations. Under these conditions, men are "doomed" to construct their own gender specificity, and society as a whole - to be aware of all consequences of this process at different levels and to search for ways to overcome this problem.

Key words: male saving, men and women, models of masculinity, traditional masculinity, crisis of masculinity

Отличительной характеристикой современного российского социума в рамках описываемой тематики можно назвать переформатирование взглядов на социальный статус мужчины и исполняемые им социальные роли, отличающие его от женщины.

При всех формальных показателях, демонстрирующих и защищающих ставший естественным для русского общества на протяжении многих веков патриархатный «порядок вещей», уже давно правомочной стала социальная озабоченность самоощущением и «самочувствием» сам*о*й, много лет «побеждающей» в гендерном конфликте стороны – мужчин. В последние три десятилетия в России по-новому и глубоко обсуждается тема кризиса маскулинности, причин которому много, в том числе взаимодействие кардинальных преобразований в социальной и культурной жизни общества с сохраняющимися традиционными стереотипами мужественности, подробно описанными Р. Коннел [1], Р. Брэннаном [2], И. Коном [3] и др.

Российская классическая модель мужественности складывалась исторически, в основе своей опираясь на противоположность модели женственности, а также на закреплённые за мужчиной ориентиры сознания, социальный статус, социальное поведение и исполняемые социальные функции (воин, начальник, управитель над всем и т. д.). Всё вместе это нашло отражение в традиционной формуле маскулинности/мужественности, описанной у В. И. Даля: «***Му́жество*** ср. состояніе мужа, мужчины, мужескаго рода или пола вообще, противоп. женство. ‖ Стойкость въ бѣдѣ, борьбѣ, духовная крѣпость, доблѣсть; храбрость, отвага, спокойная смелость въ бою и опасностяхъ: терпеніе и постоянство. ***му́жественный***, о духъ: доблѣстный, стойкій, крѣпкій, храбрый, отважный, спокойно-решительный. ***му́жественность*** ж. мужество, не въ отвлеченномъ знач., а какъ свойство человѣка. ***Му́жествовать***, стойко состязаться, подвязаться въ борьбѣ (телѣсной или духовной), стоять доблѣстно» [4, 363].

Упомянутые характеристики сохраняют лидирующее положение в сознании большинства россиян и в XXI веке, хотя и с определёнными нюансами и оговорками.

Данные общероссийского репрезентативного исследования, проведённого Институтом социологии РАН в марте 2012 года [5], помогают составить образ идеального мужчины. Он обладает в первую очередь физической силой (по мнению 67% мужчин и 53% женщин), умом (35% – мужчины, 32% – женщины), отсутствием вредных привычек (33% – мужчины, 42% – женщины), уверенностью в себе (29% – мужчины, 19% – женщины). Отметим, что представления об идеале мужественности несколько различаются у российских мужчин и женщин. Важными для семейных отношений качествами для мужчины россияне назвали верность (51%), отсутствие вредных привычек (26% опрошенных) и хозяйственность (15%), что также соответствует традиционным

представлениям об образе идеального мужа. То есть, ещё сохраняется тенденция превалирования в мужчине качеств, противоположных женскому идеальному образу, и приверженность к показательной маскулинности.

В феврале 2021 года результаты экспертных опросов ВЦИОМ о самых ценных качествах современных мужчин, о распределении домашних обязанностей в семье, о службе в армии, о воплощении образа настоящего мужчины среди известных личностей [6] также позволили утвердиться в сохранении у достаточного количества россиян стереотипных представлений о классической модели маскулинности, хотя уже с заметными нюансами.

На первое место среди самых ценных в мужчинах качеств поставлены честность, искренность и прямота. Их выделили 19% россиян (22% мужчин). На втором месте – надёжность, уверенность и постоянство. Они ценны для 14% россиян, но больше для женщин (18%), чем для мужчин (8%). Третье место занимают такие качества, как порядочность и справедливость – для 9% опрошенных.

Среди основных обязанностей настоящего мужчины россияне называют в первую очередь участие в жизни семьи, забота о ней и её сохранности (18%). В мужчине хотят видеть защитника 8%, порядочного и достойного человека – также 8%, ответственного (5%, женщины – 8%). Также мужчина должен быть вежливым, не забыть посадить дерево и построить дом, отвечать за свои слова и поступки (по 4%).

Служба в армии как обязанность исключительно мужская воспринимается 68% россиян (71% среди мужчин). При этом каждый четвертый респондент видит в форме военнослужащих представителей обоих полов (27%), чаще – самые молодые и самые пожилые россияне (по 30%).

Кормильцем в семье должен быть мужчина, считают сегодня 59% респондентов, при этом 65% мужчин уверены в подобном подходе, а также 64% молодых (35–44 года) россиян. Одна треть опрошенных за равноправие в данном вопросе (35%), женщины чаще (40%), как и молодые (18–24 года) россияне (44%). (Для сравнения: в 2018 году – 61% россиян считали, что материальное обеспечение семьи является совместной задачей; при этом мужчины, находящиеся в отношениях, признавались, что вносят в общий бюджет около 75%, а женщины – 44%).

И одновременно со всем вышеизложенным всё более проявляемыми чертами сегодняшней социальной жизни становятся: изменение общественных взглядов на строгое установление и поддержание неизменным социального статуса и закреплённых за мужчинами и женщинами традиционных социокультурных ролей в качестве основополагающих различительных характеристик мужчины и женщины; обсуждение

культурного равенства полов; утверждение принципа дополняемости поведения отдельного человека личным своеобразием – без жёсткой привязки к полу; множественность гендерной идентичности и, как закономерный вывод из этого – трансформация традиционных гендерных стереотипов. Как следствия этого можно выделить такие факты: по данным ВЦИОМ, более 72% российских мужчин в 2017 году заявили, что вполне могут заменить женщину в уходе за ребёнком и ведении домашнего хозяйства [7]; по данным опроса ВЦИОМ в 2021 году в отношении распределения домашних обязанностей российские мужчины и женщины в большинстве своём ратуют за равное участие сторон – 85%, при этом такая позиция более близка всё же женщинам (89%) и менее – мужчинам (81%). 5% среди опрошенных допускают для мужчины роль домохозяина [6].

Вышесказанное позволяет нам с большой уверенностью говорить о том, что современное общество «обрекает» мужчину на сложный выбор – следовать стандартам, вписанным в классическую модель маскулинности или конструировать собственную гендерную специфику, допускающую проявление андрогинных качеств [8]. Немалое количество женщин ожидают в повседневном поведении от мужчин, как видно из опросов, готовность разделять традиционно женские обязанности и женское поведение. При этом проявление высокой степени концентрации мужских качеств в мужчине также ожидаемо со стороны общества в целом.

В качественном (содержательном) отношении «идеалы» мужественности могут кардинально различаться, что объясняется индивидуальным жизненным опытом и здравым житейским смыслом. В начале 2021 года, например, олицетворением настоящего мужчины россияне воспринимали Василия Ланового и Владимира Путина – по 9%, соответственно, Константина Хабенского – 6% (Топ-3). Также россияне называли певца Иосифа Кобзона, министра иностранных дел Сергея Лаврова, актера Сергея Безрукова, министра обороны РФ Сергея Шойгу, Алексея Навального, политика Владимира Жириновского, певца Льва Лещенко (по 2%) [6].

События, проживаемые нами сегодня, внесли и будут продолжать вносить изменения, во многом даже не прогнозируемые в сей момент. Области успешного выстраивания и реализации моделей маскулинности будут зависеть от пути, которым пойдёт общество в целом, какие сферы государственной и общественной жизни получат приоритетное развитие – ведь успех в заново утверждающейся сейчас IT-сфере выдвигает свои рекомендации, а гегемония милитарной маскулинности создаёт свои стереотипы. В этих условиях задача современных мужчин относительно физической и психологической адаптированности к любой сфере социальной практики ещё более усложняется – решать её

придётся как индивидуально, с учётом наличествующих мужских свойств и приверженности тем или иным стереотипам, так и с помощью государственной идеологии. Такая сложная и сегодня мало предсказуемая трансформация моделей мужественности, как и её реализация в сознании и поведении мужчин, выявляет перед обществом необходимость ещё глубже задуматься о проблеме сбережения мужского населения России, а перед научным сообществом – разрабатывать рекомендации её решения.

Список литературы

1. *Коннелл Р.* Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. 2: Хрестоматия. СПб., 2001. С. 251–279.
2. *Brannon R.* The Male Sex Role: Our cClture's Blueprint for Manhood and what it's done for us Lately // The Forty-Nine Percent Majority: The Male Sex Role Reading / Ed. by D. David, R. Brannon. MA: Addison-Wesley, 1976. P. 1–48.
3. *Кон И. С.* Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Андрология и генитальная хирургия. 2008. Т. 9. № 4. С. 5-11.
4. Толковый словарь живого великорусского языка Вл. Даля. В 4 т. Т. 2. М.-СПб, 1881. 807 с.
5. О чём мечтают россияне (размышления социологов): Аналитический доклад. М. : РАН, Институт социологии, 2012. URL: https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Analit_doc_Mechti/O_chem_mechtayut_rossiyane_8.pdf (дата обращения: 10.02.2022).
6. О настоящих мужчинах (февраль 2021 г.) // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nastojashchikh-muzhchinakh (дата обращения: 10.02.2022).
7. Отец сегодня больше, чем отец? (апрель 2017 г.)// ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/otecz-segodnya-bolshe-chem-otecz- (дата обращения: 10.02.2022).
8. *Исаев Д. Д.* Психологическое понимание и измерение пола. Учеб. пособие. СПб. : Издание СПб ГПМУ, 2012. 63 с.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.56 EDN

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАХ ИДЕНТИФИКАЦИИ КАТЕГОРИЙ «КАЧЕСТВО ЖИЗНИ» И «УРОВЕНЬ ЖИЗНИ» НАСЕЛЕНИЯ

Бобков В. Н.
д-р экон. наук, профессор,
заведующий лабораторией проблем уровня и качества жизни,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН;
РЭУ им. Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Вершинина М. А.
научный сотрудник,
ИЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Бобков Н. В.
канд. экон. наук,
старший преподаватель кафедры финансов и инвестиций,
МГМСУ им. А. И. Евдокимова,
Москва, Россия

Аннотация. В статье раскрываются понятия «качество жизни» и «уровень жизни» населения, сферы их формирования, объективные и субъективные компоненты, представлена их трехуровневая дезинтеграция, позволяющая научно обосновать направления государственной социальной политики.

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, население, показатели

ON THE ISSUE OF THEORETICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR IDENTIFYING THE CATEGORIES "QUALITY OF LIFE" AND "STANDARD OF LIVING" OF POPULATION

Bobkov V. N.
Doctor of Economics, Professor,
Head of the Laboratory for issues of the standards and quality of life,
ISESP FCTAS RAS;
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russia

Vershinina M. A.
Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Bobkov N. V.
Candidate of Economics,
Senior Lecturer of the Department of Finances and Investments,
Yevdokimov Moscow State University of Medicine and Dentistry,
Moscow, Russia

Abstract. The article deals with the concepts of "quality of life" and "standard of living" of population, the spheres of their formation, objective and subjective components, their three-level disintegration, which makes it possible to substantiate scientifically directions of the state social policy.

Key words: quality of life, standard of living, population, indicators

В исследованиях категорий качества и уровня жизни населения в современной России обоснована необходимость комплексного их изучения [1;2].

Сущность категории «качество жизни» раскрывается на *рис. 1*.

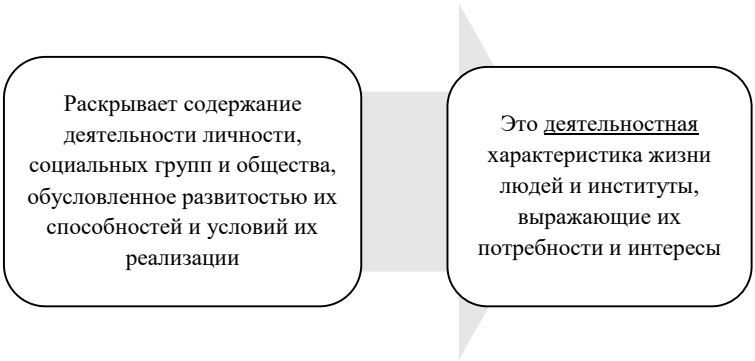

Рис. 1. Сущность категории «качество жизни».
Источник: результат авторских исследований.

Качество жизни представляет собой содержательную характеристику жизнедеятельности отдельных людей, их социальных групп и общества в целом. В отличие от качества жизни, категория «уровень жизни» характеризует потребление людей, их социальных групп и общества во всех сферах их жизнедеятельности и является относительной (в сравнении с социальными стандартами) стоимостной характеристикой их жизни, обеспечивающей то или иное ее качество (*рис. 2*).

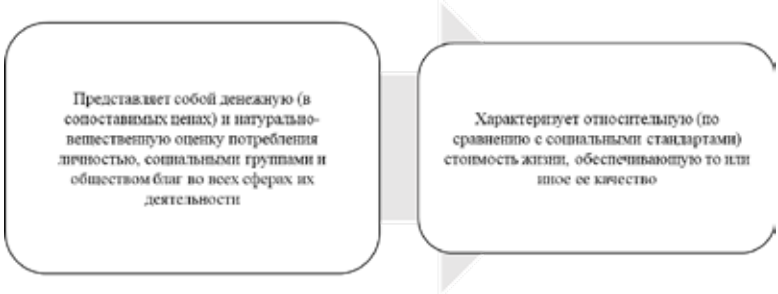

Рис. 2. Сущность категории «уровень жизни».
Источник: результат авторских исследований.

В совокупности качество и уровень жизни характеризуют жизнедеятельность как целое и определяют созидательную силу личности, социальных групп и общества, а также разнообразие и размеры их личного и общественного потребления [3].

Декомпозиция качества и уровня жизни населения проведена авторами по следующим основным сферам их формирования: 1) здоровье и здравоохранение; 2) безопасность жизнедеятельности; 3) мировоззрение; 4) социально-психологическая; 5) интеллектуально-образовательная; 6) духовно-культурная; 7) профессионально-трудовая; 8) семейно-личностная; 9) гражданско-общественная; 10) антропо-природная и 11) социально-экономическая сферы [4].

Выявлены следующие компоненты качества и уровня жизни: 1) качество общества; 2) качество трудовой жизни; 3) качество социальной инфраструктуры; 4) безопасность жизнедеятельности; 5) качество окружающей среды; 6) уровень жизни; 7) удовлетворенность людей качеством и уровнем их жизни [5].

Они измеряются и оцениваются объективными и субъективными показателями (индикаторами и индексами). Объективные показатели, представляют собой относительные величины, полученные в результате сопоставлений фактических показателей, характеризующих качество и уровень жизни, с их социальными стандартами [6].

Субъективные показатели качества и уровня жизни позволяют характеризовать их через оценивание населением своего экономического и социального положения [7]. Субъективные характеристики качества и уровня жизни позволяет систематизировать теория социального качества (social quality), в основу которой положены оценки социальной целостности в перспективе повседневной жизни людей, интегрированные в следующих компонентных характеристиках: 1) социально-экономическая безопасность; 2) социальная включенность; 3) социальная сплоченность; 4) создание условий для полноправного участия личности в жизни общества [8].

Важное значение имеет дезинтеграция укрупненных компонентов качества и уровня жизни. Она проведена авторами на основании научных разработок [4; 6], национального набора показателей Целей устойчивого развития, утвержденного Росстатом, а также Указа Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» и представлена следующими блоками:

I. *Качество общества* на втором уровне дезинтеграции включает: здоровье населения; образование; научные знания; характеристику гражданского общества; социальную дифференциацию общественных групп.

II. *Качество трудовой жизни* на втором уровне дезинтеграции включает: качество занятости; качество рабочих мест.

III. *Качество социальной инфраструктуры* на втором уровне дезинтеграции включает: культурную жизнь; социально – культурные объекты; социальные информационные и коммуникационные технологии; объекты физкультуры и спорта; туризм, оздоровление и отдых; доступность социальных институтов; транспортную инфраструктуру и пассажирский транспорт.

IV. *Безопасность жизнедеятельности* на втором уровне дезинтеграции включает: безопасность личности; безопасность собственности.

V. *Качество окружающей среды* на втором уровне дезинтеграции включает: качество воды; качество воздуха; качество почвы; отходы производств; состояние флоры и фауны; заповедные зоны; состояние климата.

VI. *Уровень жизни населения* на втором уровне дезинтеграции включает: макроэкономический уровень потребления; микроэкономический уровень текущего потребления; микроэкономический уровень долговременного потребления; дифференциацию населения по уровню текущего потребления.

VII. *Удовлетворенность людей качеством и уровнем их жизни* на втором уровне дезинтеграции включает: социально-экономическую безопасность; социальную включенность; социальную сплоченность; создание условий для полноправного участия личности в жизни общества.

Список литературы

1. *Айвазян С. А.* Анализ синтетических категорий качества жизни населения субъектов Российской Федерации: их измерение, динамика, основные тенденции // Уровень жизни населения регионов России. 2002. № 11. С. 5-40.
2. *Римашевская Н. М., Прокофьева Л. М., Рывкина И. В. и др.* Женщина, мужчина, семья в России: последняя треть XX века: Проект «Таганрог» / под ред. Н. М. Римашевской. М. : ИСПЭН, 2001. 320 с.
3. *Бобков В. Н. и др.* В кн. Российская социально-экономическая Система: реалии и векторы развития. Монография / отв. ред. Р. С. Гринберг, П. В. Савченко. М. : ИНФРА-М, 2021. С. 501-510.
4. *Бобков В. Н.* Уровень и качество жизни в Российском обществе: (2014 – 2016 гг.) // Российский экономический журнал. 2017. № 6. С. 79-94.
5. Качество и уровень жизни населения в новой России (1991-2005 гг). / рук. авт. колл. Бобков В. Н. М. : ВЦУЖ, 2007. 719 с.
6. *Бобков В. Н., Гулюгина А. А., Одинцова Е. В.* Мониторинг доходов и уровня жизни населения России, 2017 год. М. : ИСЭПН РАН, 2018. С. 1-87.
7. Российское общество и вызовы времени. Кн. 1-5. / под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М. : Весь Мир, 2015-2017.
8. *Abbott P. et al.* The Decent Society: Planning for Social Quality. London: Routledge, 2016. 188 p.; *Walker A.* Social Quality: From Theory to Indicators / Walker A., Van Der Maesen, Laurent J. G, eds. New York : Palgrave MacMillan. 2012. 322 p.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.57 EDN

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Дронов В. Н.
канд. экон. наук,
Рязанский государственный радиотехнический университет им. В. Ф. Уткина,
Рязань, Россия

Махрова О. Н.
канд. экон. наук,
учёный секретарь,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. Цели и задачи Повестки – 2030 охватывают весь мир, включают пространство развитых и не развитых страны. Решение столь масштабной задачи не представляется возможным без вовлечения в процесс всех заинтересованных сторон, включая Государственные органы власти, бизнес, общественные организации и гражданское общество. Россия активно включилась в реализацию целей устойчивого развития. В статье представлен анализ выявленных недостатков в организации работ по достижению целей устойчивого развития на территориальном уровне.

Ключевые слова: Устойчивое развитие, Цели устойчивого развития, Повестка – 2030, Госпрограммы РФ, регион, стратегия развития, муниципалитеты, гражданское общество, вовлечённость

REGIONAL ASPECT OF ACHIEVING SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

Dronov V. N.
Candidate of Economics,
Ryazan State Radio Engineering University,
Ryazan, Russia

Makhrova O. N.
Candidate of Economics,
Academic Secretary,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The goals and targets of the 2030 Agenda cover the whole world, including developed and developing countries. The solution of such a large-scale task is not possible without involvement of all interested parties in the process, including State authorities, business, public organizations and civil society. Russia has actively joined in the implementation of the Sustainable Development Goals. The article presents an analysis of the identified shortcomings in the organization of work to achieve the Sustainable Development Goals at the territorial level.

Key words: sustainable development; Sustainable Development Goals, 2030 Agenda, State Programs of the Russian Federation, region, development strategy, municipalities, civil society, involvement

В 2015 году на Генеральной Ассамблее ООН 193 страны подписали Резолюцию «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [1]. Резолюция, которая включает 17 целей, 169 задач и 231 индикатор, определяет принципы и условия устойчивого развития на основе обеспечения баланса в трёх его компонентах экономическом, социальном и экологическом. В Резолюции подчёркивается неразрывная связь принятых целей устойчивого развития с документами и задачами, принятыми ООН в предыдущие годы, сформулированных в Декларации тысячелетия. Решение столь масштабной задачи не представляется возможным без вовлечения в процесс всех заинтересованных сторон, включая государственные органы власти, бизнес, общественные организации и гражданское общество. В резолюции подчёркивается значение и важность региональных и субрегиональных механизмов взаимодействия в достижении ЦУР на национальном уровне.

Российская федерация принимала активное участие во всех международных мероприятиях, внутри страны была создана группа специалистов под руководством Росстата по разработке методик оценки показателей и набору статистики. В сентябре 2019 года в Нью-Йорке был проведён саммит государств - членов ООН «для оценки прогресса в реализации Повестки дня в целях устойчивого развития на период до 2030 года» [2]. В ходе саммита государства – члены ООН подтвердили свои намерения по достижению ЦУР, но при этом выразили обеспокоенность недостаточными темпами преобразований по ряду показателей и объявили оставшееся десятилетие до 2030 года «Десятилетием действий по достижению ЦУР». Проведённый Саммит позволил активизировать работу в странах по разработке и представлению для обсуждения Добровольных национальных обзоров по достижению целей устойчивого развития. Российская федерация в 2019–2020 году подготовила первый Добровольный национальный обзор, который 26 июня 2020 года был опубликован на сайте ООН. Документ включает результаты мониторинга развития страны за период с 2015 года, отражает достижения в экономическом, социальном и экологическом направлениях развития по реализации всех 17 ЦУР. Обзор был подготовлен аналитическим центром при Правительстве РФ при участии Минэкономразвития России, МИД России, Росстата и других ведомства, организаций и компаний [4].

Помимо государства и бизнеса в реализации ЦУР в Российской федерации активное участие принимают другие заинтересованные стороны, такие как неправительственные и некоммерческие организации; граждане и молодежные организации, волонтерское движение; университеты и академические структуры. В обзоре уделяется внимание вкладу российского бизнеса в устойчивое развитие, который подтверждают сорок кейсов российских компаний, а также мерам противодействия COVID - 19.

Подготовка обзора потребовала привлечения большого числа специалистов, экспертов и организаций к теме устойчивого развития, появлению аналитических статей, критических замечаний и предложений. Устойчивое развитие городских и сельских населённых пунктов в современных условиях невозможно представить без активного участия в этом процессе муниципальных образований. При рассмотрении вопросов управления территориями выделяют глобальный, государственный, региональный и локальный уровни. Под локальным уровнем, имеются в виду муниципальные районы, городские и сельские поселения, которые относятся к местному самоуправлению [10; 8].

Устойчивое развитие муниципального образования направлено, прежде всего, на улучшение качества жизни населения, принятие мер по сохранению и восстановлению окружающей среды, сокращению сбросов в водные объекты и выбросов в атмосферу загрязняющих веществ, внедрению эффективной системы обращения с отходами. Местное самоуправление объединяет образование, здравоохранение, доступное жилье, жилищно-коммунальное хозяйство, оказание содействия в развитии сельскохозяйственного производства – все это вопросы местного значения, закрепленные законодательно.

Трансформация местного самоуправления, происходящая в стране, ориентирована на повышение роли в развитии территорий и становление гражданского общества, создание атмосферы понимания и участия населения в достижении целей устойчивого развития. Повышение эффективности самоуправления связано с необходимостью совершенствования бюджетно-финансового механизма деятельности муниципалитетов, увеличения фискальной автономии, утверждения социальных стандартов. Немаловажным фактором является и рост экономической состоятельности населения.

Реализация стратегии устойчивого развития без активного участия местного населения и муниципальных образования не представляется возможным. Анализ существующих стратегий развития ряда муниципальных образований Рязанской области показал наличие программ и планов реализации практически по всем направлениям социально- экономического и экологического направления. Однако показатели развития не объединены целью обеспечения устойчивого развития и повышения качества жизни, к решению вопросов не подключено население. В подтверждении приведена самооценка деятельности муниципальных образований в стратегии развития муниципалитета Рязанского района в разделе «Низкий уровень общественного (социального) капитала и гражданской активности населения»: «Под общественным (социальным) капиталом понимается некоторый общественный ресурс, – это способность сообществ к коллективным действиям ради достижения общей цели. Сегодня для района характерен невысокий уровень гражданской активности населения... Эти вопросы не находят своего

отражения в ежегодных докладах и отчетах органов муниципальной власти... Сам процесс стратегического развития района не может идти вне траектории стратегического развития, как Рязанской области, так и РФ. Поэтому стратегические направления развития района во многом будут определяться стратегическими направлениями развития области и государства» [13].

В этой оценке руководителя муниципального образования показана важность «общественного ресурса» и важность участия муниципальных образований в вопросах их устойчивого развития и поднята проблема согласованности задач на всех уровнях управления.

Представленный в статье краткий анализ организации работ по достижению ЦУР регионами (на примере Рязанской области) подтверждает выводы и замечания гражданского общества и счётной палаты РФ, и ряда независимых экспертов в организации работ на всех уровнях управления.

На уровне государственного управления отсутствует централизованный орган, отвечающий и организующий работу по реализации повестки 2030 и схема ответственности по каждому направлению. Представляется целесообразным создание в правительстве ведомства, которое возглавит организацию работ по ЦУР, обеспечит взаимодействие всех уровней управления и включение работ в стратегию развития страны.

Отсутствие индикаторов по ряду задач в области достижения ЦУР нарушает принцип неделимости и взаимосвязанности целей, позволяет каждому исполнителю подменять их, что, в конечном итоге, негативно сказывается на достижении цели, поэтому одна из первоочередных задач ведомства заключается в организации работ по разработке индикаторов и адаптации их до регионального уровня.

На региональном уровне необходимо создание центров по реализации ЦУР с учётом новых разработанных индикаторов и включению их в стратегию развития региона.

Для вовлечённости всех заинтересованных сторон в достижение ЦУР – на региональном и муниципальном уровнях – необходимо проведение обсуждений по социально-экономическому и экологическому развитию территории с учётом текущего состояния и обеспечения индикаторов достижения ЦУР, с целью пересмотра и утверждения стратегии развитии. Организация в подведомственных учреждениях образовательных мероприятий по разъяснению концепции и принципов устойчивого развития, подключение к работе общественных организаций, информирование населения по ходе выполнения ЦУР.

С целью более активного вовлечения организаций, ведущих хозяйственную деятельность на территории региона, ввести в практику и в стратегию развития ежегодное самообследование деятельности предприятия с целью выявления уровня негативного

воздействия на экосистему с разработкой мер по его сокращению. Результаты ежегодно публиковать в открытом доступе. Организовать в регионе конкурс социальной ответственности организаций с ежегодным подведение итогов. Опыт и практику работы организаций победителей конкурса публиковать в СМИ.

Список литературы

1. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 года. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 15.11.2021).

2. Саммит по целям в области устойчивого развития: 24-25 сентября 2019 года, штаб-квартира ООН в Нью-Йорке. URL: https://www.ohchr.org/ru/Issues/SDGS/Pages/SDGsSummit.aspx (дата обращения: 15.11.21).

3. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: https://economy.gov.ru/material/file/dcbc39abeafb0418d9d48c06c958e454/obzor.pdf, (дата обращения: 15.11.21).

4. *Елчуева Т. Э.* Управление устойчивым развитием муниципального образования как социально-экономической системы в условиях реформирования местного самоуправления // Молодой ученый. 2018. № 23(209). С. 294-300. URL: https://moluch.ru/archive/209/51195/ (дата обращения: 06.12.2021).

5. *Петрова Т. А.* Некоторые аспекты формирования устойчивого развития муниципальных образований // Журнал Современные проблемы науки и образования. 2007. № 6 (ч. 1). С. 180-183. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=762 (дата обращения: 20.11.2021).

6. Стратегия социально-экономического развития Рязанского муниципального района на период до 2030 года. URL: https://rzraion.ru/deyatelnost/ekonomika-i-investitsii/dokumenty-strategicheskogo-planirovaniya/strategiya/ (дата обращения: 06.12.2021).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.58 EDN

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА

(Статья выполнена в рамках государственного задания по подтеме: «Исследование экологических проблем природных и антропогенных экосистем, качества жизни и социально-экономического развития горнорудных территорий РБ»)

Ишназарова З. М.
канд. экон. наук,
старший научный сотрудник,
Институт стратегических исследований Республики Башкортостан,
Сибай, Башкортостан

Аннотация. С целью определения субъективной оценки населения обеспеченностью социальными факторами качества жизни нами был проведен опрос населения. Опрос проводился онлайн через платформу Google Forms в период с августа по ноябрь 2021 года. В статье приведены полученные результаты и некоторые аналитические выводы.

Ключевые слова: качество жизни, социальные факторы, регион

SOCIAL FACTORS OF THE QUALITY OF LIFE OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY

Ishnazarova Z. M.
Candidate of Economics,
Senior Researcher,
Institute for Strategic Research of the Republic of Bashkortostan,
Sibai, Bashkortostan

Abstract. In order to obtain people's subjective assessment of the provision with social factors of quality of life, we conducted a population survey. The survey was carried out online via the Google Forms platform in the period from August to November 2021. The article presents the obtained results and analytical conclusions.

Key words: quality of life, social factors, region

Качество жизни представляет собой сложную системную интегральную характеристику удовлетворенности материальными и нематериальными факторами жизни населения, живущего на определенной территории [1].

Для оценки благосостояния населения используется совокупность объективных и субъективных, частных и общих, одноуровневых и многоуровневых показателей измерения степени соответствия условий и уровня жизни человека (населения) его (их) внутренним ощущениям удовлетворенности своей жизнью [1, 2, 3].

Основные факторы, определяющие качество жизни, были предложены в 1961 году Организацией Объединенных Наций. В настоящее время исследования проводятся на основе этих основных факторов [3].

С целью определения субъективной оценки населения обеспеченностью социальными факторами качества жизни нами был проведен опрос населения. В опросе приняли участие 1000 человек, из них 92% – это жители 54 муниципальных районов Республики Башкортостан, 8% - из других регионов Российской Федерации. Так, 53,7% респондентов проживают в сельской местности, остальные – в городской местности, 26,6% - возрастом от 30 до 39 лет, 26,2% – возрастом от 40 до 49 лет, 23,4% – от 21 до 29 лет, остальные – другого возраста, 40% опрошенных были мужчины, 60% – женщины. Из всех респондентов 59,5% замужем или женаты, 29% – холост, не замужем, 7,9% – в разводе, 3,9% – вдовец, вдова. Из семейных жителей 86,9% имеют полную семью. Из всех опрошенных 39,3% имеют двоих детей, не имеют детей – 29%, 14,2% имеют одного ребенка, 13,6% имеют троих детей.

На вопрос «Объективна ли предоставляемая государственная поддержка для улучшения условий и качества жизни населения (предоставление субсидий, пособий, льгот и так далее)?» 21,8% ответили «да», 31,1% – «скорее да, чем нет», 32,0% – «скорее нет, чем да» и 15,1% – «нет».

На вопрос «Какую еще поддержку Вы хотели бы получать от государственных и муниципальных органов для улучшения качества жизни?» наиболее часто встречающиеся ответы были (расположены по количеству от большего к меньшему, в скобках количество ответов по данному пункту):

1. Поддержка молодежи и работающей молодежи, в том числе помощь в решении жилищных вопросов (субсидии, фиксированный процент на ипотеку и цены на жилье) (270 ответов).
2. Поддержка жителей любого возраста в улучшении жилищных условий, в том числе беспроцентный кредит, сертификат на строительство жилья, единовременное пособие на строительство (200 ответов).
3. Оплата труда, в том числе увеличение минимального размера оплаты труда, пенсионных выплат (143 ответа).
4. выплата стипендий и пособий для студентов, стипендии для студентов, обучающихся на коммерческой основе, в том числе поддержка университетов, чтобы они могли снизить стоимость обучения (102 ответа).
5. Обеспечение бесплатного обучения, медицины и культурных мероприятий, в том числе организации досуга детей в сельской местности (70 ответов).
6. Снижение тарифов на оплату жилищно-коммунальных услуг (64 ответа).
7. Помощь и поддержка тяжело больных людей и детей-сирот (50 ответов).

8. Поддержка родителей, воспитывающих детей в одиночку, матерей в декретном отпуске (48 ответов).

9. Поддержка работников бюджетных учреждений, а именно педагогов и учителей (36 ответов).

Также в ответах на вопрос о видах государственной и /или муниципальной поддержке встречались единичные ответы, однако, на наш взгляд, требующие внимания, такие как: «вернуть выслугу лет для преподавателей дополнительного образования школ искусств», «выравнивание питания для школьников», «реальную помощь многодетной семье, такой помощи нет», «повышение закупочных цен на мясо и молоко», «индексация пенсии работающим пенсионерам».

Для того, чтобы улучшить качество жизни личное и членов семьи, респонденты работают и зарабатывают (76,1%), обучаются новому направлению (27,2%), посещают с семьей на культурно-массовые мероприятия (19,0%), помогают решать социальные проблемы в месте проживания (15,7%), находятся в процессе строительства дома или покупки квартиры (11,8%) и другие (*рис. 1*).

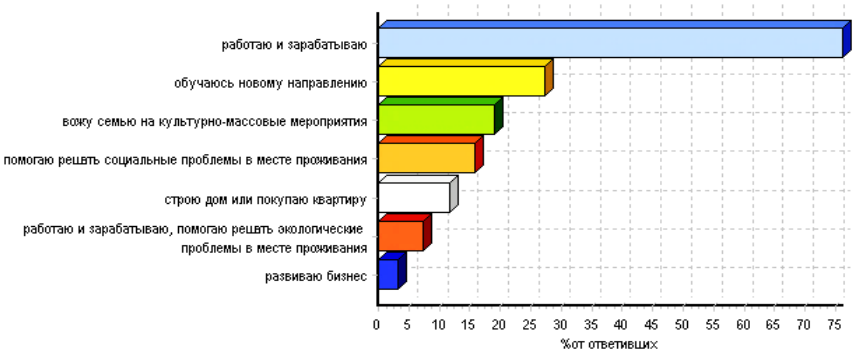

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Что Вы делаете для улучшения качества жизни личное и / или членов Вашей семьи (в данный момент времени)?».
Источник: расчёты на основе авторского исследования.

На вопрос «Какие чувства по отношению к Вашему благополучию, на ваш взгляд, окрепли в последнее время у вас лично?» больше всего чувствуют «надежду на лучшее», «тревогу о своем будущем и будущем членов семьи», «уверенность и гордость».

Также в опросе предлагалось ответить на вопрос «Можете ли Вы сказать, что у вас благополучные условия жизни?», на который 27,5% ответили «да», 57,4% ответили «скорее да, чем нет», 13,0% ответили «скорее нет, чем да», 2,1% ответили «нет». Из тех, кто ответил «скорее нет, чем да» и «нет» указали основные причины недовольства своей жизнью (*табл. 1*).

Таблица 1

Причины неблагополучной жизни граждан

№№	Значения	% от ответивших
1	Уровень личных доходов / уровень доходов семьи	58,0
2	Недостаточное доверие к власти	44,0
3	Наличие ипотек и / или кредитов	38,0
4	Отсутствие собственного жилья	30,0
5	Некачественные продукты питания	26,0
6	Не удовлетворяет качество /доступность образования	20,0
7	Недостаточная правовая и общественная безопасность	20,0
8	Не удовлетворяет личное здоровье	14,0
9	Не удовлетворяет социальное положение в обществе / коллективе, недостаточное доверие к власти	6,0
10	Психологические расстройства, не зависящие от внешних факторов	6,0
11	Не удовлетворяет культурные условия моей жизни	6,0
12	Грязный воздух и/ или питьевая вода	6,0
13	Отсутствие семьи и / или детей	4,0
14	Отсутствие социальных связей	4,0

Источник: на основе авторского исследования.

Так, основными причинами, препятствующими благополучной жизни, по мнению респондентов, выступают «уровень личных доходов и доходов семьи», «недостаточное доверие к власти», «наличие ипотек и кредитов», «отсутствие собственного жилья», «некачественные продукты питания» и другие.

Список литературы

1. *Ishnazarova Z. M.* Measuring quality of life: An integrative approach / A. Barlybaev, Az. Barlybaev, Z. Ishnazarova, D. Ishnazarov, I. Sitnova // E3S Web of Conferences, 2020, 208, 03062. DOI 10.1051/e3sconf/202020803062
2. *Ishnazarova Z. M.* Quality of Life of the Population: the Impact of Digitalization / Barlybaev A. A., Ishnazarova Z. M., Sitnova I. A. // E3S Web of Conferences, 2021, 295 Patras, Greece, July 10-11. DOI https://doi.org/10.1051/e3sconf /202129501034
3. *Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.-П.* Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса / пер. с англ. И. Кушнаревой; науч. ред. перевода Т. Дробышевская. М. : Изд-во Института Гайдара, 2016. 216 с.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.59 EDN

НАУЧНЫЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ВКЛАД Н. М. РИМАШЕВСКОЙ В РАЗВИТИЕ ГЕНДЕРНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Калабихина И. Е.
д-р экон. наук,
заведующий кафедрой народонаселения,
МГУ им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия

Ребрей С. М.
канд. экон. наук,
доцент кафедры мировой экономики,
МГИМО МИД РФ,
Москва, Россия

Аннотация. Исследование раскрывает вклад великого ученого Н. М. Римашевской в развитие гендерных экономических исследований. Рассматривается не только научный путь Н. Римашевской и направления ее исследований в области гендерной экономики в советский, переходный периоды и в новом тысячелетии, но и ее вклад в институционализацию гендерных исследований и внедрение их результатов в социально-экономическую политику страны.

***Ключевые слова*:** экономика гендера, гендерные экономические исследования в России, Н. М. Римашевская, гендерное неравенство

SCIENTIFIC AND INSTITUTIONAL CONTRIBUTION OF N.M. RIMASHEVSKAYA TO GENDER ECONOMIC RESEARCH

Kalabikhina I. E.
Doctor of Economics,
Head of the Department of Population,
Lomonosov MSU,
Moscow, Russia

Rebrey S. M.
Candidate of Economics,
Associate Professor, Department of World Economy,
MGIMO University,
Москва, Россия

Abstract. The article shows the contribution of the great scientist N. M. Rimashevskaya to development of gender economic research. It considers not only the scientific path of N. Rimashevskaya and the directions of her research on economics of gender in the Soviet and transitional periods and in the new Millennium, but also her contribution to the institutionalization of gender studies and implementation of their results in the socio-economic policy of the country.

Key words: economics of gender, gender economic research in Russia, N. M. Rimashevskaya, gender inequality

Наталья Михайловна Римашевская по праву считается родоначальником современных гендерных исследований в России. Будучи широким специалистом по

вопросам социально-экономического развития, демографии, уровня жизни и здоровья населения, Н. М. Римашевская обладала международным признанием, являлась членом международных научно-исследовательских организаций и экспертом ООН по вопросам старения населения. Однако гендерный взгляд на все изучаемые проблемы присутствовал во всех работах Римашевской.

Н. М. Римашевская создала и развивала научную школу гендерных исследований в СССР, затем в России, в условиях смены экономического и социально-политического уклада. Трудовой, научный и общественно-политический путь Н. М. Римашевской и направления ее работы в области гендерных экономических исследований в советский, переходный периоды и в новом тысячелетии свидетельствует о ее роли в институционализации гендерных исследований в СССР и России, в частности, в создании Московского центра гендерных исследований, журнала «Народонаселение», проведении уникального по продолжительности и глубине социально-экономического и гендерного анализа проекта по сбору данных «Таганрог». Н. М. Римашевская, еще в 1960-1970-х годах проводит гендерное сравнение суточного использования времени и его распределения на оплачиваемый и неоплачиваемый труд на основе данных, собранных в Таганроге, предопределяя одно из самых актуальных направлений развития гендерного экономического анализа и гендерного бюджетирования. Ключевые направления экономических исследований гендерного неравенства, проводимые под руководством Н. М. Римашевской:

- Гендерно дифференцированные последствия перестройки социально-экономического уклада [1; 2];
- Влияние гендерного неравенства на макроэкономические и демографические последствия [3–5];
- Влияние гендерных стереотипов на всю социально-экономическую жизнь общества и семей [6; 8; 9];
- Последствия домашнего насилия [6–7];
- Снижение уровня человеческого капитала в настоящем и будущем страны [4; 5; 8; 10];
- Гендерное неравенство на рынках труда [11–13];
- Критика стратегий социально-экономического реформирования страны в гендерном ракурсе [14; 15] и разработка предложений о реформировании социальной системы [3].

Выступая свидетелем гендерного кризиса, разразившегося в стране, Н. М. Римашевская сумела институализировать в научном и общественном сообществе

такую непопулярную тему как гендерные исследования, когда в целом идеи феминизма и гендерного равенства не были созвучны общенациональным настроениям, смогла продвигать гендерные инициативы и проекты в госструктурах, наладить сотрудничество с международными организациями, такими как ООН, и зарубежными неправительственными фондами.

Рисуя целостную картину гендерных дисбалансов и гендерной асимметрии в экономике на макро и микроуровнях, обостряющихся в период реформ, Н. М. Римашевская активно продвигала стратегические политические решения в области улучшения качества жизни женщин и мужчин в России и продвижения гендерного равенства как инструмента экономического процветания.

Список литературы

1. *Римашевская Н. М.* Гендер и экономический переход в России (на примере таганрогских исследований). / Гендерные аспекты социальной трансформации. М. : ИСЭПН РАН, 1996. С. 25-40.
2. *Римашевская Н. М.* Гендерные аспекты социально-экономических трансформаций // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций. Под общ. ред. д-ра эконом. наук М. М. Малышевой. М. : Academia, 2001. С. 243-258.
3. *Римашевская Н. М.* Человек и реформы: секреты выживания. М. : ИСЭПН РАН, 2003. 392 с.
4. *Римашевская Н. М.* Народное благосостояние. Тенденции и перспективы. М. : Наука, 1991. 253 с.
5. *Римашевская Н. М., Локосов В. В.* Таганрогские исследования: полвека спустя. Таганрогские исследования. М. : Экономическое образование, 2017. 288 с.
6. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе. Опыт комплексного социального исследования / Под ред. Н. М. Римашевской. М. : Наука, 2009. 270 с.
7. Разорвать круг молчания… О насилии в отношении женщин / Под ред. Н. М. Римашевской. М. : КомКнига, 2005. 348 с.
8. *Римашевская Н. М., Пациорковский В. В.* Социально-экономические исследования благосостояния, образа и уровня жизни населения. М. : ИСЭПН РАН, 1992. 216 с.
9. *Римашевская Н. М.* Положение детей и качество человеческого потенциала в России // Народонаселение. 2002. № 3. С. 5.
10. *Римашевская Н. М.* Здоровье населения: проблемы и пути решения (сборник статей). М. : ИСЭПН РАН, 2010. URL: https://mnogoslovs.ru/библиотека/Здоровье-населения-проблемы-и-пути-решения-сборник-Сборник-статей-2010-1 (дата обращения: 15.02.2022).
11. *Хоткина З. А.* Женщина на рынке труда // Общественные науки. 1992. № 3. С. 178-184.
12. *Хоткина З. А.* Женщина на рынке труда и просто на рынке (Права женщин в сфере неформальной занятости) // Права женщин в России: исследование реальной практики их соблюдения и массового сознания (по результатам анкетного опроса). В 2-х тт. Т. 1. М. : МЦГИ, ИСЭПН РАН, 1998. URL: https://a-z.ru/women/texts/$khotki12.htm (дата обращения: 15.02.2022).
13. *Римашевская Н. М., Герасимова И. А., Коппина В. Г.* Семья, труд, потребление (Таганрогские исследования). М. : Наука, 1976. 291 с.

14. *Римашевская Н. М.* Реформирование социальной сферы в контексте гендерных отношений // Гендер как инструмент познания и преобразования общества. Материалы международной конференции «Гендерные исследования: люди и темы, которые объединяют общество». Москва, 4-5 апреля 2005 г. / ред.-сост. Е. А. Баллаева, О. А. Воронина, Л. Г. Лунякова. М. : РОО МЦГИ при участии ООО «Солтэкс», 2006. С. 58-69.

15. *Римашевская Н. М., Посадская А. И., Захарова Н. К.* Концепция государственной программы улучшения положения женщин, семьи, охраны материнства и детства. М. : Наука, 1991. 33 с.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.60 EDN

ЖЕНЩИНЫ СЭНДВИЧ-ПОКОЛЕНИЯ В РОССИИ: САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ, ЗДОРОВЬЕ, УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ ЖИЗНЬЮ

Карцева М. А.
канд. экон. наук,
старший научный сотрудник,
Институт социального анализа и прогнозирования ВШКУ РАНХиГС,
Москва, Россия

Пересецкий А. А.
д-р экон. наук, профессор;
ординарный профессор,
НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

Аннотация. На основании данных опроса РМЭЗ ВШЭ за 2016 год мы исследуем влияние сэндвич-синдрома на самосохранительное поведение российских женщин, на уровень их стресса, на самооценку здоровья и на удовлетворенность жизнью. Итогом проведенного анализа стало положение о том, что уход за двумя поколениями уменьшает вероятность таких элементов самомохранительного поведения как медицинские осмотры, регулярное питание (особенно эффект выражен для работающих женщин). Несколько снижается потребление алкоголя, вероятность курения (особенно для женщин моложе 50 лет). Увеличивается вероятность излишнего веса, уменьшается доля хронических заболеваний и улучшается самооценка здоровья (эти эффекты особенно выражены для женщин не-пенсионеров). Уменьшается доля испытывающих депрессию.

Ключевые слова: сэндвич-поколение, неформальный уход, двойной уход, женское здоровье, самосохранительное поведение; удовлетворенность жизнью

SANDWICH-GENERATION WOMEN IN RUSSIA: SELF-PRESERVATION BEHAVIOR, HEALTH, LIFE SATISFACTION

Kartseva M. A.
Candidate of Economics,
Senior Researcher,
Institute for Social Analysis and Forecasting, RANEPA
Moscow, Russia

Peresetsky A. A.
Doctor of Economics, Professor;
Ordinary Professor,
HSE,
Moscow, Russia

Abstract. In this paper we use unique nationally representative data from the 25th wave of Russia Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE) for 2016. Based on the survey data, we investigated the impact of sandwich-syndrome on the self-preservation behavior of Russian women—the level of stress, self-assessed health and life satisfaction. We have found that caring for two generations reduces the likelihood of such elements of self-preservation behavior as medical examinations, and regular meals (the effect is especially pronounced for working women). A small reduction in alcohol consumption is observed. The likelihood of smoking is reduced (especially for women under 50). The likelihood of excess weight increases, the proportion of chronic diseases decreases, and self-assessed health improves (these effects are especially pronounced for women who are non-pensioners). The proportion of those experiencing

depression decreases. These effects may be the result of an insufficient attention to one's health and awareness of the social significance of fulfilling one's duty. The latter also affects the decreasing number of sandwich-generation caregivers (SGCs) dissatisfied with life in general.

Key words: *s*andwich generation, informal care, dual care, women's health, self-preservation behavior; life satisfaction

Начиная со второй половины XX века, сочетание демографических и социально-экономических тенденций привело к тому, что среднее поколение часто испытывает двойную нагрузку, одновременно заботясь о своих детях и о своих родителях. Важнейшим фактором подобного увеличения нагрузки на среднее поколение является рост продолжительности жизни, которое привело к росту спроса на услуги ухода со стороны родительского поколения. Ситуация усугубляется низким уровнем рождаемости. Если раньше многочисленные братья и сестры могли разделить между собой заботы по уходу за пожилыми родителями, то сейчас вся нагрузка часто ложится на единственного ребенка, представителя среднего поколения. Другим важным демографическим фактором увеличения нагрузки является откладывание вступления в брак и увеличение возраста для рождения детей. У людей среднего возраста могут быть несовершеннолетние дети, нуждающиеся в заботе. Более того, в современном развитом обществе стандарты воспитания существенно изменились – представители среднего поколения тратят на воспитание детей значительно больше времени, чем их родители [1]. Рост социальной нагрузки не может быть полностью компенсирован услугами формального ухода в силу несовершенства существующих социальных институтов, а также в силу сложившихся в обществе традиций и устоев.

Таким образом, люди среднего возраста “зажаты” между двумя поколениями – они вынуждены одновременно заботиться о детях и о родителях. В литературе среднее поколение получило название сэндвич-поколение [2].

Определяя принадлежность человека к сэндвич-поколению современные эмпирические исследования как правило ориентируются на фактическую вовлеченность в двойной уход. Предполагается, что человек испытывает сэндвич-синдром, если он ухаживает за двумя поколениями одновременно. Оценки численности населения, вовлеченного в уход за двумя поколениями, существенно варьируются в зависимости от используемого определения [3]. В развитых странах люди, ухаживающие за двумя поколениями, составляют 8–28% населения трудоспособного возраста [4]. Можно ожидать, что доля сэндвич-людей в населении в ближайшее время будет только увеличиваться.

Люди, испытывающие сэндвич-синдром, испытывают существенные трудности, пытаясь совместить уход за несколькими поколениями и собственную жизнь (например, работу на рынке труда). Влияние сэндвич-синдрома на здоровье и благополучие людей

широко обсуждается в литературе. В частности, большое внимание уделяется различным аспектам здоровья, самосохранительного поведения и удовлетворенности жизнью людей, ухаживающих за двумя поколениями.

В настоящей работе мы используем данные 25-й волны опроса РМЭЗ НИУ ВШЭ, за 2016 год, репрезентирующие население России. На основании данных опроса мы исследуем влияние сэндвич синдрома на здравоохранительное поведение российских женщин, на уровень их стресса, на самооценку здоровья и на удовлетворенность жизнью.

Мы получили, что сэндвич синдром уменьшает вероятность таких элементов здравоохранительного поведения как медицинские осмотры, регулярное питание; особенно данный эффект выражен для работающих женщин. Несколько снижается потребление алкоголя, вероятность курения (особенно для женщин моложе 50 лет).

Увеличивается вероятность излишнего веса, уменьшается доля хронических заболеваний и улучшается самооценка здоровья (эти эффекты особенно выражены для женщин не-пенсионеров). Уменьшается доля депрессий. Эти эффекты могут быть как следствием невнимательного отношения к своему здоровью, так и сознанием социальной значимости выполнения долга. Последнее так же сказывается на том, что уменьшается количество ухаживающих, неудовлетворенных жизнью в целом.

Методология исследования

Для анализа влияния сэндвич-синдрома на благополучие российских женщин в работе используется бинарная логит-модель, где в качестве объясняющей переменной используется дамми переменная $sw_i = 1$, если индивид ухаживает за двумя поколениями. Дополнительно набор объясняющих переменных включает в себя целый ряд социально-демографических характеристик женщины и ее домохозяйства (возраст, образование, состояние в браке, количество детей и их возраст, демографический состав домохозяйства, характеристики занятости женщины и членов ее домохозяйства, характеристики места проживания). Для каждого показателя самосохранительного поведения, здоровья и удовлетворенности жизнью y_i (например, $y_i = 1$ если женщина i курит) мы оцениваем следующую модель:

$$P(y_i = 1 \mid sw_i, z_i) = \Lambda(\alpha + \beta \cdot sw_i + z_i'\gamma), \qquad (1)$$

где Λ - функция логистического распределения, sw_i - индикатор наличия сэндвич-синдрома, z_i — вектор социально-демографических характеристик женщины i и ее домохозяйства. Пусть $\hat{\alpha}, \hat{\beta}, \hat{\gamma}$ – оценки параметров модели (1). В подавляющем большинстве работ эффект sw_i на y_i измеряется с помощью отношения шансов (Odds Ratio):

$$OR = \exp\left(\hat{\beta}\right), \quad (2),$$

которое с нашей точки зрения является не вполне корректным измерителем эффекта. Также Norton, Dowd (2018) отмечают, что величина отношения шансов очень чувствительна к выбору данных и спецификации модели (выбору z_i). В нашей работе для изучения эффекта сэндвич-синдрома мы используем индивидуальные предельные эффекты sw_i на y_i:

$$ME_i = \hat{P}(y_i = 1 \mid sw_i = 1, z_i) - \hat{P}(y_i = 1 \mid sw_i = 0, z_i) = \Lambda(\hat{\alpha} + \hat{\beta} + z_i'\hat{\gamma}) - \Lambda(\hat{\alpha} + z_i'\hat{\gamma}) . \quad (3)$$

Средний предельный $ME = \overline{ME_i}$ менее чувствителен к спецификации модели, чем отношение шансов OR. В отличие от OR, ME_i определяется на индивидуальном уровне, что позволяет провести более детальное исследование влияния sw_i на y_i.

В модели используется широкий ряд объясняющих переменных z_i, многие из которых являются дискретными. В этом случае оценки, полученные с помощью логит-модели, очень близки к оценкам, полученным с помощью мэтчинга, который используется во многих работах соответствующей тематики. Having the ME_i we calculate sample mean $ME = \overline{ME_i}$ and sample standard deviation $s(ME)$ of the effect measure which are more precise tools for constructing confidence intervals and hypothesis testing then the usual asymptotic estimates reported by logistic STATA command.

Результаты (пример)

Влияние сэндвич-синдрома на регулярность питания

Повышенная нагрузка, связанная с уходом за двумя поколениями, может негативно отражаться на самосохранительном поведении женщин, в частности, на регулярности питания. Проведенный анализ показал, что в среднем сэндвич-синдром снижает долю регулярно питающихся женщин на 10.1% п. п. (–11.5 п. п. для занятых на рынке труда и 7.5 п. п. для незанятых) На *рис. 3a, 3b* представлены графики плотности распределения ME_i для индикатора регулярности питания по всей совокупности наблюдений и отдельно по каждой из подгрупп занятых/незанятых (*рис. 3b*) и по всей выборке (*рис. 3a*). В каждой из подгрупп распределение близко к нормальному.

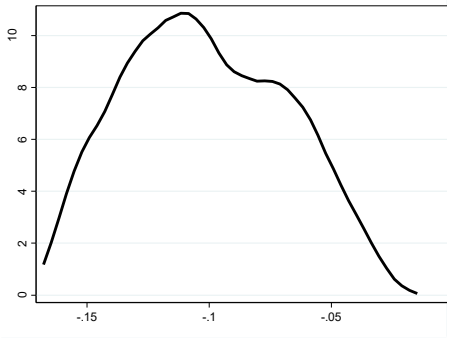

Рис. 3a. Распределение предельного эффекта сэндвич синдрома на вероятность регулярного питания.
Источник: данные на основе описываемого исследования.

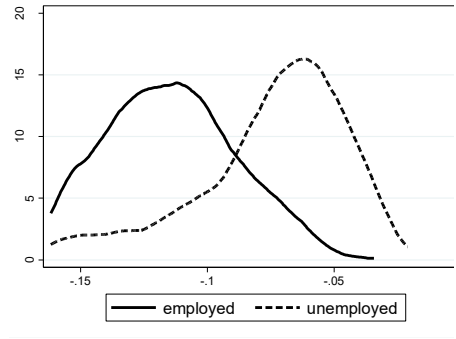

Рис. 3b. Распределение предельного эффекта сэндвич синдрома на вероятность регулярного питания для занятых и незанятых.
Источник: данные на основе описываемого исследования.

Основные описательные статистики распределения предельного эффекта сэндвич синдрома на вероятность регулярного питания представлены в *табл. 1*.

Таблица 1

Предельный эффект сэндвич-синдрома на вероятность регулярного питания, описательные статистики, процентные пункты

Категории	Количество наблюдений	Среднее	Стандартное отклонение	Минимум	Максимум
Не занятые	885	–0.075	0.030	–0.162	–0.021
Занятые	1766	–0.115	0.026	–0.162	–0.034
Всего	2651	–0.101	0.033	–0.162	–0.021

Источник: данные на основе описываемого исследования.

Показано, что негативный эффект сэндвич-синдрома на регулярность питания в большей мере выражен для работающих женщин: среди них у подверженных сэндвич-синдрому на 11.5 п. п. больше респондентов, пренебрегающих регулярным питанием. В подавляющей степени это связано с тем, что работающая женщина испытывает постоянную нехватку времени и вынуждена жертвовать обеденным перерывом, т. к. должна успеть сделать что-то из своих обязанностей – забрать детей из детсада, школы, купить и занести продукты родителям и т. п.

Таким образом, мы показали, что одновременный уход за двумя поколениями негативно отражается на пищевом поведении российских женщин, снижая регулярность питания. В целом, полученные результаты подтверждают выводы, полученные в работе (Chassin et. al, 2010), свидетельствующие о том, что люди, испытывающие сэндвич-

синдром, значительно реже контролируют состав и калорийность продуктов и реже выбирают еду с учетом ее ценности для здоровья.

Благодарности. Мы выражаем признательность профессору НИУ ВШЭ Я. М. Рощиной за помощь с данными РМЭЗ НИУ ВШЭ.

Список литературы:

1. *Aguiar M., Hurst E.* (2007). Measuring trends in leisure: The allocation of time over five decades. The Quarterly Journal of Economics, 122(3). PP. 969–1006.
2. *Miller D. A.* (1981). The 'sandwich' generation: adult children of the aging. Social Work, 26(5). PP. 419–423.
3. *Künemund H.* (2006). Changing welfare state and the “sandwich generation”: Increasing burden for the next generation? International Journal of Ageing and Later Life, 1(2). PP. 11–29.
4. *Boyczuk A. M., Fletcher P. C.* (2016). The Ebbs and Flows: Stresses of sandwich generation caregivers. Journal of Adult Development, 23. PP. 51–61.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.61 EDN

ИННОВАЦИИ В ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧИТЕЛЯ

Леонидова Г. В.
канд. экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
заведующий лабораторией исследований проблем
развития трудового потенциала,
Вологодский научный центр РАН,
Вологда, Россия

Аннотация. Исследуется проблема инноваций в системе общего образования. Цель статьи – анализ инновационности рабочих мест учителей, ее влияния на трудовую деятельность учителя. Показано наличие социально-экономических эффектов от инноваций на рабочих местах: более высокая удовлетворенность условиями труда, повышение уровня и качества обучения, преподавания, и, соответственно, повышение качества образования в целом.

Ключевые слова: учитель, общеобразовательная школа, инновации, рабочее место

INNOVATIONS IN THE WORK OF A TEACHER

Leonidova G. V.
Candidate of Economics, Associate Professor, Leading Researcher,
Head of the Laboratory for the issues of labor potential development,
Vologda Research Center RAS,
Vologda, Russia

Abstract: The article deals with the problem of innovations in the system of general education. The purpose of the article is to analyze the innovativeness of teachers' workplaces, its impact on teachers' work activity. There are shown socio-economic effects of the innovations in the workplace: a higher satisfaction with working conditions, an increase in the level and quality of education, teaching, and, accordingly, an increase in the quality of education in general.

Key words: teacher, secondary school, innovation, workplace

В современной жизни происходят существенные трансформации, обусловленные усилением процессов глобализации, информатизации, интеграции, а также обострением имеющихся и появлением новых вызовов. «Человечество подошло к порогу, где изменения, связанные с новой информацией и использованием знания, радикально трансформируют не только внешние условия существования, но также создают фундаментальные основания» для внутренних преобразований социума [1, 138]. Решение возникающих проблем связывается мировым сообществом с развитием инноваций, как технологических, так и социальных.

В таких сферах как здравоохранение, социальные услуги, образование, социально-трудовая сфера, экология, транспорт и т.д. активно развиваются социальные инновации [2, 40–41]. К таким инновациям можно отнести введение новых видов услуг (реабилитации, социализации и др.), внедрение новых инструментов управления [3], появление новых форм организации труда, обновление рабочих мест и т.п. Что касается последнего, то

широкое распространение информационных технологий на рабочих местах (мобильные, облачные, аналитические и социальные инструменты) позволяет, например, более эффективно работать, легче общаться, экономить рабочее время [4]. Внедрение инноваций на рабочих местах особенно востребовано в последние годы на фоне трех фундаментальных тенденций: старение рабочей силы, информационная перегрузка, потребность в быстроте реагирования на происходящие изменения и скорость выполнения работы [5, 8–10].

Все эти тенденции, так или иначе, затрагивают сферу образования. В российской системе образования инновационный процесс связан с её радикальной модернизацией начала XXI века. Задачи, стоящие перед образованием, предъявляют, в этом контексте, новые требования ко всему спектру школьного пространства, от рабочего места до принципиально новых средств организации учебно-воспитательного процесса.

Рабочее место одного из основных акторов образовательной сферы – учителя является той зоной деятельности (рабочим пространством), которая должна обеспечивать выполнение образовательных целей в соответствии с паспортом Национального проекта «Образование» [6] (обеспечение глобальной конкурентоспособности российского образования, вхождение России в число десяти ведущих стран мира по качеству общего образования и воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности). В рамках этих глобальных задач сохраняет свою актуальность ключевая проблема – обеспечение образовательного процесса посредством новых технологий (интернета, ИКТ, цифровых образовательных ресурсов и т. д.). Следовательно, и рабочее место учителя должно быть оснащено необходимыми и самыми современными основными и вспомогательными средствами.

Традиционное представление о рабочем месте учителя школы еще недавно заключалось в небольшом перечне основных его компонентов: стол, стул, классная доска. Сегодня требования существенно возросли. В рабочем пространстве кабинета должно быть место для компьютера, принтера, присутствовать мультимедийный проектор, а классная доска – иметь выход в интернет. Для проведения полноценных уроков, а также для возможного проведения занятий в дистанционном формате требуется цифровая видеокамера, веб-камера, проекционный экран, а для естественнонаучных дисциплин – цифровые микроскопы и другие компоненты цифровой лаборатории. Сегодня рабочее место учителя становится автоматизированным рабочим местом, своеобразным рабочим инструментом учителя, способным за счёт технологизации существенно повысить эффективность его труда.

В связи с этим, целью исследования является анализ инновационных преобразований рабочего места учителя общеобразовательной школы, а также оценка

внедрения инноваций в ракурсе их влияния на профессиональное самочувствие данной социально-профессиональной группы.

Информационной базой исследования стали результаты социологического опроса учителей общеобразовательных школ Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в апреле – мае 2020 года с помощью анкетных онлайн-форм на платформе Google. В опросе приняли участие 272 респондента (генеральная совокупность – 8,6 тыс. человек). Выводы и суждения по поводу инновационности рабочих мест учителей были основаны на специальном блоке вопросов анкеты, включающем вопросы: «Что Вы понимаете под инновациями в образовании?»; «Внедряются ли инновации в Вашей образовательной организации?», «Считаете ли Вы свое рабочее место инновационным?»; «Какие именно нововведения на своем рабочем месте Вы можете отнести к инновационным?».

Результаты социологического опроса показали, что учителя выделяют два направления (вектора) инноваций в сфере образования (*табл. 1*). С одной стороны, это непосредственно педагогические инновации и инновационные практики (новые приемы, методы обучения и воспитания, не имеющие аналогов и т. д.), так ответили 65% респондентов. С другой – технологические нововведения (обновление фондов образовательной организации, компьютеризация и цифровизация процессов) – 64%.

Таблица 2

Распределение ответов учителей средних общеобразовательных школ Вологодской области на вопрос: Что вы понимаете под инновациями в образовании? (в % от числа всех опрошенных)

Варианты ответов	Стаж работы в школе			Всего
	до 3-х лет	3-20 лет	более 20 лет	
Новые приемы, методы обучения и воспитания, не имеющие аналогов	68,8	64,1	65,7	**65,4**
Технологическое обновление фондов образовательной организации	59,4	65,0	63,5	**63,6**
Организация рабочего места учителя	43,8	46,6	54,7	**50,4**
Новые управленческие методы и инструменты	21,9	36,9	32,8	**33,1**
Дистанционное обучение	31,3	19,4	24,1	**23,2**
Затрудняюсь ответить	9,4	3,9	3,6	**4,4**

Источник: онлайн-опрос учителей школ Вологодской области 2020 г. (ФГБУН ВолНЦ РАН, N=272).

Следует отметить, что половина респондентов (50,4%) относит к направлениям внедрения нововведений и рабочее место. Запрос на инновации в этом аспекте наиболее ярко прослеживается среди работников со стажем.

Судя по оценкам большинства опрошенных учителей, инновации в образовательных организациях внедряются достаточно активно (52%). Наиболее активно – в городских школах (51% – Вологда, 63% – Череповец).

Следует отметить, что только около трети учителей (27%) считает свое рабочее место инновационным. Превалирующим ответом является «нет» (63%). Среди давших положительную оценку 50% молодых учителей.

Вместе с тем, проведенное исследование показало наличие социально-экономических эффектов от инноваций на рабочих местах. Во-первых, это психологический комфорт работника, связанный с большей удовлетворенностью условиями труда. Группа учителей, оценившая рабочее место как инновационное, более удовлетворена условиями труда, санитарно-гигиенической обстановкой и безопасностью труда, а также технической оснащенностью рабочего места. Между индексом инновационности рабочих мест и удовлетворенностью техническим состоянием рабочего места имеется положительная корреляционная связь (r=0,549). Эффекты заключаются также в более высокой отдаче от преподавательского труда, большей удовлетворенности качественными аспектами профессии, в уровне и качестве обучения, преподавания, а, соответственно, в повышении качества образования в целом.

Список литературы

1. *Вольчик В. В., Оганесян А. А.* Реформы в образовании: бремя адаптации // TERRA ECONOMICUS. 2017. Т. 15. № 4. С. 136-158. DOI 10.23683/2073-6606-2017-15-4-136-148

2. *Краснопольская И. И., Мерсиянова И. В.* Трансформация управления социальной сферой: запрос на социальные инновации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2015. № 2. С. 29-52.

3. *Леонтьев И. Л.* Теория и практика инноваций в социальной сфере // Системная интеграция в здравоохранении. 2014. № 1(23). С. 53–71.

4. *Simmers C. A., McMurray A. J.* (2019). Organizational justice and managing work-place innovation: How important are formal procedures? // International Journal of Innovation Management. Vol. 23(03). PP. 1–21. DOI 10.1142/S1363919619500269

5. *Attaran M., Attaran Sh., Kirkland D.* (2019). The need for digital workplace: increasing workforce productivity in the information age // International Journal of Enterprise Information Systems. Vol. 15(1). PP. 1–23. DOI https://doi.org/10.4018/IJEIS.2019010101

6. Национальный проект «Образование». URL: https://strategy24.ru/rf/projects/project/view?slug=natsional-nyy-proyekt-obrazovaniye&category=education (дата обращения: 15.02.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.62 EDN

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ ГЛАЗАМИ НАСЕЛЕНИЯ СЕГЕЖСКОГО ГОРОДСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Сачук Д. И.
заведующий лабораторией социологических исследований,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия

Чухарева А. Г.
сотрудник лаборатории социологических исследований,
Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются результаты исследования качества жизни Сегежского городского поселения. Описаны основные характеристики горожан, ключевые социальные проблемы территории. На основании исследования выдвинуты управленческие рекомендации по развитию малых городов с градообразующим предприятием.

Ключевые слова: Качество жизни, малый промышленный город

ASSESSMENT OF THE QUALITY OF LIFE THROUGH THE EYES OF THE RESIDENTS OF SEGEZHA URBAN SETTLEMENT

Sachuk D. I.
Head of the Laboratory for sociological studies,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia

Chukhareva A. G.
Assistant,
Laboratory for sociological studies,
Petrozavodsk State University,
Petrozavodsk, Russia

Abstract. The article discusses the results of a study of the quality of life of Segezha urban settlement. The authors describe the main characteristics of the residents, the key social problems of the territory. On the basis of the study, the authors put forward several management recommendations for development of small towns with a city-forming enterprise.

Key words: quality of life, small industrial town

В январе – июне 2021 года Лаборатория социологических исследований Петрозаводского государственного университета по заказу группы компаний Segezha Group организовала и провела социологическое исследование. Целью исследования было обозначено выявление и описание ключевых социальных проблем глазами населения муниципального образования «Сегежское городское поселение» и проведение оценки качества жизни в городе.

В качестве метода исследования было использовано раздаточное индивидуальное анкетирование населения города Сегежа. Для формирования выборочной совокупности был использован метод квотной выборки, что было обусловлено сложностями реализации случайных методов формирования выборочной совокупности вследствие неблагоприятной эпидемиологической обстановки на момент реализации полевого этапа. Критериями отбора респондентов в выборочную совокупность стали половозрастные критерии. Предварительные расчёты указывали на достаточный объём выборки в 400-450 респондентов, для повышения репрезентативности данных общее число опрошенных было решено увеличить до 500.

В исследовании приняло участие 228 мужчин (45,6% опрошенных) и 272 женщины (54,4% опрошенных), что соответствует статистическому профилю по городу Сегежа. Промышленный характер экономической структуры города находит своё отражение в распределении респондентов по уровню образования. Лишь 14% респондентов имеют высшее образование. По данным Росстата в Российской Федерации неполное высшее, высшее и послевузовское образование имеют более 26% россиян [1]. Уровень образования обуславливает различия в оценках социальных проблем и качества жизни, а также формирует специфические особенности восприятия информации, что важно для практических управленческих рекомендаций. Численность собственников бизнеса и индивидуальных предпринимателей находится на уровне 2,2%, что более чем в 3 раза ниже, чем по России в целом (по оценкам ВЦИОМ – 7% [2]), что указывает на то, что ключевым «локомотивом» социально ответственного бизнеса в Сегеже является градообразующее предприятие.

Суммарно две трети жителей города Сегежи (66,2%) охарактеризовали своё материальное положение как «Среднее…» и ниже, что на практике означает, что большей части населения реальных доходов хватает на текущие расходы, а крупные покупки бытовой техники или трата средств на отпуск вызывают существенные затруднения и вынуждают залезать в долги.

Важным вопросом анкеты стал открытый вопрос, в рамках которого респондентам было предложено указать до трёх плюсов и минусов проживания в городе Сегежа. Общий тон ответа на вопрос, очевидно, увязывается с общим критическим настроением респондентов: количество негативных характеристик превосходит количество плюсов более чем в два раза (741 упоминание против 307 упоминаний). Среди ключевых минусов выделяются пункты, посвящённые экологической обстановке (38,4% респондентов), претензии к дорогам (37,4% респондентов), жалобы на стоимость и качество услуг ЖКХ (19,4% респондентов), а также как минус была обозначена захламлённость и загрязненность

улиц города (12,4% респондентов). Среди плюсов проживания в городе Сегежа были названы следующие: небольшая территория города (14%), природа (12,2%), досуг (8,6%). Интересно отметить, что 42,2% опрошенных отметили, что в той или иной степени имеют желание покинуть город в обозримом будущем, об отсутствии подобного желания заявили 45,4% респондентов, подобный раскол, несомненно, является препятствием на пути формирования непротиворечивой социальной ответственности градообразующего предприятия.

Для оценки качества жизни сегежан респондентам было предложено оценить, как изменилась их жизнь и семьи, а также города в целом за последние годы. Более половины респондентов (58%) считают, что жизнь их семьи практически не изменилась за последние годы. Что же касается оценки положения дел в городе Сегежа, тут мнения респондентов разделились практически поровну, так 39,2% сегежан считают, что жизнь в городе не изменилась, а 37,2% считают, что жизнь в городе изменилась в худшую сторону.

Респонденты назвали несколько проблем города, которые требуют решения в первую очередь. К главным проблемам города респонденты отнесли следующие проблемы: высокие цены на услуги ЖКХ (76,6%), плохое состояние дорог (58,7%), плохая экология (45,5%), качество медицинского обслуживания (44,5%), низкие зарплаты и пенсии (41,9%). По мнению респондентов, городу Сегеже в первую очередь не хватает спортивных (53,3%) и детских (48,3%) площадок, велодорожек (37,2%), занятий по различным видам спорта (24,1%), ледового дворца (20,1%).

Как было отмечено ранее, экологическая обстановка в городе является одной из главных проблем города Сегежа. В связи с этим, в данном исследовании был включен целый комплекс вопросов для оценки экологической ситуации в городе. Важно отметить, что большая часть респондентов (64,4%) проявляют интерес к экологической ситуации, проблемам окружающей среды города Сегежа. В данном исследовании респондентам было предложено оценить, как изменилась экологическая ситуация в городе Сегежа за последние 5 лет. Средний балл по 10-балльной шкале составил лишь 2,97 балла, то есть, по мнению респондентов, экологическая обстановка в городе за 5 лет не улучшилась, а даже стала ухудшаться. Также респондентам было предложено оценить различные экологические проблемы города. Набольшую угрозу качеству жизни, по мнению респондентов, представляют такие экологические проблемы, как загрязненная почва (25%), накопление бытовых отходов (25,2%), вырубка лесов (20,2%), загрязненная вода (19,6%).

В данном исследовании респондентам также было предложено оценить туристический потенциал Сегежи. По мнению 43,3% респондентов, развитие туризма в городе Сегежи является важным направлением развития города. Респонденты отметили

некоторые варианты, которые будут способствовать повышению туристической привлекательности города Сегежа. Наиболее важными из них являются оживление культуры города (48%), повышение качества жизни в городе (45,3%), создание новых достопримечательностей (38,9%), сохранение исторических достопримечательностей города (33,7%).

Качество жизни населения напрямую зависит от деятельности различных институтов власти. Респондентам было предложено оценить уровень удовлетворенности тем или иным институтом власти. Степень удовлетворенности работой властных структур у населения города Сегежи растет от муниципальной власти к федеральным органам. Более половины респондентов (55%) абсолютно недовольны работой администрации города Сегежа, почти половина респондентов (45%) не совсем довольны деятельностью Правительства РК. Работой президента и правительства РФ в целом довольны 56% респондентов.

Таким образом, город Сегежа является классическим примером малого промышленного города России с ярко выраженным градообразующим предприятием. Ключевым фактором, сдерживающим рост качества жизни, жители выделяют неблагоприятную экологическую обстановку, которая в оценках местных жителей за последние 5 лет ухудшилась. Основными проблемами для жителей Сегежи являются плохая экология, высокие цены на услуги ЖКХ, плохое состояние дорог, качество медицинского обслуживания, низкие зарплаты и пенсии. По результатам анализа было установлено, что подходящей стратегией для градообразующего предприятия является планомерное выстраивание отношений с ключевыми группами местного населения, а также постепенное повышения качества городской среды на примере строительства спортивно-досуговых объектов и борьбы с загрязненностью города.

Список литературы:

1. Уровень образования населения (по данным Всероссийской переписи населения) // Статистика и показатели Росстат. URL: https://www.gks.ru/bgd/regl/B13_14p/IssWWW.exe/Stg/d1/05-01.htm (дата обращения: 20.02.2022).
2. Субъекты предпринимательской деятельности // Статистика и показатели Росстат. URL: https://rosinfostat.ru/subekty-predprinimatelskoj-deyatelnosti/ (дата обращения: 20.02.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.63 EDN

ПЯТЬ ФАКТОРОВ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ В 2010–2020 ГОДЫ: ДИНАМИКА И ОЦЕНКА

Скворцова Е. Е.
научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. В работе анализируются изменения за десять лет (2010-2020) пяти факторов развития информационного общества в России: человеческого капитала, инновационного потенциала, общего состояния экономики, доступа к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ), инфраструктуры ИКТ. На основе анализа этих изменений и данных Глобального рейтинга инноваций (2021) выявляются тенденции развития информационного общества, произошедшие за этот период в России, дается их оценка.

***Ключевые слова*:** мониторинг, информационное общество, ИКТ, человеческий капитал, инновации, показатели развития, GII

FIVE FACTORS OF THE INFORMATION SOCIETY DEVELOPMENT IN RUSSIA IN 2010–2020: DYNAMICS AND ASSESSMENT

Skvortsova E. E.
Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The article analyses changes in five factors of the information society development in Russia for ten years (2010-2020): human capital, innovation potential, general state of the economy, access to information and communication technologies (ICT), ICT infrastructure. Based on the analysis of these changes, on the data of the Global Innovation Ranking (2021), there are identified the trends in the development of information society in Russia during this period, and given their assessment.

***Key words*:** monitoring, information society, ICT, human capital, innovation, development indicators, Global Innovation Index (GII)

В течение десяти лет (2010–2020) в России активно проводились государственные программы, соотнесенные с Целями устойчивого развития ООН (2015–2030), стимулирующие развитие информационного общества. В 2021 году Российским статистическим агентством опубликован Мониторинг развития информационного общества в РФ, включающий в себя более 160 показателей [1]. Кроме инновационного потенциала в мониторинг включены следующие факторы развития информационного общества: человеческий капитал, общее состояние экономики, доступ к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) и инфраструктура ИКТ. Проведение анализа динамики ряда показателей по этим пяти факторам позволяет выявить следующие тенденции развития информационного общества:

1. «Человеческий капитал». Сократилась численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования на 10 тыс. человек населения (*рис. 1*).

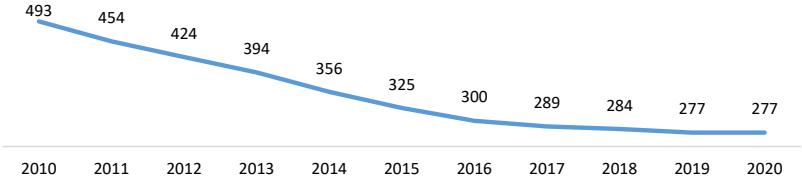

Рис. 1. Численность студентов, обучающихся по образовательным программам высшего образования - программам бакалавриата, специалитета, магистратуры, на 10 000 человек населения (человек, РФ).
Источник: Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации/ Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/14478 (дата обращения: 21.02.2022).

Коэффициент численности студентов сократился в 2010–2020 годах с 4,9 до 2,8. Однако этот показатель по направлению подготовки «Информатика и вычислительная техника» увеличился за этот период с 2 до 8, что свидетельствует о позитивных изменениях в структурном балансе обучающихся.

2. Уменьшилось количество исследователей (в эквиваленте полной занятости) на 1млн жителей с 3 094 до 2 719 (*рис. 2*). Средний возраст исследователей в 2013–2020 годы оставался неизменным – 47 лет.

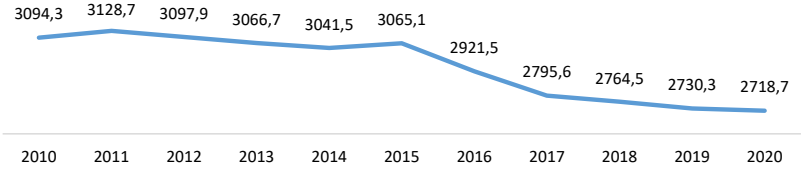

Рис. 2. Количество исследователей (в эквиваленте полной занятости) на 1 млн жителей (человек, значение показателя за год, РФ).
Источник: Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации/ Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/14478 (дата обращения: 21.02.2022).

3. «Инновационная деятельность». Доля внутренних затрат на исследования и разработки в % к ВВП в течении анализируемых десяти почти не менялась и оставалась на низком уровне – около 1%. Доля затрат на инновационную деятельность в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг увеличивалась в 2010-2013 годах с 2,1% до 2,9%, а затем пошла на спад – 2,3% (2020). Доля внутренних затрат на научные исследования и разработки сектора ИКТ в общем объеме внутренних затрат на научные исследования и разработки выросла с 1,3% до 3% (*рис. 3*). В связи с затратами на

инновационную деятельность, менялась доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг.

Рис. 3. Доля внутренних затрат на научные исследования и разработки сектора ИКТ, в общем объеме внутренних затрат на научные исследования и разработки; доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг (%, РФ).
Источник: Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации/ Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/14478 (дата обращения: 21.02.2022).

Отметим тенденцию - с 2014 года идет снижение числа патентов на изобретения, выданных Роспатентом российским заявителям, в расчете на 1 млн человек населения (*рис. 4*).

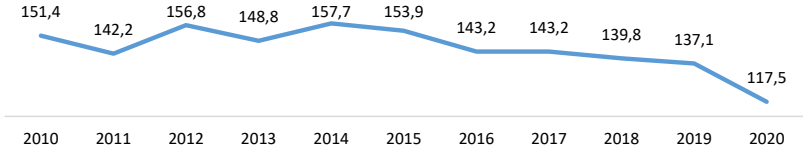

Рис. 4. Число патентов на изобретения, выданных Роспатентом российским заявителям, в расчете на 1 миллион человек населения (единиц, РФ).
Источник: Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации/ Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/14478 (дата обращения: 21.02.2022).

Сальдо экспорта-импорта технологий в РФ в целом демонстрирует технико-технологическое отставание национальной промышленности, хотя в 2020 году оно заметно сократилось (*рис. 5*).

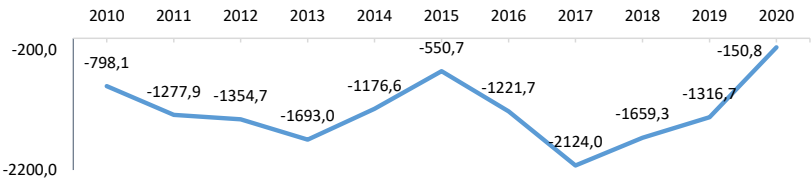

Рис. 5. Сальдо экспорта-импорта технологий в РФ.
Источник: Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации/ Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/14478 (дата обращения: 21.02.2022).

3. «ИКТ – инфраструктура и доступ». Телефонная плотность фиксированной связи на 100 человек населения в 2020 году уменьшилась на 40% в сравнении с периодом 2010–2020 годов, а проникновение сотовой связи увеличилось на 25%. Доля населения, имеющего возможность принимать одну телевизионную программу наземного цифрового эфирного телевещания, в общей численности населения к 2020 году составляла почти предельную величину – 99,3%.

Расширились возможности доступа организаций и населения к пользованию интернетом, в том числе широкополосным (*рис. 6*). При этом абонентская плата за доступ в продолжении десятилетия остается примерно одинаковой.

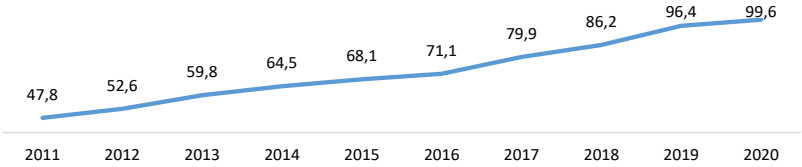

Рис. 6. Число абонентов мобильного широкополосного доступа в Интернет на 100 человек населения (абоненты, РФ).
Источник: Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации/ Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/14478 (дата обращения: 21.02.2022).

4. «Экономическая среда». При низкой и неизменной доле внутренних затрат на исследования и разработки в ВВП страны, объем инвестиций в основной капитал, направленных на приобретение ИКТ-оборудования, в фактически действовавших ценах, вырос за десятилетие в более чем 4 раза (*рис. 7*).

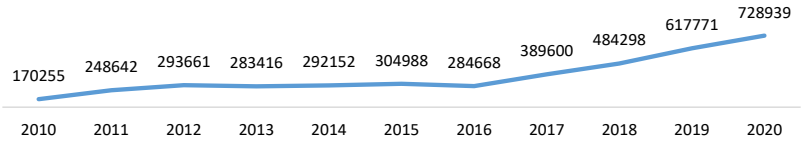

Рис. 7. Объем инвестиций в основной капитал, направленных на приобретение информационного, компьютерного и телекоммуникационного (ИКТ) оборудования, в фактически действовавших ценах (млн рублей).
Источник: Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации/ Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/14478 (дата обращения: 21.02.2022).

В 2021 году в Глобальном рейтинге инноваций (Global Innovation Index, GII) Россия занимала 45 место среди 132 стран, что на три позиции выше результата 2015 года (48 место) [2]. В 2021 году у России были более высокие значения показателей, связанных с

инновационным вкладом, чем с результатами инноваций – 43 место. По созданию инновационной продукции Россия занимала 52 место (это лишь 29-я позиция среди 39 европейских стран). Россия находилась на высоком 6 месте в группе 34 стран с более высоким *средним* доходом (по классификации ВБ), где тройкой лидеров являются Китай, Болгария и Малайзия [2, 23].

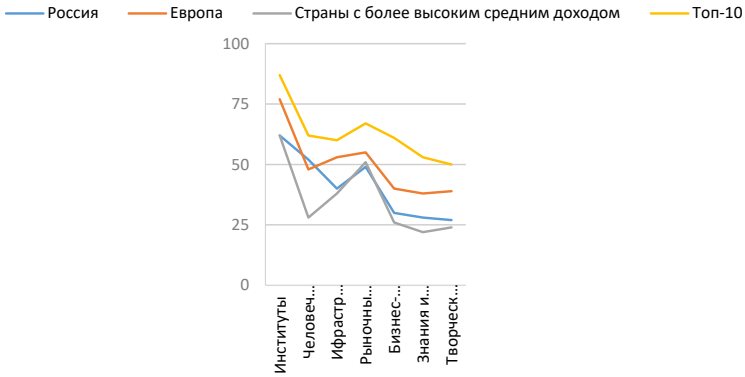

Рис. 8. Семь основных компонентов индекса GII:
сравнение России с другими странами.
Источник: Global Innovation Index (GII) 2021. Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis. URL: https://www.globalinnovationindex.org/home (дата обращения: 21.02.2022).

Россия опережает группу стран Европы только по одному компоненту – человеческому капиталу – и отстает от экономически развитых стран по всем другим компонентам индекса (*рис. 8*), что согласуется с Индексом сетевой готовности для России [3].

Анализ факторов развития информационного общества в России позволяет сделать общий вывод: несмотря на ряд положительных изменений показателей человеческого капитала (рост числа IT-специалистов), доступа к ИКТ, инфраструктуры ИКТ, инвестирования в основной капитал, направленного на приобретение ИКТ-оборудования, результативность инноваций остается низкой. Снижается изобретательская и инновационная активность ученых и организаций, количество передовых производственных технологий. Вероятными причинами этих негативных тенденций являются: низкая доля внутренних затрат на ИКТ в валовом внутреннем продукте страны, уменьшение объема средств, выделяемых на выполнение исследований и разработок, уменьшение числа исследователей, медленное обновление научных кадров, низкая оплата труда научных работников. В целом за период 2010–2020 годов динамика развития

информационного общества в России говорит о сохранении тенденции технико-технологического и инновационного отставания от экономически развитых стран.

Список литературы

1. Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации/ Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/14478 (дата обращения: 21.02.2022).

2. Global Innovation Index (GII) 2021. Tracking Innovation through the COVID-19 Crisis. URL: https://www.globalinnovationindex.org/home (дата обращения: 21.02.2022).

3. The Network Readiness Index 2020. Accelerating Digital Transformation in a post-COVID Global Economy 2020. // Portulans Institute: URL: https://networkreadinessindex.org/countries/russian-federation/ (дата обращения: 21.02.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.64 EDN

КОМУ НУЖНО ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО В РОССИИ?

Хоткина З. А.
канд. экон. наук, доцент,
ведущий научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. Показаны результаты сравнительного анализа двух российских отчетов о реализации целей устойчивого развития (ЦУР) за 2016–2020 годы по 5-ой цели – гендерное равенство. Отчеты были подготовлены Правительством РФ и гражданским обществом, а из их сравнения видно разительное отличие этих документов: формализм и комплементарность правительственного и конструктивный характер гражданского отчета.

Ключевые слова: Цели устойчивого развития, гендерное равенство, сравнительный анализ, официальный и гражданский отчеты

WHO NEEDS GENDER EQUALITY IN RUSSIA?

Khotkina Z. A.
Candidate of Economics, Associate Professor,
Leading Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The article provides a comparative analysis of two Russian reports on the implementation of the Sustainable Development Goals (SDGs) for the first five years (2016-2020), in particular of the 5th Goal - gender equality. The reports were prepared by the RF Government and by civil society, and their comparison shows a striking difference between these two documents: formalism and complementarity of the Government report and constructive character of the civil report.

Key words: Sustainable Development Goals, gender equality, comparative analysis, official and civic reports

Для ответа на вопрос, вынесенный в заглавие, были проанализированы два российских отчета о реализации целей устойчивого развития (ЦУР) в России за 2016–2020 годы. Цели устойчивого развития (17 целей) сочетаются с задачами (176 задач) и дополнительно раскрываются с помощью показателей (232 показателя), ориентированных на измеримые результаты. В соответствии с темой тезисов, анализ был сделан не по всем 17-ти целям, а лишь по 5-ой – «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек». Анализ вопросов гендерного равенства был проведен по двум российским отчетам (докладам), подготовленным правительством и гражданским обществом, первый из которых был представлен на сессии ООН в июле 2020 года, а второй, в соответствии с протоколом, – передан в ООН.

Правительственный отчет «Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [1] (аббревиатура

доклада – ДНО), был подготовлен Аналитическим центром при Правительстве РФ в партнерстве с МИД России, Минэкономразвития, Росстатом и другими госорганами, а также при участии бизнеса, научного и экспертного сообщества, общественных организаций. Гражданский отчет или, как его принято называть Добровольный гражданский обзор (ДГО), «2020–2030: Десятилетие действий для ЦУР в России. Вызовы и решения» [2] был составлен Коалицией за устойчивое развитие страны (КУРС), в которую входили представители гражданского общества, науки, бизнеса и др.

Структуры правительственного и гражданского отчетов в принципе имеют сходство, поскольку должны были выстраиваться в соответствии с пятью задачами и тремя пунктами (“a”, “b” “c”), определенными ЦУР по 5-й цели [3, 27]. В правительственном отчете не представлена одна из пяти задач (5.4) о «неоплачиваемом труде по уходу и работе по ведению домашнего хозяйства». Это важное упущение, поскольку практически все остальные задачи отражают гендерное неравенство в общественной сфере, и только задача 5.4 направлена на выявление и необходимость преодоления неравенства женщин в сфере семьи. При этом конкретные данные для анализа данного вопроса в России есть, поскольку с 2014 года Росстат возобновил, после 25-летнего перерыва, сбор и публикацию результатов «Выборочного наблюдения использования суточного фонда времени населением». Из официальных данных Росстата следует, что в 2019 году россиянки тратили на работу по дому и уход за детьми и престарелыми в 3–4 раза больше времени, чем их партнеры-мужчины [4], в то время как в среднем по миру, по данным ООН, эта разница двухкратная. То есть, проблема гендерного неравенства в российской семье есть, но в ДНО о ней ничего не сказано.

Цели ДНО и ДГО имеют принципиальные отличия, поскольку именно правительство взяло на себя в 2015 году обязательства перед ООН по выполнению ЦУР, а роль гражданского общества состоит лишь в сотрудничестве и содействии в выполнении этих обязательств. Поэтому в правительственном докладе записано: «Добровольный национальный обзор (ДНО) подготовлен *с целью* определения текущего положения России на пути к достижению Целей устойчивого развития (ЦУР)» [1, 10]. В резюме ДГО сообщается: «Основная цель обзора — предоставление рекомендаций государственному сектору, а также поиск путей сотрудничества между государством и гражданским обществом» [1, 7], при этом особо подчеркивается, что «гражданский обзор не создавался как альтернатива ДНО» [1, 6].

Содержание двух анализируемых докладов очень отличается – как по форме представления показателей, так и по их интерпретации. По задаче 5.1, касающейся гендерной дискриминации, в ДНО в качестве аргументов о достижении в России гендерного равенства перечислены статьи Конституции РФ и Трудового кодекса РФ о

запрете дискриминация по признаку пола, а также об обязанности работодателей обеспечивать работникам равную оплату за труд равной ценности (ст. 22 ТК РФ) [1, 75]. То есть, в ДНО представлена ситуация «де-юре», а не реальное «де-факто» выполнение законодательных норм в России. По-иному данный вопрос освещен в ДГО, где записано, что: «Законодательный запрет гендерной дискриминации носит декларативный характер. Нарушители запрета почти никогда не привлекаются к ответственности» [2, 54]. Более того в ДГО отмечается, что в российском законодательстве *отсутствует само определение понятия «дискриминация»,* в связи с чем в рекомендательной части гражданского отчета предлагается: «Разработать и закрепить в законодательстве полное определение дискриминации (прямой и косвенной) на основании норм международного права. Определить конкретные примеры действий, которые считаются дискриминационными» [2, 57].

О том, что проблемы гендерного неравенства в России все-таки существуют в ДНО сказано не в основном тексте доклада, а во вставке, где приведены данные о месте России в международных рейтингах гендерного равенства. При этом в ДНО некоторые даты рейтингов выбраны за более ранние годы, когда позиция России была чуть лучше, чем к моменту написания отчета. Например, по рейтингу Всемирного экономического форума (ВЭФ) представлены данные за 2018 год (75-е место из 149 стран) [1, 75], хотя в год написания отчета Россия сместилась уже на 81-е место. О причинах снижения позиций России в международных рейтингах гендерного равенства, продолжающегося с 2016 года, в правительственном отчете ничего не сказано. Так же, как нет комментариев по данным ВЭФ и выводов о том, что будет сделано правительством, чтобы, например, Россия поднялась с 123-го места по критерию «политическое участие» женщин. Вариант действий для сокращения гендерного неравенства в стране есть в ДГО, где предлагается конкретная мера: «Учредить специальный государственный орган, отвечающий за борьбу с дискриминацией, оказывающий поддержку НКО соответствующего профиля» [2, 57].

Обязательства и рекомендации – это своего рода «завершающий аккорд» докладов. В соответствии с правилами ООН по представлению страновых отчетов, в заключительном разделе ДНО необходимо было представить конкретные планы мероприятий, а также обязательства правительства по достижению гендерного равенства до 2030 года. Вместо этого в заключительном разделе, названном «Перспективы достижения Цели», в ДНО приведен перечень мероприятий, но не разработанных специально для данного отчета, а взятых из «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы» [1, 82]. Следовательно, ни планов по дальнейшей реализации «Повестки дня до 2030 года», ни обязательств государства по их выполнению в ДНО нет.

В гражданском отчете ДГО, напротив, все очень четко и конкретно освещено. Проблемные области и барьеры на пути достижения гендерного равенства в России в заключительной части ДГО представлены в виде конкретных «рекомендаций государству», по каждой из задач 5-ой ЦУР, а не «общим списком» мероприятий, как в ДНО. Приведем некоторые примеры рекомендаций гражданского отчета: «Принять закон об основах системы профилактики домашнего насилия, предполагающий создание эффективных механизмов для защиты жертв семейно-бытового насилия и предотвращения явлений такого рода», «Ратифицировать Протокол № 12 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 2000 г.)», «Ратифицировать Конвенцию МОТ 190 «Об искоренении насилия и домогательств в сфере труда» (Женева, 21 июня 2019 г.)» и «Принять конкретную законодательную норму, предусматривающую ответственность за сексуальные домогательства и преследования на рабочем месте» и др. Есть в заключительной части ДГО раздел «Как гражданское общество может помочь в реализации повестки ЦУР», где государству предлагается «реализация совместных программ с участием НКО, профсоюзов и работодателей, направленных на борьбу с насилием и стереотипами в отношении женщин», а также приведен ряд других конкретных предложений по достижению гендерного равенства в России. Таким образом, по результатам краткого сравнительного анализа, приведенного в тезисах, трудно не заметить разительного отличия между правительственным и гражданским отчетами, между формализмом и комплементарностью ДНО и конструктивным характером ДГО.

Отвечая на вопрос, поставленный в заглавии – «Кому нужно гендерное равенство в России?», можно сказать, что оно нужно гражданскому обществу, осведомленному научному и экспертному сообществу, профсоюзам, молодёжи, но, главное, миллионам современных российских женщин, которые хотят жить в стране без насилия и гендерной дискриминации.

Список литературы

1. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. М., 2020. 236 с.
2. 2020-2030: Десятилетие действий для ЦУР в России. Вызовы и решения. М., 2020. 142 с.
3. Цели в области устойчивого развития: справочное пособие для профсоюзов по Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. МОТ, 2017. 118 с.
4. Выборочное наблюдение использования суточного фонда времени населения 2019. Росстат. https://gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond19/index.html (дата обращения: 17.02.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.65 EDN

ИПОТЕЧНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ ДЛЯ НАСЕЛЕНИЯ

Ярашева А. В.
д-р экон. наук, профессор,
заведующий лабораторией исследования поведенческой экономики,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. В статье показаны объективные возможности для российских заёмщиков воспользоваться услугами кредитных учреждений, предоставляющих ипотеку населению. Одновременно обозначены риски в виде потенциального роста процентных ставок и увеличения задолженности (в том числе просроченной задолженности) по ипотечным кредитам.

Ключевые слова: кредитование населения, ипотека, кредитные организации, задолженность, средневзвешенная ставка

MORTGAGE LENDING: OPPORTUNITIES AND RISKS FOR POPULATION

Yarasheva A. V.
Doctor of Economic, Professor,
Head of the Laboratory for studies of behavioral economics,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The article shows the objective opportunities for Russian borrowers to use the services of credit institutions that provide mortgages to the population. At the same time, risks are identified in the form of a potential increase in interest rates and an increase in debt (including overdue debt) on mortgage loans.

Key words: lending to population, mortgage, credit organizations, debt, weighted average rate

В сфере кредитного поведения мотивы и трансформация стратегий россиян исследуются как составная часть финансовой активности. А она, в свою очередь, связана с переменами в кредитно-финансовой государственной политике, с изменением взглядов потребителей, с увеличивающимся многообразием финансовых услуг, динамикой уровня и качества жизни населения [1]. Предпочтение индивидом определенной финансовой модели кредитования детерминировано экономическими и социально-демографическими (доходы, имущество, стиль жизни, половозрастная структура, брачный статус, уровень профессиональной подготовки, место работы), а также ментальными (экономическим оптимизмом и экономическими ожиданиями, накопленным эмоциональным и практическим опытом в качестве потребителя, финансовой дисциплиной, моральными принципами) причинами. При этом любая стратегия поведения основывается на имеющихся возможностях для населения и рисках.

Наиболее длительным по срокам, большим по объему денежных средств и самым рискованным по выполнению обязательств со стороны заемщика выступает ипотечное

кредитование. В подавляющем большинстве случаев его цель – улучшение жилищных условия человека (домохозяйства). И только в ситуации, когда основное жилье удовлетворяет, а уровень доходов позволяет, индивид может использовать ипотеку как инструмент инвестирования [2].

Ипотечное кредитование в России остается одним из главных рыночных инструментов возможности приобретения недвижимости. Когда весной 2017 года ЦБ РФ приступил к смягчению денежно-кредитной политики, банки начали предоставлять ипотечные займы на гораздо более долгие периоды времени, а средневзвешенный срок кредитов в упомянутом году увеличился до 187 месяцев [3]. Если в 2016 году средневзвешенная ставка по ипотеке составила 12,6%, то в 2017 году – 10,05%. Кроме того, в большинстве банков смягчились требования к ипотечным заемщикам: минимальный первоначальный взнос для ипотечного кредита составлял 10-15%, а некоторые банки заключали договор даже на условиях без первоначального взноса [4]. В период с 2018 по 2022 годы в России сроки кредитования существенно увеличивались, а средневзвешенная ставка постепенно понижалась (*табл. 1*).

Таблица 1

Динамика средневзвешенного срока и средневзвешенной ставки по жилищным кредитам, предоставленным физическим лицам-резидентам, в рублях

Показатель	01.01.2018	01.01.2019	01.01.2020	01.01.2022
Средневзвешенный срок кредитования по кредитам, выданным в течение месяца, месяцев	187,4	200,0	215,0	257,0
Средневзвешенная ставка по кредитам, выданным в течение месяца, %	9,80	9,66	9,05	7,81

Источник: ЦБ РФ URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/ (дата обращения: .02.2022)

Средневзвешенная ставка по ипотеке достигла к 01 июля 2021 года своего минимума – 7,07%. Однако на сегодняшний день, когда ключевая ставка ЦБ (11 февраля 2022 года) выросла до 9,5%, ожидается, что и средневзвешенная ставка по ипотеке тоже увеличится (по прогнозам экспертов – весной 2022 до 12,5%, а к лету – до 14–15%), и для многих этот инструмент улучшения жилищных условий окажется недоступным. Рост ипотечных ставок совместно с ростом цен приведет к снижению доступности ипотеки и жилья в целом. И хотя некоторые потенциальные заемщики стремятся воспользоваться оставшимся небольшим промежутком времени действия старых процентных ставок из-за риска их дальнейшего роста, тем не менее, уже имеющаяся долговая нагрузка становится все более тяжелой в условиях снижения реальных располагаемых доходов.

Для осуществления возможности получения денежных средств по договору ипотеки необходима в достаточной степени сформированная финансовая инфраструктура в стране

и ее регионах. В такую инфраструктуру входят кредитные учреждения (в первую очередь, банки). По данным ЦБ РФ количество участников рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования, осуществляющих выдачу данного вида кредита, снижается. Кроме того, невелико и число банков, помогающих населению перекредитоваться для выполнения обязательств по ранее выданным ипотечным (жилищным) кредитам (*табл. 2*).

Таблица 2

Количестве кредитных организаций, осуществляющих операции на рынке жилищного (ипотечного жилищного) кредитования

Отчетный период	Количество действующих кредитных организаций	Количество кредитных организаций, предоставляющих жилищные кредиты	Количество кредитных организаций, предоставляющих ипотечные жилищные кредиты	Количество кредитных организаций, осуществляющих перекредитование ранее выданных ипотечных жилищных кредитов
01.10.2018	508	380	366	68
01.10.2019	454	326	320	50
01.10.2020	418	294	289	62
01.10.2021	373	267	265	69

Источник: ЦБ РФ URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/
(дата обращения: 14.02.2022)

Если рассматривать федеральные округи России, то можно увидеть разницу по макрорегионам: в числе лидеров, ожидаемо, Центральный Федеральный округ, а за ним с большим отставанием - Приволжский и Северо-Западный Федеральные округи (*табл. 3*).

Таблица 3

Количество кредитных организаций – участников рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования (в макрорегионах РФ), ед., III квартал 2021 года

Регион	Количество действующих кредитных организаций	Количество кредитных организаций, предоставляющих жилищные кредиты	Количество кредитных организаций, предоставляющих ипотечные жилищные кредиты	Количество кредитных организаций, осуществляющих перекредитование ранее выданных ипотечных жилищных кредитов
РФ	373	267	265	69
ЦФО	211	132	131	33
СЗФО	33	24	24	6
ЮФО	19	16	15	3
СКФО	7	2	2	0
ПФО	47	43	43	13
УФО	22	21	21	4
СФО	19	16	16	4
ДФО	15	13	13	6

Источник: ЦБ РФ URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/
(дата обращения: 14.02.2022)

В погоне сначала за расширением возможностей в своих потребительских стратегиях, а затем уже вынужденно (чтобы расплатиться за прежние кредиты) население попадает в замкнутый круг задолженности по заимствованным средствам. Подчас кредит становится тяжелым бременем для людей, не рассчитавших свои силы и материальные возможности [5]. Поэтому в целях контроля и своевременного реагирования на возникающие проблемы значимой и актуальной становится оценка текущей ситуации на рынке кредитования физических лиц с учетом социально-экономических особенностей их кредитных стратегий. Задолженность (и просроченная задолженность) по ипотечным кредитам в России неуклонно растет (*табл. 4*).

Таблица 4

Ипотечные жилищные кредиты, предоставленные физическим лицам-резидентам, и задолженность/просроченная задолженность по ним

Отчетный Период	**01.02.2019**	**01.01.2020**	**01.01.2022**
Количество предоставленных кредитов за месяц, ед.	81 054	156 608	192 411
Объем предоставленных кредитов за месяц, млн руб.	173 119	369 644	645 052
Задолженность по предоставленным кредитам, млн руб., в том числе:	6 637 668	7 636 884	11 767 642
Просроченная задолженность по предоставленным кредитам, млн руб.	74 625	73 008	63 979

Источник: ЦБ РФ URL: https://cbr.ru/statistics/bank_sector/mortgage/ (дата обращения: 14.02.2022)

На сегодняшний день, с учетом закредитованности населения, понижения номинальных и реальных доходов граждан, наличием безработицы, в том числе скрытой, а также уменьшением числа кредитных организаций (санация банков в последние годы), безусловно, риск невозврата становятся всё более тревожным аспектом развития ипотеки в России.

Список литературы

1. *Ярашева А. В., Макар С. В., Решетников С. Б.* Кредитные стратегии россиян как отражение модели финансового поведения // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. № 6(102). С. 138-153.

2. *Часовских А. В.* Ипотека как инструмент инвестирования // Академическая публицистика. 2020. № 12. С. 245-249.

3. *Бурдастова Ю. В.* Основные тенденции на рынке ипотечного жилищного кредитования // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и

перспективы. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции / Отв. ред. О. А. Александрова. 2018. С. 30-32.

4. *Куликова Т. Ю.* Об ипотечном буме и связанных с ним рисках // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы. Сборник материалов III Международной научно-практической конференции / Отв. ред. О. А. Александрова. 2018. С. 57-59.

5. *Шнейдерман И. М., Ярашева А. В.* Кредитное поведение населения: тенденции и риски // Вопросы статистики. 2019. Т. 26. № 3. С. 15-22.

V. Народонаселение и пандемия COVID-19: проблемы и направления решений

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.66 **EDN**

РЕПРОДУКТИВНЫЕ НАМЕРЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Блинова Т. В.
д-р экон. наук, главный научный сотрудник,
Институт аграрных проблем,
Саратовский научный центр РАН,
Саратов, Россия

Вяльшина А. А.
канд. социол. наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт аграрных проблем,
Саратовский научный центр Российской академии наук,
Саратов, Россия

Аннотация. Исследованы **р**епродуктивные намерения студентов в возрасте 17–25 лет в период пандемии Covid-19, выявлены возрастные различия и ограничения. Информационная база сформирована на данных пилотного опроса студентов, выборка включает 214 человек. Сделан вывод о влиянии пандемии Covid-19 на рождаемость и наличии феномена «отложенных деторождений», что формирует краткосрочный потенциал роста рождаемости в перспективе.

Ключевые слова: репродуктивные намерения, студенты, возрастные различия, пилотный опрос, пандемия Covid-19

REPRODUCTIVE INTENTIONS OF STUDENT YOUTH DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Blinova T. V.
Doctor of Economics, Chief Researcher,
Institute of Agrarian Problems, Saratov Research Center RAS,
Saratov, Russia

Vyalshina A. A.
Candidate of Sociology, Leading Researcher,
Institute of Agrarian Problems, Saratov Research Center RAS,
Saratov, Russia

Abstract. The article examines reproductive intentions of students aged 17-25 years during the Covid-19 pandemic, identifies the age differences and limitations. The information base was formed on the data of a pilot survey of students, the sample included 214 people. There is made a conclusion about the impact of the Covid-19 pandemic on fertility and the presence of the phenomenon of "deferred births", that creates a short-term potential for growth in the birth rate in the future.

Key words: reproductive intentions, students, age differences, pilot survey, Covid-19 pandemic

Основатель научной социодемографической школы Наталья Михайловна Римашевская и другие авторы, обсуждая особенности демографического перехода в нашей

стране, подчеркивали, что «снижение рождаемости в России началось с более высокого уровня и позднее, чем в большинстве развитых стран» [1, 29]. Произошли изменения в возрастной модели рождаемости, которые связаны с сознательным откладыванием «рождений на более поздний возраст, как проявление современных тенденций планирования семьи молодыми людьми, стремящимися получить образование, профессию, доходы и удовлетворить многочисленные интересы и разнообразные потребности, конкурирующие с ценностью семьи и детей» [2]. Распространение однодетной и бездетной модели семьи, падение рождаемости актуализируют исследования репродуктивных установок и намерений молодежи.

В ноябре–декабре 2020 года в формате online был проведен пилотный опрос студентов Саратовского государственного аграрного университета им. Н. И. Вавилова (СГАУ). Итоговая выборка содержит 214 анкет. Среди опрошенных 64 респондента в возрасте 17–19 лет (29,9%), средний возраст 18,61 лет ±0,079; 106 человек 20–21 года (49,5%), средний возраст 20,35 лет ±0,047; 44 студента в возрасте 22–25 лет (20,6%) 22,45±0,124. Одной из задач пилотного исследования был сравнительный анализ репродуктивных намерений студентов разного возраста и оценка влияния пандемии COVID-19 как барьера на пути их реализации. Многомерные распределения рассчитывались с помощью пакета прикладных программ SPSS 17.0.

Многими исследователями доказано, что «репродуктивные намерения и оценка условий их реализации в значительной мере определяются ценностными ориентациями молодежи» [3, 92]. По результатам нашего исследования, семья и дети как социальная ценность занимают шестое место из 14 возможных в системе ценностей молодежи 17–19 лет. Наибольшей социальной ценностью для них является здоровье, второе место занимает работа, затем внутренний комфорт, насыщенная событиями и впечатлениями жизнь, получение удовольствия от жизни. В иерархии социальных ценностей 20–21 – летних семья и дети на пятом месте. Первые четыре места по значимости занимают здоровье, внутренний комфорт, материальная обеспеченность и работа. В возрастной группе 22–25 лет социальная ценность семьи и детей на первом месте, следом идут профессиональная карьера и здоровье. В России так же, как и в европейских странах, несмотря на депопуляцию и спад рождаемости, двухдетная модель семьи все еще остается социальной нормой, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, результаты которых представлены как в отечественной, так и зарубежной литературе [4; 5; 6; 7]. Формирование потребности молодых людей в семье с детьми и создание соответствующих условий для реализации репродуктивных установок выступает определенным резервом повышения рождаемости. Респонденты 17–19 лет считают идеальным иметь в семье 1,93 ребенка, в

возрасте 20–21 года – 2,00 детей, лица 22–25 лет – 2,11 детей. В настоящее время, когда выросла «цена времени женщины», значительно увеличились «издержки родительства» и обострилась конкуренция потребностей, деторождение отодвигается на более поздний срок, что способствует сокращению рождаемости и числа детей в семье. На вопрос «Собираетесь ли Вы завести ребенка в ближайшие 3 года?» положительно ответили лишь 9,2% лиц в возрасте 17–19 лет (в том числе, 7,7% – при условии создания семьи) и 43,2% лиц в возрасте 22–25 лет (в том числе, 31,8%, если создадут семью). При этом 31,1% 20–21-летних уверены, что еще рано, 44,3% справедливо считают, что сначала надо устроиться в жизни, а потом заводить детей, 10,4% – хотят пожить для себя и без детей (*табл. 1*).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Собираетесь ли Вы завести ребенка в ближайшие 3 года?» (% от соответствующей группы)

Варианты ответов	17-19 лет	20-21 год	22-25 лет	Среднее
Да	1,5	2,8	11,4	*4,2*
Если создам семью, то да	7,7	11,3	31,8	*14,4*
Даже если создам семью, надо сначала найти работу, устроиться в жизни, а потом заводить детей	38,5	44,3	29,5	*39,5*
Нет, пока рано	44,6	31,1	22,7	*33,5*
Лучше жить для себя и без детей	7,7	10,4	4,5	*8,4*

Источник: данные online опроса. Результаты статистически значимы (χ^2=28,662 при χ^2крит.= 20,09 при 0,01)

Как показывают данные *табл. 1*, сохраняются возрастные различия в репродуктивных намерениях молодых людей. Среди 22–25-летних минимальные доли тех, кто считает, что лучше жить для себя, без детей, рано их заводить, следует повременить. Молодые люди 17–19 лет уверены, что дети – слишком большая ответственность (34,4%, при средней – 29,4%), они ограничивают свободу родителей (21,9%, при средней – 16,4%). 20–21-летние убеждены, что в настоящее время очень трудно поставить на ноги несколько детей (45,3% при средней 40,7%). Молодежь 22–25 лет чаще остальных возрастных групп считает, что люди не хотят иметь больше 1–2 детей из-за низких зарплат (68,2% при 65,6% среди 17–19-летних), неуверенности в завтрашнем дне (54,5% и 42,2% соответственно), нестабильности занятости (40,9% по сравнению с 25,0% среди тех, кому 17–19 лет), проблем с жильем (22,7% и 6,3%, соответственно). Результаты исследования показывают, что высокая гетерогенность мнений проявляется и в отношении к добровольной бездетности (*табл. 2*).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к тому, что некоторые люди вообще не хотят иметь детей»? (% от соответствующей группы)

Варианты ответов	17-19 лет	20-21 год	22-25 лет	Среднее
Положительно, в чем-то я их понимаю	23,4	19,8	2,3	*17,3*
Нейтрально, это их личное дело	68,8	73,6	79,5	*73,4*
Отрицательно	4,7	2,8	9,1	*4,7*
Трудно сказать	3,1	3,8	9,1	*4,7*

Источник: данные online опроса. Результаты статистически значимы (χ^2=12,901 при χ^2крит.=12,592 при 0,05)

В составе молодых людей 17–19 лет около четверти (23,4%) указали, что положительно относятся к добровольной бездетности, в то время как среди тех, кому 22–25 лет таких только 2,3%. Большинство студентов убеждены, что добровольный отказ от детей – это личное дело семьи. Данные сравнительного анализа показывают, что с возрастом увеличивается доля тех, кто к модели «чайлдфри» относится отрицательно (с 3,1% до 9,1%).

Является ли пандемия COVID-19, по мнению студентов, непреодолимым барьером для реализации репродуктивных намерений? Данные опроса показали, что с возрастом увеличивается удельный вес тех, кто считает, что семьям, решившим завести детей, пандемия COVID-19 не помешает реализовать свои ближайшие репродуктивные намерения (*табл. 3*).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, реализуют ли свои планы семьи, решившие завести детей, в условиях пандемии COVID-19?» (% от соответствующей группы)

Варианты ответов	17-19 лет	20-21 год	22-25 лет	Среднее
Думаю да	46,0	51,0	71,4	*53,6*
Думаю отложат рождение детей	54,0	49,0	28,6	*46,4*

Источник: данные online опроса. Результаты статистически значимы (χ^2=7,11 при χ^2крит.= 5,991 при 0,05)

Если среди молодежи 17–19 лет более половины опрошенных убеждены, что в период пандемии COVID-19 семьи отложат рождение детей (54,0%), то среди лиц 22–25 лет таких менее трети (28,6%). Что касается основных причин «отложенных деторождений» в период пандемии COVID-19, то они различаются в зависимости от возраста. По мнению молодёжи 17–19 лет и 20–21 года, основной причиной является опасение потери работы и дохода (69,7% и 64,0%, соответственно). Для лиц 22–25 лет – возможные проблемы с получением медицинской помощи, связанной с беременностью и родами (66,7%). Молодые люди 20–21 года чаще остальных считают, что важной причиной «отложенных деторождений» в пандемию может стать отсутствие информации о том, как COVID-19

повлияет на беременность и будущего ребенка (60,0, при средней – 50,5%). В то же время около 71,4% 22–25–летних поддерживают тех, кто не откладывает рождение детей, несмотря на пандемию. Можно предположить, что за спадом в период пандемии COVID-19 последует компенсаторный рост рождаемости. В связи с этим есть вероятность избежать глубокого спада «за счет реализации отложенных рождений после окончания пандемии» [8].

Список литературы

1. *Римашевская Н. М., Доброхлеб В. Г., Медведева Е. И., Крошилин С. В.* Демографический переход – специфика российской модели // Народонаселение. 2012. № 1(55). С. 23–31.
2. *Землянова Е. В., Чумарина В. Ж.* Откладывание деторождения российскими женщинами в современных социально-экономических условиях. Социальные аспекты здоровья населения. 2018. 64(6). URL: http://vestnik.mednet.ru/content/view/1031/30/lang,ru/ (дата обращения: 30.01.2022).
3. *Кучмаева О. В., Золотарева О. А., Гуляев С. Б.* Современная российская молодежь: ценностные аспекты реализации репродуктивных намерений // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2021. Т. 4. № 2. С. 92–103. DOI 10.17213/2075-2067-2021-2-92-103
4. *Архангельский В. Н., Ростовская Т. К., Васильева Е. Н.* Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект // Женщина в российском обществе. 2021. Спец. выпуск. С. 3–24.
5. *Осипова И.* Репродуктивные установки россиян и отношение к государственным мерам поддержки рождаемости // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7(2). С. 97–120.
6. *Гудкова Т.* Репродуктивные намерения россиян: мотивация и сдерживающие факторы // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6(4). С. 83–103.
7. *Sobotka T., Beaujouan É.* Two Is best? The persistence of a twochild family ideal in Europe // Population and Development Review. 2014. Vol. 40(3). PP. 391–419.
8. *Русанова Н. Е.* Рождаемость после пандемии: "бэби - бум" или "демографическая яма"? // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2020. № 4. С. 151–159.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.67 EDN

ЗДОРОВЬЕ И ВАКЦИНАЦИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Власова Н. В.
канд. социол. наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Ульяновский государственный университет,
Ульяновск, Россия

Аннотация. Одним из основных критериев благополучия общества является состояние здоровья населения. В период пандемии 2020–2021 годов возросло внимание к вопросам сохранения и укрепления здоровья населения региона. Системой здравоохранения был предпринят комплекс мер, направленных на предотвращение последствий распространения коронавирусной инфекции COVID-19. Необходимо проанализировать отношение населения к собственному здоровью и мерам, осуществляемым системой здравоохранения в период пандемии.

Ключевые слова: здоровье, ценность здоровья, коронавирусная инфекция, сохранение здоровья, отношение к здоровью, ухудшение здоровья

HEALTH AND VACCINATION IN THE VIEWS OF RESIDENTS OF ULYANOVSK OBLAST: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Vlasova N. V.
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Department of Psychology and Pedagogy,
Ulyanovsk State University,
Ulyanovsk, Russia

Abstract. One of the main criteria for the well-being of society is health status of population. During the pandemic of 2020-2021 the attention to the issues of preserving and strengthening the health of the population of the region has increased. The healthcare system has taken a number of measures aimed at preventing the consequences of the spread of the COVID-19 coronavirus infection. It is necessary to analyze the attitude of people to their own health and the measures taken by the healthcare system during the pandemic.

Key words: health, value of health, coronavirus infection, preservation of health, attitude to health, deterioration of health

В июле-августе 2021 года творческой группой Ульяновского государственного университета (канд.социол.наук, доцент Власова Н. В., канд.социол.наук, доцент Галкина Е. П., канд.социол.наук, доцент Кадничанская М. И.) при поддержке общественного фонда «РАПИР» («Региональная аналитика. Политические исследования. Рейтинги») было осуществлено прикладное социологическое исследование на тему «Здоровье и самосохранительное поведение жителей Ульяновской области в условиях пандемии».

Цель исследования – определенить отношения жителей региона к вопросам здорового образа жизни, эффективности функционирования системы здравоохранения,

действиям власти в период пандемии и процессу вакцинации населения против коронавирусной инфекции.

Эмпирической базой исследования выступили: результаты массового анкетного опроса, проведенного в июле-августе 2021 года среди жителей г. Ульяновска (N=376 человек, выборка случайная) в возрасте от 18 до 85 лет и среди жителей Ульяновской области (N=385, выборка квотная в возрасте старше 18 лет. В процессе проведения социологического исследования был опрошен 761 человек, из которых 54% – женщины, 46% – мужчины. По территориальному критерию: 49% – жители города Ульяновска, 51% – жители региона Ульяновская область.

Обработка данных осуществлялась с применением современных математических методов и использованием пакета SPSS Statistics 17.0. Характер обработки информации определен задачами, решение которых предусмотрено логикой проверки сформулированных гипотез.

В процессе анализа данных применялись следующие методы: описательный анализ, частотный анализ, корреляционный анализ, кластерный анализ.

За последние десятилетия заметно возросло внимание к роли базовых ценностей как обобщенных ориентиров поведения индивидов, социальных общностей, территориальных сообществ и больших обществ. При этом в фокусе исследователей оказываются отдельные ценности и их влияние на те или иные аспекты поведения людей [1]. Результаты проведенного исследования показывают, что респондентами отмечается высокая значимость ценности собственного физического и психического здоровья.

Участники опроса чаще всего ставили здоровье на первое место, что подтверждается медианным и модальным значениями. Полученный результат можно объяснить ростом обеспокоенности граждан состоянием здоровья, что было вызвано, в том числе, широким распространением коронавирусной инфекции в период проведения опроса. Следующую по популярности группу ответов составляют ценности «Материально обеспеченная жизнь», «Счастливая семейная жизнь» и «Любовь». Среди опрошенных наблюдается расхождение в ценностных приоритетах: одна группа нацелена на материальное благополучие, другая – на духовные ценности. Несколько меньшую важность, по мнению респондентов, имеют ценности «Активная деятельная жизнь» и «Интересная работа» (чаще всего они оказывались на пятом месте в общем рейтинге).

Ценностям благополучия семьи и успеха в работе уступил показатель значимости ценности наличия хороших и верных друзей. Ценности «Жизненная мудрость», «Уверенность в себе» и «Свобода» заняли порядковые места в середине рейтинга. Ещё меньшую значимость среди опрошенных имеет ценность «Продуктивная жизнь», а также

абстрактные ценности «Развитие» и «Познание». Как менее важные были выделены ценности «Общественное признание», «Красота природы и искусства», «Развлечения». В конце рейтинга оказались ценности гуманистического и альтруистического характера («Счастье других» и «Творчество»).

Большинство (96,3%) участников опроса полагают, что за своё здоровье ответственность несут, прежде всего, они сами. Доля других вариантов ответа существенно меньше. Мужчины чаще (18,9%), чем женщины (12,3%), склонны возлагать ответственность за своё здоровье на близких родственников и друзей, а также на систему здравоохранения в целом (мужчины – 21% и женщины 14,6%).

Среди жителей различных муниципальных образований области, принявших участие в опросе, нет существенных разногласий в вопросе о том, кто должен нести ответственность за состояние их здоровья. Более половины (56,2%) участников опроса отмечают, что состояние их здоровья за прошедшие 2 года «в целом не изменилось». Однако велика и доля респондентов, заявивших об ухудшении здоровья (38,2%).

Одной из задач исследования была разработка моделей, учитывающих ключевые элементы самосохранительного поведения (ССП) и опирающихся на данные социологических опросов населения. Для конструирования моделей мы использовали *метод «дерева» принятия решений*, в основе которого лежит схематическое отражение разветвляющегося по каким-либо условиям процесса принятия решений [2]. Этот метод применяют тогда, когда результат одного решения заставляет индивида принять следующее, которое, в свою очередь, влияет на принятие третьего, четвертого и т. д., вплоть до достижения конечного результата. Составными элементами «дерева» решений являются «*узлы»* и «*ветви» вариантов принятия решений.* «Ветви» обозначают возможные альтернативные решения, которые могут быть приняты, и возможные исходы, возникающие в результате этих решений. «Узлы» обозначают точки, где принимаются решения.

В представленном исследовании была принята следующая последовательность решений: ценность здоровья → потребность в здоровье и мотивация на заботу о нем → принятие мер по сохранению и укреплению здоровья → решение о вакцинации (отказе от вакцинации). Нами подразумевалось, что ценность здоровья характеризует базовую установку индивида по отношению к данной категории. От ценности здоровья во многом зависит потребность в нём и мотивация на заботу о здоровье, которые, в свою очередь, влияют на осуществление человеком конкретных самосохранительных действий, в том числе и вакцинация. Модели самосохранительного поведения сформировались в

зависимости от выделенных респондентами ценностных ориентаций и потребностей в самосохранительном поведении.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы:

Во-первых, в оценках состояния своего здоровья пятая часть опрошенных испытывают проблемы со здоровьем. Они часто обращаются за медицинской помощью. В то же время более половины респондентов отмечают, что состояние их здоровья «в целом хорошее» и утверждают, что в состоянии самостоятельно справляться с возникающими проблемами. Мужчины более оптимистичны в оценках своего здоровья. Женщины чаще, чем мужчины обращаются за помощью к врачам. Оценки собственного здоровья зависят от возраста респондентов.

В качестве основных причин ухудшения здоровья респондентами назывались: возраст и старение, последствия перенесенного вируса COVID-19 и несвоевременное обращение к врачу за лечением. Среди других причин были названы причины медицинского и социально-экономического характера.

Во-вторых, результаты опроса показали, что, по мнению респондентов, население региона достаточно хорошо информировано о мерах, препятствующих распространению COVID-19. В целом жители Ульяновской области положительно оценивают деятельность власти в решении проблем и задач, которые получили распространение в период пандемии.

В-третьих, отказ от вакцинации у респондентов связан с недоверием к эффективности и безопасности отечественной вакцины и с боязнью/страхом негативных влияний вакцинации на их здоровье. Это связано с распространением противоречивой информации (статьи на официальных сайтах, сплетни, фейковые ролики в Интернете и т. д.).

Список литературы

1. *Лапин Н. И.* Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28-36.

2. *Короленко А. В.* Модели самосохранительного поведения населения: подходы к изучению и опыт построения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 248-263.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.68 EDN

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ГЕНДЕРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Ефанова О. А.
канд. философ. наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Писклакова-Паркер М. П.
канд. социол. наук, ведущий научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния пандемии COVID-19 на состояние гендерных отношений в России. Выводы о неоднозначном влиянии пандемии на существующий гендерный порядок и гендерные отношения в семье базируются на материалах социологических исследований, проведенных ВЦИОМ и ИСЭПН ФНИСЦ РАН в 2020–2021 годах.

Ключевые слова: гендер, гендерные отношения, гендерное равенство, гендерный порядок, гендерные стереотипы, пандемия, COVID-19

IMPACT OF THE COVID-19 PANDEMIC ON GENDER RELATIONS

Yefanova O. A.
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Leading Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Pisklakova-Parker M. P.
Candidate of Sociology,
Leading Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to analysis of the impact of the COVID-19 pandemic on the state of gender relations in Russia. Conclusions about the ambiguous impact of the pandemic on the existing gender order and gender relations in family are based on the materials of sociological studies conducted by VCIOM and ISESP FCTAS RAS in 2020–2021.

Key words: gender, gender relations, gender equality, gender order, gender stereotypes, pandemic, COVID-19

Пандемия COVID-19, разразившаяся в 2020 году, коснулась всего мира и всех сторон жизни общества. Она выявила новые и усилила прежние социальные проблемы. При этом проявления пандемии повлияли на различные группы населения, в том числе на мужчин и на женщин – по-разному. Пандемия обострила и, тем самым, ярче высветила проблемы гендерного неравенства в мире. Женщины стали одной из самых уязвимых групп по сочетанию различных факторов.

В России женщины оказались на переднем крае борьбы с коронавирусом, так как они составляют в нашей стране большинство медицинского персонала. По данным Министерства здравоохранения более 71% врачей и свыше 95% среднего медицинского персонала – женщины [1]. Это означает, что именно женщины чаще первыми контактируют с инфицированными.

Одновременно пандемия значительно увеличила нагрузку на женщин и в сфере семьи. По данным исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проведенного в конце апреля 2020 года, объем неоплачиваемого труда женщин дома в период самоизоляции увеличился в среднем в полтора раза. Увеличилось и время, затрачиваемое женщинами на уход за детьми [2, 294]. Неравномерность нагрузки на женщин в семье сохранилась и после отмены режима самоизоляции. Об этом свидетельствуют результаты общероссийского опроса, проведенного ИСЭПН ФНИСЦ РАН в декабре 2021 года (*табл. 1*).

Таблица 1

Распределение обязанностей между членами семьи в период пандемии

	Матери	**Отцы**	**Дочери**	**Сыновья**	**Другие члены семьи**	**Кто-то не из семьи**
Уборка дома	82,2	8,6	4,0	1,5	2,3	1,4
Приготовление пищи	83,3	10,4	2,5	0,5	1,9	1,4
Уход за детьми	85,1	8,7	2,2	0,5	2,3	1,3
Уход за заболевшими членами семьи	79,5	9,2	3,5	1,8	3,6	2,3
Забота о старших членах семьи	69,4	12,8	7,6	3,5	4,6	2,0
Помощь детям в учебе	71,9	20,8	1,8	0,8	3,1	1,7

Источник: Исследование ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2021.

При этом подавляющее большинство опрошенных (82,2%) удовлетворены таким распределением домашних обязанностей. Это свидетельствует об устойчивости традиционных представлений о мужском и женском предназначении.

Вместе с тем, данные социологических исследований свидетельствуют о том, что пандемия COVID-19 обострила противоречивость гендерного сознания россиян. С одной стороны, в нем сохраняются гендерные стереотипы, влияние которых особенно проявилось в период пандемии. Согласно результатам опроса, проведенного ИСЭПН ФНИСЦ РАН в сентябре 2021 года, доля разделяющих гендерные стереотипы, достаточно велика. Так, 85,3% опрошенных считают, что мужчина должен обеспечивать семью и защищать ее, 63,4% считают основной задачей женщин заботу о детях и муже и уход за ними. 52,4% полагают, что большинство мужчин в нашем обществе принимают основные решения в семье. В то же время, представления о том, кто должен формировать бюджет семьи,

свидетельствуют о распространении эгалитарных взглядов на распределение гендерных ролей в семье (*табл. 2*).

Таблица 2

Мнение о том, кто должен формировать бюджет семьи

Скорее мужчина	33,5
Скорее женщина	3,1
Мужчина и женщина в равной мере	36,6
Зависит от того, у кого успешнее складывается карьера	26,7

Источник: Исследование ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2021.

Данные исследований фиксируют наличие сдвигов в гендерном сознании россиян. В сентябре 2021 года 82,2% опрошенных выразили мнение, что мужчина должен вносить такой же вклад в уход и воспитание детей, как и женщина. В ноябре 2020 года такого мнения придерживались 67,8% респондентов. Однако, несмотря на распространение в общественном мнении эгалитарных установок на распределение гендерных ролей в семье, на практике большая часть рутинной каждодневной домашней работы по-прежнему возлагается на плечи женщин.

Вместе с тем, в период самоизоляции наметилась тенденция к частичному пересмотру и перераспределению ролей в домашнем труде. Так, если до пандемии менее пятой части респондентов (17,7%) занимались домашними делами свыше 15 часов в неделю, то в период самоизоляции уже четверть опрошенных (25,6%) посвящали домашнему труду такое количество времени. Увеличилась и доля мужчин, затрачивающих большее количество времени на общение и уход за детьми (55,5% против 42,3% до апреля 2020 года) [2, 264]. Мужчины, столкнувшись с огромным объемом работы по дому, выполняемой женщинами, стали частично брать его на себя. Эта тенденция продемонстрировала устойчивость и после отмены режима самоизоляции. Согласно результатам опроса, проведенного ИСЭПН ФНИСЦ РАН в декабре 2021 года, об изменении в распределении домашних обязанностей в период пандемии заявили 13,2% опрошенных. В большинстве из этих семей (61,9%) изменения выразились в том, что мужчины стали уделять домашним делам больше внимания.

Обострение противоречий в гендерном сознании россиян выразилось и в росте стремления к изменению распределения домашних обязанностей. Несмотря на высокий уровень удовлетворенности сложившимся распределением обязанностей, 36,4% респондентов хотели бы изменить его. В опросе, проведенном ИСЭПН ФНИСЦ РАН в 2018 году, такое желание высказывали всего 5,8% опрошенных. Обращает на себя внимание значительное более активная позиция женщин по этому вопросу. Хотели бы изменить

ситуация с распределением домашних обязанностей в семье более половины (53,1%) опрошенных женщин, тогда как среди мужчин такое желание высказали 19,3%.

Серьезным негативным последствием пандемии COVID-19 стал рост насилия в отношении женщин. Согласно исследованию ООН, в разных странах уровень гендерного насилия во время пандемии в среднем вырос до 33%. Пандемия проявила рост домашнего насилия в отношении женщин и в России. По данным исследования ИСЭПН ФНИСЦ РАН, проведенного в 2020 году, почти пятая часть (16,8%) опрошенных отметили учащение случаев насилия в семьях в период пандемии. Преимущественно (62,3% всех известных респондентам случаев семейного насилия) это насилие в отношении женщин. Пробелы в реагировании на домашнее насилие в России обусловлены несколькими факторами, и главный их них – отсутствие закона, определяющего само преступление и меры его пресечения и профилактики.

Таким образом, данные исследований ИСЭПН ФНИСЦ РАН свидетельствуют о неоднозначном влиянии пандемии COVID-19 на гендерные отношения. Пандемия высветила и обострила противоречия в гендерном сознании россиян, которые способствуют сохранению гендерного неравенства.

Преодоление гендерного неравенства в России является важным компонентом достижения Целей устойчивого развития (ЦУР). Однако невозможно достигать равноправия в обществе, не меняя ситуацию в семье и поддерживая гендерные стереотипы.

Пандемия высветила тот факт, что достаточно широкое распространение традиционных гендерных стереотипов влечет за собой неуправляемый рост гендерного неравенства и домашнего насилия в кризисных ситуациях. Попытки замалчивать усиление гендерного неравенства в семье и рост домашнего насилия по отношению к женщинам в условиях пандемии препятствуют активному противодействию ее негативным последствиям, ухудшая положение женщин и тормозя продвижение по пути преодоления гендерного неравенства.

Для дальнейшего успешного продвижения к обеспечению гендерного равенства, как одной из Целей устойчивого развития, следует продлить Национальную стратегию действий в интересах женщин, действие которой завершается в 2022 году.

Пандемия COVID-19 наглядно продемонстрировала необходимость принятия адекватного закона о домашнем насилии, выработки эффективных механизмов защиты жертв насилия и комплексного подхода к его предупреждению в России. Отсутствие такого подхода подвергает женщин большому риску и ограничивает их возможность реализации прав человека.

Список литературы

1. Фатыхова Н. Женщины за карантином. URL: https://novayagazeta.ru/articles/2020/03/23/84469-zhenschiny-za-karantinom (дата обращения: 10.03.2022).

2. Ефанова О. А., Писклакова-Паркер М. П. Социальные последствия COVID-19: гендерный аспект // Социальные процессы современной России: Международная научно-практическая конференция. В 2 т. Нижний Новгород, 19-20 ноября 2020 года. Нижний Новгород: ООО "Научно-исследовательский социологический центр", 2020. С. 292-296.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.69 EDN

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНОВ СЗФО В УСЛОВИЯХ УХУДШЕНИЯ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

(Статья подготовлена в рамках НИР «Человеческие ресурсы северных регионов России: потенциал развития или ограничение экономического роста» (№ ГР 122012700169-9 / 2022-2024 гг.))

Зырянова М. А.
младший научный сотрудник,
Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера
Федеральный исследовательский центр
Коми научного центра Уральского отделения РАН,
Сыктывкар, Россия

Аннотация. В статье проанализированы демографические показатели регионов Северо-Западного федерального округа России: общий коэффициент рождаемости, общий коэффициент смертности, коэффициент естественного прироста (убыли), суммарный коэффициент рождаемости, коэффициент миграционного прироста (убыли). Дана оценка динамики уровня безработицы и среднедушевых доходов населения. Сделан вывод об усугублении экономических и демографических проблем.

Ключевые слова: рождаемость, смертность, эпидемия коронавируса, миграция, естественная убыль населения, среднедушевые доходы, безработица

DEMOGRAPHIC PROBLEMS OF THE REGIONS OF THE NORTH WEST FEDERAL DISTRICT UNDER THE CONDITIONS OF WORSENING EPIDEMIOLOGICAL SITUATION

Zyryanova M. A.
Junior Researcher,
Institute for Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Research Center, Ural Branch RAS,
Syktyvkar, Russia

Abstract. The article analyzes the demographic indicators of the North West Federal District: total birth rate, total death rate, natural population increase (decline), total fertility rate, net migration rate. An assessment of the dynamics in unemployment rate and per capita income of the population is given. The conclusion is made about aggravation of the economic and demographic problems.

Key words: birth rate, death rate, coronavirus epidemic, migration, natural population decline, per capita income, unemployment

В последние годы в целом по России усугубилась демографическая ситуация. Естественная убыль населения по сравнению с докризисным в эпидемиологическом плане 2019 годом возросла в 3,3 раза: была 317 233 человек, а стала 1 млн 042 тысячи 675 человек. В этой статье мы рассмотрим ряд статистических показателей регионов Северо-Западного ФО, чтобы оценить степень усугубления демографических и экономических проблем в них в новых создавшихся реалиях.

Все регионы СЗФО, кроме Ненецкого автономного округа, испытывают на данный момент естественную убыль населения. В них в 2007–2016 годы удалось улучшить

демографическую ситуацию и даже выйти в отдельные годы на естественный прирост. Естественная убыль в 2021 году по сравнению с 2019 годом (до коронавируса) резко увеличилась в регионах СЗФО в 2-3 раза: в Республике Карелия с 3 284 до 7 361 человек, в Республике Коми с 1 973 до 5 810 человек, в Архангельской области с 4 592 до 10 753 человек, в Вологодской области с 5 194 до 10 682 человек, в Калининградской области с 2 644 до 7 066 человек, в Ленинградской области увеличение произошло с 9 876 до 19 123 человек, в Мурманской области рост естественной убыли был самым большим – с 1 789 до 5 515 человек, в Новгородской области – с 4 612 до 8 561 человек, в Псковской области – 5 271 до 8 417 человек.

Общий коэффициент рождаемости (ОКР) снижается в регионах СЗФО, особенно резким и видимым его сокращение стало с 2017 года, далее эта тенденция продолжилась. С начала 2010-х годов происходит снижение женщин репродуктивных возрастов в общей структуре женского населения, что усугубляет ситуацию с рождаемостью.

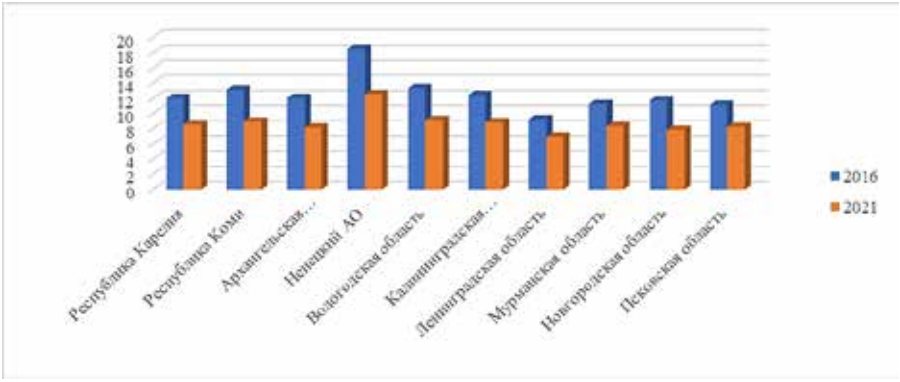

Рис. 1. Общий коэффициент рождаемости в регионах Северо-Западного Федерального округа, 2016 и 2021 гг., в ‰.
Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204; Естественное движение населения в разрезе субъектов РФ. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/2021_edn12.htm (дата обращения: 01.02.2022).

С. В. Соболева, Н. Е. Смирнова и О. В. Чудаева отмечают, что «если первый этап депопуляции (в 1990-е годы) был вызван резким ростом смертности и обвальным падением рождаемости, то современный этап депопуляции в России начинался только со снижения уровня рождаемости» [1, 755].

За годы эпидемии коронавируса общий коэффициент смертности (ОКС) существенно возрос в регионах СЗФО. К 2021 году по сравнению с 2019 годом увеличение произошло в Республике Карелия на 45,1% – 14,2 до 20,6‰, в Республике Коми на 34,2% – с 12,0 до 16,1‰, в Архангельской области – на 35,4 % – 13,0 до 17,6‰, в Ненецком АО – на

39,5% – с 8,6 до 12,0‰, в Вологодской области – на 30,5% – с 14,1 до 18,4‰, в Калининградской области – на 33,1% - с 11,8 до 15,7‰, в Ленинградской области на 36,8% – с 12,5 до 17,1‰, в Мурманской области на 38,6% – с 11,4 до 15,8‰, в Новгородской области на 36,0% – с 16,4 до 22,3‰, в Псковской области на 29,8% – с 16,8 до 21,8‰.

Академик А. Г. Аганбегян отмечает, что «в целом суммарная смертность от коронавируса, составила, по данным Роспотребнадзора, в 2020 году примерно около 20% от общего прироста смертности. Однако в условиях пандемии произошел рост смертности от сердечно-сосудистых заболеваний, поскольку она отвлекла на себя основные ресурсы здравоохранения – персонал, средства, коечный фонд и скорую помощь» [2, 11].

В ряде регионов СЗФО усугубляет демографическую ситуацию постоянный миграционный отток населения. Постоянную миграционную убыль в 2000–2020 годы испытывают следующие субъекты СЗФО: республики Карелия и Коми, Архангельская область, Вологодская область (за исключением 2000 и 2011 годов), Мурманская область. Постоянный положительный миграционный приток наблюдается в Калининградской и Ленинградской областях. Перечисленные явления формируют сокращение численности населения регионов СЗФО, кроме Ненецкого АО, Ленинградской и Калининградской областей. Население в 2022 году по сравнению с 2019 годом сократилось на 15 598 человек в Республике Карелия, на 27 027 человек в Республике Коми, на 30 964 человек в Архангельской области, на 29 019 человек в Вологодской области, на 23 877 человек в Мурманской области, на 15 049 человек в Новгородской области и на 17 193 человек в Псковской области.

В 2020 году по сравнению с 2019 годом уровень безработицы больше всего возрос в Мурманской (2,3 п. п.) и Новгородской областях (2,2 п. п.), в остальных регионах СЗФО было увеличение на 0,9-1,6 п. п. М. Пейдж, Ж. Шаллер и Д. Симон обнаружили, что «увеличение уровня безработицы в годовом исчислении на 1,0% связано со снижением уровня рождаемости на 0,9–2,2 процента» [3]. Среднедушевые денежные доходы (СДД) для сопоставимости были проинфлированы в соответствие с величиной индекса потребительских цен 2020 года (*табл. 1*). Судя по ним, мы видим их сокращение: после начала валютного кризиса 2014–2015 годов и ввода пакета экономических санкций из-за рубежа идет ухудшение уровня жизни населения.

Таблица 1

Среднедушевые денежные доходы населения регионов Северо-западного федерального округа РФ, 2013 и 2020 гг., рублей, в ценах 2020 г.

Регион	2013 г.	2020 г.	Изменение в 2020 г. к 2013 г., в %
Республика Карелия	33 521	32 583	-2,8
Республика Коми	44 656	36 677	-17,9
Архангельская область	38 608	36 779	-4,7
Ненецкий автономный округ	98 796	84 147	-14,8
Вологодская область	28 783	29 522	2,6
Калининградская область	31 596	29 518	-6,6
Ленинградская область	30 361	33 149	9,2
Мурманская область	48 875	46 355	-5,2
Новгородская область	31 505	26 268	-16,6
Псковская область	27 683	26 436	-4,5

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204 (дата обращения: 01.02.2022).

Таким образом, все регионы СЗФО, кроме Ненецкого автономного округа, испытывают преимущественно естественную убыль населения. С 2015–2016 годов стала ухудшаться ситуация с рождаемостью, в 2020–2021 годы демографические проблемы усугубились в связи с ростом смертности. Сокращение численности регионов СЗФО также связано с постоянным миграционным оттоком населения, исключением являются Ленинградская и Калининградская области – в них положительное сальдо миграции. В последние годы эпидемии COVID-19 (2020–2021 годы) назрели острые проблемы по сохранению народа страны. В результате дестабилизации экономики сокращаются доходы населения, а безработица – растет. Для России в целом и регионов СЗФО в частности в условиях эпидемии коронавируса настали очень сложные времена в плане демографической ситуации, страдает уровень жизни большей части населения.

Список литературы

1. *Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В.* Особенности второго этапа депопуляции в России // Россия: тенденции и перспективы развития: материалы XX Национальной научной конференции с международным участием. М., 2021. С. 752-758.
2. *Аганбегян А. Г.* Как восстановить сохранность народа России // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 2. С. 4-18. DOI 10.19181/population.2021.24.2.1
3. *Page M., Schaller J., Simon D.* The Effects of Aggregate and Gender-Specific Labor Demand Shocks on Child Health // The Journal of Human Recourses. September 5, 2017. URL: http://jhr.uwpress.org/content/early/2017/09/01/jhr.54.1.0716.8045R.abstract (дата обращения: 01.02.2022). DOI 10.3368/jhr.54.1.0716.8045R

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.70 EDN

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ПАНДЕМИИ КОВИД-19

Иудин А. А.
д-р экон. наук, профессор,
Нижегородский государственный университет,
Нижний Новгород, Россия

Шпилев Д. А.
д-р социол. наук, доцент, профессор,
Нижегородская академия МВД,
Нижний Новгород, Россия

Ротанова М. Б.
канд. филос. наук, доцент,
заведующий кафедрой рекламы, связей с общественностью и туризма,
Нижегородский лингвистический университет,
Нижний Новгород, Россия

Аннотация. На основании проведенного авторами исследования анализируется отношение четырех возрастных категорий респондентов к различным вопросам, связанным с пандемией Ковид-19, в частности, распространенностью антивакцинных настроений, мерами по борьбе и профилактике опасного заболевания. Доказывается, что антивакцинные настроения в обществе имеют сложную структуру, включающую в себя бытовые, экономические, гендерные и политические характеристики.

Ключевые слова: Ковид-19, пандемия, антивакцинные настроения, возрастная категория, система образования, молодежь, студенчество, самообразование, прививка

RUSSIAN YOUTH IN THE COVID-19 PANDEMIC

Iudin A. A.
Doctor of Economics, Professor,
Lobachevsky University,
Nizhny Novgorod, Russia

Shpilev D. A.
Doctor of Sociology, Professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
Nizhny Novgorod, Russia

Rotanova M. B.
Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Head of the Department of advertising, public relations and tourism,
Linguistic University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. On the basis of research carried out by the authors there is analyzed the attitude of four age categories of respondents to various issues related to the Covid-19 pandemic, in particular prevalence of anti-vaccine sentiments, measures to control and prevent the dangerous disease. It is proved that the anti-vaccine sentiments in a society have a complex structure, including household, economic, gender and political characteristics.

Key words: Covid-19, pandemic, anti-vaccine sentiments, age group, education system, young people, students, self-education, vaccination

В 2020 году Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила Ковид-19 чрезвычайной ситуацией, имеющей международное значение, и вскоре был объявлен режим пандемии. Задача по борьбе с этим заболеванием ложится не на сферу здравоохранения, а на все общество, и поэтому в России была создана правительственная организационная структура по борьбе с распространением коронавирусной инфекции, возглавляемая Координационным советом под председательством М. Мишустина, комиссии совета возглавляют вице-премьеры. Пандемия повлияла на все стороны жизни общества. Основным источником распространения вируса стали города, в которых сконцентрирована вся совокупность проблем, порожденная пандемией: «Ухудшение экономической ситуации на фоне непредсказуемо длительного периода пандемии сделало города маркером социального неравенства и уязвимости к такого рода внесистемным кризисам, каким стала пандемия Ковид-19» [1, 202].

Зоны риска, связанные с пандемией распределены по территориям и социальным слоям неравномерно; в зоне риска оказывается молодежь, в первую очередь, студенческая – «наиболее динамичная, амбициозная, неоднозначная часть молодежи, поскольку новообразования возраста накладываются на изменения социокультурного и профессионально-экономического порядка» [2, 85]. Недостаточный жизненный опыт, «небольшой спектр известных молодому человеку способов решения проблем, стремление решить проблему быстро и радикально, импульсивность, потребность жить “здесь и сейчас” – все эти психологические особенности молодежи могут провоцировать стремление решить проблему наиболее доступным в современном обществе способом» [2, 85]. При этом сужение круга личного общения в академической среде формирует новый комплекс проблем: «При сокращении пространства личного общения, переформатирования дружеских сетей исключительно в вариант онлайн многим молодым людям критически не хватает жизненных опор» [3, 39]. В связи с этим появляется риск пополнения антивакцинаторов из числа молодежи.

Для определения распространенности антивакцинных настроений среди молодежи в декабре 2021 – феврале 2022 года было проведено исследование, в ходе которого было опрошено 470 респондентов четырех возрастных категорий: до 20 лет (студенты младших курсов – 35%), 21–25 лет (старшие студенты и молодые специалисты – 27%); для сравнения установок использованы контрольные группы – 26–39 лет (семейные люди – 13%) 40 лет и более (предпенсионный и пенсионный возраст 20%). В выборку попали в основном жители

Нижегородской области (58%), но были опрошены также жители Москвы и Петербурга (19%), различных городов центральной России (13%), Урала и Сибири (8%).

Таблица 1

Отношение респондентов к прививкам (согласие с тезисами), %

Тезисы	Выборка	Возраст (полных лет)			
		20 и менее	21-25	26-39	40 и более
Вместе с вакциной могут ввести чип. Этим занимается не только Билл Гейтс	38	47	46	15	25
Вакцина облегчает болезнь, но не снижает риск быть переносчиком, поэтому не влияет на общую эпидемиологическую обстановку	55	61	64	39	40
Прививка может вызвать болезненное состояние на несколько дней, а у многих людей слишком много дел	54	63	59	35	43
Вакцина вызывает бесплодие	54	60	62	39	39
Прививки, хотя и помогают, но делают организм более уязвимым	60	67	69	49	47
Вакцина может изменить ДНК	52	62	53	32	44
Нельзя доверять вакцине, которую тестируют меньше года.	53	58	58	37	45
Люди, принимающие разнообразные лекарства должны быть крайне осторожными с прививкой	29	30	38	19	17
Эффективны только зарубежные прививки, а от отечественных пользы нет	33	39	36	27	16
После прививки человек может быть заразным	33	36	39	16	28
Прививаться можно тогда, когда появится вакцина на основе мертвого вируса, а не синтетическая	54	62	57	41	48
В силу того, что вирус мутирует, каждый раз нужна новая вакцина: старая уже не будет действовать	49	52	54	41	39
Опасно прививаться людям с хроническими заболеваниями	43	53	42	34	35
Есть проверенные прививки (например, оспа, полиомиелит), а ковид постоянно меняется и надежных прививок от него нет и пока быть не может	19	23	25	9	14
Закон дает право отказаться от любой профилактической прививки. И вообще, мое тело - мое дело	45	46	53	39	38
Сомнения порождает и то, что многие врачи сами являются противниками прививок	30	35	33	25	21
Нельзя прививаться пожилым людям это для них может быть опасно	7	7	12	0	2
Во время прививки надо быть уверенным в том, что организм в нормальном состоянии - нет ни простуды, ни аллергии	8	9	12	3	2

Источник: данные исследований авторов.

Возрастные характеристики ярко проявляют себя по всему кругу вопросов, связанных с пандемией: люди молодого возраста чаще соглашаются с тезисами, имеющими тревожное наполнение. Молодые люди значительно чаще взрослых и пожилых соглашаются с тем, что людям вместе с вакциной могут ввести чип, чем занимается не только Билл Гейтс; что вакцина облегчает болезнь, но не снижает риск быть переносчиком, поэтому не влияет на общую эпидемиологическую обстановку; что вакцина вызывает бесплодие и что прививки, хотя и помогают, но делают организм более уязвимым (*табл. 1*). Молодежь чаще готова отказаться от прививок в связи с тем, что она может вызвать болезненное состояние на несколько дней, а у них слишком много дел.

Таблица 2

Оценка работы правительства РФ по борьбе с пандемией (согласие с тезисами), %

Тезисы	Выборка	Возраст (полных лет)			
		20 и менее	21-25	26-39	40 и более
Следует проводит более жесткую политику и ввести меры обязательной вакцинации	20	13	14	37	33
Правительство все делает правильно	22	16	18	39	32
Пандемия самым отрицательным образом сказывается на образовании школьников и студентов	66	61	63	69	80
За границей ограничения и правила поведения в пандемию гораздо жестче, чем у нас	43	40	40	56	47
Система здравоохранения занята пандемией и не занимается вопросами поддержки здоровья других больных	64	61	62	72	68
Пандемия угрожает единству общества, люди все больше отдаляются друг от друга	46	44	39	47	52
Пандемия используется для поднятия рейтинга органов власти и политиков	25	26	27	22	21
Пандемия несет угрозу развитию и существованию мелкого и среднего бизнеса	77	80	79	73	76
В пандемию есть возможность заняться самообразованием и саморазвитием, сделать дела, которые до этого постоянно откладывались	75	84	74	73	59
Под видом борьбы с пандемией осуществляется борьба с оппозицией и инакомыслием	29	28	33	39	23

Источник: данные исследований авторов.

Молодые люди в возрасте до 20 лет чаще других выражают тревогу по поводу медицинских и биологических факторов – по поводу того, что вакцина может изменить ДНК; что опасно прививаться людям с хроническими заболеваниями и что прививаться можно тогда, когда появится вакцина на основе мертвого вируса, а не синтетическая (*табл. 2*). Молодые люди постарше (21–25 лет) ведут себя спокойнее молодежи, но тоже обеспокоены медицинскими последствиями прививок, призывают к осторожности, чаще других отмечая, что после прививки организм становится более уязвимым, что она не влияет на эпидемиологическую обстановку и что люди, принимающие разнообразные лекарства должны быть крайне осторожными с прививкой. Чаще всего они отмечают, что в силу мутации вируса каждый раз нужна новая вакцина и что нельзя прививаться пожилым людям – это для них может быть опасно. Сами пожилые люди по этому поводу спокойны и крайне редко соглашаются с этим тезисом.

Тревожное настроение молодых людей находит свое продолжение в оценке действий властей для решения проблем пандемии, хотя самые молодые люди (до 20 лет) считают, что в пандемию есть возможность заняться самообразованием и саморазвитием, сделать дела, которые до этого постоянно откладывались. Также часто молодые люди отмечают, что пандемия несет угрозу развитию и существованию мелкого и среднего бизнеса, и что она используется для поднятия рейтинга органов власти и политиков. При

этом люди более зрелых возрастов (21–29 лет) обостряют последний тезис, чаще отмечая, что под видом борьбы с пандемией осуществляется борьба с оппозицией и инакомыслием.

Люди старших возрастов (старше 25 лет) значительно чаще, чем молодые, считают, что следует проводить более жесткую политику и ввести меры обязательной вакцинации; они отмечают, что за границей ограничения и правила поведения в пандемию гораздо жестче, чем у нас. Они также говорят о том, что правительство все делает правильно, но система здравоохранения, занятая пандемией, не занимается вопросами поддержки здоровья других больных. Люди старше 40 лет придерживаются мнения, что пандемия отрицательным образом сказывается на образовании школьников и студентов и реже соглашаются с весьма популярным тезисом о том, что в период пандемии появляется возможность заняться самообразованием и саморазвитием. Также они считают, что пандемия угрожает единству общества.

В последнее время сформирована гипотеза, согласно которой выделяют «четыре категории индивидов по их реакции на пандемию. Это ковид-диссденты, ковид-паникеры, ковид-равнодушные и ковид-рациональные» [4, 541]. Исследований, показывающих размеры этих страт, пока нет. Не возражая против данного подхода, отметим, что антивакцинные настроения имеют более сложную структуру, характеризующуюся активностью включения в данную проблематику и отношением к различным характеристикам данной проблемы. Характеристики включают в себя бытовые, экономические, генетические, политические оценки. Ковид-диссиденты и рациональные характеризуются включенностью во все или в несколько характеристик, но с отрицательным отношением. Ковид-рациональные являются сторонниками ужесточения ограничений, связанных с пандемией, а диссиденты готовы протестовать против них. Представители молодежи более других склонны к антивакционным установкам в их паническом выражении.

Список литературы

1. *Хахалкина Е. В.* Будущее городов в условиях пандемии ковид-19. // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 202-213.
2. *Никифорова С. А., Ламанова А. С., Ломан Н. Ф.* Одиночество как предиспонирующий фактор аддиктивного поведения // Профилактика девиантного поведения. Материалы III международной научно-практической конференции. Под науч. ред. М. Г. Чухровой. Новосибирск, 2021. С. 83-87.
3. *Миронова Т. А.* Трансформация коммуникативных интересов и навыков студентов в период пандемии ковид-19: социальные, политические и духовные аспекты. // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2020. № 2(47). С. 36-43.
4. *Кривошеев В. В.* Поведенческие практики индивидов в условиях пандемии // Социальная компетентность. 2020. Т. 5. № 4. С. 541–548.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.71 EDN

О РАЗВИТИИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ В РЕАЛИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

Красинец Е. С.
канд. экон. наук,
заведующий лабораторией миграционных исследований,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. В статье дана оценка развитию ситуации с использованием иностранного труда в России в условиях пандемии COVID-19. На основе статистических материалов и результатов социологических исследований рассмотрено влияние эпидемии на динамизм и изменчивость потоков трудовой иммиграции. Раскрыты стратегии поведения трудовых мигрантов. Особое внимание уделено мерам в сфере регулирования привлечения и использования иностранной рабочей силы.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, международная миграция населения, трудовые мигранты, иностранная рабочая сила, миграционная политика

ON THE DEVELOPMENT OF LABOR MIGRATION IN RUSSIA IN THE REALITIESOF THE COVID-19 PANDEMIC

Krasinets E. S.
Candidate of Economic,
Head of the Laboratory for migration issues,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The paper assesses the development of the situation with the use of foreign labor in Russia in the context of the COVID-19 pandemic. On the basis of statistical data and results of sociological studies it examines the impact of the epidemic on the dynamism and variability of labor immigration flows. Strategies of behavior of migrant workers are considered. Particular attention is paid to the measures in the sphere of regulation of the attraction and use of foreign labor.

Key words: COVID-19 pandemic, international migration, migrant workers, foreign labor, migration policy

В преодолении экономических и социальных последствий пандемии COVID-19 важное место занимает развитие ситуации в сфере международной трудовой миграции. Пандемия коронавируса оказала непосредственное воздействие на мобильность населения во всем мире. Российская Федерация является одним из главных мировых центров притяжения трудовых мигрантов. Иностранные работники, по мнению экспертов, «прочно заняли ряд ниш на российском рынке труда» [1, 30].

Задача исследования – показать, какие изменения произошли в России в сфере мобильности иностранной рабочей силы в период COVID-19, получить ответы на принципиальные вопросы о том, как может и должна меняться политика государства в области трудовой иммиграции.

В последние годы трудовая миграция в Россию демонстрировала устойчивый рост. В период 2017–2019 годов численность иностранных работников увеличилась в стране на 460 тыс. человек, или на 17,7% [2, 72].

С началом пандемии ситуация с трудовыми мигрантами резко изменилась. В первый год пандемии (2020) приток иностранной рабочей силы оказался в два с лишним раза меньше в сравнении с годом ранее. Существенно сократилась трудовая миграция из государств постсоветского пространства: Молдавии – в 3,5 раза, Украины (почти втрое), Киргизии и Таджикистана (в 2,4 раза), из Узбекистана – более чем вдвое**.** Значительно увеличилось количество иностранных работников, кто оказался не в состоянии вернуться на родину. В экономике существенно сократились рабочие места, где были заняты мигранты [3, 28]. В 2020 году в сравнении с докризисным 2019 годом более чем наполовину сократились выданные разрешения на работу прибывшим из стран с визовым въездом. Более чем на треть снизилось количество выданных патентов на работу. Общее количество разрешений на работу и патентов для иностранных граждан уменьшилось в 1,6 раза. К концу 2020 года сложилась ситуация, когда стал особенно заметным дефицит рабочей силы в нишах, которые раньше занимали трудовые мигранты [4, 363]. Незадействованный трудовой потенциал иностранных работников стал шире использоваться в теневых схемах найма и трудоустройства.

Во второй год пандемии отдельные отрасли российской экономики стали испытывать нарастающий дефицит рабочей силы. За первые шесть месяцев 2021 года потребность работодателей, заявленная в органы службы занятости населения, возросла на 0,5 млн человек, или почти на 30% [5, 240]. Стала возрастать потребность и в труде мигрантов из-за рубежа. Отдельные отрасли стали испытывать нарастающую нехватку иностранных работников. Возросший дефицит труда мигрантов затронул целый ряд сфер бизнеса, прежде всего строительный сектор.

На фоне роста экономической активности и восстановления авиасообщения с основными странами-донорами трудовых ресурсов (прежде всего с Киргизией, Узбекистаном и Таджикистаном)**,** а также под воздействием миграционной амнистии иностранных граждан произошло резкое увеличение зарегистрированных трудовых мигрантов. В течение второго года пандемии численность иностранных граждан, указавших цель въезда в Россию «работу по найму», оказалась почти в 4 раза больше в сравнении с 2020 годом и в 1,7 раза больше по сравнению с последним допандемийным 2019 годом. В 2021 году количество выданных разрешений на работу иностранным работникам возросло в полтора раза в сравнении с предыдущим годом. Вдвое увеличилось количество оформленных патентов иностранным гражданам и лицам без гражданства.

Пандемиия оказала заметное воздействие на социально-экономическое положение трудовых мигрантов. По данным проведенных нами в российских регионах мониторинговых социологических опросов трудовых мигрантов (в августе 2020 и 2021 годов, N=600), у трети респондентов в период пандемии доход уменьшился на величину от 10% до половины от допандемийного уровня, у 13% респондентов заработки сократились более чем наполовину. Без средств к существованию остался каждый пятый мигрант. Наиболее пострадавшими оказались мигранты с низким профессионально-квалификационным уровнем. В то время как на снижение заработков и полную потерю доходов указали 52% респондентов неквалифицированного труда, среди трудовых мигрантов средней квалификации таких оказалось 45%, а в группе мигрантов высокого профессионально-квалификационного уровня – 39%.

Существенной проблемой для иностранных работников стали риски инфицирования COVID-19. Более четверти респондентов заявили, что в период пандемии болели коронавирусом. Эпидемия продемонстрировала большую уязвимость иностранных работников перед коронавирусной инфекцией в сравнении с местным населением. Слабой защищенности приезжих от коронавируса способствовали такие факторы, как низкие социально-гигиенические стандарты проживания, ограниченный доступ к системе здравоохранения, сложности в получении медицинской и социальной помощи [6, 38]. Свыше 10% респондентов отметили, что не имеют медицинской страховки. К тому же они оказались слабо информированы о мерах по предотвращению коронавирусной болезни и располагали ограниченными ресурсами на приобретение необходимых лекарств, средств защиты и профилактики заболевания.

Высокие риски заражения и распространения коронавирусной инфекции в значительной мере связаны с антисанитарией, низкокачественным и перенаселенным жильем, в котором живут иностранные работники. Огромное количество мигрантов проживает в тесных помещениях с плохими санитарно-эпидемиологическими условиями. Из-за скученности проживания риски заболевания и распространения коронавирусной инфекции у приезжих оказались выше, чем у местного населения.

Несмотря на возросшие трудности в сфере занятости, большинство мигрантов позитивно оценивают свой выбор в пользу России. В основе ориентаций иностранных работников на дальнейшую работу в РФ более значимыми являются социально-экономические факторы, выталкивающие их из государств обычного проживания, чем условия, определяющие их настроения на выезд из страны своего временного пребывания. Многие иностранные граждане и в изменившихся условиях ориентируются на получение российского гражданства. Около трети опрошенных нами мигрантов заявили, что

стремятся и готовы жить в РФ длительное время. Большинство гастарбайтеров (свыше 75%) намерено после отъезда домой опять вернуться в Россию.

В настоящее время в стране реализуется комплекс мер в области защиты населения от COVID-19. Ряд мероприятий осуществляется и в миграционной сфере. На наш взгляд, на рынке иностранного труда могут быть задействованы дополнительные меры. В периоде активной фазы борьбы с коронавирусом трудовых мигрантов следует включать в программы антикризисных мер по смягчению последствий распространения COVID-19. Необходимо принятие решений об использовании резервов системы здравоохранения для обязательной массовой вакцинации иностранных работников. При выдаче разрешительных документов для осуществления трудовой деятельности нужно требовать от трудовых мигрантов документ о прохождении ими вакцинации.

На выходе из пандемии важной представляется разработка и принятие мероприятий, направленных на внедрение упрощенных процедур вхождения на рынок труда квалифицированных работников. Большое значение будет иметь введение балльной системы отбора трудовых мигрантов для получения ими вида на жительство. Вместе с тем, в управлении потоками трудовых мигрантов потребуется и более широкое применению современных цифровых технологий.

Список литературы

1. *Комаровский В. В.* Роль внешней трудовой миграции в миграционной политике России // Социально-трудовые исследования. 2021. № 43(2). С. 19-32.
2. Труд и занятость в России. 2021. Стат. сб./Росстат. М., 2021. 177 с.
3. *Воронина Н. А., Суворова В. А., Волох В. А.* Миграционная политика в новой реальности: выход из пандемии // Власть. 2020. Т. 28. № 4. С. 26-32.
4. *Олейник Е. Б.* Оценка дефицита трудовых ресурсов в России на фоне пандемии // Экономические науки. 2020. № 193. С. 361-366.
5. Социально-экономическое положение России. Январь-ноябрь 2021 года. Федеральная служба государственной статистики. Москва. 402 с.
6. *Цапенко И. П.* Межстрановая мобильность населения в период и после эпидемического шока // Социально-трудовые исследования. 2020. № 40(3). С. 31-43.

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.72 EDN

ЦЕННОСТЬ ЗДОРОВЬЯ И ПРАКТИКИ САМОСОХРАНИТЕЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

Ляликова С. В.
научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦРАН,
Москва, Россия

Аннотация. Статья раскрывает роль здоровья в иерархии ценностных ориентаций населения. Показано, что при номинально высокой значимости ценности здоровья, актуализирующейся в период пандемии, реальные поведенческие практики, нацеленные на формирования здорового образа жизни, не подвергаются существенным изменениям.

Ключевые слова: здоровье, ценности, самосохранительное поведения, COVID-19, здоровый образ жизни

THE VALUE OF HEALTH AND THE PRACTICE OF SELF-PRESERVATION BEHAVIOR DURING THE PANDEMIC

Lyalikova S. V.
Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The article considers the position of health in the hierarchy of value orientations of the population. It is shown that the value of health becomes more significant for people during the pandemic. At the same time, the real behavioral practices aimed at formation of healthy lifestyles do not change significantly.

Key words: health, values, self-preservation behavior, COVID-19, healthy lifestyles

Начало 2020 года было омрачено информацией о распространении COVID-19, который оказал влияние на все сферы человеческой жизнедеятельности. Состояние неопределённости и сложившаяся стрессогенная ситуация оказывают неминуемое влияние на жизненные ориентации индивида, актуализируя его самосохранительное поведение [1]. Здоровье на протяжении последнего десятилетия неизменно выделялось как наиболее важная ценность россиян, причем его значимость усиливалась при формировании жизненных ориентиров, адресованных будущим поколениям [2; 3; 15]. Согласно исследованию СеДОЖ-2019 [3], при ранжировании 15 ценностей от самой значимой до менее важной, «здоровье» возглавило рейтинг жизненных ориентиров для себя с рангом 2,9; при формировании ценностной иерархии для своих детей значение ранга повысилось до 2,4 (чем меньше значение, тем выше ценность), а ответы оказались более однородными (свыше 70% опрошенных присваивали данной ценности первое, второе или третье место). Анализ индекса о наиболее важных сторонах жизни, рассчитанного ВЦИОМ, демонстрирует стабильно высокую позицию «здоровья» в перечне жизненных ориентиров

населения [4; 5]. Исследование 2020 года, реализованного уже после пережитого опыта самоизоляции, карантина и прочих ограничений, показало, что россияне стали больше всего ценить собственное здоровье и здоровье своих родных (18%) [4].

Таблица 1

Наиболее важные стороны жизни (ТОП-3) (Ответ на вопрос: «Насколько для Вас важны следующие стороны Вашей жизни?»), индекс в пунктах

Стороны жизни	2006	2007	2008	2009	2014	2017	*2020*
Состояние Вашего здоровья и здоровья членов Вашей семьи	94	93	96	97	95	99	*99*
Ваша личная безопасность и безопасность членов Вашей семьи	94	93	96	97	97	96	*99*
Отношения в семье	94	94	96	97	97	98	*98*

**Примечание.* Формулировки 2020 года несколько отличались: «Состояние здоровья членов Вашей семьи», «Безопасность членов Вашей семьи».

Источник: Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество? ВЦИОМ. 07 июня 2017. URL: https://clck.ru/Wjh7P (дата обращения: 27.04.2021); Здоровье, безопасность, семья и работа. ВЦИОМ. 14 октября 2020. URL: https://clck.ru/SmabL (дата обращения: 27.04.2021).

Здоровье является главным поводом для переживаний россиян в 2022 году. Согласно данным ФОМ [6], важность здоровья близких возросла с 42% в 2015 году до 54% в 2022 году. Треть опрошенных тревожится за собственное здоровье, причем усиливаются данные страхи с возрастом участников исследования, среди наиболее молодых возрастных когорт – от 18 до 30 лет и от 31 до 45 лет – таковых 27% и 28%, соответственно, а среди лиц старше 60 лет – уже 43%. Если говорить о ситуации в мире, то тревогу, как и в прошлом году, в первую очередь, вызывают массовые эпидемии и COVID-19, данный вариант ответа упомянули 42% опрошенных (к сравнению, в 2019 таковых было вдвое меньше).

Однако актуализация ценности здоровья, зафиксированная в рамках эмпирических исследований, не обязательно сопровождается переориентацией поведенческих практик на поддержание здорового образа жизни. COVID-19 поспособствовал «засилью гиподинамии и нездорового питания, а также выступил катализатором для обострения проблем ментального здоровья» [7, 103]. ВЦИОМ фиксирует, что 21% россиян употребляют в пищу все, что захотят, так как здоровье их не беспокоит, еще 17% признались, что они не могут думать о качестве пищи и едят то, что могут себе позволить [8]. При выборе продуктов питания женщины руководствуются, в первую очередь, ценой (56% к 48% – у мужчин), польза продуктов беспокоит лишь 22% россиян. При этом, во время самоизоляции каждый десятый участник исследования отметил, что стал употреблять менее здоровую пищу

(11%), регулярность приемов пищи снизилась у 12% респондентов, впрочем, у подавляющего большинства опрошенных существенных изменений не произошло (82% и 77%, соответственно). Эксперты из ФГБУ «НМИЦ ТПМ» Минздрава России зафиксировали значительное снижение всех видов активности населения: так, время, затраченное на высокоинтенсивную и умеренную активность, уменьшилось на 12 минут в день, а время на ходьбу сократилось на 20 минут за тот же период [9]. Во время самоизоляции 35% россиян отметили, что не занимались спортом, фитнесом или зарядкой, лишь 15% респондентов стали делать это чаще, чем раньше. В то же время почти треть опрошенных отметила, что в период карантина они стали больше времени уделять просмотру фильмов (28%) [10]. Что касается психического здоровья, то ВОЗ фиксирует, что стремительное распространение COVID-19 способствует повышенному уровню стресса и тревожности среди населения [11]. В Восточной Европе распространённость депрессии в среднем выросла на 29,4%, тревожных расстройств – на 30% [12].

Описанные выше факты показывают, ценность здоровья лишь номинально увеличивается на фоне тревожной повестки, связанной с неблагоприятной эпидемиологической обстановкой и чувством неопределенности. Существенных изменений в поведенческих практиках, нацеленных на формирование здорового образа жизни в приведенных выше исследованиях не обнаружено. При выборе продуктов питания россияне руководствуются, в первую очередь, экономическими мотивами. В условиях ограниченной физической активности свыше трети опрошенных не занимались ни зарядкой, ни фитнесом. Результаты исследования ФОМ показывают, что для предотвращения заболеваний гриппом или ОРВИ в 2021 году каждый пятый опрошенный применял народные средства (21%). В случае заболевания половина участников опроса зачастую лечилась самостоятельно, причем даже при введении уточняющего вопроса: «А сейчас, если у Вас появятся симптомы ОРВИ или гриппа, Вы предпочтёте обратиться к врачу или лечиться самостоятельно?» (2021), число занимающихся самолечением оставалось достаточно высоким (37%) [13]. С 2020 по 2021 годы доля тех, кто считал, что после окончания пандемии коронавируса россияне будут относиться к своему здоровью более внимательно, снизилась на 10 процентных пунктов и составила 46%, смещение произошло в сторону тех, кто отвечал, что в этой сфере ничего не изменится (45%) [14]. В связи с этим нужно уделять особое внимание валеологическому воспитанию подрастающих поколений, закладывая на самых ранних этапах социализации индивида основы здорового образа жизни как неотъемлемой части жизни человека.

Список литературы

1. *Антонов А. И., Гусева М. А.* Диспозиционная регуляция репродуктивного и самосохранительного поведения в нетипичных семьях с больным ребенком // Социальные аспекты здоровья населения. 2019. № 1(65). URL: https://clck.ru/Ss84j (дата обращения: 24.02.2022).
2. Семьецентризм: миф или реальность? / под ред. А. И. Антонова. М. : МАКС Пресс, 2016. 324 с.
3. *Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликова С. В. и др.* Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования. М. : МАКС Пресс, 2020. 486 с.
4. Здоровье, безопасность, семья и работа. ВЦИОМ. 14 октября 2020. URL: https://clck.ru/SmabL (дата обращения: 24.02.2022).
5. Жизненные приоритеты россиян: семья, деньги или творчество? ВЦИОМ. 07 июня 2017. URL: https://clck.ru/Wjh7P (дата обращения: 24.02.2022).
6. Тревоги и опасения людей. ФОМ. 11 февраля 2022. URL: https://fom.ru/Nastroeniya/14685 (дата обращения: 20.02.2022)
7. *Новоселова Е. Н.* Здоровье как ценность и практика: общество, семья, личность. М. : МАКС Пресс, 2021. 359 с.
8. Здоровье – высшая ценность. ВЦИОМ. 09 июня 2020. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-vysshaya-czennost (дата обращения: 20.02.2022).
9. Изучение влияния ограничений по причине COVID-19 на физическую активность населения. ФГБУ НМИЦ ТПМ Минздрава России. 23 февраля 2021. URL: https://clck.ru/cGRxD (дата обращения: 20.02.2022).
10. Досуг на фоне самоизоляции. ВЦИОМ. 15 июня 2020. URL: https://clck.ru/cGS67 (дата обращения: 20.02.2022).
11. Психическое здоровье и COVID-19. URL: https://clck.ru/cGSFJ (дата обращения: 20.02.2022).
12. Пандемия подорвала психическое здоровье миллионов людей. Сеченовский университет. 01 ноября 2021. URL: https://clck.ru/cGSUm (дата обращения: 20.02.2022).
13. Сезонные острые респираторные заболевания – грипп и ОРВИ. 19 ноября 2021. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14648 (дата обращения: 20.02.2022).
14. Жизнь после пандемии: ожидания и прогнозы. ФОМ. 13 января 2022. URL: https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14676 (дата обращения: 20.02.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.73 EDN

ГРЕБНЕВАЯ МОДЕЛЬ ВОЗРАСТНЫХ КОГОРТ И РОССИЙСКАЯ СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В ПАНДЕМИЮ

Медведева Е. И.
д-р экон. наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Крошилин С. В.
канд. техн. наук, доцент, старший научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия;
доцент кафедры математики, физики и медицинской информатики,
Рязанский государственный медицинский университет,
Рязань, Россия

Аннотация. Современные демографические проблемы, как и десять лет назад, обусловлены, прежде всего, изменением возрастной структуры населения. В 2012 году научный коллектив во главе с академиком РАН Н. М. Римашевской разработал «Гребневую (ридж) модель возрастной структуры детей и молодежи», которая на основе эконометрических методов прогнозирования позволяла проанализировать демографическую динамику с изменениями в системе образования. Модель, с определенной долей вероятности, предопределяет количество востребованных мест на всех уровнях системы образования.

Ключевые слова: демографические процессы, возрастная структура, когортный анализ, система образования, социально-экономические проблемы, эконометрическое моделирование

THE RIDGE MODEL OF AGE COHORTS AND THE RUSSIAN EDUCATION SYSTEM IN THE PANDEMIC

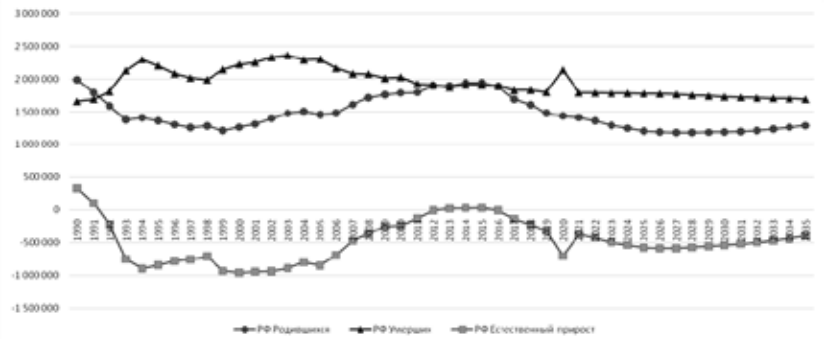
Medvedeva E. I.
Doctor of Economic, Associate Professor,
Leading Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Kroshilin S. V.
Candidate of Technical Sciences, Senior Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia,
Associate Professor, Department of Mathematics, Physics and Medical Informatics,
Ryazan State Medical University,
Ryazan, Russia

Abstract. Current demographic problems, as well as ten years ago, are caused, first of all, by the change in the age structure of the population. In 2012 a research team led by Academician of the Russian Academy of Sciences N.M. Rimashevskaya developed the Ridge model of age structure of children and youth, which, based on econometric forecasting methods, allowed analyzing demographic dynamics with changes in the education system. The model, with a certain degree of probability, determines the number of places in demand at all levels of the education system.

Key words: demographic processes, age structure, cohort analysis, education system, socio-economic problems, econometric modeling

Поступательное развитие современной экономики невозможно без анализа таких демографических показателей, как рождаемость, продолжительность жизни, смертность, количество трудоспособного населения. Сложная демографическая ситуация в России осложняется пандемией коронавируса, которая влияет как на показатели заболеваемости и смертности, так и на другие демографические показатели. Согласно данным РОССТАТа, в 2020 году произошло увеличение смертности в России на 18% (на 340 тыс.). Естественная убыль населения за год составила более 510 тыс. человек и стала рекордной за последние 15 лет (*рис. 1*). На 1 января 2021 года в России, по оценкам Росстата, проживало 146,24 млн человек [1].

**Примечание.* С 2021 года – данные прогноза РОССТАТа (средний вариант).

Рис. 1. Демографические показатели населения России (родившиеся, умершие, естественный прирост), чел.

Источник: Расчеты авторов на основе данных РОССТАТа [1].

С точки зрения будущей экономической активности, избыточная смертность в период пандемии (2020–2021), ограничения, «временная» нетрудоспособность значительной части населения (из-за ковидных ограничений), а также ограничения на работу мигрантов – оказали негативное воздействие. Согласно оценкам специалистов, «демографические эффекты пандемии» снижают реальный ВВП 2021 года на 0,2–0,9%, однако они по большей части краткосрочны. В прошлом году (2021) это было не очень заметно, ввиду наличия других более мощных составляющих и «запаса прочности». В этом году ситуация, с точки зрения экономики, может быть хуже, однако, в долгосрочной перспективе к 2030 году демографический след пандемии снизится до 0,04–0,18%, но не сойдет на нет и через 15 лет после ее окончания (*рис. 1*, правый график) [2].

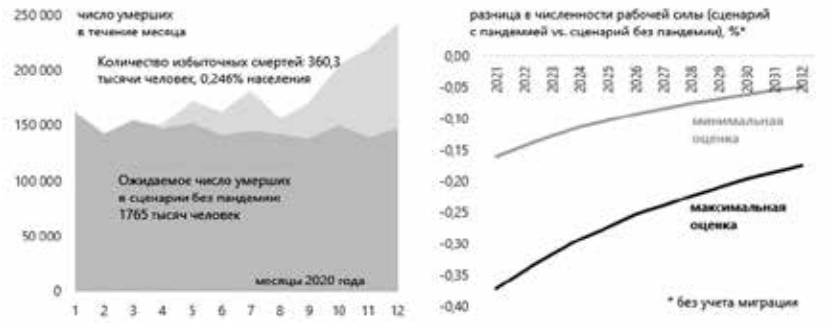

Рис. 2. Избыточная смертность 2020–2021 годов и долгосрочный эффект на численность рабочей силы

Источник: Росстат [1], расчеты АКРА [2].

В краткосрочном периоде демографические эффекты пандемии достаточно велики, но фактически почти не заметны на фоне еще более мощных процессов, таких как «введение противопандемийных мер в экономике». В течение последних 15 лет в трудоспособный возраст вступали в среднем ежегодно по 1,3–1,5 млн человек, тогда как выбывали из него – по 2,1–2,5 млн [3]. К 2020 году численность лиц в трудоспособном возрасте сократится до 79 млн, а численность пожилых возросла до 38 млн человек [4]. В ближайшие 10 лет произойдет дальнейшее постарение населения (*рис. 3*).

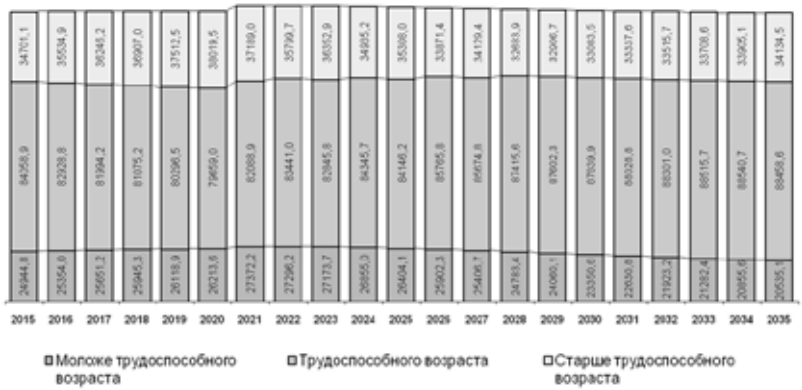

Рис. 4. Прогноз (средний вариант) численности населения по отдельным возрастным группам (на начало года), чел.

Источник: расчеты авторов на основе данных РОССТАТа [5].

Очевидно, что резкое сокращение численности трудоспособного населения будет сопровождаться ростом экономической нагрузки на каждого работающего. Все перечисленное влияет не только на экономическую ситуацию в стране, но и на

«загруженность» и эффективность системы российского образования, которое переживает значительные «вызовы», связанные с пандемией [6]. Однако эффективность организации учебного процесса и эффективная «загруженность» всех уровней российского образования – это задача, которая остается весьма актуальной в настоящее время.

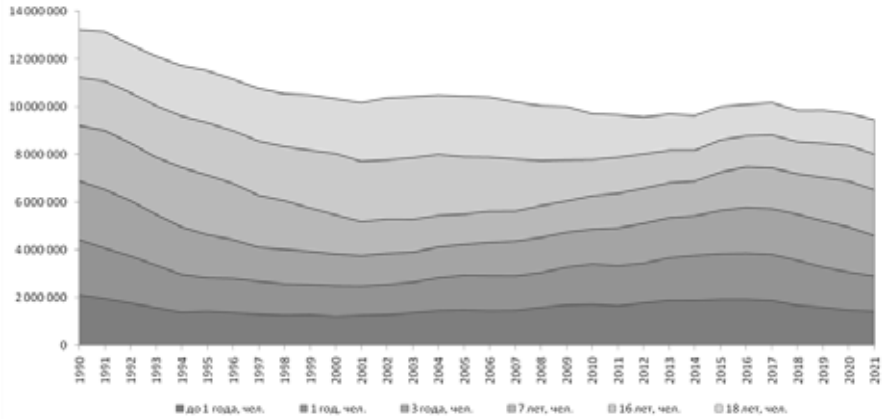
Для решения подобных проблем авторским научным коллективном в 2012 году во главе с академиком РАН Н. М. Римашевской была разработана и предложена к практическому применению «Гребневая (ридж) модель возрастной структуры детей и молодежи» [3, 7, 8], которая на основе эконометрического моделирования позволяет выстраивать модели (в том числе, региональные) возрастной структуры детей и молодежи. Авторский подход позволяет анализировать влияние складывающейся демографической динамики на оптимизацию работы всех уровней системы образования.

Предлагаемый подход к анализу возрастной структуры детей и молодежи (далее – ГМ), представляет собой инструментарий, позволяющий с высокой долей вероятности вычислить количество детей и молодежи определенной когорты на различных уровнях образования. Подробное описание методики построения присутствует в научных публикациях [7, 8]. Приведем полученные результаты сформированного массива данных за период с 1990–2021 год в целом по России (*рис. 5*).

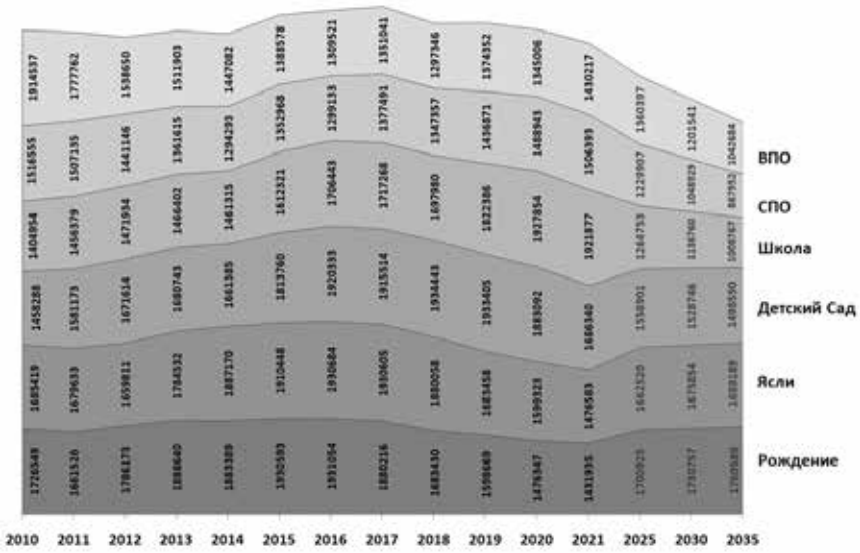
РФ													Прогноз РОССТАТа (средний)			
Российская федер	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024	2025
Численность нас	142 833 563	142 865 433	143 056 360	143 300 000	143 700 000	146 300 000	146 500 000	146 800 000	146 900 000	146 800 000	146 780 000	146 200 000	146 336 900	146 372 400	146 135 900	145 858 300
до 1 года	1 726 540	1 661 226	1 716 173	1 688 640	1 883 389	1 933 599	1 931 054	1 880 216	1 683 430	1 596 669	1 476 347	1 431 935	1 683 026	1 688 993	1 694 959	1 700 925
1 год	1 665 419	1 679 633	1 659 811	1 784 532	1 887 172	1 913 445	1 930 664	1 930 605	1 880 058	1 683 456	1 599 323	1 476 583	1 654 519	1 667 186	1 659 853	1 662 520
3 года	1 458 288	1 561 173	1 611 614	1 680 743	1 661 385	1 813 760	1 920 333	1 915 514	1 934 443	1 933 406	1 883 092	1 686 340	1 576 995	1 570 964	1 564 932	1 558 901
7 лет	1 404 954	1 456 379	1 471 934	1 466 402	1 461 315	1 612 321	1 706 443	1 717 269	1 697 980	1 622 386	1 927 854	1 921 877	1 341 548	1 315 960	1 290 351	1 264 753
16 лет	1 516 555	1 507 135	1 441 146	1 387 618	1 294 283	1 352 968	1 299 133	1 377 491	1 347 387	1 436 871	1 488 940	1 506 393	1 338 493	1 302 296	1 266 102	1 229 907
18 лет	1 914 537	1 777 762	1 638 650	1 511 900	1 447 082	1 388 578	1 309 521	1 351 041	1 297 346	1 374 352	1 345 008	1 430 217	1 456 711	1 423 940	1 392 169	1 360 397

Рис. 5. Формирование массива на основе данных РОССТАТа за период 1990-2010 годы, чел.
Источник: расчеты авторов на основе данных РОССТАТа [9].

Сформированный по различным возрастным группам массив служит основой для эконометрического моделирования при построении Гребневой модели. Для каждой группы детей на основе анализа лаговых эндогенных и экзогенных переменных подбирается собственная зависимость. В результате, на основе эконометрического моделирования определяются функции для каждой из анализируемых групп. Визуализация модели для всех представленных функциональных зависимостей приведена на *рис. 6.*

Визуализация Гребневой модели за период 1990-2021 гг., чел

Прогноз «загруженности» уровней системы образования на 2025, 2030 и 2035 годы., чел.

Рис. 6. Гребневой модели на основе данных 1990-2021 гг. с прогнозом на 2025, 2030 и 2035 годы, чел.

Источник: Расчеты авторов на основе программного обеспечения ГМ [8].

Если сравнить полученные результаты моделирования с данными за 2020 год, то в 2025 году детей в возрасте до 1 года будет на 15,2% больше и до 2035 года этот показатель будет постепенно увеличиваться в среднем на 2% в год. По данным расчетов, в 2025 году в ясли придет на 4% больше детей, чем в 2020 году, но увеличение в долгосрочной перспективе будет незначительным, примерно на 1–2% в пятилетку. Количество детей в детском саду будет сокращаться и в 2035 году их станет меньше на 20%, по сравнению с 2020 годом. Значительное сокращение по количеству возрастных когорт ожидается в системе СПО: к 2030 году оно сократится на треть. Аналогичная ситуация и с системой

высшего образования, однако темпы ниже: на 10% сократится контингент в 2030 году по сравнению с 2020 годом и почти на 22% следует ожидать сокращение к 2035 году. Полученные результаты опираются на данные статистики (и прогнозы Росстата) и отражают лишь общую тенденцию, на которую, безусловно, окажет свое влияние пандемия коронавируса, последствия которой обязательно скажутся на демографических показателях не только нашей страны.

Таким образом, актуальность авторского подхода по построению Гребневой модели, которая на основе эконометрических методов прогнозирования позволяет увязывать демографическую динамику и изменения в системе образования – лишь возрастает. Задачи определения количества детей и молодежи на различных уровнях образования в условиях пандемии и новых вызовов нашему обществу становится еще более значимой.

Список литературы

1. Численность и состав населения // Федеральная служба государственной статистики. Статистика/Официальная статистика/Население/Демография. М. : РОССТАТ. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/12781 (дата обращения: 10.02.2022).
2. Демографические последствия пандемии в России имеют макроэкономический масштаб // Аналитический материал Портала «Arca». URL: https://www.acra-ratings.ru/research/2351/ (дата обращения: 14.02.2022).
3. *Римашевская Н. М., Медведева Е. И., Крошилин С. В.* Гребневая модель прогноза половозрастной структуры детей и молодежи // Народонаселение М. : ИСЭПН РАН. 2014. № 3. С. 57-68.
4. *Доброхлеб В. Г., Медведева Е. И., Крошилин С. В.* Новые подходы к моделированию возрастной динамики численности детей и молодежи // Экономический журнал. М. : РГГУ, Каллиграф. 2014. № 3(35). С. 30-37.
5. Распределение населения по возрастным группам // Федеральная служба государственной статистики. Интерактивная витрина. М. : РОССТАТ. URL: http://cbsd.gks.ru/ (дата обращения 10.02.2022).
6. *Крошилин С. В.* Профессиональное образование в условиях пандемии и после нее // Стратегия и тактика социально-экономических реформ: национальные приоритеты и проекты: материалы IX Всероссийской науч.-практ. конф. с международным участием, г. Вологда, 10–11 декабря 2020 г. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2021. С. 281-283.
7. *Медведева Е. И., Крошилин С. В., Римашевская Н. М.* Региональная гребневая модель для оптимизации системы образования // Народонаселение. М. : ИСЭПН РАН. 2016. № 4(74). С. 39-46.
8. Гребневая модель возрастной структуры детей и молодежи «Ridge Model ver.1.0» // Крошилин С. В., Медведева Е. И. / Свидетельство об официальной регистрации программы для ЭВМ в РОСПАТЕНТ, №2018613095 от 02.03.2018.
9. Численность постоянного населения по возрастам на 1 января по регионам // Федеральная служба государственной статистики. Интерактивная витрина. М. : РОССТАТ. URL: http://cbsd.gks.ru/ (дата обращения: 10.02.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.74 EDN

КАК ИЗМЕНИЛСЯ РЫНОК ТРУДА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ВО ВРЕМЯ ПАНДЕМИИ COVID-19

Муртазалиева Д. Д.
канд. экон. наук, доцент, научный сотрудник,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

Аннотация. В статье описываются изменения, произошедшие на рынке труда в период пандемии COVID-19. На основе данных различных исследований проводится анализ процессов освоения все более широкими слоями населения, особенно молодежью, новых трудовых тенденций рынка.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, рынок труда, безработица, фриланс

HOW THE LABOR MARKET IN THE NORTH CAUCASUS HAS CHANGED DURING THE COVID-19 PANDEMIC

Murtazalieva D. D.
Candidate of Economics, Associate Professor,
Researcher,
ISESP FCTAS RAS,
Moscow, Russia

Abstract. The article shows what changes have occurred in the labor market during the COVID-19 pandemic. Basing on the data of various studies, the article analyzes the process of mastering new labor market trends by more and more broad segments of the population, especially young people

***Key words*:** COVID-19 pandemic, labor market, unemployment, freelance

Начавшаяся в 2020 году пандемия закономерно изменила мир, внесла свои коррективы в привычную жизнь людей и в мировой рынок труда. Многие люди остались без работы и были вынуждены приспосабливаться к новому образу жизни, а интернет стал необходимой и жизненно важной средой [1]. За время пандемии изменилось парадигмальное направление рынка труда.

Еще 2 года назад число безработных в мире составляло 188 млн человек, а общий уровень безработицы – 5,4%. В 2020 году масштабы мировой безработицы увеличились на 33 млн человек, достигнув уровня в 6,5%. В августе 2021 года была зафиксирована положительная динамика в сравнении с прошлым годом – снижение до 6,2%, однако, процент безработных в мире все еще значительно больше допандемийного времени.

Так, в России численность незанятых граждан, состоящих на учете в органах службы занятости населения в целях поиска подходящей работы на конец июня 2021 года (по данным Федеральной службы по труду и занятости) составила 1 415,5 тыс. человек, из них 1 182,2 тыс. человек – зарегистрированных безработных граждан. На первом месте –

Центральный Федеральный округ (257 тыс. человек) [2]. Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) занимает второе место – это 248 тыс. незанятых граждан, из них 236 тыс. человек – безработные граждане. Во II квартале 2021 года численность безработных в возрасте 15 лет и старше, по данным выборочного обследования рабочей силы, по СКФО составила 600 тыс. человек, что переместило его на 3-е место среди всех округов. Больше всего безработной молодежи в Дагестане, это 214,5 тыс. человек [2]. Республика считается традиционно трудоизбыточной (*табл. 1*).

Таблица 1

Нагрузка незанятого населения, зарегистрированного в органах службы занятости населения, на 100 заявленных вакансий по федеральным округам Российской Федерации на конец июня 2021 года

Округи	Человек	В % к июню 2020 г.
ЦФО	52	24,2
СЗФО	58	27,5
ЮФО	56	21,9
СКФО	531	43,6
ПФО	55	25,4
УФО	67	31,4
СФО	57	38,0
ДФО	43	51,6

Источник: Официальные данные Росстата// Росстат. URL: http://rosstat.gov/ru/ (дата обращения: 20.02.2022).

Показатели конкуренции (количество резюме на одну вакансию) показаны в *табл. 2*: такое соотношение на рынке труда в округе считается нормой.

Таблица 2

Потребность в работниках, заявленная работодателями в органы службы занятости населения, по федеральным округам Российской Федерации на конец июня 2021 года

Округи	Тыс.человек	В % к июню 2020г.
ЦФО	496	152,2
СЗФО	219	156,2
ЮФО	251	168,9
СКФО	47	161,5
ПФО	417	147,2
УФО	183	145,2
СФО	346	135,9
ДФО	229	109,4

Источник: Официальные данные Росстата// Росстат. URL: http://rosstat.gov/ru/ (дата обращения: 20.02.2022).

В округе, где сложилась благополучная ситуация с рождаемостью, безработица также имеет высокие показатели. Такая тенденция, как фриланс, является спасительным решением проблемы. В острую фазу пандемии компании были вынуждены оптимизировать расходы, сокращать штаты сотрудников. В результате часть работников вышла на рынок

фриланса. Фрилансерами в округе сегодня чаще всего становятся люди творческих профессий: журналисты, дизайнеры, фотографы, а также специалисты в сфере ИТ-технологий и маркетинга. Так, по данным компании HeadHunter [3; 4; 5; 6], в первом квартале текущего года ситуация на рынке труда Северного Кавказа показывала, что самыми востребованными у работодателей СКФО оставались специалисты в следующих профессиональных областях: «продажи» – 37% от общего количества вакансий за этот период на hh.ru в округе; рабочие – 12%; специалисты производственной сферы – 10%, административный персонал – 9% и работники транспортно-логистической сферы – 8%.

В этот пандемийный период активно искали работу молодые специалисты – количество резюме таких кандидатов составило 20% от общего числа на hh.ru в округе в первом квартале 2020 года. Соискатели вели поиски мест трудоустройства в профессиональных областях «Продажи» (19%), «Административный персонал» (7%), «Транспорт/Логистика» (6%) и «Бухгалтерия/Управленческий учет» (6%). А уже в апреле, на рынке труда СКФО были заметны изменения. Работодатели региона продолжали искать рабочих, специалистов по продажам, работников производственной и транспортно-логистической сферы, но в этот период максимально вырос спрос на медиков, которые и до пандемии были в регионе в большом дефиците, впрочем, как и по всей стране. Спрос на специалистов сферы «Медицина/Фармацевтика» в апреле увеличился на 65% к марту текущего года и на 80% к аналогичному месяцу прошлого года. Требовались как врачи общей практики, так и врачи-эксперты, младший медперсонал, провизоры, фармацевты. В июле на Северном Кавказе возросло число резюме в таких профессиональных областях, как «Искусство/Развлечения/Масс-медиа» (+59% к аналогичному месяцу 2019 года), «Спорт/Индустрия красоты» (+16%), «Административный персонал» (+23%), «Туризм/Гостиничный бизнес» (+30%), «Маркетинг/Реклама/PR» (+32%). Это доказывает, что кризис повлиял на рост предложения на рынке фриланса, изменил сам рынок труда.

В результате пандемии, 53% предприятий заявили, что удаленная работа повысила их готовность пользоваться услугами фрилансеров, а 71% компаний планируют продолжать привлекать фрилансеров в будущем. У фрилансеров здесь возникают дополнительные возможности. Большинство работ совершается онлайн, то есть работник, выполняя тот или иной заказ, может находиться, где угодно, что открывает большие возможности для населения, особенно для такого региона, как Северный Кавказ, где уровень социально-экономического положения населения оставляет желать лучшего.

Список литературы

1. *Жеребин В. М., Алексеева О. А., Ермакова Н. А.* Интернет-занятость как новая форма трудоустройства населения // Народонаселение. 2016. № 1(71). С. 67-78.
2. Росстат. URL: http://rosstat.gov/ru/ (дата обращения: 20.02.2022).
3. Есть ли жизнь во фрилансе: как пандемия отразилась на свободной работе. URL: https://finance.rambler.ru/economics/45164451/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 20.02.2022).
4. В офис? Не хочу! На Северном Кавказе стало больше фрилансеров. URL: https://rg.ru/2017/01/31/reg-skfo/na-severnom-kavkaze-stalo-bolshe-frilanserov.html (дата обращения: 20.02.2022).
5. Фриланс 2021: итоги года и прогноз на 2022. URL: https://blog.kwork.ru/rynok-frilansa/frilans-2021-itogi-goda-i-prognoz-na-2022 (дата обращения: 20.02.2022).
6. Ирина Веретенникова: «2020 год безвозвратно изменил рынок труда». URL: https://severniykavkaz.ru/articles/portret-regiona/irina-veretennikova-2020-god-bezvozvratno-izmenil-rynok-truda/ (дата обращения: 20.02.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.75 EDN

КРИЗИС ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОЙ ПАНДЕМИИ: УРОКИ РИМАШЕВСКОЙ

Овсянников А. А.
д-р экон. наук, профессор,
РАНХиГС,
Москва, Россия

Аннотация. Коронавирусная пандемия приобрела характер мирового бедствия. Она вынуждает миллиарды людей на Земле искать пути приспособления и выживания. Пандемия очень болезненно проходит и в России. Исследование показывает трансформацию рынка потребления. Понимание происходящих процессов, их моделирование и возможные решения можно обнаружить в трудах выдающегося российского социолога и экономиста профессора Римашевской.

Ключевые слова: пандемия, тотальность угроз, ресурсы выживания домохозяйств, уроки профессора Римашевской

THE CRISIS OF CONSUMER SOCIETY IN THE ERA OF A GLOBAL PANDEMIC: RIMASHEVSKAYA'S LESSONS

Ovsyannikov A. A.
Doctor of Economics, Professor,
RANEPA,
Moscow, Russia

Abstract. The coronavirus pandemic has become a global disaster. It forces billions of people on Earth to look for ways to adapt and survive. The pandemic is also very painful in Russia. The study shows transformation of the consumer market. An understanding of the ongoing processes, their modeling and possible solutions can be found in the works of the outstanding Russian sociologist and economist Professor Rimashevskaya.

Key words: pandemic, totality of threats, household survival resources, Professor Rimashevskaya's lessons

Глобальная пандемия стала менять мир людей. Этот мир стал приобретать и осваивать культуру катастрофического бытия. Исследования Левады – Центра установили, что катастрофические ожидания стали приобретать свойства нормальности [1]. В таких условиях особо возрастает роль государства по мобилизации ресурсов здравоохранения на преодоление пандемии и защиты населения. Настроения и отношение к пандемии тех, кто причастен к бизнесу в сфере здравоохранения, выразила владелица косметологической компании в Москве в неформализованном интервью (февраль, 2021 год): «Нам нужна прививка не только от ковида, но и от новой нормальности, которая так притягательна для тех, кто видит в человеке не личность, а часть рабочей силы или населения. Сейчас никто не может сказать, что будет к концу этого года. Такая ситуация крайней неопределённости является признаком военного времени. Мы действительно находимся практически на поле боя. Самое обидное состоит в том, что государство нас просто бросило».

Можно уверенно утверждать, что СМИ сегодня являются производительной силой нового постиндустриального производства. СМИ – это и средства создания общественного мнения, моды и новых образцов культуры. Вот и нынешний кризис пандемии формируется не только медико–биологическими законами распространения инфекции и способами её преодоления, но и СМИ, распространяющими как научные сведения о пандемии, так и мифы, и откровенную ложь. Государство не смогло мобилизовать население на борьбу с пандемией. На сегодня у нас самый низкий в Европе уровень вакцинации населения (61%).

Цивилизация, созданная людьми, стала пожирать своих создателей. Этот кризис материализуется в продовольственном кризисе, в стремлении к контролю развитых стран мира над энергетическими ресурсами Земли, над водными и морскими ресурсами. Земля перенаселена. Эпидемия коронавирусной инфекции обсуждается в прессе и как искусственно созданная биологическая война, проводимая с целью уменьшить население Земли до уровня комфортных 3–4 млрд человек.

Экологические последствия стремительного развития «обществ потребления» вызывают тревогу, формируя алармистские движения антиглобалистов и консьюмеристов. Оказавшись перед лицом пандемии, россияне стали менять свои стандарты потребительского поведения. Исследование Future Consumer Index [2] показало, что потребителей во время пандемии можно разделить на четыре категории. Это стратегические сегменты коронавирусного потребительского рынка.

Первый тип – «Сохранять спокойствие и продолжать жить дальше». К этой категории себя отнесли 36% домохозяйств. Их жизнь, привычки и расходы практически не изменились. Второй тип – «Экономить и запасаться»: треть домохозяйств (31%) настроены очень пессимистично, поэтому начали ощутимо урезать свои расходы. Третий тип – «Залечь на дно»: 18% домохозяйств стали относиться к пандемии, как к социальной напасти, как к природной катастрофе. Они стали запасаться необходимыми для жизни товарами. Четвертый тип – «Резко сокращать расходы»: 15% домохозяйств сильнее других пострадали от коронавирусной пандемии. Они стали намного реже совершать покупки и тратить деньги только на самое необходимое.

В мире уже осознана важность изменить глобальную модель потребления. Сегодня обсуждаются с разной степенью интенсивности четыре модели перехода к рациональному потреблению.

Первая модель. Её сторонники считают решением проблемы чрезмерного потребления переход к модели циркулярной экономики [3]. В этой модели потребления отходы потребления не выбрасываются из системы, а повторно используются и регенерируются.

Вторая модель требует диктаторских силовых механизмов концентрации ресурсов планеты и механизмов их распределения. Для этого необходимо властное Мировое правительство. Наиболее внятно переход к такой модели рационального потребления изложил известный экономист Г. Х. Попов: «Нужна передача под глобальный контроль всего человечества всех богатств недр нашей планеты. Должны быть установлены жесткие предельные нормативы рождаемости. Нельзя, чтобы быстрее всех плодились нищие. Эти меры позволят регулировать размеры индивидуального потребления» [4].

Третья модель разработана под эгидой ООН в рамках глобальной стратегии устойчивого развития. Эта модель в последней редакции изложена в «Докладе о ходе осуществления Десятилетней стратегии действий по переходу к использованию моделей рационального потребления и производства», принятой на сессии ООН в 2017 году [5].

Четвёртая модель ограничения и рационализации потребления основана на системе научно обоснованных норм потребления. Опыт построения экономики с такой моделью потребления был накоплен в Советском Союзе. Его инструментом стал дифференцированный баланс доходов и потребления. Баланс отражал структуру доходов и расходов по группам семей с разным уровнем душевых доходов. Лидерами этого направления были Н. М. Римашевская и А. Х. Карапетян. Их идеи развивали такие ученые, как Л. А. Мигранова, Г. Н. Волкова, А. А. Алиев и другие. Оказалось, можно не просто говорить о росте благосостояния, но и измерять его и управлять этим ростом.

Поиски модели устойчивого рационального потребления и производства стали особенно обострёнными в годы массовой пандемии. Стало понятным, что рынок уже не может развиваться по моделям не регулируемой экономики либерального типа без ограничений на потребление на рынках. Профессор Римашевская всегда рассматривала потребление человека как сферу его социальной деятельности. Масштаб этой деятельности зависит от трудового вклада людей и их доходов. Государство же обязано соблюдать минимальный стандарт потребления в любых обстоятельствах, в том числе и таких, как мировая пандемия. В таких обстоятельствах важна организация защиты населения. Она явно неудовлетворительна. Смертность в России за 2021 год выросла на 15,9% по сравнению с 2020 годом. Весь прирост летальных исходов связан с коронавирусом. За это время смертность превысила 2,4 млн человек, а убыль населения превысила миллион человек. С диагнозом COVID-19 скончалось 406 000 человек [6].

Бедность несовместима с демократией. И сегодня, уже после смерти Натальи Михайловны, слышен вовсе не слабый её голос из речи, произнесённой на Президиуме РАН в 2007 году: «Социальная поляризация – это позор нашей страны!». В обществе, где столько

бедных, где столько человеческого несчастья, не может быть места самодовольному успокоению.

Вся жизнь Натальи Михайловны – это стремление доказать, что «богатства» народа и государства не измеряются объёмами произведённого ВВП. Богатство нации – это люди. Их трудолюбие, образованность и здоровье. Их уверенность и надежды. Их дети и достойная жизнь пенсионеров. Счастье материнства и гордость отцовства. Люди – вот главная тема исследований профессора Римашевской и её завещание о сбережении народа.

Список литературы

1. Ковид в головах: что думали россияне о пандемии, карантине и вакцинации. URL: https://www.levada.ru/2020/09/07/kovid-v-golovah-chto-dumali-rossiyane-o-pandemii-karantine-i-vaktsinatsii/ (дата обращения: 15.02.2022).
2. Тренды поведенческой экономики: как «коронование» россиян изменило потребительский рынок. URL: https://snob.ru/entry/202138/ (дата обращения: 15.02.2022).
3. Циркулярная экономика: что это такое, где распространена и какое место занимает в России. URL: https://viafuture.ru/sozdanie-startapa/tsirkulyarnaya-ekonomika (дата обращения: 15.02.2022).
4. Попов Г. Х. URL: http://www.mk.ru/blogs/idmk/2009/03/25/mk-daily/401208 (дата обращения: 15.02.2022).
5. Доклад о ходе осуществления Десятилетней стратегии действий по переходу к использованию моделей рационального потребления и производства // ООН. Материалы сессии 10-19 июля 2017 года. URL: https://www.oneplanetnetwork.org/sites/default/files/russina.pdf (дата обращения: 15.02.2022).
6. Естественная убыль населения в России за год превысила 1 млн человек. URL: https://www.rbc.ru/economics/28/01/2022/61f3bbaa9a794767f04fdaa7 (дата обращения: 15.02.2022).

DOI 10.19181/konf.978-5-89697-399-7.2022.76 EDN

ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ НА ИНВЕСТИЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ

Разов П. В.
д-р соц. наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия

Аликперова Н. В.
канд. экон. наук, доцент,
ИСЭПН ФНИСЦ РАН;
ведущий научный сотрудник,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия

Аннотация. Наблюдаемые масштабные преобразования в нашей стране, связанные с мягкой денежно-кредитной политикой Банка России, поддерживающего на протяжении последнего времени курс на снижение ключевой ставки; роста финансовой осведомленности населения; масштабной цифровизации рынка, способствующей повышению его доступности для широких слоев населения и т. д. – послужили толчком к повышению инвестиционной активности населения России. В данной статье авторами проводится анализ факторов, способствующих динамичному росту числа частных инвесторов, а также рисков на финансовом, в частности, фондовом рынке.

Ключевые слова: инвестиционные стратегии, инвестиции, фондовый рынок, финансовая грамотность, финансовое поведение, инвестиционное поведение, частный инвестор

FACTORS INFLUENCING THE INVESTMENT BEHAVIOR OF POPULATION

Razov P. V.
Doctor of Sociology, Professor,
Financial University under the RF Government
Moscow, Russia

Alikperova N. V.
Candidate of Economics, Associate Professor,
ISESP FCTAS RAS;
Leading Researcher,
Financial University under the RF Government
Moscow, Russia

Abstract. The observed large-scale transformations in our country associated with the soft monetary policy of the Bank of Russia, which has recently been supporting the policy of lowering the key rate; the growth of financial awareness of the population; large-scale digitalization of the market, which contributes to its increasing accessibility to broad strata of population, etc., have served as an impetus to increase the investment activity of the Russian population. In this article, the authors analyze the factors contributing to the dynamic growth of the number of private investors, as well as the risks in the financial, in particular, the stock market.

Key words: investment strategies, investments, stock market, financial literacy, financial behavior, investment behavior, private investor

Экономическая ситуация в России претерпевает постоянные изменения в связи с различными мировыми событиями, в том числе: обострением отношений с

соседствующими странами, странами Запада, пандемией COVID – 19, экологическими катастрофами, набирающей колоссальные темпы инфляциией национальной валюты, снижением доходов населения и многими другими негативными предпосылками. Отсутствие стабильности в экономическом секторе нашей страны по сей день сохраняется как одна из преобладающих тенденций российского общества, что влечет за собой и последствия социальные – повышение социальной напряженности и растущие противоречия между властью и обществом.

С точки зрения перспектив развития Российской Федерации исследования различных аспектов трансформации финансового поведения населения становятся особенно актуальными [1], в частности, когда речь идет о финансовом поведении молодежи, которая будет предопределять и задавать темпы и направления формирования и развития финансового рынка в будущем. Учитывая то, что Государственная дума в 2020 году приняла закон о молодёжной политике в РФ, который повышает возраст молодых людей до 35 лет включительно, достаточно высокий процент представителей данной возрастной категории на сегодняшний день представляет собой активных субъектов утверждения оперативных и стратегических координационных решений на финансовых рынках. Вследствие чего, приоритетным является выявление установок молодого поколения в отношении денег, а также управления денежными средствами [2], в частности, особенно актуальным и острым, с точки зрения ментального и финансового здоровья граждан, является исследование инвестиционных стратегий молодежи как способа улучшения материального положения в будущем, а также рисками и барьерами, с которыми молодежь может столкнуться на этом пути.

Относительная стабилизация, которую мы могли наблюдать в последние месяцы, к сожалению, не улучшает положение российской экономики - её состояние по сей день характеризуется как сложное, что негативно отражается на уровне благосостояния большинства людей, среди которых преобладающий процент молодежной аудитории. Вспышка пандемии COVID–19 достаточно ощутимо вывела из строя все сферы общественной жизни: подорвала экономику почти всех стран мира, изменила устойчивый и привычный уклад людей, иной раз кардинальным образом отразилась на привычках людей, повлияла на мировоззрение и ценности, взаимодействие, коммуникации между людьми, дав мощный толчок массовому продвижению информационно-коммуникационных технологий, что создало потребности в получении новых знаний в различных сферах жизни, в частности, в области грамотного управления своими активами и имеющимися финансовыми средствами, что породило огромный интерес к фондовому рынку и, как следствие, бум притока частных инвесторов (среди которых основную часть

представляет именно молодежь) на российский фондовый рынок для поиска новых возможностей в целях улучшения своего благосостояния.

За двадцать с лишним лет, включающие преобразования в 1990-х годах, отношение современной молодежи к деньгам изменилось и продолжает трансформироваться, чему способствуют новейшие ценностно-нормативные ориентиры, изучение «чужих» стереотипных утверждений «опережающего потребления», развитие спектра инструментов для повышения материального благополучия населения, повышения уровня личной ответственности человека за свое финансовое настоящее и будущее [3; 4].

Трансформацию стратегий финансового поведения среди российской аудитории, в частности, смещение фокуса в сторону инвестирования в фондовый рынок подтверждает и тот факт, что за последнее время в России наблюдается приток розничных инвестиций. Доля населения, участвующего в операциях на фондовом рынке и владеющего ценными бумагами, неуклонно растет. Это стало следствием своеобразного сочетания различных факторов и обстоятельств.

Основные факторы, подтолкнувшие физических лиц в России к выходу на фондовый рынок, соответствуют мировым тенденциям – поиск большей доходности в условиях снижающихся процентных ставок, снижение входного порога на фондовый рынок за счет цифровизации, повышение среднего уровня финансовой грамотности, с одной стороны, и обеспечение прозрачности работы рынка и защиты прав инвесторов, с другой стороны.

Макроэкономическая политика и последствия пандемии

После резкого повышения ключевой ставки в конце 2014 года российская экономика вошла в цикл смягчения денежно-кредитной политики, уровень процентных ставок в экономике начал снижаться. За 2015–2021 годы доходность вкладов в банках снизилась почти вдвое, что привело к устремлению фокуса части населения в сторону фондового рынка.

Кроме того, одним из дополнительных факторов роста числа розничных инвесторов могло быть введение с 1 января 2021 года налога на процентный доход по депозитам физических лиц, а также возвращение налога на доходы от облигаций, в том числе ОФЗ. Такое изменение могло подтолкнуть группу инвесторов, сберегавших средства на вкладах, к переходу на ИИС.

Однако в марте 2021 года начался цикл ужесточения денежно-кредитной политики, к ноябрю 2021 года ставка выросла с 4,25% до 7,5%, а в конце февраля 2022 года на фоне санкций со стороны Запада, ЦБ был вынужден повысить ставку до рекордных 20%, при этом заявлений об окончании цикла не было – вероятно и дальнейшее повышение ставки. Вопрос о том, вернутся ли физические лица к более привычным инструментам сбережения

средств [5] или останутся на фондовом рынке становится более прогнозируемым, учитывая и тот факт, что фондовый рынок на конец февраля 2022 года «просел» в среднем на 50%. Кроме того, экономические санкции подводят россиян к тому, что доступ к иностранным ценным бумагам может быть заблокирован.

Снижение барьеров: цифровизация и финансовая грамотность [6]

Облегчение доступа к фондовому рынку, с одной стороны, и к качественной информации о финансово-грамотном поведении на бирже, с другой стороны, обеспечили снижение барьеров входа на фондовый рынок для физических лиц.

Одним из толчков для массового входа на рынок розничных инвесторов стало появление мобильных приложений для ведения брокерских счетов и ИИС. В 2016 году появилось приложение «Альфа-Капитал» с функцией удаленного открытия счета, затем в гонку включились и другие брокеры, позже вышли современные лидеры «Сбербанк Инвестор», «ВТБ Мои инвестиции», «Тиньков инвестиции».

Параллельно с развитием инвестиционных приложений в России реализовывалась государственная программа повышения финансовой грамотности, а крупные игроки рынка запускали свои образовательные продукты, направленные на повышение финансовой и инвестиционной грамотности.

Как результат, с 2017 по 2020 годы, по данным исследования ФОМ, доля имеющих финансовую подушку безопасности повысилась с 37% до 47%, информированность об организациях, защищающих права граждан на финансовом рынке, выросла с 38% до 50%, увеличилась доля понимающих суть ссудного процента – с 68% до 76%. Доля людей, доверяющих инвестиционным брокерам, выросла за два последних года с 12% до 18%.

Обеспечение прозрачности рынка и безопасности неквалифицированных инвесторов

Российский регулятор проделал большой объем работы по повышению прозрачности финансового рынка и выработки превентивных мер по предупреждению массовых финансовых потерь среди неквалифицированных инвесторов.

Летом 2020 года был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "О рынке ценных бумаг" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 306-ФЗ, который закрепляет обновленный порядок присвоения статуса «квалифицированный инвестор» и ограничивает доступ к приобретению ряда финансовых инструментов и услуг для неквалифицированных инвесторов. С 2019 года было принято 12 базовых стандартов защиты прав и интересов физических и юридических лиц - получателей финансовых услуг, которые, в том числе, регламентируют порядок тестирования неквалифицированных инвесторов. Летом 2021

года Банк России опубликовал результаты двух поведенческих экспертиз: тестирования неквалифицированных инвесторов и уведомления неквалифицированных инвесторов о рискованном поручении, и утвердил порядок тестирования неквалифицированных инвесторов.

Тестирование уровня знаний инвестора направлено на выявление понимания инвестором ряда финансовых инструментов (11 видов сделок) и предупреждение неоправданных ожиданий в отношении финансового инструмента и собственных возможностей. Тестирование проводит брокер, вопросы представлены в одном из базовых стандартов, брокер не имеет право менять вопросы (всего 51 вопрос). Вопросы не изменяются, а количество попыток для прохождения тестирования не ограничено, поэтому справиться с тестированием потенциальным инвесторам будет не сложно.

Тем не менее, несмотря на динамичное развитие финансового, в частности, фондового рынка и, как следствие, рост числа розничных инвесторов, существует ряд барьеров как ресурсных: а) отсутствие необходимых полноценных знаний о возможностях фондового рынка, и б) небольшой размер располагаемых денежных средств, не позволяющий извлекать высокий доход, так и внешних: жесткая экономическая санкционная политика со стороны Запада и, как следствие, нестабильность на финансовом, в частности, фондовом рынке.

События последних нескольких лет – снижение ставок, пандемия, цифровизация – подтолкнули российских граждан к выходу на фондовый рынок, уровень участия индивидуальных инвесторов вырос быстро и ощутимо. При этом число физлиц на бирже остается значительно более низким, чем в развитых странах, и до историй «мобилизации» российских индивидуальных инвесторов, приводящих к драматическим последствиям для рынка, вероятно, еще далеко.

Кроме того, текущая социально-экономическая нестабильность, вызванная вышеперечисленными факторами, вскрывает ряд потенциально важных проблем, с которыми уже сегодня могут столкнуться частные инвесторы. Особенно эти проблемы могут быть ощутимы для молодой аудитории в силу недостаточности опыта, а в некоторых случаях и знаний, которые могут повлечь за собой не только сложности финансового характера, но и спровоцировать проблемы с ментальным здоровьем в силу психологических и психических особенностей, присущих данному возрасту. Нынешнее падение рынка станет для многих шоком, так как новички заходили на рынок на его растущей фазе и не были готовы к серьезным убыткам, что, крайне вероятно, может привести к разочарованиям в инвестировании, отказа от данного инструмента вовсе и нежелании прибегать к нему в будущем даже при благоприятных условиях [7].

Для стабилизации ситуации, связанной с самочувствием частных инвесторов, в настоящее время регулирующим органам важно повысить защищенность потребителей финансовых услуг и инвесторов [8], обеспечить финансовую стабильность, а также реализовать иные мероприятия исходя из глобальных и национальных экономических, технологических и социальных трендов. Кроме того, несмотря на нестабильность экономической ситуации в целом по стране и фокус на стабилизацию, рекомендовано продолжать деятельность по всем направлениям поддержания ментального и финансового здоровья граждан [9].

Список литературы

1. *Аликперова Н. В., Ярашева А. В.* Финансовое поведение населения России. Саарбрюккен: LAP LAMBERT, 2016. 131 с.
2. *Ярашева А. В.* Поведенческая экономика: исследование ожиданий и стратегий населения // Экономика и управление. 2020. Т. 26, № 3 (173). С. 264–272. DOI 10.35854/1998162720203264272.
3. *Сулакшин С. С.* Динамика портрета современной российской молодежи / С. С. Сулакшин, Н. А. Хвыля-Олинтер, Л. И. Кравченко. М. : Наука и политика, 2016. 40 с. (Труды центра научной политической мысли и идеологии).
4. *Аликперова Н. В.* Финансовое просвещение россиян: классификация целевых групп // Уровень жизни населения регионов России. 2020. Т. 16, № 2. С. 42–50. DOI 10.19181/lsprr/2020.16.2.4.
5. *Ярашева А. В.* Экономические ожидания населения: копить или тратить? // Доходы, расходы и сбережения населения России: тенденции и перспективы. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции (Москва, 3 декабря 2019 г.) / Под науч. ред. А. В. Ярашевой, О. А. Александровой, Н. В. Аликперовой. М. : ИСЭПН ФНИСЦ РАН, 2020. С. 296–299.
6. *Аликперова Н. В.* Монетарные установки молодежи в условиях социально-экономической нестабильности // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17, № 3. С. 372–381. DOI 10.19181/lsprr.2021.17.3.7.
7. *Аликперова Н. В.* Молодежь как «мягкая сила» и деньги в современном мире / Н. В. Аликперова , К. В. Виноградова // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13, № 6. С. 96–109. DOI 10.26794/1999-849X-2020-13-6-96-109.
8. *Медяник О. В.* Фактор экономической безопасности личности в регулировании инвестиционного поведения граждан // Политика и общество. 2019. № 5. С. 18–25. DOI 10.7256/2454-0684.2019.5.25437.
9. *Аликперова Н. В.* Финансовые стратегии россиян: риски и барьеры // Народонаселение. 2019. № 2. С. 120–132. DOI 10.24411/1561-7785-2019-00020.

Научное издание

СБЕРЕЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: ЗДОРОВЬЕ, ЗАНЯТОСТЬ, УРОВЕНЬ И КАЧЕСТВО ЖИЗНИ

Материалы международной научно-практической конференции
V Римашевские чтения
Москва, 29 марта 2022 года

Редактор М. В. Беликова

ISBN 978-5-89697-357-7

Издатель:
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5.
Тел.: (499)125-00-79, e-mail: fnisc@fnisc.ru

Подписано в печать 11.11.2022
Тираж 500 экз.
Усл. п. л. 24,5
Заказ № 24079
ООО «Фабрика Офсетной Печати»
www.fop.ru

ISBN 978-5-89697-399-7

